ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

1592-1670

·PRAGA·

IOHAN-AMOS COMENIVS, MORAVVS. A° ÆTAT 50. 1642

D. LORDKIPANIDZE

JAN AMOS KOMENSKÝ

1592-1670

*

VYDAVATELSTVÍ
»PEDAGOGIKA«
MOSKVA 1970

Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

1592-1670

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
»ПЕДАГОГИКА«
МОСКВА 1970

37 И
Л 78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук СССР

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

Научный редактор —
А. И. ПИСКУНОВ

Лордкипанидзе Д. О.

Л 78 Ян Амос Коменский. Изд. 2-е. [Науч. ред. А. И. Пискунов]. М., «Педагогика», 1970.

с. с порт.

В монографии освещены жизнь и творчество великого чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского.

Книга предназначена для научных работников, аспирантов и студентов педвузов. Она также поможет учителям и другим работникам просвещения в повышении их педагогической культуры.

6-3
Б3-№ 19-1970 г.-№ 5

37 И

У Коменского очень много такого, что ценно для нас с точки зрения социализма... Коменский хотел достигнуть всеобщего мира и счастья... Проповедовал идеи самого широкого демократизма.

Н. К. Крупская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гениальный сын чешского народа, педагог-классик, основоположник педагогической науки, великий мыслитель, патриот, демократ-гуманист и самоотверженный борец за мир между людьми, Ян Амос Коменский принадлежит к числу тех исторических личностей, которые своими творениями и беззаветным служением народу снискали неувядаемую славу и любовь. Соотечественник Коменского известный историк XIX в. Франтишек Палацкий совершенно справедливо относит Коменского к числу выдающихся людей всех времен и народов.

Яна Амоса Коменского называют Ньютоном педагогики, Коперником педагогики, Колумбом педагогики, отцом педагогики, учителем народов. Верный последователь великого знаменосца национально-освободительного движения чешского народа Яна Гуса и один из выдающихся руководителей секты «Чешские братья», он создал педагогические и философские труды, пронизанные духом демократизма и гуманизма, любовью и уважением к труду и трудящимся. Коменский проповедовал благородную идею ликвидации сословных

привилегий и угнетения человека человеком, пламенную любовь к родине и непоколебимую оптимистическую веру в будущее, полное равноправие великих и малых народов, глубокое уважение к национальным правам всех народов. Он был борцом за уничтожение войн между народами и утверждение всеобщего мира и гармонии на земле.

Величайшая заслуга Коменского перед человечеством состоит в том, что он с позиций демократизма и гуманизма дал глубокую и обоснованную критику всей отжившей средневековой системы воспитания. Коменский, основательно изучив и в соответствии со своим общественно-педагогическим и философским мировоззрением переработав все то ценное, что было накоплено его предшественниками и современниками в области теории и практики воспитания, создал педагогическое учение, проникнутое идеей народности. Коменский явился «отцом новой педагогики», педагогики, которая принадлежит не только прошлому, но сохраняет свою жизненность для современной, самой передовой, социалистической педагогики и школы.

Большинство педагогических идей Коменского не получило широкого распространения не только при его жизни, но и спустя долгое время после него, поскольку педагогика Коменского была устремлена в будущее. Великий немецкий философ Лейбниц (1646—1716) следующими строками заканчивает свое стихотворение, посвященное великому педагогу:

Время придет, о Коменский, когда и тебя и деянья,
Думы, заветы твои лучшие люди почтут.

И время это пришло. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в Советском Союзе, а затем с возникновением стран народной демократии и в братских демократических республиках, в том числе и на родине Коменского, были созданы все условия для претворения в жизнь его великих демократически-гуманистических педагогических идей. В предисловии от редакции к новому изданию Полного собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского, осуществленному Академией наук Чехословакии, говорится: «Спустя три столетия на родине Коменского были созданы условия, позволяющие осуществлять его самые смелые планы. В социалистическом обществе осуществляется единая школьная система от низшей школы до высшего учебного заведения, как этого требовал Коменский. Всеобщее образование получает каждый ребенок, независимо от своего возраста, происхождения и социального положения, как это имел в виду Коменский».

Академик Зденек Неедлы, крупный чешский ученый и общественный деятель, «социалистический учитель чехословацкого народа», как называют его на родине, писал о Коменском: «Самым

красноречивым свидетельством значения Яна Амоса Коменского и величия его учения является тот факт, что и сейчас, спустя 300 лет, построение школы в соответствии с идеями и принципами Коменского представляется еще идеалом».

Патриарх социалистической педагогики в Чехословакии академик Отокар Хлуп считал богатое педагогическое наследие Коменского одним из важнейших источников социалистической педагогики, а самого Коменского называл учителем народов, великим учителем учителей.

Выдающийся советский педагог Н. К. Крупская еще до Октябрьской социалистической революции писала: «У него (Коменского. — *Д. Л.*) есть очень много ценного для нас с точки зрения социализма».

Советская педагогическая наука, основанная на великих идеях научного коммунизма, проникнутая духом единственно правильной методологии — марксистско-ленинского диалектического материализма, является подлинной наследницей всего ценного и прогрессивного, что создано человечеством в области теории и практики воспитания. Советская педагогика не только не отвергает богатейший опыт, который в обобщенном виде дан прежде всего в сочинениях крупнейших педагогов прошлого, но и изучает их наследие, обогащая тем самым теорию коммунистического обучения и воспитания.

Одно из самых первых мест среди педагогов-мыслителей всех времен и народов принадлежит Яну Амосу Коменскому. В исследованиях советских ученых Е. Н. Медынского, Н. А. Константинова, Н. К. Гончарова, А. А. Красновского, А. И. Пискунова, С. А. Фрумова, Д. О. Лордкипанидзе и других всесторонне рассматривается учение Коменского и его значение для современности.

Президент Академии педагогических наук СССР академик В. М. Хвостов в своем докладе на I сессии академии 6 февраля 1968 г. говорил: «Дальнейшее развитие педагогической мысли не может происходить также и без тщательного учета всего накопленного человечеством прошлого педагогического опыта. Об этой самоочевидной истине надо говорить потому, что в недалеком прошлом проявлялось пренебрежение к истории педагогики. Но без основательного знания высказанных ранее педагогических идей не может быть плодотворной разработки педагогической науки».

Предлагаемая монография является результатом исследовательской работы, которую автор проводит начиная с 30-х годов. В монографии освещены следующие вопросы: эпоха Коменского, его жизнь и деятельность, философские и общественно-политические

воззрения Коменского, его общепедагогические идеи, учение о школе, дидактика, теория воспитания, взгляды на дисциплину и учителя, на школьное руководство и на воспитательную деятельность семьи. В последней главе рассматривается состояние комениологической работы в нашей стране и на родине Коменского. К книге приложен список основных трудов Коменского и перечень литературы о нем.

Монография не претендует на исчерпывающее освещение поставленных в ней вопросов. Каждый из них может стать предметом особого исследования. И все же данная работа, по мнению автора, будет способствовать изучению и освоению богатого педагогического наследия Коменского.

В процессе работы над монографией автор ознакомился со многими материалами в архивах и музеях Чехословакии и пользовался консультациями покойного академика Отокара Хлупа и покойного члена-корреспондента Академии наук ЧССР, профессора Иосифа Вани. Автор приносит глубокую благодарность работникам Научно-исследовательского института педагогики имени Я. А. Коменского АН ЧССР и особенно д-ру Иосифу Брамборе, доценту, д-ру Иржи Кирашеку и д-ру Анне Стрижовой, а также директору Пражского научно-исследовательского института педагогики д-ру педагогических наук Мирославу Ципро за внимание, проявленное ими, к данной монографии и их весьма ценные советы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭПОХА КОМЕНСКОГО И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Жизнь, деятельность и творчество каждой исторической личности развертываются в определенную эпоху, в определенных условиях общественного развития. Поэтому без учета процессов и тенденций развития общественной жизни данной эпохи невозможно правильно оценить деятельность и творчество тех или иных исторических лиц, осознать социальный характер их мировоззрения, а также установить, что нового дали они по сравнению со своими предшественниками, в чем заключалась актуальность их воззрений для своего времени и какое они имели значение для будущего.

В этой главе мы попытались в той мере, в какой это необходимо для данной темы, осветить состояние общественного развития Европы, особенно Чехии, в эпоху Коменского и познакомить читателя с основными этапами жизни и деятельности великого педагога.

ЕВРОПА ВО ВРЕМЕНА КОМЕНСКОГО

Ян Амос Коменский жил и творил в XVII в. Этот век знаменателен в истории Европы, и в истории Чехии в частности, как век открытой борьбы между феодализмом и развивающимися капиталистическими элементами.

Начиная с XIV—XV вв. в городах Италии, а затем других стран Европы появляются элементы капиталистического производства. В это время создается почва для первоначального капиталистического накопления, которое постепенно разрушает устои замкнутого феодально-натурального хозяйства.

Блестящий анализ так называемого первоначального капиталистического накопления дал К. Маркс в своем «Капитале». «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города.

В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев» [1].

Процесс капиталистического развития разрушал экономическую структуру феодализма. В феодальной средневековой экономике начинается период коренного перелома. В Англии этот перелом начинается с конца XV в. К тому же времени значительный подъем переживает промышленность в Германии, где заметно расширяется изготовление шерстяных и шелковых тканей, возрастает производство золотых и серебряных изделий. В различное время аналогичный перелом происходит в экономике Италии, Нидерландов, Испании. Хотя позднее и более медленными темпами зачатки капитализма возникают в Польше, Венгрии и Швеции. Уже к началу XVII в. и здесь становится заметным наступление капиталистической эры. Всюду, где развиваются зачатки капиталистического производства, значительно развивается техника ремесел, изобретательство, наука.

Вместе с развитием промышленности развивается торговля, которая уже не умещается в рамках внутреннего рынка, растут международные торговые связи.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 728.

В Испании и Нидерландах уже в XV в. создается мощный торговый флот. После открытия Америки, а также новых торговых путей в Индию торговля в XVI в. приобретает мировой характер.

Мировая торговля способствовала развитию производительных сил, разрушала феодальную замкнутость, старые формы хозяйства, утвердившиеся веками традиции и порядки феодальных отношений. Цеховое производство, которое ранее удовлетворяло потребности внутреннего рынка, не могло поставлять достаточное количество товаров для мирового рынка. Развитие мировой торговли способствовало все большему распространению первой формы капиталистического производства — мануфактуры.

Развитие торговли и промышленности расшатывало экономические устои феодального общества. В то же время этот процесс вызывал необходимость в политической централизации. Такая политическая централизация происходит в ряде стран Европы. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс пишет: «...в то время как в Англии и Франции подъем торговли и промышленности привел к объединению интересов в пределах всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг чисто местных интересов, и поэтому к политической раздробленности, которая вскоре прочно утвердилась вследствие вытеснения Германии из мировой торговли» [1].

Энгельс пишет, что в этих условиях создается чрезвычайно сложное переплетение социальных противоречий между различными общественными классами и группами. «Итак, мы видим, что в начале XVI в. разные сословия империи — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне — составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями» [2].

В чем состоит сущность этих противоречий? Главное заключается в том, что уже на заре капиталистической эры, с одной стороны, изменяется характер старых общественных классов и их отношений в соответствии с но-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 347.
[2] Там же, стр. 357.

выми требованиями эпохи, с другой стороны, вместе с появлением элементов капитализма зарождаются и развиваются два новых антагонистических общественных класса: буржуазия и пролетариат. Энгельс писал: «В этих условиях положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось и рядом со старыми классами образовались новые»[1].

Развитие товарно-денежных отношений, а также элементов капитализма сопровождалось ростом потребностей класса феодалов. Деньги и роскошь привлекали к себе как дворянство, так и духовенство. Источник денег оба эти класса находили в беспредельной, зверской эксплуатации крестьянства. «Грабеж крестьян дворянством с каждым годом становился все более изощренным. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщина, чинши, поборы, пошлина при перемене владельца, посмертные поборы, охранные деньги и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные договоры»[2].

В эксплуатации крестьянства от дворян не отставало и духовенство. «Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно. Для того, чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным мошенническим приемом. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и оброков они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы выжать у народа еще больше средств, они пользовались — и долгое время весьма успешно — изготовлением чудотворных икон и мощей, устройством благочестивых паломничеств, торговлей индульгенциями»[3].

Молодой эксплуататорский класс — буржуазия — ведет интенсивную работу по расширению мануфактур и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 348.
[2] Там же, стр. 350.
[3] Там же, стр. 351.

капитала, по накоплению экономической мощи и установлению своего господства. Расширение капиталистического производства требовало беспрепятственного снабжения необходимым количеством сырья. В этом отношении буржуазия была связана с помещиками, которые со своей стороны были заинтересованы в том, чтобы в возможно большем количестве производить сырье и таким образом увеличить свои денежные доходы. Вместе с тем буржуазия нуждалась в дешевой рабочей силе, которую она могла получить из деревни. Поэтому буржуазии было выгодно обезземеливание крестьян, приводившее к их уходу в города. Процесс экспроприации крестьян в особенно широких масштабах происходил в Англии, где десятки тысяч согнанных с земли крестьян попадали в лапы буржуазии, подвергаясь нещадной эксплуатации. Очевидец экспроприации крестьян известный социалист-утопист Томас Мор писал: «Овцы стали настолько прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют, опустошают поля, дома, города и селенья... происходит переселение несчастных мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми» [1].

Расширение промышленного производства изменило соотношение между городским и сельским населением. Происходит рост городов, классовая дифференциация городского населения. Город делается очагом и центром социальных движений.

Все социальные противоречия эпохи ярко выявились в недовольстве плебейского населения города и крестьянства, приводившем к открытой борьбе. Эта борьба со всей силой вылилась в так называемую Реформацию — движение, охватившее почти все страны Европы. Реформация не была только религиозной борьбой, которая велась против римского папы и католицизма в сфере идеологии, в первую очередь это движение было глубокой социально-классовой борьбой, в основе которой лежали материально-классовые интересы. «И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах» [2], — указывает Энгельс.

---

[1] Т. Мор, Утопия, М., 1932, стр. 59—60.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 360.

Дело в том, что католическая церковь, являвшаяся мощной опорой феодализма, невыносимым бременем лежала на плечах народа. Она не только грабила народ, но лишала его всяких прав, препятствовала его духовному развитию. Энгельс следующим образом охарактеризовал политическое господство римской церкви: «В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [1].

Господство римского папы и католической церкви не только лежало тяжелым бременем на трудящихся, но и тормозило развитие общества по капиталистическому пути. Необходимо было разорвать эти оковы, объединив для этого все общественные силы, подвергавшиеся притеснению со стороны католической церкви и выступавшие в той или иной форме против господства католицизма. Такими силами являлись: крестьянство, подвергавшееся двойному гнету со стороны дворянства и церкви, само дворянство, заинтересованное в ограничении прав духовенства и, главное, в захвате церковно-монастырских земель, а также бюргерство и все плебейское население городов, которое также подвергалось гнету и эксплуатации со стороны католической церкви.

Однако для борьбы против католицизма в первую очередь нужны были такие идеи, которые бы противостояли ему. «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно богословские ере-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 360—361.

си. Для того, чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»[1]. И в качестве такой ереси буржуазия выдвинула идею Реформации.

Как известно, родиной идей ранней Реформации считаются Англия и Чехия. Английский теолог профессор Оксфордского университета Джон Уйклиф (1320—1384) и великий чешский просветитель, вождь национально-освободительного движения, ректор Пражского университета профессор Ян Гус (1369—1415) не только выявили антинародный, хищнический характер и моральное разложение католицизма и католической церкви, но и создали учение, легшее впоследствии в основу протестантизма и всего движения Реформации. Это движение представляло собой первое революционное выступление восходящей буржуазии против отживших феодальных классов.

Уйклиф в своих памфлетах и в целом ряде теологических трудов не только резко бичевал римского папу и его церковь, но требовал восстановления христианства в его первоначальном виде. Уйклиф противопоставил внутреннюю силу веры внешним дорогостоящим церковным обрядам и, главное, потребовал ликвидации должности римского папы и его иерархии, создания национальной церкви и ее подчинения государству.

Еще дальше пошел в своих требованиях Ян Гус. Он стал подлинным вождем крестьянства и городского плебейского населения. Демократический характер учения Гуса получил свое яркое выражение в великой борьбе народных масс, известной под именем гуситского движения.

Распространение гуситского движения не ограничилось Чехией. Оно оказало большое влияние на развитие общественного движения во многих странах Европы, особенно в Германии, где под знаменем Реформации в начале XVI в. начинается мощное выступление против экономических и политических устоев феодализма. Правда, Германия по своему экономическому развитию к этому времени отставала от Англии, Франции и даже Чехии. Она в XVI в. по-прежнему оставалась страной, раздробленной на феодальные княжества, и поэтому по-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 361.

нятно, почему Германия не могла оказать значительного сопротивления грабежу римского папы и его агентов. Ни одна страна не приносила таких доходов римской церкви, как Германия. Энгельс писал: «Ни в одной стране эти церковные налоги не взыскивались — благодаря могуществу и многочисленности попов — с большим усердием и большей строгостью, чем в Германии» [1]. Нужда народа, наличие многочисленных социальных, экономических и политических противоречий обусловили то, что здесь с первых же дней Реформация стала социальной борьбой, в основе которой лежали материальные интересы народа.

Как известно, в Германии открытая борьба против католицизма началась в 1517 г. Во главе этой борьбы на первом этапе стал профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер (1483—1546), резко выступивший против католической церкви, ее иерархии, системы индульгенций и др. В начале движения Лютера поддержали почти все социальные слои, даже светская феодальная аристократия, поскольку церковные налоги не только тяжелым бременем ложилась на крестьянство, но и значительно сокращали денежные доходы феодалов.

В ходе борьбы возникли три основных лагеря, представлявшие определенные социально-политические течения. В одном лагере объединялись все, кто был заинтересован в сохранении существующего уклада без изменения. По своему направлению это был консервативно-католический лагерь. Во главе его стоял император. Второй лагерь объединял буржуазно-реформистские элементы. По своему направлению он был бюргерско-буржуазным лагерем. Во главе этого лагеря стоял Лютер. Третий лагерь объединял плебейские массы — крестьян, ремесленников, низшие слои населения города и деревни. По своему направлению это был плебейско-революционный лагерь, во главе которого стоял славный сын немецкого народа Томас Мюнцер (1490—1525). Мюнцер последовательно защищал интересы народа как в области идеологии, так и своей практическо-революционной деятельностью. «Томас Мюнцер... был настоящим демократом, насколько это было возможно в то время» [2].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 352.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 572.

В ходе развернувшейся Реформации Лютер и его сторонники, напуганные расширением революционного движения и явным обострением борьбы, отступили от своих первоначальных позиций, ограничившись требованием незначительных реформ. Когда же плебейские массы в процессе самоотверженной борьбы выдвинули такие социальные требования радикального характера, как уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, ликвидация всевозможных налогов, привилегий, имущественных различий и др., бюргерско-буржуазный лагерь повернулся спиной к массам и присоединился к реакционным силам. Лютер оказался в лагере противников движения.

Глава плебейско-революционного движения Мюнцер вкладывал в реформационное движение глубокое социальное содержание. Мюнцер давал высокую оценку борьбе таборитов и родину этого движения — Чехию — считал страной, где берет свое начало грандиозная борьба народов за освобождение от угнетателей.

Реформация и протестантское движение, главной движущей силой которых был народ, фактически расчистили путь буржуазии, позволили ей добиться целого ряда побед как в области экономической, так и в политической. В ряде стран была достигнута независимость от римского папы, ликвидирована церковная иерархия, дворянству удалось захватить в свои руки церковные земли.

Буржуазия, добившаяся своего в результате реформационного движения, в ряде случаев уже сама использует католицизм и пытается поставить его себе на службу. Переход буржуазии на сторону католицизма повлиял на ход Тридцатилетней войны и на исход роковой для Чехии битвы у Белой горы в 1620 г.

Развитие капиталистического способа производства разрушало и изменяло не только экономическую и социальную основу феодальной формации, но и господствовавшую в эту эпоху идеологию. На развалинах старой идеологии возникла, сформировалась и развилась соответствующая эпохе качественно новая, более прогрессивная идеология. На новую, более высокую ступень поднялось сознание людей, их отношение к бытию. Марксизм учит: «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и

продукты своего мышления»[1]. Во всех областях идеологии происходил процесс перелома, основы которого заложили еще великие представители гуманизма Джованни Боккаччо (1313—1375), Леонардо да Винчи (1452—1519), Томас Мор (1478—1535), Франсуа Рабле (1494—1553), Эразм Роттердамский (1466—1536), Томмазо Кампанелла (1568—1639) и другие.

Как известно, в средние века на протяжении нескольких столетий церковь отвергала бóльшую часть культурного наследия античного мира. Энгельс пишет: «Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала... В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер»[2].

Все это тормозило прогресс общественной мысли. Поэтому девизом новой эпохи стало преодоление средневекового догматизма и схоластики. Ближайшая задача буржуазии состояла в создании новой, собственной идеологии, основанной на научных знаниях и соответствующей духу эпохи, гораздо более прогрессивной по сравнению с феодальной.

В то же время в XVI—XVII вв. основной формой идеологии по-прежнему остается религия. Для буржуазии религия с самого начала должна была стать мощным оружием угнетения, опиумом для народа. И буржуазия использовала это оружие в соответствии со своими классовыми интересами. Как указывает Маркс, английский буржуа, прикрываясь Библией и христианскими лозунгами, беспощадно душил своих соотечественников, превратившихся в бродяг и нищих, торговал людьми и уничтожал местное население колоний.

В XVI—XVII вв. во многих странах Европы велась борьба не только против экономического и политического строя феодализма, но и за утверждение новой идеологии, новой научной мысли во многих отраслях знаний.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 25.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 360.

Буржуазия, находившаяся на подъеме, уже не удовлетворялась такими людьми средневекового типа, которые были оторваны от бурной жизни и часто становились отшельниками. Наоборот, новому классу этой эпохи нужны были новые люди, полные сил, оптимизма и способные использовать эти знания в жизни, преобразовать силы природы, поставить их на службу человеку. Все это способствовало развитию научной мысли. XVI—XVII века являются периодом необыкновенного расцвета науки. Девизами той эпохи были: «Знания — для всех», «Сила — в знании».

Что такое знание? Какое значение имеет оно для человека? Что необходимо знать человеку? Откуда должен он черпать это знание? Как должен человек использовать знание для улучшения жизни? Таковы те основные вопросы, которые по-новому были поставлены в XVI—XVII вв. и решение которых привлекало внимание многих мыслителей. Сама постановка этих вопросов была продиктована реальными требованиями жизни, выражала дух эпохи и служила задаче подчинения научной мысли требованиям жизни.

Развитие производительных сил, подъем торговли и промышленности выдвинули в порядок дня прежде всего необходимость изучения природы, развития естествознания. Мировоззрение идеологов новой эпохи, несмотря на то что религия в значительной мере сохраняла свое влияние на человеческий разум, проникнуто естествоведческим материализмом. Еще в XVI в. великий польский ученый Николай Коперник заложил твердый фундамент для развития научной мысли в естествознании. Ф. Энгельс указывал: «Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросал — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы» [1]. Продолжателями великого дела, начатого Коперником в области исследования и изучения природы, стали Галилео Галилей (1564—1642), Джордано Бруно (1548—1600), Иоганн Кеплер (1571—1630), Френсис Бэкон (1561—1626),

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 347.

Ренэ Декарт (1596—1650), Барух Спиноза (1632—1677) и другие. Основной девиз этих великих мыслителей, современников Коменского, — наука должна быть поставлена на службу человеку, должна обеспечить господство человека над природой.

Особенно большое влияние на развитие общественной мысли оказал Ф. Бэкон, которого К. Маркс назвал истинным родоначальником английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени.

Бэкон в соответствии с требованиями эпохи в центр своего учения поставил исследование природы и закономерностей ее развития, поскольку, по его мнению, истинной наукой является естествознание. Правильно отмечал Гегель, что Бэкон «приобрел большие заслуги тем, что он показал необходимость обращать внимание на внешние и внутренние явления природы» [1].

Бэкон, глубоко осознавший важность изучения природы для жизни, для дальнейшего развития производства и для благосостояния человека, считал, что с успехами в изучении природы связано счастье людей, что от этого зависит развитие их производительных сил.

Он ставит вопрос о том, как могут люди познать природу и ее тайны, истину вообще, и отвечает: «Человек — слуга и истолкователь Природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в порядке Природы делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может» [2] и в другом месте: «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт» [3]. Исходя из этих принципов, Бэкон выступает против слепого принятия авторитета Аристотеля.

Каковы конкретные пути открытия и установления истины, по Бэкону? Он пишет: «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет из ощущений и частностей к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне, другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частностей, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока, наконец, не приходит

---

[1] Гегель, Сочинения, т. XI, М.—Л., 1935, стр. 217.
[2] Бэкон, Новый органон, М., 1938, стр. 33.
[3] Там же, стр. 56.

к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный» [1].

Это положение Бэкона и с социальной точки зрения имело для своего времени исключительно большое прогрессивное, можно сказать, революционное значение. Этим положением отвергаются всевозможные наследственные, сословные и другие привилегии, которыми на протяжении столетий пользовалась светская и духовная феодальная аристократия. Метод Бэкона открыл путь народу к истинному знанию.

Как известно, Бэкон явился родоначальником материалистического эмпиризма в гносеологии нового времени. Его основная формула: не может быть ничего в сознании, что раньше не было бы дано в ощущении. Для него внешние ощущения — необходимый источник познания. Единственным истинным знанием для Бэкона является знание, полученное путем внешних ощущений. Однако в то же время Бэкон резко выступает против такого эмпиризма, который только на поверхности накапливает опыт и не проникает в сущность явления. Поэтому он особенное значение придает эксперименту. По его мнению, только опыт и наблюдение дают возможность сделать правильные выводы. Истина соответствует самому внешнему опыту. Бэкон критикует известного греческого философа Протагора, считавшего человека мерой всех предметов. Он пишет: «Одни умы склонны к почитанию древности, другие охвачены любовью к восприятию нового. Но немногие могут соблюсти такую меру, чтобы и не отбрасывать то, что правильно положено древними, и не пренебречь тем, что правильно принесено новым. Это приносит большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же надо искать не в удачливости какого-либо времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен. И потому эти влечения должны быть устранены и следует смотреть за тем, чтобы они не подчинили себе ум» [2].

Бэкон не был до конца последователен, он не мог избегнуть обусловленной эпохой ограниченности и придерживался теории двойственной истины. Согласно этой тео-

---

[1] Бэкон, Новый органон, М., 1938, стр. 36.
[2] Там же, стр. 46.

рии одна истина берет свое начало от божества, а вторая — от земли. Постичь первую можно путем божественного вдохновения, а вторую — посредством чувств. Но, несмотря на эту непоследовательность, главные проблемы идеологии своей эпохи Бэкон решает в общем с материалистических позиций. Исходя из своего основного положения о том, что наука должна служить развитию сил человека и его господству над природой, все большему совершенствованию практической деятельности человека и его благосостояния, Бэкон не только требует полного обособления науки от религии и от всяческих теологических догм, но и своим индуктивным методом открывает путь для развития подлинной науки на почве качественно новой методологии, на почве материализма. Материалистическо-индуктивный метод познания, несмотря на некоторую свою ограниченность и односторонность, оказал величайшее влияние на развитие новой идеологии вообще, общественной мысли и педагогической мысли в частности.

Таковы вкратце общее направление и характер общественного развития Европы в эпоху разложения феодализма и начала капиталистической эры — в ту эпоху, когда жил и творил Ян Амос Коменский.

ЧЕХИЯ В ЭПОХУ КОМЕНСКОГО

Новые явления в общественно-экономической и культурной жизни Европы XVI—XVII вв. ярко проявились на родине Коменского — в Чехии. Чешский народ, имевший высокую культуру и большое историческое прошлое, часто находился в самом центре крупных общественных явлений того времени. Чехия в XVI в. была той почвой, на которой выросло учение Коменского. Забота о благополучии родного народа, независимости и свободе родины — стержень всей деятельности Коменского; этими жизненными интересами проникнуто его разностороннее творчество, каждый его труд, начиная с такого социально-философского трактата, как «Лабиринт света и рай сердца», и кончая бессмертным школьным учебником «Мир чувственных вещей в картинках».

Гуситское движение оставило неизгладимый след на всем развитии общественной жизни Чехии в последующие века. То или иное отношение к гуситскому движению со стороны общественного течения или отдельного об-

щественного деятеля является своеобразным критерием для его оценки. Академик Зденек Неедлы пишет: «Скажи мне, какого ты мнения о гуситах, и я скажу тебе, кто ты». Учение и практическая деятельность Коменского возникли на общей почве идеологии гусизма, и всякое комениологическое исследование должно учитывать это обстоятельство.

Гуситское движение в Чехии — это национально-освободительное и широкое социально-религиозное движение, имеющее всемирно-историческое значение. В нем отразились великие революционные традиции чешского народа, его свободолюбивый дух, демократизм и гуманизм, высокое патриотическое сознание и готовность пожертвовать собой на благо родины, бороться против национального гнета за высокую идею равенства народов.

Гуситское движение было подготовлено всем историческим развитием Чехии и оказало влияние на ее развитие в последующие столетия.

Общественные процессы, протекавшие на территории Чехии, начиная с древнейших времен, в большой мере определили историческое развитие Европы, особенно Центральной Европы.

В составе населения, проживавшего на земле нынешней Чехии в период, предшествовавший нашей эре, и в начале нашей эры, произошли большие изменения. Но уже в VI—VII вв. среди других племен, живших на территории Чехии, основное ядро составляли славяне. К тому времени они уже занимали господствующее положение в бассейне Дуная. С появлением железа в Чехии значительное развитие получило земледелие. Страна в экономическом отношении шагнула далеко вперед. В Чехии были развиты такие отрасли домашнего производства, как ткацкое ремесло, кожевенное, кузнечное дело. Славяне прославились во всей тогдашней Европе и за ее пределами и в области прикладных искусств, особенно в ювелирном деле. Уже в конце VIII — начале IX в. возникли «грады» (крепости) — поселения нового типа. Эти «грады» первоначально служили задачам защиты от врага и строились в труднодоступных местах. В «градах» постепенно развивается ремесло, возникает рынок. Таким образом, на территории Чехии появляются типичные для средневековья города: Прага, Любнице, Нитра и др., число которых все более возрастает вместе с развитием

ремесла и торговли. Важные изменения происходят не только в экономической области, но и в политическом и культурном развитии страны. В IX в. славянские племена, населявшие Чехию и Моравию, образовали государство Великой Моравии. Сюда из Византии были приглашены славянские ученые — братья Кирилл (Константин) и Мефодий. Кирилл был создателем славянского алфавита, положившего начало письменности на старославянском языке — литературном языке, общем в то время почти для всех славян. С именами Кирилла и Мефодия связано распространение в Чехии христианства, а также старославянского языка, что сыграло большую роль в ее культурном развитии.

В конце IX в. католичество было объявлено официальной религией во всей Чехии, и с этих пор оно, как идеология господствующего класса, способствовало укреплению феодального строя. За установлением господства католицизма в Чехии последовало вытеснение родного языка из богослужения и системы образования и введение совершенно чуждого для народа латинского языка. Все это вызвало всеобщее сопротивление; борьба за родной язык стала одной из важнейших составных частей национально-освободительного движения Чехии во все времена и на всех его этапах.

В историческом развитии чешского народа большое значение имел быстрый рост г. Праги, который со времени установления господства династии чешского происхождения Пржемысловичей стал не только столичным городом, но уже с начала X в. становится центром экономической, политической и культурной жизни страны. Прага с этого времени стала, как говорят чехи, мозгом и сердцем Чехии.

Одновременно с общим развитием страны и ростом городов происходит усиление феодального гнета крестьян, а это вызывает с их стороны все растущее сопротивление: бегство с помещичьих земель, выступления против церкви с еретическими лозунгами, прямые выступления против феодалов и т. д. Так же выступали против церковных и светских феодалов ремесленники, подвергавшиеся жестокой эксплуатации.

Начиная с последних десятилетий XII в. в Чехии наблюдается новый подъем сельского хозяйства и ремесла. Быстро развиваются добыча и обработка железа, золота

и серебра. Уже в первой половине XIII в. возник известный горнорудный центр — г. Иглава. В том же столетии Бела, Немецкий Брод, Хотеборж, Пржибислав и другие приобретают известность как города серебряных рудников, а в окрестностях городов Книн, Илов, Помук, Седлчаны уже ведут добычу золота; обнаружено олово у Славкова, Красно, Прамена; свинцовые рудники — у Стршибро, в Олови и Индржиховиц. Открытие же крупного месторождения серебра у Кутной Горы сделало этот город в XIV в. центром горнорудного производства всей Чехии.

Успешно развивается торговля внутри страны и за ее пределами — с Германией, Венгрией, Венецией, Польшей, Россией, Грецией, Францией и другими странами. Чехия покрывается сетью новых населенных пунктов; возникают новые и растут старые города; расширяются сухопутные и речные перевозки. В это великое экономическое движение втянулись светские и духовные феодалы. В руках церкви сосредоточилась почти половина всех пахотных земель, а в городах с разрешения короля и крупных феодалов в большом количестве поселились немецкие колонисты, завладевшие торговлей и ремесленным производством. Немецкая колонизация в широких масштабах коснулась и деревни, что значительно ухудшило положение чешского крестьянства.

Сдвиги, происшедшие в экономике страны, вызвали изменения социального характера. Происходит дифференциация бюргерского населения. В цеховых кругах имущественные различия принимают резко выраженный характер. Плебейское население города подвергается все большей эксплуатации как со стороны местных феодалов, так и со стороны немецких колонизаторов и римской католической церкви.

Развитие торгово-товарных отношений и распространение денежной ренты еще более ускорили процесс дифференциации крестьянства и обострили противоречия между классами.

Вместе с расцветом экономики Чехии усиливается и ее политический вес в Европе. Чешский король Карл I вскоре после своего вступления на чешский престол в 1346 г. был избран императором Священной Римской империи под именем Карла IV (1347—1378). Это был период централизации и могущества феодальной Чехии.

Однако в это же время во внутренней жизни страны наблюдается поход против всего национального. Национальные права и интересы народа ущемляются почти во всех сферах общественной жизни. Немецкие колонисты, с одной стороны, и главари католической церкви — с другой, вели совместное наступление против всего собственно чешского и преследовали чешскую культуру. Официальными государственными языками считались немецкий и латинский. Поэтому понятно, что в Чехии особенно сильно классовые интересы трудящихся переплетались с их национальными и религиозными интересами. Все это наложило отпечаток на общественное движение в Чехии.

Несмотря на противодействие со стороны немецких колонистов и католической церкви, народ развивает свою национальную культуру, науку, литературу, искусство. Смил Фляшка из Пардубиц, Ян из Стршеды, Козьма Пражский, Ярлох, Петр Житавский и другие славные сыны чешского народа отстаивали родной язык и литературу, науку, искусство. Памятники искусства Чехии VIII—XIV вв. и сегодня вызывают восхищение.

Во всей истории чешской культуры, науки и общественной мысли совершенно особое место занимает прославленный Пражский университет — один из древнейших университетов в Европе, основанный Карлом IV в 1348 г. Пражский университет, или, как его и поныне называют в Чехии, Карлов университет, был не только очагом просвещения, культуры и науки в Чехии, но и источником новых социальных идей и движений. Душой университета в конце XIV — начале XV в., создателем его великих традиций был магистр Ян Гус. Именно Пражский университет стал идейной колыбелью гуситского движения.

Таким образом, весь ход общественной жизни Чехии подготовил почву для гусизма и гуситского движения, на долгое время определивших пути исторического развития чешского народа. Все прогрессивные революционные требования эпохи и учения Гуса нашли свое выражение в девизе «Народ, родина, свобода!». Яна Гуса чешский народ назвал «отцом» и «национальным героем». Ян Гус всегда был знаменем в национально-освободительной борьбе чешского народа против угнетателей.

Все учение Гуса проникнуто интересами народа и отечества. Это учение выражало мировоззрение трудового крестьянства и плебейского городского населения эпохи разложения феодализма и возникновения новой, капиталистической формации. Такие его основные черты, как демократизм, гуманизм и патриотизм, сохраняют свое значение и в наши дни.

Историческое значение Яна Гуса в том, что он стал одним из руководителей и вдохновителем освободительного движения чешского народа, и в том, что его реформационное учение оказало большое влияние на весь ход дальнейшего развития общественной мысли в Чехии.

Что является главным в учении Гуса? Прежде всего следует учесть, что выходец из крестьянской среды Ян Гус, получивший широкое по тем временам образование в Пражском университете под непосредственным руководством чешских ученых Штепана из Колина, Микулаша из Литомышле, Яна Штекны и других и ставший магистром свободных искусств, профессором и ректором университета, прошел сложный путь в развитии своего мировоззрения. В мировоззрении Гуса четко выразился двойственный характер эпохи. Христианская религия, хотя и не католико-иерархическая, а протестантско-ортодоксальная, — вот одна из главных линий в мировоззрении Гуса; гуманизм и реализм — такова вторая линия его мировоззрения. Однако обе эти линии имеют один исток: стремление к освобождению трудящихся от эксплуатации католической церкви и немецкого засилья. Учение Гуса в целом служит решению именно этой основной задачи. Вся его жизнь, начиная с пламенной речи, произнесенной в 1396 г. в Каролинской коллегии Пражского университета, в которой Гус разоблачил католическую церковь, паразитическую жизнь духовенства и выдвинул требования коренной церковной реформы, и кончая последним мужественным призывом, произнесенным им с костра, была направлена против насилия и несправедливости и проникнута возвышенными идеями самоотверженного служения народу, родине. Деятельность Гуса была деятельностью не только богослова, но и ученого, политического идеолога и революционера.

Основные положения Яна Гуса, развитые в его многочисленных трудах, содержали такие требования, как подчинение церкви светской, государственной власти и лик-

видация прав римского папы, отмена существующего церковно-иерархического строя и восстановление традиций раннехристианской церкви, отнятие земель у церкви и ликвидация церковной собственности вообще как не соответствующей христианской доктрине, запрещение роскоши духовенству, отмена индульгенций, запрещение широко распространенной в католической церкви торговли духовными должностями (так называемой симонии), отмена церковных налогов и многое другое. Ян Гус в своих трудах и проповедях резко выступал против богачей и купцов, разоблачал их как обманщиков народа, совратителей, слуг дьявола, разорителей трудящихся города и деревни. Так же выступал он против светской помещичьей аристократии.

В истории национально-освободительного движения особое место заняла борьба Яна Гуса за восстановление, защиту и дальнейшее развитие родного языка. Он не только разоблачил антинародный характер преследований чешского языка со стороны католического духовенства и немецкого патрициата, но и в своем «Разъяснении десяти божественных заповедей» и других трудах резко выступил против засорения чешского языка немецкими и латинскими словами, обосновал общенародное, национальное значение восстановления на родном, чешском языке богослужения в церквах и обучения в школах. Ян Гус сделал защиту родного языка одним из важнейших программных требований национального движения чешского народа. Очень велика заслуга Яна Гуса в разработке литературного чешского языка.

В великой борьбе, развернувшейся в конце XIV — начале XV в., против католической церкви особо значительные результаты дали те проповеди, которые Ян Гус в начале XV в. произносил в знаменитой Пражской Вифлеемской часовне на родном языке. Уже в 1412 г. во главе с Яном Гусом население Праги открыто выступает против католического духовенства. Эти выступления пражского населения подняли всю Чехию и положили начало всенародному национально-освободительному движению, в котором участвовали почти все слои чешского населения. Ян Гус был не только идейным вождем, но и практическим руководителем этого движения.

На эту справедливую борьбу чешского народа католическое духовенство и немецкие феодалы ответили

огнем и мечом. Однако они не сумели сломить героический дух чешского народа даже смертной казнью Яна Гуса и его ближайшего соратника Иеронима Пражского. Наоборот, казнь национального героя Яна Гуса вызвала невиданную ярость народа, послужила толчком к новому могучему подъему народного движения. Вся Чехия — города и села, женщины и мужчины, молодые и старики — была охвачена этим движением. Народ восстал. Гусизм стал победоносным антифеодальным революционно-освободительным движением.

В истории гуситского движения совершенно особое место занимает его левое направление — движение таборитов. Это движение началось 22 июля 1419 г. в Южной Чехии, на Бржезовской горе (в дальнейшем эту гору, как и основанный ими город, участники гуситского движения назвали библейским именем — Табор), где были произнесены великие гуситские проповеди. На этих проповедях присутствовало свыше 42 тыс. человек из разных городов и сел Чехии, в том числе из Праги, Домажлице, Градца Кралове. Аналогичные проповеди были произнесены на Беранской горе в Моравии, вблизи г. Божице, и в других местах. Это массовое движение было поддержано плебейским населением Праги, во главе которого стал знаменитый гуситский проповедник Ян Желивский. Ян Желивский проклинал всех: королей, князей, патрициев, прелатов, священников, купцов, богатых цеховых ремесленников и других, кто сам не работал, а жил чужим трудом. Он объявил жестокую борьбу существующему строю. 30 июля 1419 г. в Праге вспыхнуло восстание ремесленников. Восставшие под защитой вооруженных отрядов вышли на улицы. Вооруженными отрядами и восстанием в целом руководил выдающийся полководец, последователь Гуса Ян Жижка (1360—1424).

Табор сыграл особую роль во всем гуситском движении. Его опыт приобрел всемирно-историческое значение. Если великие социалисты-утописты в своих произведениях, в том числе Томас Мор в «Утопии» и Томмазо Кампанелла в «Городе Солнца», в форме социального романа и мечты изображали общественную жизнь, построенную на основе труда и равенства, то гуситский г. Табор в течение 18 лет практически осуществлял принципы: «Мы все должны быть братьями», «Человек равен человеку», «Кто не трудится, тот не должен есть». Поэтому в Таборе

была запрещена всякая деятельность, которая допускала бы обман человека человеком, присвоение его труда. Организация жизни соответствовала гуситским идеалам: отменялись сословное деление и привилегии, общественная жизнь строилась на основе равенства и труда, крупные предприятия переходили во владение общества, феодалы и знать изгонялись. В городе устанавливалось народное выборное управление. Родной язык восстанавливался в своих правах. Все эти принципы, подобно светильнику вспыхнувшие на чешской земле, заслужили всеобщую симпатию и поддержку народа. К Табору примкнуло большое количество городов и сел, признававших общественный строй таборитов. Присоединившиеся общины составляли особый союз — «братство». В основных вопросах они были связаны решениями таборитов.

Таким образом, в самом сердце Европы, в Чехии, еще свыше 500 лет назад возникла народная республика — г. Табор, который впервые в истории человечества, в условиях феодального общественного строя, в течение около 20 лет практически осуществлял организацию общественной жизни на основе общего труда и равенства.

Современный социалистический Табор представляет город-музей мирового значения. Его крепостная стена, башни, Бехинские ворота, другие постройки того далекого времени, множество исторических документов хранят память о революционной деятельности чешского народа.

Учение Яна Гуса в разное время различными общественными слоями было использовано в борьбе против католицизма. В гуситское движение были втянуты различные общественные классы и слои, но они объединялись и действовали совместно в борьбе с католической церковью и немецкими колонистами. Из этих многочисленных социальных групп выделяются два основных направления, два лагеря: революционный, антифеодальный, заинтересованный в глубоких социальных изменениях и объединявший крестьянство и городские плебейские элементы, и бюргерско-дворянский, который, ценой пролитой крови забрав в свои руки власть и разгромив немецкий патрициат и крупное католическое духовенство, испугался дальнейшего подъема гуситского движения, отвернулся от народа и осуществил явно реакционные мероприя-

тия. Первый лагерь, как мы видели, составляли табориты, второй лагерь известен под названием «чашники».

«Чашники» уже после июльских событий 1419 г. отмежевались от того направления, которое защищали табориты. Они предъявили императору условия примиренческого характера. Так, они требовали, чтобы в Чехии была разрешена свободная религиозная проповедь, они требовали причащения «под обоими видами», т. е. чтобы миряне причащались не только хлебом, но и вином (из чаши), что в католической церкви было привилегией духовенства, они настаивали на том, чтобы все получали одинаковые наказания за грехи, независимо от сословной принадлежности и других достоинств. Эта программа «чашников» была приемлема для бюргеров и дворянства, поскольку она не затрагивала их экономических привилегий и вместе с тем вызывала определенное сочувствие в массе народа.

В противоположность таборитам, стремившимся к социальному равенству и выдвигавшим в соответствии с этим революционные требования, «чашники» удовлетворялись незначительными реформами. Они хотели, чтобы император узаконил те изменения, которые произошли в общественно-политической жизни после уничтожения иерархии католической церкви и изгнания немецких патрициев.

Табориты и их вожди Вацлав Коранда, Ян Желивский, Микулаш Гусель и Ян Жижка не только требовали ликвидации феодальных отношений, сословий, выступали против власти короля, признавали верховные права народа, но и с оружием в руках боролись за осуществление своих требований. Все это позволило Ф. Энгельсу следующим образом оценить политическое кредо таборитов: «У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии» [1].

В 1434 г. объединенные воинские части «чашников» и католических панов выступили против таборитов и нанесли им поражение. Кровопролитная битва при Липанах (возле Праги) окончательно решила судьбу таборитов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 363.

Падение Табора и таборитов было вызвано предательством бюргерско-дворянского лагеря и теми историческими условиями, в силу которых терпели поражение крестьянские восстания эпохи феодализма во всех странах.

Несмотря на то что гуситско-таборитское революционное движение потерпело поражение, оно сыграло величайшую роль в истории Чехии. Гуситское движение было величайшим прогрессом в общественном развитии не только Чехии, но и всей Европы. Среди многих последствий, к которым привело гуситское движение, в первую очередь следует отметить то, что оно значительно подорвало господство католической церкви и светское феодальное землевладение не только в Чехии, но и во всей Европе. В процессе гуситского движения из городов Чехии были изгнаны немецкие патриции, городское управление стало более демократичным и сами города заняли ведущее место в политической жизни страны. В ходе гуситского движения Прага и большинство других городов Чехии, очищенные от немцев, по составу населения стали чешскими городами. Во главе городских самоуправлений встали чехи.

Одним из величайших достижений гуситского движения было то, что оно способствовало интенсивному возрождению чешской национальной культуры. Национальный язык занял надлежащее место, он стал языком не только церковного богослужения и обучения; на нем создавалась богатая литература по различным областям знания, составлялись различные законодательные документы. Чешский язык стал государственным языком, возрос его международный авторитет. Достаточно отметить, что в XIV—XV вв. чешский язык был дипломатическим языком почти во всей Европе.

Однако в результате поражения гуситского движения в Чехии устанавливается феодальная реакция, происходит временное укрепление феодализма. Говоря словами Энгельса, Чехия пережила «второе издание крепостничества». После поражения гуситского движения чешские феодалы добились юридического оформления, узаконения самых тяжелых форм крепостничества.

Феодальная реакция охватила все области общественной жизни Чехии. Крестьянство подвергалось невиданной эксплуатации и гнету. Крестьян продавали вместе с зем-

лей, домашним скотом и другим имуществом. Порабощение крестьян приобрело наиболее жестокий характер особенно к концу XVII в. В это время значительно расширяется крупное землевладение, а также помещичье производство в таких отраслях промышленности, как горнорудная, кузнечная, лесная, помольная и другие, почти все богатства переходят в руки католической церкви и немецких колонистов.

В условиях феодальной реакции темпы развития чешской промышленности заметно снизились. Победа крепостнических отношений значительно задержала развитие горнорудной промышленности, имевшей огромное значение для экономического развития Чехии. Задерживалось также развитие городского ремесла и торговли. Плебейское население города попало в невыносимое положение как в экономическом, так и в правовом отношении.

Величайшим несчастьем для крестьянства и плебейского населения города, для всего чешского народа явилось установление господства династии Габсбургов на чешской земле. Цель всей политики Габсбургов состояла в том, чтобы в тесном союзе с католическим Римом добиться ликвидации независимости Чехии. Габсбурги вытесняли все чешское и открывали путь немецкому. В результате этой политики господствующее положение в экономике Чехии занимают немцы. Постепенно снова возрос удельный вес немецких помещиков и дворян. Сама династия Габсбургов и католическая церковь захватили в свои руки значительную часть чешских земель и вместе с этими землями — большое число чешских крепостных крестьян. Национальное чувство народа особенно оскорбляло то, что в культуре и искусстве вытеснялось все чешское. Из церквей, государственных учреждений и школ изгонялся чешский язык, и всюду господствовали немецкий и латинский языки.

В ответ на усиление феодальной реакции и национального гнета в Чехии возникает всенародное движение, развернувшееся с особой силой в конце XVI — начале XVII в. На левом крыле этого движения находилась секта «Чешские братья», созданная в 1464 г. (по некоторым источникам — в 1467 г.).

Секта «Чешские братья» продолжала традиции таборитов и играла наиболее прогрессивную роль в общест-

венном движении Чехии. Идеология этой общины в основном опиралась на учение Яна Гуса и особенно его последователя Петра Хельчицкого (1390—1460). Известный чешский философ Петр Хельчицкий, под большим влиянием которого находился Коменский, в своем труде «Сеть веры» резко выступил против всякой церковной иерархии и несправедливости, объявил римского папу основным источником всяких грехов и соблазнов. Хельчицкий, опираясь на священное писание, критиковал существовавший государственный и церковный строй. Он писал: «Итак, одного закона Христова было вполне достаточно для устроения общин первых христиан, и, руководствуясь им одним, они преуспевали в нравственном отношении, но потом, когда примешались к нему два закона — гражданский и папский, нравственность стала падать»[1]. Хельчицкий во всех своих сочинениях, особенно в «Послании к двум священникам — Николаю и Мартину» (Коменский называет эту работу золотым сочинением — List zlatý), нападал на духовенство того времени и винил его в том, что «эти два кита (имеются в виду император и папа. — *Д. Л.*) прорвали сеть веры». В «Реплике против Рокицаны» Хельчицкий резко критиковал лживость и двуличие церкви. «Если мы должны были молиться Христу, потому что он присутствует в таинстве, мы должны были бы на этом основании молиться всякой вещи, ибо бог, который выше тела Христова, присутствует в гораздо большей степени в каждом творении своем, нежели тело Христово в таинстве, ибо он находится в каждой вещи»[2]. Это положение Хельчицкого имело не только теоретическое, но и большое практическое значение в борьбе против католицизма, поскольку разоблачало всю лживость таинств и подымало массы на борьбу против католической церкви.

С особенно резкой критикой выступил Хельчицкий против торговли индульгенциями и в связи с этим — против римского папы. Он писал: «Такими действиями папа упразднил Христа, ибо Христос становится ненужным для света, если папа имеет власть отпускать все грехи... папа размножил противные богу законы»[3]. Хельчицкий

---

[1] П. Хельчицкий, Сочинения, СПб., 1893, стр. 247.

[2] Там же, стр. 522.

[3] Там же.

указывал, что истинными христианами могут быть только трудящиеся крестьяне и городские плебеи, тогда как остальные слои общества — грешники и погибшие. Несмотря на то что Хельчицкий проповедовал равноправие и благосостояние человека и выступал против господствовавшего строя, он не смог возвыситься до революционного духа гуситского движения. Идеальный строй человеческого общества, в котором не будет угнетения человека человеком, по его мнению, может быть достигнут моральным совершенствованием самих людей. В этом вопросе Хельчицкий принципиально отличался от таборитов. В этом слабая сторона его учения, обусловленная своеобразными особенностями эпохи, наступившей после поражения гуситского движения.

Проповедуя учение Яна Гуса и Петра Хельчицкого, секта «Чешские братья» играла весьма прогрессивную роль в общем развитии страны. Несмотря на то что секта «Чешские братья» действовала в тяжелых условиях реакции, она стремилась осуществить организацию общественной жизни в духе идей раннего христианства, отрицала крепостническо-феодальные отношения и иерархию католической церкви, проповедовала равноправие людей и выступала в защиту интересов крестьянства и городского плебейского населения. В то же время секта, как и ее идеолог Хельчицкий, не смогла подняться до признания классовой борьбы. Путь освобождения чешского народа и установления идеального общественного строя она видела в просветительской деятельности.

Особой заслугой «Чешских братьев» является продолжение гуситских традиций в области защиты и дальнейшего развития национальной культуры. Одним из выдающихся деятелей секты «Чешские братья» является Лукаш Пражский (1460—1528), который на протяжении длительного времени стоял во главе ее. Лукаш большое внимание уделял проблемам воспитания. Ему принадлежат многочисленные сочинения. Среди них следует отметить: «О лодке», в котором в аллегорической форме бичуется католическая церковь; «Апологию», в которой он нарисовал образы Яна Гуса, Иеронима Пражского и Яна Жижки; «Детские вопросы» и др.

Особое место в деле защиты и развития национальной культуры занимает деятель секты «Чешские братья», ее епископ, выдающийся историк, поэт, лингвист и компо-

зитор Ян Благослав (1523—1571). Этот великий патриот-просветитель обогатил различные области национальной культуры многочисленными трудами. Его перу принадлежит замечательная работа «История Чешских братьев», в которой на основе первоисточников освещены важные стороны возникновения и деятельности этой секты. Благослав в своем сочинении «Филиппики против гасителей просвещения» подверг резкой критике консервативное крыло «Чешских братьев», которое выступало против обучения латинскому языку. В этом же сочинении он обосновывал великую роль школы в деле достижения благосостояния народа и требовал широко развертывать школьную сеть.

Ян Благослав был защитником родного языка. Он не только обосновал необходимость обучения в начальных школах на родном языке, но и как педагог практически осуществил это, подав тем самым пример своим соотечественникам. Книга Благослава «Чешская грамматика» представляет исследование, написанное на высоком для того времени научном уровне. Эта книга сыграла большую роль в развитии чешского литературного языка. Большое значение имел также его перевод Ветхого завета с греческого на чешский язык. Перевод стал первым шагом в осуществлении братской общиной перевода всей Библии на чешский язык. Библия, содержащая шесть томов, была напечатана в нелегальной типографии «Чешских братьев» в моравской деревне Карлице и известна под названием Карлицкой Библии. В шестой том вошел перевод Ветхого завета, выполненный Яном Благославом.

В деятельности «Чешских братьев» большое место отводилось печатанию книг. Секта считала, что посредством книги она сможет шире распространить свои идеи и способствовать повышению уровня образования народа, развитию национальной культуры.

Печатание книг в Чехии началось со второй половины XV в. Первая чешская печатная книга «Хроники троянцев» опубликована в г. Пльзене в 1468 г. С этого времени книгопечатание в Чехии развивается настолько бурно, что вскоре Чехия в этом отношении заняла первое место во всей Европе. Все это в значительной мере способствовало не только повышению уровня грамотности населения, но и мощному развитию науки, литературы и искус-

ства, подготовившему почву для культурной независимости Чехии.

Видные представители чешского гуманизма Виктор ин Корнель, Цтибор Товачевский, писатель Даниель Адам из Велеславина, знаменитый поэт Микулаш Дачицкий, выдающийся архитектор Матиаш Рейсек и другие чешские деятели подняли на высокий уровень национальную культуру, проникнутую духом демократизма. Во всем этом секта «Чешские братья» сыграла очень важную роль.

В начале XVII в. династия Габсбургов, к этому времени уже довольно укрепившаяся, жестоко преследует чешский язык, пытается совершенно вытеснить его из употребления и утвердить немецкий язык. Это значительно обострило борьбу чешского народа против Габсбургов. В эту борьбу вместе с «Чешскими братьями» включились и другие общественные силы. Начавшееся весной 1618 г. восстание чехов против господства Габсбургов закончилось роковой битвой, состоявшейся в 1620 г. у Белой горы (вблизи Праги). В результате на чешский народ пало тяжелое ярмо 300-летнего господства иноземных захватчиков.

С этой тяжелой даты для Чехии начинается новая эра — эра разгрома и разорения, упадка экономической и культурной жизни страны. Страна, имевшая великое прошлое и высокую культуру, стала самым бесправным во всех отношениях владением империи Габсбургов. Католическая церковь и немецкие феодалы огнем и мечом уничтожали все чешское. Бóльшая часть чешских земель перешла в руки немецких феодалов. Чешское население сильно сократилось. Император Фердинанд II заявил, что он предпочитает царствовать в пустыне, нежели среди еретиков. Под этим лозунгом он изгонял из Чехии все оппозиционно настроенные элементы. В 1628 г. император издал специальный закон, в силу которого всем чехам, не признавшим католической веры, запрещалось жить в Чехии. Этот закон вынуждал десятки тысяч чешских патриотов покидать родину и переселяться в чужие страны. Значительно сократилось чешское население. На родине Коменского, в Моравии, осталось около $^1/_3$ населения.

Независимость городов почти перестала существовать. В органах власти ведущие места заняли немцы.

В управлении страной представители чешского народа участия не принимали, если не считать некоторых феодалов-аристократов, продавшихся Габсбургам.

Особенно преследовалась секта «Чешские братья», уничтожалось все созданное ею на протяжении более ста лет. Вместе с разгромом общин разоряли школы «братьев», типографии, уничтожали замечательные памятники национальной литературы, искусства.

Убийственным для культуры Чехии было наступившее господство ордена иезуитов в литературе и просвещении. Иезуиты захватили в свои руки не только всю цензуру, в корне уничтожая национальное, народное, но и первую кузницу человеческого духа — школу. Иезуиты изгнали из школ все прогрессивное и сделали школу, как говорил Коменский, «лабиринтом души», который нес с собой не просвещение и благо народу, а темноту, невежество, нравственный упадок и разложение.

Тридцатилетняя война в Европе, основной ареной которой была чешская земля, стала национальной трагедией чешского народа. Война разорила города и села, лучшие памятники чешской культуры были разрушены, народ был разорен и частично истреблен. Страну охватили голод, эпидемии, целые села и районы стали безлюдными. В самой Праге население сократилось почти наполовину. Эмиграция чешского населения приняла широкий характер. Это тяжелое положение Чехии не изменилось с завершением Тридцатилетней войны. И после заключения Вестфальского мирного договора Чехия по-прежнему оставалась порабощенной страной, стонавшей под тяжелым игом немецких и австрийских феодалов. Картина национального разгрома Чехии 60—70-х годов XVII в. лучше всего изображена современником Коменского Богуславом Бальбином в его книге «Защита чешского языка» (1672). Патриот, скорбящий о судьбе своей родины, писал: «Чехия стала вторым отечеством для испанцев, французов, итальянцев, особенно же немцев, так что, стоит им покинуть первое свое отечество добровольно или вследствие преступления, у нас им готов радушный приём и прочное убежище, пускай хвалятся другие земли, что по нескольку дней угощают они чужестранцев в особых домах; у нас целая Чехия, как одна богадельня, где не только несколько дней, но и це-

лую жизнь можно прожить хорошо, да еще и разбогатеть» [1].

Таково в общих чертах состояние общественно-экономического, политического и культурного развития многострадальной и героической родины Коменского, обусловившее его учение и его общественно-практическую деятельность.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КОМЕНСКОГО

Долгая и содержательная жизнь Яна Амоса Коменского была такой же бурной, напряженной и трагической, как и история его родной Чехии.

Жизненный путь Коменского отмечен чрезвычайно интенсивной разносторонней научно-педагогической и общественной деятельностью. На протяжении всей своей жизни Коменский подвергался непрерывным преследованиям и притеснениям. Только талант, несгибаемая воля и страстная любовь к своей родине помогли Коменскому преодолеть все препятствия, вставшие на его пути с детства и до последних минут жизни.

Биография Коменского пока еще недостаточно изучена, хотя за последние годы как на его родине, в Чехословакии, так и в других странах, проводится большая работа по изучению его жизни и творчества. Главная причина недостаточной изученности биографии Коменского состоит в том, что его демократическое учение на протяжении двух с лишним столетий замалчивалось, особенно на его родине, где все чешское преследовалось и католической церковью и немецко-австрийскими захватчиками. Изучение биографии Коменского осложнялось и тем, что он жил и работал в разных странах: в Чехии, Польше, Венгрии, Швеции, Германии, Англии и Голландии.

В Чехословакии научная биография Коменского впервые была написана выдающимся чешским историком XIX в. профессором Франтишком Палацким, которому принадлежит капитальный труд «Жизнь Яна Амоса Коменского» (1865). Эта работа в 1869 г. была переведена на русский язык и напечатана в трудах Ки-

[1] «История Чехословакии», под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 261.

евской духовной академии. За этим последовали довольно обширные биографические очерки Яна Зоубека («Жизнь Яна Амоса Коменского», 1871), Яна Кучеры («Новые материалы о биографии Коменского», 1891), Яна Квачалы («О месте рождения и годах молодости Коменского», 1891).

Новый этап в изучении жизни и деятельности великого «народного учителя» начался в Чехословакии после установления республики. Обстоятельной научной биографией Коменского является книга профессора Яна Вацлава Новака и Иозефа Гендриха «Ян Амос Коменский, его жизнь и сочинения» (1932). Особенно большая работа по изучению жизни и деятельности Коменского проводится в социалистической Чехословакии в последние десятилетия. Начиная с 1945 г. в этой области создана богатая научная литература и напечатан целый ряд документальных материалов. Следует особо отметить возобновление издания специального органа «Acta Comeniana» (1957), издаваемого Чехословацкой Академией наук. В этом органе публикуются важные документы и статьи о жизни и деятельности Коменского.

Работа по изучению жизни и деятельности Коменского чрезвычайно оживилась в 90-х годах прошлого столетия в ряде стран, где отмечался юбилей — 300-летие со дня рождения Коменского. Особенно широкие масштабы принял юбилей в Чехословакии и России, где он превратился в настоящее педагогическое движение. Десятки статей о жизни и деятельности Коменского были опубликованы в Польше, Венгрии, Германии и других странах.

В дореволюционной России довольно обширный материал о жизни и деятельности Коменского представил П. П. Блонский в своей монографии «Ян Амос Коменский» (1915).

Из советских авторов следует особо отметить проф. А. А. Красновского, монография которого «Ян Амос Коменский» (1953) широко освещает жизнь и деятельность великого педагога. Работу по изучению биографии Коменского ведет проф. А. И. Пискунов, исследование которого «Жизнь и деятельность великого славянского педагога Яна Амоса Коменского» опубликовано Академией педагогических наук РСФСР в сборнике материалов, посвященном Коменскому (1959).

Представленный нами ниже биографический очерк, в основном построенный на общеизвестных данных, не претендует на то, чтобы считаться специальным исследованием, однако неоднократное пребывание в Чехословакии и ознакомление с комениологическими памятниками и материалами позволили нам по-новому осветить некоторые вопросы. В жизни и деятельности Коменского выделяют следующие основные периоды:

1. Детство и школьные годы (1592—1611).
2. Университет (1611—1614).
3. Деятельность в Пшерове и Фульнеке (1614—1620).
4. Жизнь в подполье (1621—1628).
5. Первое пребывание в Лешно (1628—1641).
6. Путешествие в Англию и работа для Швеции (1641—1648).
7. Второе пребывание в Лешно (1648—1650).
8. Деятельность в Венгрии (1650—1654).
9. Третье пребывание в Лешно (1654—1656).
10. Деятельность в Голландии (1656—1670).

Детство и школьные годы. Сравнительно малоизученным в биографии Яна Амоса Коменского является период его детства. Об этом периоде существует мало материалов, и биографы вынуждены опираться на весьма незначительные и косвенные данные.

Документально со всей точностью установлено и признано, что Коменский родился 28 марта 1592 г. День рождения Коменского с 1957 г. в Чехословацкой Социалистической Республике объявлен Днем учителя и отмечается специальными педагогическими мероприятиями.

По вопросу о месте рождения Коменского существует три точки зрения. Спор касается того, родился ли Коменский в моравском городе Угерский Брод, или в находящемся в 4—5 *км* от него местечке Нивнице, или же в расположенном так же вблизи Угерского Брода местечке Комна.

Мнение о том, что местом рождения Коменского является Нивнице, обосновывается следующими фактами: 1) в 1611 г. в списках студентов Герборнского университета Коменский упоминается как Jan Amos Nivnicensis, что означает «Ян Амос из Нивнице». Эта запись датирована 1611 г., когда Коменский был зачислен в упомянутый университет, и поэтому бесспорно то, что она была сделана с ведома самого Коменского; 2) один из доку-

ментов, датированный 1611 г., Коменский подписывает как Ioan Amos Marcomanis Nivnicensis, что означает «Ян Амос, гражданин из Нивнице»; 3) в списке студентов Гейдельберга Коменский числится как Johann Amos Nivanus — «Иоганн Амос из Ниваниуса»; 4) на приобретенной Коменским в 1614 г. рукописи Коперника «Der Revolutionibus orbium coelestium» рукой Коменского написано: «Johann Amos Nivanus».

Эта точка зрения, идущая от первого биографа Коменского Франтишка Палацкого, является наиболее обоснованной и распространенной как на родине Коменского, так и за ее пределами.

Сторонники того мнения, что родным городом Коменского следует считать Угерский Брод, опираются на следующие данные: 1) целый ряд своих трудов Коменский подписывает: «Ян Амос из Угерского Брода». Например, его книга «О культуре природных дарований» имеет надпись, гласящую, что ее автор — «из моравского Угерского Брода Я. А. Коменский»; 2) в списке жителей города Эльблонга в 1642 г. Коменский записан как Comenius Hunnobrodensis Moravus; 3) в городских документах Угерского Брода фамилия Коменского упоминается уже с начала XVI в. Вместе с тем установлено, что эту фамилию на протяжении всего XVI и XVII вв. носила только одна семья. В городских документах обнаружена карта города, на одной из улиц которого сделана надпись: Ulice za Komenskym»; 4) из городских списков выясняется, что в 1602—1604 гг. Мартин Коменский — отец Яна Амоса Коменского — являлся жителем Угерского Брода, и, поскольку нет данных о том, где жил он с 1592 г. до этого времени, можно считать, что он и раньше был жителем этого города. Это мнение, впервые высказанное в конце прошлого века и связанное с именами Л. Граздеры и И. Кучеры, довольно широко распространено в комениологии.

Исследователи, считающие, что родиной Коменского является маленький городок Комна, исходят главным образом из этимологических данных: фамилия Коменский должна происходить от географического названия Комна. Кроме того, некоторые исследователи утверждают, что предки Коменского были жителями Комны и впоследствии переселились в Угерский Брод. Этот взгляд не получил широкого распространения, поскольку Ко-

менский не обязательно должен был родиться там же, где родились его предки.

Анализ всех трех точек зрения и соответствующих аргументов заставляет отдать предпочтение первой точке зрения, согласно которой местом рождения Коменского следует считать Нивнице. Правда, Коменский в целом ряде случаев сам пишет о себе как о жителе Угерского Брода, но, как справедливо указывают проф. Ян Квачала и другие, Коменский делал это потому, что за границей местечко Нивнице было совершенно неизвестно, а город Угерский Брод — известен. Проф. Я. Квачала пишет даже. что Коменский в бытность в Венгрии объявил себя жителем Угерского Брода и для того, чтобы расположить к себе венгров.

Для решения спорного вопроса о месте рождения Коменского большое значение имеет опубликованная несколько лет назад работа известного исследователя-комениолога доктора Иосифа Брамборы на тему «О споре относительно места рождения Коменского». В этой работе И. Брамбора ясно доказывает, что местом рождения Коменского должно считаться Нивнице. Он пишет, что факты с наибольшей правдоподобностью говорят: Коменский родился в Нивнице, а не в Угерском Броде. Это положение подтверждается также последними разысканиями чешского ученого А. Шкарки.

Все исследователи сходятся на том, что отец Коменского Мартин и его предки были активными членами секты «Чешские братья», что имеет принципиальное значение в биографии Коменского. Споры вызвал вопрос об имущественном положении Мартина, в частности о том, был ли он мельником. Можно считать установленным, что Мартин был материально обеспеченным человеком. В начале XVI в. он действительно приобрел мельницу, и если учесть, что мельница в те времена была одним из серьезных предприятий, то станет ясно, что это и определяло имущественное положение Мартина. Коменского действительно можно считать сыном владельца мельницы, мельника. Поэтому, безусловно, сохраняет свое историческое значение мельница-музей в Нивнице, а также дом рядом с этой мельницей, на котором имеется мемориальная доска с надписью: «Здесь родился Ян Амос Коменский». Это не тот дом, в котором родился Коменский, но он расположен приблизительно на его месте.

Как указывают биографы Коменского, его отец Мартин был довольно образованным по тем временам человеком. Он превосходно знал Библию и, как член общины «Чешских братьев», проводил большую просветительную работу среди народа. Не исключено, что у Мартина были владения и в Угерском Броде — сравнительно крупном по тем временам городе, а также и на родине его предков — в Комне. Мартин, как человек начитанный, заботился о том, чтобы и детей своих вырастить образованными людьми. История не сохранила сведений о том, учился ли Коменский в школе при жизни отца, но можно предполагать, что родители отдали его в школу «братьев», как справедливо пишут многие биографы Коменского.

В 1604 г. на Коменского обрушилось первое большое несчастье: эпидемическое заболевание унесло его отца, мать и двух братьев. У Коменского осталась единственная сестра — Маргарита. Сиротам назначили опекунов, но Коменский не имел возможности продолжать начатую при жизни родителей учебу, и ему с трудом удавалось время от времени посещать школу.

В 1604 г. осиротевшего Коменского взяла к себе его тетка со стороны отца Зузана, которая была замужем за жителем города Стражнице Мартином Новалом. Зузана Новалова отдала Коменского в местную школу «братьев», и там он учился в 1604—1605 гг. Но в конце 1605 г. на Стражнице обрушилось большое несчастье: город захватили венгерские войска и почти полностью разрушили и сожгли его. Коменский вынужден был покинуть Стражнице и вернуться в Нивнице, где он жил до 1608 г. вместе со своими опекунами.

В 1609 г., как отмечает большая часть биографов Коменского, он поступил в латинскую школу г. Пшерова, которую с отличием окончил спустя три года.

Следует отметить, что Коменскому пришлось поступить в школу в довольно зрелом возрасте — 16 лет. Поэтому он имел возможность серьезно и самостоятельно оценить достоинства и недостатки школы.

Правда, латинские школы как в Пшерове, так и в Иванчице и в Фульнеке, содержавшиеся «Чешскими братьями», по сравнению с другими школами были передовыми, но и эти школы были проникнуты схоластически-догматическим духом. Известно, какую оценку дал Ко-

менский этим школам впоследствии. Годы, проведенные в школе, он во многом считал потерянным временем.

Коменский на себе испытал полную непригодность системы воспитания и обучения, господствовавшую в школе того времени, и у него уже тогда зародилась мысль о необходимости улучшить дело народного образования. В дальнейшем эта идея стала девизом его жизни, ее осуществлению посвятил он свой яркий талант, неиссякаемую энергию и великое сердце.

Различные школы, содержавшиеся сектой «Чешские братья», давали молодым людям как обычное для того времени образование, так и необходимую для практической, хозяйственной деятельности трудовую подготовку в области различных ремесел; учеников же, проявлявших особые способности, эти школы готовили в проповедники и давали им довольно широкое богословское образование. Коменский, с самого же начала проявивший большие способности и привлекший внимание общины, с большим успехом окончил школу. Это подтверждается в первую очередь тем, что сразу же по окончании школы община за свой счет послала Коменского в Германию для получения высшего образования.

Университет. 30 марта 1611 г. Коменский был зачислен на богословский факультет Герборнского университета. В этом молодом университете господствовало протестантско-кальвинистское направление, которое в идейном отношении стояло близко к секте «Чешские братья». В это время богословский факультет Пражского университета тоже готовил протестантское духовенство, но господствовавшие здесь правые гуситы-утраквисты, выражавшие интересы чешских бюргеров и крупных помещиков, враждебно относились к «Чешским братьям». Этим объясняется то, что Коменский не поступил в Пражский университет.

В Герборнском университете получили образование многие молодые чехи, прошедшие обучение в братских школах и проникнутые духом чешского протестантизма.

Годы, проведенные в Герборнском университете (1611—1613), имели большое значение в идейном развитии Коменского. Здесь формируются общественно-политические и философские воззрения Коменского, здесь получает он широкое образование, знакомится с педагогическими взглядами разных времен и народов. Комен-

ский привез со своей родины горячую любовь к народу и страстный патриотизм, трудолюбие и энтузиазм, гуманность и человеколюбие, неиссякаемую энергию и высокое сознание своего назначения и долга. Вскоре он не только приобретает известность как талантливый студент, но становится исследователем во многих отраслях знания. Большую роль в творческих успехах Коменского сыграли его ближайшие учителя — профессора университета Альстед и Пискатор, главным образом первый. Коменский был настолько восхищен Альстедом, богатством его знаний и его личными качествами, что слагал оды в его честь, как пишет об этом Ян Квачала.

Иоганн Альстед (1588—1638) был самым молодым профессором в Герборнском университете. Он был всего лишь на четыре года старше Коменского, и это обстоятельство также способствовало тому, что Коменский стал его близким другом. Альстед был передовым мыслителем своего времени. По своему мировоззрению он был последователем кальвинизма, реформатором-протестантом. Не случайно свой первый труд он посвятил просвещенному чешскому протестанту того времени, влиятельному представителю секты «Чешские братья», графу Карелу Жеротинскому, который жил в г. Пшерове. Альстед и Пискатор были последователями хилиазма. Хилиазм, признающий тысячелетнее царствие Христа на земле, когда будут утверждены равенство всех и счастье каждого человека, идеальное благоденствие и добро, был, пожалуй, наиболее демократичным течением в реформационной идеологии. Социально-классовая основа хилиазма, как указывает Ф. Энгельс, имеет плебейское происхождение и обусловлена социальными запросами этого класса. Коменский, как известно, примкнул к этому направлению в студенческие годы. Вместе со своим любимым учителем Альстедом он мечтал о счастливом времени, когда наступит тысячелетнее царствие Христа. По расчетам Альстеда, царствие Христа должно было начаться в 1694 г., а по мнению Коменского, это время должно было наступить раньше — в 1672—1673 гг.

Роль Альстеда в формировании философских воззрений Коменского чрезвычайно велика. Альстед являлся автором целого ряда философских трудов, главным среди которых была «Энциклопедия курса философии». Поклонник Аристотеля, Альстед в то же время проявляет

критическое отношение к догматическому толкованию его учения. Источником истины Альстед считает саму действительность и ту же действительность считает мерой всякой истины. Альстед придерживался прогрессивных взглядов на значение науки для благоденствия человека. Изучение природы, по мнению Альстеда, должно служить благу человека. Это изучение должно быть построено на наблюдении, на опыте. Совокупность многих опытов создает индукцию, являющуюся матерью науки. Эти передовые для своего времени положения оказали большое влияние на мировоззрение Коменского.

Нельзя переоценить огромное значение тех научно-исследовательских начинаний, которыми богат студенческий период жизни Коменского. Биографы Коменского особо выделяют работу, проведенную им в области философии, естествознания и филологии.

В эти годы Коменский основательно познакомился с классической философской литературой, довольно глубоко изучил Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеку, Квинтилиана и других. Одним из лучших доказательств этого являются его собственные записи к одному из университетских диспутов, сделанные в 1613 г. и озаглавленные «Спорные вопросы, собранные в саду философии». В этом студенческом сочинении Коменского Герборнский университет назван садом философии, сам Альстед — великим садовником, а Коменский — лицом, собравшим в этом саду спорные вопросы, на которые должен быть дан ответ. Среди этих спорных вопросов особого внимания заслуживают взгляды Коменского по центральному вопросу философии — об источниках и путях познания. Этот вопрос поставлен Коменским в том же 1613 г. и в работе «Берет ли всякое познание исток из ощущения» и разрешается им в духе материалистического сенсуализма. Эта работа Коменского впервые опубликована в 1914 г. в г. Брно докторами Иосифом Ребером и Яном Новаком. Она имеет большое значение для понимания философских воззрений Коменского.

Можно сказать, что и пансофические идеи Коменского своими истоками восходят к периоду учебы в Герборнском университете. Известно, что Коменский не только намеревался создать энциклопедию всеобщей мудрости на родном языке, но даже написал отдельные главы за-

планированной в объеме двадцати восьми томов работы, названной им «Зрелище вселенной» («Theatrum universitatis rerum»); фрагменты ее были обнаружены в 1893 г. в моравском г. Голешове.

Особенно большую и плодотворную работу проделал Коменский в области изучения родного языка. В 1612 г. в стенах университета он приступил к созданию капитального труда «Сокровищница чешского языка». Над проблемами чешского языка Коменский работал почти 40 лет. В этой работе рассматривались лексика, фразеология и грамматика чешского языка. В 1656 г. рукопись сгорела во время крупного пожара, случившегося в г. Лешно.

Годы пребывания в Герборнском университете оказались чрезвычайно плодотворными и в том отношении, что под непосредственным руководством и при помощи Альстеда Коменский ознакомился с трудами педагогического характера. Огромное влияние на него оказали взгляды Вивеса, которые касались назначения человека и целей воспитания. Коменский высоко ценил Вивеса и считал, что «Вивес будет жить до тех пор, пока жива наука».

В этот же период Коменский знакомится с дидактическими трудами Вольфганга Ратке (1571—1635) и становится его большим почитателем. Особенно большое впечатление произвел на Коменского представленный в 1612 г. немецким князьям «Мемориал», в котором Ратке писал о том, как можно сделать более легким обучение. Ратке ставил вопросы организации обучения на родном языке, усовершенствования методов преподавания древних языков. Ратке также доказывал, что содержание школьного обучения, религия и общественный строй должны быть проникнуты одними и теми же нравственными принципами. Все эти вопросы возникали у Коменского еще на родине, в период учебы в Пшеровской школе, и поэтому совершенно понятно, почему он с таким интересом отнесся к «Мемориалу» Ратке.

В феврале 1613 г. Коменский заканчивает Герборнский университет и отправляется в путешествие. Коменский сперва едет в Амстердам, а через несколько месяцев в город Гейдельберг. Здесь он был зачислен в знаменитый Гейдельбергский университет. О периоде учебы в Гейдельбергском университете сохранилось мало све-

дений. Известен только тот факт, что во время учебы в университете, незадолго до отъезда на родину, в январе 1614 г., Коменский у супруги скончавшегося профессора Христмана приобрел рукопись труда Николая Коперника «О вращении небесных светил», на что истратил свои последние сбережения. Некоторые биографы отмечают, что у Коменского не осталось денег на поездку и он вынужден был пешком пройти почти тысячекилометровый путь от Гейдельберга до своей родины. Это путешествие дало ему возможность близко ознакомиться со многими достопримечательностями и, главное, с жизнью народа в Центральной Европе.

Этим закончился важный период жизни Коменского — период учебы и умственного возмужания. По возвращении на родину начался новый период — период непосредственного служения народу и большой творческой работы.

Деятельность в Пшерове и Фульнеке. Весной 1614 г. Коменский возвращается на родину. По предложению графа Карела Жеротинского он назначается руководителем Пшеровской братской школы. С этого времени в жизни Коменского начинается новая эра. Он с большим увлечением работает в любимой школе и очень много делает для того, чтобы облегчить обучение. В частности, он пишет работу «Правила более легкой грамматики». Эта работа, напечатанная в 1616 г. в Праге, к сожалению, до нас не дошла. В это время Коменский основательно изучает передовые педагогические идеи, широко использует дидактические воззрения, изложенные в «Мемориале» Ратке. Вскоре Коменский заслужил всеобщую любовь и признание в г. Пшерове.

В 1616 г. Коменскому исполнилось 24 года. В это время он становится помощником пшеровского епископа Ланецкого.

В этот период Коменский пишет «Письма к небу» («Listové do nebe»). В этой интересной работе он развивает свои демократические взгляды. С болью и негодованием он пишет, что одни обладают большими богатствами, тогда как другие страдают от голода и нищеты. Правда, молодой Коменский ищет выход из этого положения «на небесах», но в то же время он показывает со всей остротой социальную несправедливость, имущественное неравенство.

В пшеровский период своей деятельности, в 1617 г., Коменский познакомился с философскими и педагогическими произведениями немецкого ученого Иоганна Андреэ (1586—1654). Андреэ произвел на него неизгладимое впечатление как чрезвычайно образованный, прогрессивный педагог и мыслитель своего времени. В своих сатирических диалогах Андреэ жестоко высмеивает господствовавшие в школах педантизм и схоластику и развивает гуманистические взгляды. В книге «Описание христианского государства» («Republicae christiano politanae descriptio») Андреэ под влиянием Томмазо Кампанеллы описывает идеальное государство, где нет никакого угнетения. Особенно большое влияние на Коменского оказали дидактические воззрения Андреэ, к которым в дальнейшем Коменский неоднократно обращается в своей «Великой дидактике» и других трудах. Основные положения Андреэ состояли в следующем: правильное воспитание молодежи означает преобразование государства, и, как искусство зависит от художника, так же школа зависит от учителя; обучение с семилетнего возраста должно быть всеобщим для детей обоего пола; обучение — всеобщее благо; женщина в духовном отношении должна быть равной мужчине. Эти и другие взгляды Андреэ заслужили большое одобрение Коменского.

В 1618 г. община «Чешские братья» назначила Коменского пастырем-проповедником в г. Фульнек в Северной Моравии, где он одновременно руководил и братской школой.

Важным событием в жизни Коменского в этом году был его брак с падчерицей бургомистра г. Пшерова Магдалиной Визовской. Магдалина, образованный и благородный человек, стала большим другом Коменского. У супругов родился сын, и в личной жизни Коменского настал довольно мирный период.

Известно, что Коменский много сделал для повышения уровня жизни и благосостояния населения Фульнека, особенно бедняков. Он внес много нового в хозяйственную деятельность населения. В частности, в этом городе он явился инициатором разведения пчел, и его начинание было встречено населением с большим интересом.

За время работы Коменского произошли изменения и в деятельности Фульнекской школы. Кроме того что расширился контингент учащихся и улучшилось общее

положение школы, в ее работе прочно утвердились те передовые, гуманистические педагогические принципы, которых придерживалась секта «Чешские братья». В братских школах особое значение придавалось реальному образованию. Большое место в обучении заняли непосредственные наблюдения над предметами и явлениями окружающей жизни; догматизм и формальное заучивание были изгнаны из обучения. Часто проводились экскурсии и прогулки. Прикованный ранее к парте, ребенок теперь становился ближе к природе, к реальным условиям жизни.

Не случайно сохранилось устное предание о дубе в так называемом Жаковском лесу вблизи Фульнека, с которым связано имя Коменского; в этом лесу, название которого происходит от слова «жак», что по-чешски означает «ученик», еще во второй половине XIX в. показывали большой старый дуб, в тени которого Коменский проводил занятия и беседы с учениками.

Во время пребывания в Фульнеке Коменский пишет труды: «О древностях Моравии» («De antiquitatibus Moraviae») и «О происхождении рода Жеротинских» («Spis o rodu Zerotinů»). Эти исторические очерки, к сожалению, пока еще не найдены. Сведения об этих трудах имеются у современника Коменского чешского историка Томаша Пешины (1629—1680) в книге «Mars Moravicus».

В эти же годы Коменский составил карту Моравии. Эта карта, дважды изданная в г. Амстердаме (1627 г. и 1664 г.), была составлена с большой для того времени точностью. Она и до наших дней в некоторых отношениях не утратила своего значения.

В Фульнеке Коменский много читал, изучая филологическую и педагогическую литературу. Особенно увлекали его произведения известных ему еще с университетского периода авторов — Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Хуана Вивеса и Иоганна Андреэ. Имена этих мыслителей Коменский в своих трудах всегда упоминает с большим уважением.

Период мирной и счастливой жизни в Фульнеке был непродолжительным. Однако за время жизни в Пшерове и Фульнеке Коменский приобрел опыт работы с детьми в школе, который в значительной мере обусловил богатство учения Коменского, его основательность и жизненность. В этом смысле период пребывания в Пшерове и

Фульнеке можно считать наиболее значительным в развитии педагогического учения Коменского.

Жизнь в подполье. Победа Габсбургов в 1620 г. в битве у Белой горы принесла всему чешскому народу огромное горе. На пражской площади, перед староместской ратушей, в морозные февральские дни 1621 г. были казнены многие передовые сыны чешского народа, стоявшие во главе освободительной борьбы против Габсбургов. Захватчики огнем и мечом истребляли патриотов. Вскоре они добрались и до Фульнека. Жизнь Коменского как активного протестанта оказалась в опасности. С этого времени для него наступает полный трагизма период скитаний, жизни в нелегальных условиях. В начале 1621 г., несмотря на то что ему покровительствовал влиятельный граф Карел Жеротинский, Коменский был вынужден по совету самого Жеротинского покинуть город и искать приюта в горах и лесах.

Это несчастье усугубилось и тем, что в 1621 г., когда войска католической лиги ворвались в Фульнек и предали весь город огню, сгорел дом Коменского. Жертвой огня оказались его богатая библиотека и рукописи.

За этим последовал новый удар: занесенная испанскими войсками чума в 1622 г. унесла жизнь его жены Магдалины и обоих детей.

Однако даже душевная травма, вызванная этим тяжелым горем, не смогла сломить волю великого патриота, и своим личным примером он вселял в таких же многострадальных соотечественников дух бодрости и непримиримости.

В условиях жестоких преследований и усиления инквизиции Коменскому стало опасно оставаться в Моравии. Поэтому он скрывается в маленьком г. Брандисе над Орлицей, где в то время проживал граф Жеротинский, который дал приют в своих землях Коменскому вместе с другими протестантскими проповедниками. Здесь Коменский старался много читать и писать даже тогда, когда ему приходилось прятаться в дупле векового дуба.

Среди трудов этого периода наиболее важным является его известный роман-трактат философско-социального направления «Лабиринт света и рай сердца» («Labyrint svéta a ráj srdce»), завершенный им в декабре 1623 г.

В этой работе с позиций гуманизма и демократизма с большой остротой и в художественной сатирической форме показаны устаревшие феодальные отношения с социально-экономической, общественно-политической и идеологической сторон, с величайшей убедительностью показана действительность этого разлагающегося феодального общества.

Это произведение Коменского, напечатанное в нескольких экземплярах при помощи Жеротинского, а затем широко распространившееся в списках, особенно среди беженцев, поддерживало дух чешских патриотов в то тяжелое время [1]. Точно так же позже, в других условиях, в революционной Франции «Эмиль» и «Общественный договор» великого французского просветителя Жан-Жака Руссо стали знаменем в борьбе против феодализма.

В тот период, когда Коменский скрывался в окрестностях Брандиса, в его жизни произошло важное событие. Он сблизился с семьей проживавшего в этом городе епископа Яна Цириля, познакомился с его дочерью Марией-Доротеей и женился на ней летом 1624 г. Доротея, как пишут биографы Коменского, была весьма начитанным и благородным человеком. Она не только сочувствовала протестантским взглядам Коменского, но еще до брака принимала практическое участие в тайной работе общины братьев, а связав свою судьбу с находившимся в подполье Коменским, стала одним из активных деятелей этого движения.

Весной 1625 г. в селении, расположенном на склонах Крконошских гор, был проведен тайный съезд проповедников секты «Чешские братья», который поручил Коменскому и еще двум членам общины отправиться в Польшу и выяснить, можно ли найти для преследуемых чехов прибежище в этой стране.

По возвращении из Польши Коменский проводит большую работу по укреплению братской общины. Своим личным примером, словом и делом он боролся за то, чтобы каждый чех своим первейшим долгом считал борьбу за избавление родины от иностранных захватчиков. Его радовали даже мистические пророчества об освобож-

[1] См.: Фр. Кожик, Скорбная и героическая жизнь Я. А. Коменского, Прага, 1958, стр. 43.

дении отечества, и он вел пропаганду таких идей. Например, он поддерживал пророчество своего друга Христофора Коттера об избавлении страны в ближайшее время, а также поддерживал «откровения» психически больной Кристины Понятовской и т. п.

Летом 1626 г. Коменский, его жена Доротея и тесть Ян Цириль нашли убежище в Северо-Восточной Чехии, в Биле-Тржемешне, в замке чешского помещика Иржи Садовского; Садовский ранее был правителем края Градец Кралове. В качестве воспитателя своих троих детей он пригласил близкого друга Коменского, учившегося вместе с ним в Герборнском университете, протестанта пастора Яна Стадия, который попросил Коменского дать ему советы и наставления, как лучше организовать обучение, и написать для него соответствующие правила. Коменский с большим удовлетворением принял эту просьбу Яна Стадия. Он прежде всего попытался установить дружескую связь с Ратке, дидактические идеи которого знал и раньше. Ратке, который всячески старался сохранить свои дидактические достижения в тайне, даже не ответил Коменскому.

Разочаровавшись в Ратке, Коменский обратился с письмом к Андреэ. Андреэ не мог оказать Коменскому какую-либо практическую помощь. После ответа Андреэ Коменский решил самостоятельно взяться за это крайне необходимое дело и приступил к разысканию соответствующих источников. Коменский, Стадий и еще несколько других священников пересмотрели находившуюся в Вильчицском замке известную библиотеку Зильберштейнов. В этой библиотеке Коменский обнаружил книгу Элиаша Бодина о дидактике, изданную на немецком языке в г. Гамбурге в 1621 г. Эта книга («Berichtvon der Natur — und vernuft mässigen Didactica oder Lehr — Kunst»), в которой содержались некоторые правила обучения латинскому языку, заставила Коменского задуматься. Он решил самостоятельно изучить вопросы обучения вообще и написать на чешском языке книгу о дидактике.

Это решение Коменского с полным сочувствием было встречено общиной братьев, поскольку, как об этом писал Коменский в предисловии к амстердамскому изданию «Opera didactica omnia». (Полное собрание дидактических сочинений), эта книга была предназначена для того,

чтобы помочь многострадальному чешскому народу в деле защиты и развития родного языка. Коменский с большим увлечением приступил к работе. Можно сказать, что с этого дня началась большая теоретическая педагогическая работа Коменского, результаты которой были изложены в так называемой «Чешской дидактике», которую Коменский первоначально озаглавил «Ráy český» («Чешский рай»). Эта дидактическая работа, написанная Коменским на родном языке, долгое время оставалась совершенно неизвестной. Только в 1841 г. ее обнаружил в г. Лешно чешский ученый-физиолог Ян Пуркине (1789—1869). Эта работа впервые была издана в г. Праге в 1849 г. Чешским национальным музеем в серии «Staročeska biblioteka» («Старочешская библиотека»). Рукопись ее хранится в коллекции рукописей того же музея.

Правда, у Коменского не было возможности написать до конца дидактику на родном языке, однако работа, проведенная им в г. Биле-Тржемежне, определила тот круг основных вопросов дидактики и то их решение, которые в полном виде представлены в его бессмертной «Великой дидактике». Фигурально выражаясь, так называемая «Чешская дидактика» — мать «Великой дидактики».

В эти годы Коменский написал также работу «О чешской поэзии» («O poezi české»). Она входит в число тех шести рукописей Коменского, которые хранятся в публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и которые в 1931 г. были обнаружены профессором Станиславом Соучеком. Работа написана на чешском языке. В ней говорится о том, что такое поэзия вообще, по каким законам должен строиться размер стиха и др. Коменский в этой работе особенно подчеркивает богатство чешского языка и освещает важные вопросы чешской поэзии. Эту работу впервые опубликовал проф. А. Шкарка в 1955 г.; по его утверждению, она должна была быть написана в 1623—1626 гг.

31 июля 1627 г. император Фердинанд II издал указ, по которому официальной религией в Чехии стало католичество. Тем же указом всем протестантам предлагалось в шестимесячный срок перейти в католичество или же покинуть территорию Чехии. В результате этого закона десятки тысяч укрывавшихся в горах и лесах бегле-

цов под руководством «Чешских братьев» приступили к подготовке к переселению. Синод «Чешских братьев» поручил Коменскому организовать эту подготовку. Выполнение этого поручения полностью оторвало Коменского от литературно-научной работы. 28 января 1628 г. Коменский с женой Доротеей и новорожденным сыном Христианом вместе с более чем 30 тысячами семейств отправились в путь в Польшу. К первому февраля они уже подошли к г. Жацлержу на чешско-польской границе. Беженцы-патриоты, как вспоминает сам Коменский, с вершины горы в последний раз окинули взором многострадальный родной край, коленопреклоненные простились с родной землей, оросили ее слезами и двинулись по направлению к г. Лешно. Чешские патриоты шли, унося с собой в сердцах безграничную любовь к родине, стремление к самоотверженной борьбе за освобождение отечества, как высший смысл и идеал своей жизни, несли в себе неугасимое желание вскоре увидеть родину свободной и счастливой. «До свидания!» — этими словами прощались они с родиной.

Первое пребывание в Лешно. 8 февраля 1628 г. Коменский поселился в польском г. Лешно, который издавна служил убежищем для многих «Чешских братьев». Еще в 40-х годах XVI в. здесь возникла община чешских протестантов, изгнанных за пределы Родины. В 1550 г. община открыла свою школу, которая вскоре стала хорошо организованным учебным заведением.

С 1628 г., с заселения его чехами, город сильно вырос, и с этого времени Лешно, как говорил Коменский, стал «большим городом». Община «Чешских братьев» в Лешно была одной из сильнейших среди тех более чем ста общин «Чешских братьев», которые существовали в других городах Польши, а также в Пруссии и Венгрии. Она пыталась установить союз между общинами, организовать совместно меры, направленные к освобождению чешского народа.

Пребывание Коменского в Польше охватывает три периода: с 1628 по 1641 г., с 1648 по 1650 г. и с 1654 по 1656 г.

После переезда в Лешно Коменский сперва ведет педагогическую работу в гимназии «братьев» — в старших классах преподает естествоведческие предметы (физи-

ку), а в дальнейшем, в 1635 г., его избирают на должность ректора гимназий. Вместе с тем он проводит большую организационную работу в общине в совете старейшин, в который он был избран в 1642 г. Здесь ему была поручена должность секретаря, которую до того занимал его тесть Ян Цириль.

Коменский проводит в эти годы большую и интенсивную работу по усовершенствованию своей «Великой дидактики». Это было вызвано и тем, что после вступления Швеции в Тридцатилетнюю войну и ее первых успехов у чешских беженцев возникла надежда вернуться на родину. Взятие Праги шведами в 1630 г. и освобождение Чехии создавали реальную основу для этой надежды. Коменский верил, что благополучие Чехии и ее народа можно восстановить прежде всего путем преобразования и усовершенствования школьного образования, и свою «Великую дидактику» считал лучшим средством для этого. Работу над «Великой дидактикой» он завершил к 1632 г., но надежда на скорое возвращение на родину исчезла после установления в Чехии нового, еще более жестокого режима Габсбургов.

В те же годы (в 1628 г.) Коменский написал на чешском языке известную книгу «Материнская школа» («Informatorium školy mateřskě»). Оригинал чешской рукописи был обнаружен вместе с «Чешской дидактикой» в г. Лешно в 1841 г. профессором Яном Пуркине. Он был напечатан впервые в 1859 г. в Праге, а рукопись хранится в коллекции Пражского национального музея. Коменский сам перевел «Материнскую школу» на немецкий язык и опубликовал в 1633 г. в г. Лешно, а через год — в Лейпциге. На латинском языке эта работа впервые была напечатана в Полном собрании дидактических сочинений («Opera didactica omnia») Коменского в 1657 г. в Амстердаме. Интерес к этой книге особенно возрос со второй половины XIX в., когда во многих странах распространилась система общественного воспитания детей дошкольного возраста. С тех пор книга неоднократно издавалась на многих языках мира.

Параллельно с работой над «Великой дидактикой» Коменский написал знаменитый учебник латинского языка «Открытая дверь языков и всех наук» («Janua linguarum reserata sive Seminarium linguarum et Scientarium»), который впервые был напечатан на латинском

языке в 1631 г. и в дальнейшем прославил автора во всем мире.

Эта маленькая энциклопедия на латинском языке произвела переворот в системе преподавания этого важнейшего по тем временам предмета. В этом учебнике отвергнут догматико-грамматический путь изучения языка, который на протяжении столетий приносил страдания и мучения миллионам детей. Вместо сухих, непонятных и непреодолимых грамматико-синтаксических правил в «Открытой двери языков» представлены 100 маленьких рассказов из различных областей знания, которые не только изменили направление схоластических учебников того времени, но и сделали более эффективным и плодотворным изучение самого латинского языка, являвшегося официальным языком в государственном управлении, науке и школе. «Открытая дверь языков» поистине представляла практическую иллюстрацию основных положений дидактики Коменского, подтверждала правильность этих положений, в чем и сам Коменский видел одно из назначений книги. Красноречивым подтверждением блестящей победы «Открытой двери языков», и следовательно дидактики Коменского, является то, что история не знает другого случая, когда какой-либо школьный учебник получил бы такое широкое распространение. Эта книга была переведена почти на все европейские и на некоторые восточные языки и на протяжении XVII и XVIII вв. служила учебником латинского языка почти во всех странах, в том числе и в России. Несмотря на такой успех, Коменский все же не был доволен этой книгой и считал ее трудной для детей. Поэтому в 1633 г. он дополнительно составил «Преддверие к открытой двери к языкам» в качестве учебника латинского языка для начинающих.

В 1633—1638 гг. Коменский продолжает работу над «Великой дидактикой». В связи с тем что надежда на возвращение в Чехию все уменьшалась, Коменский решил издать свой труд на латинском языке и тем самым сделать его доступным для всех народов на земле. Эту работу он завершил к 1638 г. и послал рукопись своему другу Иоахиму Гюбнеру, проживавшему в Англии, попросив его высказать свое мнение об этой работе. С большим опозданием Коменский получил от Гюбнера отрицательный отзыв. После этого он долгое время воз-

держивался от издания «Великой дидактики». Только спустя почти 20 лет, в 1657 г., она была опубликована в Амстердаме в Полном собрании дидактических сочинений. Эта классическая работа Коменского — основополагающий труд научной педагогики, значение которого невозможно переоценить. Эта поистине золотая книга переведена почти на все известные языки мира.

Коменский проявлял большой интерес к естествоведческим дисциплинам. На протяжении ряда лет он преподавал физику в школе «братьев» в Лешно. Огромный интерес Коменского к реальным наукам получил свое выражение не только в его философских, общепедагогических трудах и школьных учебниках, но и в такой специальной работе, как его книга «Обозрение реформированной во славу божию физики» («Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis»). Создавая эту книгу, он руководствовался девизом: «Познание предметов природы должно происходить не из книг, а из самой природы». Этот школьный учебник «Физика», который в 1633 г. был издан в Лейпциге, содержал сведения почти из всех отраслей естествознания и даже сведения из натурфилософии. «Физика» вскоре стала предметом внимания почти всей Европы и была переведена на многие языки. Ее издали в Амстердаме (1645, 1663), Лондоне (1651).

Результатом работы в области естествознания является также книга Коменского «Открытая дверь предметов» («Janua rerum reserata»), начатая им в 1643 г. Частично она была опубликована в 1649 г. в Лешно, а целиком — в 1681 г. в Лейдене.

Из трудов Коменского в период его жизни в Лешно следует отметить также его школьные пьесы «Диоген— циник на сцене, или О сокращенном искусстве философствовать» («Diogenescynicus redivivus, sive de compendiose philosophando») и «Патриарх Авраам» («Abrahamus patriarcha»). Эти пьесы были написаны для ученических школьных спектаклей, которым он придавал большое педагогическое значение.

Как известно, в XVI и особенно в XVII в. стремление к энциклопедическому образованию значительно возросло. Можно сказать, что оно стало модой. Это оправдывалось особенностями самой эпохи. Стремление к энциклопедическому образованию получило свое выражение в так называемой пансофии — всезнании. Энциклопеди-

ческие и связанные с ними пансофические труды увлекали и Коменского. Среди различных пансофических произведений он прочитал книгу гамбургского профессора П. Лауренберга «Всеобщая мудрость, или Философское воспитание». Его не удовлетворило направление этой книги, и он решил, что сам создаст пансофическую энциклопедию, в которой будет отражена мудрость, накопленная человечеством во всех областях знания, в сочетании с христианской верой.

Вскоре английский меценат, крупный коммерсант и к тому же образованный человек Самуэл Гартлиб узнал от двух молодых людей, направленных общиной «Чешских братьев» из Лешно в Оксфордский университет для получения образования, что уже довольно известный в Англии Ян Амос Коменский намеревается написать «Пансофию». Узнав также, что Коменский, как и все изгнанники, живет в большой нужде, он обратился к Коменскому с теплым письмом, в котором просил его написать «Пансофию» и вместе с тем заранее прислать ему план этой работы. Вместе с письмом Гартлиб послал и некоторую сумму денег. В соответствии с просьбой Гартлиба Коменский составил план «Пансофии», в который дополнительно включил название глав своей «Великой дидактики», и в конце 1636 г. выслал его в Лондон.

Гартлиб, которому очень понравился замысел «Пансофии» Коменского, издал этот план без ведома автора в Лондоне в 1637 г. под названием «Введение к опытам Коменского» («Conatuum Comenianorum praeludia»). Вторично эта книга была напечатана в Лондоне же в 1639 г. под названием «Предвестник пансофии» («Prodromus pansophiae»).

Эта работа Коменского получила широкий отклик как среди выдающихся мыслителей Европы того времени, так и среди государственных деятелей. Пансофический очерк Коменского стал предметом широкого обсуждения. Им заинтересовался величайший ученый и философ того времени француз Рене Декарт (1596—1650). Несмотря на то что Декарт во многом не соглашался с Коменским, он считал, что «Коменский — человек могучего ума и великих идей».

В 1637 г. Коменский пишет работу «Кузнец счастья, или Искусство советовать самому себе» («Faber fortunae

sive Ars consulendi sibi ipsi»). Впервые она была напечатана в 1657 г. в известном амстердамском издании.

Из шести рукописных трудов Коменского, обнаруженных в 1931 г. проф. Станиславом Соучеком в Ленинградской государственной публичной библиотеке, пять относятся к периоду жизни в Лешно: 1) «Геометрия», представляющая собой учебник, предназначенный для школы в Лешно и содержащий две части — геометрию теоретическую и геометрию практическую (геодезию); 2) «Восход и заход главных звезд от восьмого небесного собрания» (эта работа была написана с научно-популярной целью и предназначалась для рядовых наблюдений над движением небесных светил); 3) «Краткая космография» («Cosmographiae compendium»), которая также представляет собой учебную книгу и состоит из двух частей — астрономии и географии; 4) «Первейшая философия», которая представляет собой первый вариант «Двери предметов»; 5) «Гражданская или политическая история» («Historia prophana siva politica»), а также предназначенная в качестве учебника для шестого класса латинской школы работа, освещающая вопросы древней истории.

В период деятельности в Лешно Коменский написал также сочинение богословско-религиозного характера «Путь покоя» («Cesta pokoje»), в котором он защищает протестантско-христианские позиции «Чешских братьев».

Прославленного педагога и мыслителя Коменского в 1638 г. приглашают в Швецию для преобразования школьной системы. Коменский отказался от этого приглашения шведского правительства. Он был в то время увлечен своей «Пансофией» и, ободренный систематической связью с Гартлибом, вел интенсивную работу в этом направлении. Гартлиб, пользовавшийся довольно значительным влиянием в английском парламенте, ставит вопрос о приглашении Коменского в Англию для осуществления идеи пансофии.

В соответствии с идеями Коменского Гартлиб ставил вопрос об учреждении в Англии международной коллегии наук, которая могла бы обобщить и свести воедино все достижения из различных областей науки и знания.

Гартлибу удалось привлечь на свою сторону определенные круги обеих палат английского парламента. Пользуясь поддержкой группы членов парламента,

Гартлиб в 1641 г. послал подряд несколько писем Коменскому, в которых настоятельно просил его по возможности скорее прибыть в Лондон. Коменский получил согласие от синода и направился в Англию.

Путешествие в Англию и работа для Швеции. 21 сентября 1641 г. Коменский прибыл в Лондон и поселился в семье Гартлиба. Однако в момент прибытия Коменского в Англию страна была охвачена огнем гражданской войны. В такой политической ситуации парламенту было не до образования и культуры. Поэтому план Коменского и Гартлиба не осуществился.

Несмотря на это, в период жизни в Англии за несколько месяцев Коменский сумел написать труд пансофического характера «Путь света» («Via lucis»), опубликованный только в 1668 г. в г. Амстердаме. В этой работе Коменский развивает идею всеобщей гармонии и мира между народами и ставит вопрос о создании международного языка и об учреждении всемирного совета. Эта работа занимает важное место среди тех, в которых Коменский высказал свои гуманистические идеи по вопросам мирного сосуществования народов.

Политическая обстановка в Англии не способствовала осуществлению идей Коменского в ближайшие годы. Поэтому Коменский решил вернуться в Лешно. Однако в это время его снова приглашают в Швецию. Крупный коммерсант Людвиг ван Геер, сочувствовавший протестантам, обещал Коменскому большую помощь, если он переселится для работы в Швецию. Коменский первоначально с сомнением отнесся к этому приглашению, предпочитая поехать в Голландию, Пруссию или Польшу. Но помощь, которую оказывали Геер и шведы «Чешским братьям», вынудила его дать согласие на предложение Геера. Переговоры со шведами еще продолжались, когда весной 1642 г. Коменский получил приглашение из Франции, написанное по поручению кардинала Ришелье. Его просили продолжить свою работу над «Пансофией» во Франции. Коменский все же решает отправиться в Швецию, что и сделал летом 1642 г.

Яркой иллюстрацией популярности Коменского являются те теплые встречи, которые общественность европейских государств, особенно Голландии, устроила великому педагогу на пути в Швецию. В Голландии Коменский встретился с философом Рене Декартом и между

ними состоялась длительная беседа по основным вопросам философии. Эта встреча произвела на обоих большое впечатление, и, несмотря на различие позиций в основных вопросах мировоззрения, они расстались с чувством глубокого взаимного уважения. Одна группа биографов указывает, что Коменский в Голландии встретился с сыном губернатора штата Массачусетс, будущим губернатором штата Коннектикут, американцем Джоном Уинтропом, который предложил Коменскому должность ректора одного из высших учебных заведений Сев. Америки — Гарвардского университета. Предполагают также, что Коменского приглашали в Новую Англию для организации школ.

Торжественные встречи Коменскому устроили в Бремене и Любеке. В Бремене он оставался несколько дней и познакомил широкие круги местной общественности со своими пансофическими и дидактическими идеями. Коменскому и здесь предложили остаться и руководить школами.

В августе 1642 г. Коменский уже в Швеции, в г. Норчёпинге, у Людвига ван Геера, который через несколько дней привез его к государственному канцлеру Швеции Оксеншгирне в Стокгольм. Канцлер в течение двух дней убеждал Коменского в том, что идея пансофии неосуществима, и просил его прекратить работу в этом направлении и заняться вопросами преподавания латинского языка, создать его методику. С таким же предложением обратился к Коменскому профессор Упсальского университета Скита. К мнению Оксеншгирны и Скиты примкнул и сам Геер. Коменский вынужден был согласиться с ними, тем более что, как мы отметили, шведы сочувствовали «Чешским братьям» и оказывали им поддержку. Вместе с тем Коменский питал большую надежду на то, что Швеция и лично Оксеншгирна помогут чешским изгнанникам вернуться на родину. В дальнейшем Коменский неоднократно обращался к Оксеншгирне по этому вопросу.

Работу над методикой Коменский в то время считал второстепенной, поскольку его главной целью была борьба за установление содружества и мира между народами. Самым важным средством для достижения этой цели он считал осуществление пансофических идей. Гартлиб в своих письмах из Англии также упрекал Комен-

ского в том, что он перестал работать над «Пансофией». Несмотря на все это, Коменский был вынужден приступить к выполнению поручения Оксенштирны.

Коменский поселился в г. Эльблонге, расположенном в Польше на побережье Балтийского моря. Вместе с ним переехали жена и дети. С Коменским жили также четыре его помощника-секретаря. Коменский хотел возможно скорее, за два-три года, выполнить взятое им на себя обязательство и вернуться к своей «Пансофии». Однако условия работы были чрезвычайно тяжелыми. Во-первых, его помощники оказались неспособными и не могли надлежащим образом помочь ему. Вместе с тем Коменский находился в большой материальной нужде. В Эльблонге он прежде всего приступил к переработке и совершенствованию «Открытой двери языков»: написал третью часть к ней — «Дворец» («Palatium»). С этого времени и до 1648 г., т. е. в период жизни в Эльблонге, Коменский создал много замечательных работ. В 1645 г. он написал «Правила жизни» («Regulae vitae»), в том же году приступил к созданию капитального труда «Общий совет об исправлении дел человеческих».

В 1646 г. Коменский направился в Стокгольм и представил высшему жюри университета еще не законченные дидактико-методические труды и в их числе—«Новейший метод преподавания языков» («Linguarum methodus novissima»).

В этой работе изложена методика преподавания латинского языка, основанная и построенная на индуктивном методе. Сперва — пример, затем — правило; предмет и параллельно — слово; свободное и осмысленное усвоение, а не мучительное зазубривание — таковы основные начала этого метода.

Коменский приступил к редактированию и подготовке к печати других трудов в соответствии с указаниями жюри. В этот период он по-прежнему находился в большой нужде. Однако уже к весне 1647 г. Коменский все же выполнил свои обязательства перед Швецией; 12—15 июня 1647 г. Коменский писал Гартлибу о том, что вздохнул свободно и уже приступил к осуществлению своей мечты — продолжению пансофических исследований.

В 1648 г. скончался главный епископ «Чешских братьев» и синод пригласил на эту должность Коменского. Он

возвратился в Лешно, где ему суждено было стать последним руководителем этой общины.

Второе пребывание в Лешно. В период вторичного пребывания в Лешно, в 1648—1650 гг., Коменский сумел опубликовать выполненную в Эльблонге работу «Новейший метод преподавания языков»; в тот же период он отредактировал работу Ласицкого «История братьев»; в 1650 г. он пишет работу «Свет во мраке» («Lux in tenebris»), которая в 1657 г. была издана в Амстердаме.

В октябре 1648 г. Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война. Известное положение мирного договора — вера подданных определяется той верой, которую исповедует их господин, — давало равные права кальвинистам, лютеранам и католикам, но только феодалам. Чехия по этому договору окончательно оказалась под господством католиков Габсбургов, и поэтому католицизм по-прежнему оставался государственной религией. Лишившиеся возможности вернуться на родину чешские изгнанники, бежавшие в Польшу, Венгрию, Силезию и Пруссию, оказались в безнадежном положении.

В марте 1650 г. был проведен конгресс представителей всех общин «Чешских братьев», который принял постановление сохранить свою церковь и незыблемо соблюдать свой прежний устав.

В 1650 г. Коменского пригласил к себе правитель Венгрии граф Сигизмунд Ракочи, предложив ему консультировать руководство школой в городе Шарош-Патаке, а также осуществить свой пансофический план. Вместе с этим официальным приглашением Коменский получил соответствующее письмо ректора гимназии в Шарош-Патаке Яноша Толнаи. Янош Толнаи получил высшее образование в Англии и Голландии, был близко знаком с Гартлибом и через его посредство — с пансофическими идеями Коменского. Биографы указывают, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в приглашении Коменского в Венгрию.

Коменский охотно принял это приглашение, поскольку в Венгрии «Чешским братьям» оказывали покровительство и помощь. Своим согласием Коменский желал выразить признательность. Поздней весной 1650 г. Коменский отправился в Венгрию. Торжественную встречу устроила ему община «Чешских братьев» в пограничном городе Скалице. В октябре 1650 г. Коменский с женой и детьми

поселился в Шарош-Патаке. Здесь ему создали хорошие условия для жизни и работы.

Деятельность в Венгрии. Венгерский период, охватывающий четыре года, был одним из самых плодотворных периодов в жизни Коменского как в практической педагогической деятельности, так и в его творческой, теоретической работе.

Практическая деятельность Коменского в гимназии г. Шарош-Патака в значительной степени обусловила теоретическую разработку им различных вопросов педагогики.

Хотя Коменскому и не удалось полностью перестроить Шарош-Патакскую гимназию в соответствии с теми идеями, которые он изложил в своем сочинении «Пансофическая школа» (1651), он все же сумел открыть три по-новому организованных класса. Обучение здесь велось по учебникам самого Коменского и в духе его дидактической концепции.

Из трудов этого периода особенно большое значение имеет бессмертная книга Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» («Orbis sensualium pictus»)[1], которую он закончил в 1653—1654 гг. Эта гениальная работа впервые была напечатана в 1658 г. и быстро распространилась по всей Европе и за ее пределами как замечательный школьный учебник для изучения латинского языка. В этой книге преодолены те методические сложности и трудности, которые, по мнению Коменского, были характерны для «Открытой двери языков». Этот иллюстрированный учебник важен не только в том отношении, что он облегчал изучение латинского языка; главное состоит в том, что изучение языка по нему было связано с вещами, что в нем впервые был последовательно реализован принцип наглядности. «Orbis pictus» был переведен почти на все европейские языки и даже в некоторых странах Азии. В русских школах он был введен в качестве учебника еще в 1786 г. В утвержденном в этом году уставе народных школ, в 13 параграфе, предлагалось ввести «Видимый мир в картинках» как учебную книгу для изучения иностранного языка в главных народных училищах. Во

[1] На русском языке эта книга первоначально была широко известна под названием «Видимый мир в картинках», а в мировой литературе — «Orbis pictus».

многих странах эта книга оставалась признанным учебником почти до конца XIX в. Высокую оценку дал «Orbis pictus» великий русский педагог-классик К. Д. Ушинский, назвавший ее «образцом переработки педагогической науки». Этот учебник и в настоящее время издается во многих странах как книга, имеющая большое научно-педагогическое и методическое значение. В частности, в СССР «Orbis pictus» с комментариями проф. А. А. Красновского был издан дважды (в 1938 и 1954 гг.). В настоящее время он переводится на грузинский язык и в виде третьего тома избранных сочинений Коменского в ближайшее время выйдет в свет.

Кроме «Orbis pictus» и «Пансофической школы» Коменским за годы пребывания в Шарош-Патаке созданы такие труды педагогическо-дидактического характера, как: «О культуре природных дарований» («De cultura ingeniorum», 1650); «Воскресший Форций, или Об изгнании лености из школ» (в нашей работе — «Об изгнании из школ косности») («Fortius redivivus sive De pellenda scholis ignavia», 1652); «Похвала истинному методу» («Methodi verae encomia», 1651); «О пользе точного наименования вещей» («De utilitate accuratae rerum nomenclaturae oratiuncula», 1651); «Правила поведения» («Praecepta morum», 1653); «Законы хорошо организованной школы» («Leges scholae bene ordinatae», 1653) и др.

В 1653—1654 гг. Коменский написал также интересную работу «Школа—игра» («Schola ludus»), которая представляла собой драматизацию содержания учебника «Открытая дверь языков». Эти учебные пьесы Коменского неоднократно разыгрывались учениками школы в Шарош-Патаке и пользовались неизменным успехом. В 1654 г. Коменский закончил один из своих выдающихся философско-политических трактатов «Счастье народа» («Gentis felicitas»), проникнутый идеями демократизма и доказывающий справедливость экономических, правовых и культурных требований народа.

Третье пребывание в Лешно. По настоятельному требованию братской общины летом 1654 г. Коменский снова возвращается в г. Лешно и здесь продолжает свою деятельность. Первое время он был занят главным образом делами общины, но, несмотря на это, ему все же удавалось вести научно-педагогическую работу, особенно в области пансофии. Третий период жизни в Польше ока-

зался чрезвычайно коротким. В 1655 г. между Швецией и Польшей началась война. Коменский и все «Чешские братья» сочувствовали протестантам-шведам, поскольку победу Швеции они считали предпосылкой для освобождения Чехии.

Это, а также то, что Коменский написал панегирик в честь короля Швеции Карла Густава, вызвало недовольство правящих кругов Польши «Чешскими братьями». Когда польские войска в 1656 г. неожиданным ударом взяли г. Лешно, до этого занятый шведами, они предали город огню, и разоренные чехи были вынуждены бежать не только из Лешно, но и из Польши. Во время пожара погибла бóльшая часть рукописей Коменского, целиком погибли его проповеди, а сам он бежал в Силезию и поселился в г. Франкфурте. Здесь, однако, он оставался недолго. В это время Коменский получил из Амстердама приглашение от Людвига ван Геера — сына своего недавно скончавшегося друга Лаврентия ван Геера — и в августе 1656 г. переселился в Амстердам. Амстердамский сенат выделил в помощь чешским беженцам 2 млн. флоринов, а Коменского пригласил на должность профессора и назначил ему ежегодно 800 флоринов, чтобы он имел возможность спокойно жить и продолжать давно начатую работу над пансофическими трудами. Коменский из скромности отказался от почетного звания профессора, но с горячей благодарностью принял помощь сената.

Деятельность в Голландии. В Амстердаме Коменскому были созданы благоприятные условия для спокойной жизни, но судьба многострадальной родины никогда и ни на минуту не давала ему покоя.

Амстердамский период жизни Коменского имеет всемирно-историческое значение в развитии педагогической мысли. Здесь в 1657 г. по постановлению амстердамского сената и при материальной поддержке Лаврентия ван Геера было осуществлено издание Полного собрания дидактических сочинений («Opera didactica omnia») великого чешского педагога. Особое значение этого издания в том, что оно было осуществлено при жизни самого Коменского и под его непосредственным руководством.

Амстердамское издание Полного собрания дидактических сочинений содержит два тома.

В первом томе, состоящем из двух частей, представлено 18 капитальных работ, написанных Комен-

ским в 1627—1650 гг., общий объем которых превышает 500 страниц.

В первой части первого тома напечатаны следующие труды: 1) «Великая дидактика, которая содержит искусство учить всех всему» («Didactica magna, omnes omnia docendi artificia exhibens»); 2) «Школа материнского лона, или О предусмотрительном воспитании юношества в первые шесть лет» («Schola materni gremii: Sive de provida juventutis primo sexennio Educatione»); 3) «Очерк школы родного языка» («Scholae vernaculae delineatio»); 4) «Дверь латинского языка, первоначально изданная» («Janua Latinae Linguae primum edita»); 5) «Пристроенный к ней вестибюль» («Vestibulum ei praestructum»); 6) «Лепная работа в храме латинского языка» («Proplasma Templi Latinitatis»); 7) «Дидактическая диссертация в четырех частях об изучении латинского языка» («De sermonis Latini studio quadripartito Dissertatio Didactica»); 8) «Предвестник пансофии» («Prodromus Pansophiae»); 9) «Толкования пансофических опытов» («Pansophicorum Conatuum Dilucidatio»). Тому предпосланы: 1) «Посвящение» («Epistola dedicatoria») со следующим заглавием: «Красе городов, славе Бельгии и гордости Европы Амстердаму» («Ocelle Urbium Amsterdamum, decus Belgia, Exultatio Europae»); 2) «Благочестивым и мудрым читателям» («Lectoribus piis, et prudentilus»).

Во вторую часть первого тома вошли следующие 8 работ Коменского: 1) «О новых методах для продолжения дидактических занятий» («De novis Didactica Studia continuandi occasionibus»); 2) «Новейший метод языков, прочно основанный на дидактических принципах» («Novissima Linguarum methodus, fundamentis Didacticis solidé superstructa etc»); 3) «Составленный по его правилам вестибюль латинского языка, заключающий основное из вещей и языка» («Ad hujus leges concinnatum Lat. L. Vestibulum, Rerum et Linguae cardines exibens»); 4) «Новая дверь латинского языка» («Lat. L. Janua nova»); 5) «Дверной латино-немецкий лексикон» («Lexicon Janule Latino-Germanicum»); 6) «Ключ к новейшей двери латинского языка, грамматика латинского родного языка» («Januae L. L. novissimae clavis, grammatica Latino-vernacula»); 7) «Сообщение о зале латинского языка, украшении вещей и языков» («De Atrii L. L. Rerum et Linguarum

Ornamenta exibente relatio»); 8) «Кое-что из суждений об этом ученых и новые спорные вопросы» («Quaedam de his Doctorum judicia, novoque dicquisitiones»).

Второй том сочинений (третья и четвертая части) содержит труды Коменского, написанные в 1650—1654 гг., общий объем которых около 600 страниц.

В третьей части содержится 15 работ: 1) «Сообщение о приглашении в Венгрию» («De vocatione in Hungariam relatio»); 2) «Очерк семиклассной пансофической школы» («Scholae Pansophiacae Classibus septem adornandae Delineatio»); 3) «О запорах, открытых в пансофических занятиях, и различные размышления об их устранении» («De repertis Pansophici studii obicibus, deque tollendis illis deliberationes variae»); 4) «Речь о культуре природных дарований» («De Ingeniorum Cultura Oratio»); 5) «О первейшем инструменте культуры дарований — о книгах» («De ingenia colendi primario instrumento, Libris»); 6) «Об открытой трехклассной школе, как кратком и прелестном пути к латинским авторам, которых нужно читать и понимать» («De reperta ad Authores Latinos, legendos et intelligendos, brevi et amoena via, Schola Triclassi»); 7) «Первая часть школьного обучения, вестибюль, закладывающий фундамент вещей и языка» («Eruditionis Scholasticae pars I, Vestibulum, Rerum et Linguae fundamenta ponens»); 8) «Часть вторая школьного обучения, дверь заключающая в себе структуру вещей и латинского языка» («Eruditionis Scholasticae pars II, Janua, Rerum et L. L. structuram exhibens»); 9) «Часть третья школьного обучения, зал, заключающий в себе украшение вещей и латинского языка» («Eruditionis Scholasticae pars III, Atrium, Rerum et L. L. ornamenta exhibens»); 10) «Воскресший Форций, или Об изгнании лености из школ» («Fortius redivivus: sive, De pellenda Scholis Ignavia»); 11) «Правила поведения для юношества» («Praecepta Morum, in Juventutis usum»); 12) «Законы хорошо организованной школы» («Leges bene ordinatae Scholae»); 13) «Мир чувственных вещей в картинках» («Orbis sensualium pictus seu, Vestibuli et Janua L. L. Lucidarium») — краткая характеристика упоминавшейся ранее книги; 14) «Школа — игра, т. е. сценические упражнения по двери языков» («Shola Ludus: hoc est Januae Linguarum praxis comica»); 15) «Заключительный обзор

школьной работы в Венгрии» («Laborum Scholasticorum in Hungaria obitorum Coronis»).

В конце третьей части помещена речь Коменского, написанная по случаю смерти его друга Людвига ван Геера.

В четвертой части помещены следующие труды, написанные Коменским в Амстердаме: 1) «Жизненный круг» («Vita gyrus, sive De Occasionum Vitae»); 2) «Малое для малых, все для всех» («Parvulis—parvulus, Omnibus — Omnia»); 3) «Апология латинской двери Коменского» («Pro Latinitate Januae Comenianae Apologia»); 4) «Соприкосновение с мудростью» («Ventilabrum Sapientiae, sive, Sapienter sua retractandi ars. Cum adjuncta Authoris omnium Didacticarum suarum cogitationum retractatione brevi»); 5) «Выход из схоластического лабиринта наконец на равнину» («E Labyrinthis Sholasticis Exitus in planum Sive, Machina Didactica, mechanice constructa: ad non haerendum amplins (in docendi et discendi muniis sed progrediendum)»); 6) «Воскрешенный Лациум» («Latium redivivum. Hoc est, Deforma erigendi Latinissimi Collegii, cen novae Romanae Civitatulae: Ubi Latina Lingua usu et consuetudine ut olim, melius tamen quam olim, addiscatur»); 7) «Живая типография» («Tipographeum Vivum, Hoc est, Ars compendiose, et tamen copiose ac eleganter, sapientiam non chartis, sed Ingenius, imprimendi»); 8) «Возвращенный рай церкви» («Paradisus Juventuti Christianae reducendus sive, Optimus Scholarum status, ad primae Paradisiacae Scholae ideam delineatus»); 9) «Передача лампады» («Traditio lampadis. Hoc est, Studiorum Sapientiae, Christianaquae Juventutis, et Scholarum, Deo et Hominibus devota commendatio; et sic Didactico studio imposita coronis»).

С начала 60-х годов Коменский почти прекратил работу над вопросами дидактики и последние десять лет своей жизни посвятил практической деятельности по освобождению своей родины и разработке проблем мира и сотрудничества между народами. Известна его обширная переписка с главами целого ряда государств по вопросам освобождения Чехии. Он очень много работал также для того, чтобы в уже фактически распавшейся секте «Чешских братьев» снова появилась надежда на освобождение и чтобы восстановить единство рядов этого общества под великим знаменем освобождения родины.

В последние годы жизни Коменский создал проникнутое обычной для него ясной мыслью и глубоким гуманистическим духом сочинение общечеловеческого характера, переоценить значение которого невозможно. Коменский назвал его «Всеобщим советом людским поколениям и в первую очередь — ученым, служителям религии, европейским властям об упорядочении дел человеческих» («De rerum humanarum emendatione consultatio catholica ad genus humanum, ante alios veroad eruditos, religiosos, potentes Europae»).

Коменский начал писать некоторые работы, вошедшие в это сочинение, еще в 1645 г. Он предполагал представить в «Общем совете об исправлении дел человеческих» следующие семь частей: 1) «Всеобщее пробуждение» («Panegersia»); 2) «Всеобщее озарение» («Panaugia»); 3) «Всеобщая мудрость» («Pansophia»); 4) «Всеобщее воспитание («Pampaedia»); 5) «Всеобщий язык» («Panglottia»); 6) «Всеобщее исправление» («Panorthosia»); 7) «Всеобщее примирение» («Pannuthesia»). Первые две части были изданы в 1656—1662 гг. «Панегерсия» вторично была напечатана в 1702 г. проф. Будеусом вместе с «Историей «чешских братьев» (один экземпляр этого издания хранится в Государственной библиотеке имени Ленина). Подготовить остальные части к печатанию Коменский не успел и завещал окончательное приведение рукописи в порядок своему сыну Даниэлю и одному из своих сотрудников, чеху по происхождению, В а ц л а в у Н и г р и н у. Эти пять частей рукописи считались утерянными и только в 1934 г. были обнаружены в г. Галле (Германия). Этот материал, как выясняется, Нигрин привел в порядок и передал для переписи каллиграфам. Подлинник этой рукописи, хранящийся в Пражском университете, как полагают чешские ученые, должен в точности соответствовать оригиналу Коменского.

«Общий совет об исправлении дел человеческих» полностью впервые был опубликован в 1966 г. Чехословацкой Академией наук. Он издан в двух томах общим объемом около 1500 страниц тем же самым форматом, что и амстердамское издание «Полного собрания дидактических трудов» Коменского.

Первая часть «Общего совета», «Панегерсия», в 1960 г. была издана в г. Гейдельберге (ФРГ), хотя в довольно свободном, порой искаженном переводе.

«Общий совет» — зеркало общественно-политического мировоззрения Коменского. Это сочинение, как мы увидим ниже, содержит законченную социально-политическую концепцию Коменского, которую великий демократ-гуманист воплощал в практической жизни и теоретическом творчестве на протяжении всей своей жизни.

В 1667 г. он публикует работу «Ангел мира» («Angelus pacis»), в которой призывает все человечество к миру, призывает государства решать все спорные вопросы на основе доброй воли, а не путем использования оружия и насилия.

Уставший от трудов и борьбы, лишенный родины, измученный Коменский пишет сочинение «Единственно необходимое» («Unum necessarium», 1668), оказавшееся «лебединой песней», в которой мыслитель, исполнивший свой долг перед родиной и всем миром, подводит итоги своей жизни. С глубокой горечью пишет Коменский: «Вся моя жизнь протекала не на родине, а в непрерывных скитаниях, мое пристанище постоянно менялось, и нигде не находил я себе прочного приюта».

Последним сочинением великого чешского мыслителя и патриота было «Продолжение братского завещания» («Continuatio admonitionis fraternae de temperando charitate zelo», 1669), которое является автобиографией Коменского.

Коменский скончался 15 ноября 1670 г. Вблизи него находились его сын Даниэль и недавно овдовевшая дочь Елизавета с пятью детьми.

Коменский похоронен в Наардане, вблизи Амстердама, во французской церкви.

В 1892 г. весь мир отмечал 300-летие со дня рождения Коменского.

В 1957—1958 гг., по постановлению Всемирного Совета Мира, широко отмечалось 300-летие издания Полного собрания дидактических сочинений Коменского. Этот юбилей превратился в педагогическое движение мирового масштаба.

ГЛАВА ВТОРАЯ[1]

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОМЕНСКОГО

Педагогическое учение Яна Амоса Коменского отражает мировоззрение автора — систему его взглядов на закономерности развития и движения природы, общества и человеческой мысли. Для того чтобы раскрыть многостороннее учение основоположника педагогики Коменского о воспитании и понять, почему продолжает оно вызывать интерес в нашу эпоху, необходимо иметь представление о мировоззрении Коменского, о его философской и общественно-политической концепции как о методологической основе его педагогического наследия. Это тем более не-

[1] Цитируем сочинения Коменского «Лабиринт света и рай сердца» и «Великая дидактика» по кн.: Ян Амос Коменский, Избранные педагогические сочинения, М., Учпедгиз, 1955; «Материнская школа», «Предвестник всеобщей мудрости», «О культуре природных дарований», «Пансофическая школа», «Об изгнании из школ косности», «Похвала истинному методу», «О пользе точного наименования вещей», «Правила поведения», «Законы хорошо организованной школы», «Выход из схоластических лабиринтов» — по кн.: Ян Амос Коменский, Избранные педагогические сочинения, т. II, М., Учпедгиз, 1939; «Живая типография» — по кн.: Ян Амос Коменский, Избранные педагогические сочинения, т. I, Тбилиси, 1949, 1950 (на груз. яз.).

В нескольких случаях, когда сочинения Коменского цитируются по другим изданиям, на них дана ссылка в тексте.

обходимо, что, как справедливо указывает чешский исследователь мировоззрения Коменского проф. Иржина Попелова, «Коменский — не только великий педагог, но и выдающийся философ и мыслитель».

Данная работа, конечно, не претендует и не может претендовать на всестороннее освещение философских и общественно-политических взглядов Коменского — это предмет специального исследования. Мы ограничимся общей характеристикой мировоззрения Коменского и попытаемся главным образом в аспекте нашей темы изложить ее по следующему плану.

Философские воззрения

1. Коменский как философ и мыслитель.
2. Отношение Коменского к философскому наследию.
3. Общая характеристика философской концепции Коменского.
4. Гносеологические воззрения Коменского.
5. Пансофическая направленность философии Коменского.

Общественно-политические воззрения

1. Социально-экономические взгляды Коменского.
2. Политическая концепция Коменского.
3. План всеобщего преобразования общества.
4. Коменский — пламенный патриот и борец за всеобщий мир.

В первую очередь следует подчеркнуть, что при анализе мировоззрения Коменского решающее значение имеют методологические позиции самих исследователей. Огромная пестрота, существующая в оценках мировоззрения Коменского и всего его учения, объясняется не столько особенностями учения самого Коменского, сколько тем, что одни авторы подходят к нему с позиций метафизических и идеалистических, другие — с точки зрения диалектически-материалистической.

Нашей методологией является марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм; мы стремимся осветить как мировоззрение Коменского, так и все его педагогическое учение с позиций этой единственно правильной научной методологии.

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОМЕНСКОГО

Коменский как философ и мыслитель

В комениологии известны многочисленные мнения о Яне Амосе Коменском как философе и мыслителе. Комениологов, согласно их воззрениям по этим вопросам, можно объединить в пять групп.

Первые не только полностью отрицают Коменского как философа и мыслителя, но не отводят ему какого-либо места даже в истории самих педагогических идей. В этой группе в первую очередь следует отметить некоторых богословов, которые еще при жизни Коменского выступали против него и обвиняли его в еретичестве или приписывали ему «чрезмерную рационалистичность», что также считалось подрывом устоев религии (Арнольд, Маресий и др.).

Отрицательную оценку философских взглядов Коменского находим мы у французского мыслителя второй половины XVIII в., известного профессора Седанского и Роттердамского университетов Пьера Бейля (1647—1706). В своем «Историческом и критическом словаре» (1696) противник религиозных догматов, прославленный мыслитель своего времени, который своим религиозным скептицизмом фактически сыграл роль предшественника французского материализма и атеизма, к сожалению, не сумел должным образом оценить философию Коменского, его пансофию, хотя и оценил высоко его педагогические заслуги, в частности его учебники.

Здесь же следует отметить статью А. Пятковского «Педагогическое идолопоклонство», опубликованную в 1877 г. в журнале «Дело», в которой проявляется нигилистическое отношение к Коменскому как к мыслителю. Такая отрицательная оценка Коменского является единственным исключением в истории дореволюционной русской педагогической мысли, и она не получила никакого распространения. Напротив, эта позиция была сурово осуждена представителями передовой русской педагогической мысли.

Ко второй группе относятся те, которые признают Коменского великим педагогом-мыслителем, считают его основоположником педагогики и отводят ему одно из пер-

вых мест среди классиков педагогики, но в то же время Коменского как философа-мыслителя ценят невысоко.

Еще современник Коменского И. Броневский выразил недоверие к пансофическим идеям Коменского. То же можно сказать о канцлере Швеции Оксенштирне, который благожелательно относился к Коменскому, но в то же время не разделял его философских и пансофических идей и посоветовал Коменскому отказаться от попыток практического осуществления его пансофии.

Невысокого мнения о философских воззрениях Коменского и их значении вообще были также известные чешские комениологи Франтишек Зоубек (1832—1890), Иосиф Шмага (1843—1922), Ян Новак (1853—1920). Они хотя и проводили плодотворную работу в области изучения биографии Коменского и способствовали популяризации его педагогического учения, но в то же время недостаточно разобрались в его философских взглядах.

Аналогичное отношение к Коменскому проявлял известный чешский комениолог XX в. Иосиф Гендрих (1888—1950), считавший, что педагогические труды Коменского стоят вне каких-либо философских воззрений и концепций. Более того, И. Гендрих, отрывавший педагогику от философии, пытался даже объяснить успехи Коменского в педагогике, особенно в дидактике, тем, что он якобы совершенно изолировал педагогику от философии. Эта ошибка И. Гендриха объясняется не тем, что он недостаточно изучил труды Коменского, а тем, что методология его определялась его философским идеализмом.

Третьи совершенно обходят вопрос о философских воззрениях Коменского и связывают все его педагогическое учение с религиозным мировоззрением. На такой точке зрения стоят главным образом представители клерикализма, теологи, которые пытаются поставить огромный авторитет Коменского на службу религиозному воспитанию, объявить его своим знаменосцем.

К этой группе исследователей можно в основном отнести известного словацкого комениолога Яна Квачалу (1862—1934), который, правда, проделал значительную работу по изучению философских воззрений Коменского (он обнаружил общность во взглядах Коменского и Николая Кузанского, что имеет большое зна-

чение для раскрытия мировоззрения Коменского), но взгляды Коменского рассматривает главным образом с религиозно-теологических позиций.

Четвертые признают, что педагогическое учение Коменского построено на определенных философских началах и связывают основные вопросы воспитания, образования и обучения у Коменского с его философскими воззрениями. Но в то же время они считают, что Коменский не является оригинальным философом-мыслителем, не имеет своей собственной философской доктрины, а заимствует ее из разных философских течений. Так, например, известный немецкий ученый-историк педагогики Карл Раумер (1783—1865), имеющий большие заслуги в деле популяризации учения Коменского, в своей книге «История воспитания и обучения от возрождения классицизма до наших дней» утверждает, что Коменский не имел своей собственной философской концепции, что он усвоил философию Ф. Бэкона, индуктивным методом которого пронизан педагогический реализм Коменского. Это мнение было довольно широко распространено не только в XIX, но и в XX в.

Пятые доказывают, что Коменский является не только великим педагогом, но вместе с тем выдающимся философом и разносторонним мыслителем. Известно, какую высокую оценку давали Коменскому как великому мыслителю Декарт, Лейбниц, Гете и Гюго. В комениологии первое слово в этом вопросе принадлежит выдающемуся чешскому историку Франтишку Палацкому (1798—1876), впервые разработавшему научную биографию Коменского. Ф. Палацкий еще в 1829 г. в «Ежемесячнике чешского музея» опубликовал работу «О Яне Амосе Коменском и его сочинениях», в которой резко критиковал всех, кто проявлял недооценку Коменского. Палацкий со всей ясностью показал, каким великим мыслителем был Коменский. Сторонников этой точки зрения так много, что даже простой их перечень занял бы слишком много места.

Среди марксистских педагогов и ученых, разделяющих ту точку зрения, что Коменский не только педагог, но и выдающийся мыслитель и философ, следует особо отметить известных чехословацких ученых: академиков Зденека Неедлы и Отокара Хлупа, комениологов Иосифа Ваню, Иржину Попелову,

Иосифа Брамбору, Яна Паточку, Иржи Кирашка, Людовита Бакоша, Яна Коточа; советских ученых: Е. Н. Медынского, А. А. Красновского, И. А. Каирова, Н. К. Гончарова, С. А. Фрумова, А. И. Пискунова, Д. О. Лордкипанидзе; немецкого комениолога Роберта Альта; польского ученого Л. Курдыбаху; болгарских ученых Н. Чакарова, Ж. Атанасова и других.

Можно сказать, что в результате исследовательской работы, в широких масштабах проведенной за последние десятилетия в области комениологии на родине великого педагога в Чехословакии, Коменский признан великим мыслителем и философом своего времени, и, насколько нам известно, никто в мире сегодня уже не оспаривает этой точки зрения.

В оценке и понимании мировоззрения Коменского, в частности его философских воззрений, существуют довольно резко отличающиеся друг от друга концепции. Некоторые исследователи рассматривают Коменского как представителя объективного идеализма, считая, что он, подобно Платону, признает мир идей, существующий независимо от человека высший разум (И. Попелова). Коменского характеризуют также как эклектика и синкретиста в философии (П. Блонский). Нередко Коменского считают последователем христианского хилиазма и все его философские взгляды связывают с хилиастическим миропониманием (А. Красновский). Коменского иногда называют даже мистиком, совершенно безосновательно сближая его с известным немецким мистиком Яковом Беме (Д. Чижевский, Г. Гейслер, К. Шаллер), некоторые исследователи в основном ограничиваются общим описанием философской концепции Коменского и не дают ей собственной оценки (А. Красновский); встречаются и такие случаи, когда философские воззрения Коменского либо отождествляют с его религиозным мировоззрением, либо рассматривают как подчиненное ему (Ян Квачала); иногда можно встретить и необоснованную характеристику философских взглядов Коменского как всецело материалистических.

В комениологических трудах, опубликованных за последнее время, философию Коменского рассматривают как мировоззрение передового класса эпохи перехода от феодализма к капитализму. В этом мировоззрении две

линии: идеалистически-религиозная и материалистически-реалистическая. Академик Зденек Неедлы пишет: «В его философских и педагогических взглядах сильно сказывалась материалистическая тенденция, его труды в значительной степени опирались на материалистическую философию Бэкона. Материалистическая тенденция обусловила тезис познаваемости мира у Коменского...»[1] «Гуманист и демократ Коменский считал, что каждый человек, независимо от пола и общественного положения, обладает широчайшими возможностями для своего духовного развития»[2]. Наряду с этим Неедлы правильно замечает, что «в философских и педагогических взглядах Коменского ясно проявилась свойственная его веку религиозность»[3]. Ряд авторов подчеркивают, что указанные выше две линии философской концепции Коменского создают двойственную природу его мировоззрения. Реалистически-материалистическое направление особенно дает себя знать в гносеологических воззрениях Коменского, что накладывает свой отпечаток на всю направленность педагогического учения Коменского, на его дидактику (О. Хлуп, И. Попелова, И. Кирашек, Д. Лордкипанидзе).

Кроме указанных выше точек зрения по вопросу о философских воззрениях Коменского в работах о Коменском авторами высказано еще множество различных толкований и оценок его взглядов. Основание для этого до некоторой степени дают и сами труды Коменского, поскольку в них часто имеют место противоречивые, исключающие друг друга положения. Главная же причина такого многообразия в оценке Коменского состоит в том, что мировоззрение Коменского авторы часто рассматривают, не учитывая противоречий той исторической эпохи перехода от феодализма к капитализму, в условиях которой жил и творил Коменский.

За последнее время были опубликованы важные труды, посвященные мировоззрению Коменского, в частности его философской концепции. Среди них следует особо отметить доклад академика Отокара Хлупа «Новый образ Коменского» («Nový obraz Komenského»), прочитанный на Международном конгрессе комениологов в 1957 г.

---

[1] «История Чехословакии», М., 1956, т. I, стр. 311.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 312.

В этой работе автор не только осветил общий характер и направление философии Коменского, но и выявил ее генезис, обусловленный интересами родной страны. Академик Хлуп характеризует Коменского как реалиста, стремившегося поставить философию на службу народу путем осуществления пансофии. Заслуживает внимания также работа чешского ученого Яна Паточки «Философские основы педагогики Коменского», опубликованная в 1957 г. в журнале «Педагогика». Философию Коменского он рассматривает в развитии и выделяет в ней три периода: 1) допансофический, 2) пансофический и 3) всеобщего исправления. Автор указывает на связь философских воззрений Коменского с его общественно-политическими взглядами, с его учением о воспитании как о главном факторе преобразования общества, «исправления деятельности людей».

Среди новейших работ по вопросам философских и общественно-политических воззрений Коменского исключительное место занимает исследование И. Попеловой-Отагаловой «Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского» (1958). Лейтмотивом названной работы является положение: «развитие взглядов Коменского обусловлено: общим положением страны, которое сложилось в итоге исторического процесса, начинающегося со времен гуситских войн вплоть до поражения чешского народа в роковой битве при Белой горе; общеевропейским экономическим и политическим развитием»[1]. Философскую концепцию Коменского И. Попелова-Отагалова характеризует как «объективный идеализм, связанный с телеологическим объяснением природы», а в области гносеологии считает его представителем материалистического сенсуализма.

За последние десятилетия другие чешские и словацкие комениологи также уделяют значительное место в своих работах анализу философской и общественно-политической концепций Коменского. Интересные мысли о Коменском как философе высказали И. Ваня, И. Брамбора, И. Кирашек.

Особого внимания заслуживает работа немецкого

[1] И. Попелова-Отагалова, Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского, (Автореферат диссертации). М., 1958, стр. 2.

комениолога проф. Роберта Альта — «Прогрессивный характер педагогики Коменского», — в которой хотя специально и не рассматривается мировоззрение Коменского, но с правильных марксистских позиций выяснен целый ряд вопросов о его гносеологической концепции.

Среди трудов, опубликованных в дореволюционной России, в которых освещено мировоззрение Коменского, следует отметить работы проф. П. Каптерева и П. Блонского. П. Каптерев в своей книге «Дидактические очерки» еще в 1885 г. характеризует Коменского как глубокого философа-мыслителя и особо останавливается на его гносеологических воззрениях, которые называет реалистическими. П. Блонский в третьей главе своей монографии «Ян Амос Коменский», озаглавленной «Миросозерцание», освещает многочисленные вопросы философии, этики и пансофии Коменского. Философские воззрения Коменского П. Блонский связывает с мировоззрением секты «Чешские братья». Он пишет: «Его философия христианская, его духовные учителя — Св. Писание, Альстед и Вивес, но, с другой стороны, он сын века реалистической философии, природа пленяет его, идеи гуманистической натурфилософии Компанеллы, Бэкона и Ратихия властвуют над ним»[1].

П. Блонский считает Коменского эклектиком, но в то же время дает очень высокую оценку его пансофии и считает, что она «носит реалистический характер»[2]. Многие взгляды этого известного советского педагога на философию Коменского устарели, но значительная часть их и поныне не утратила своего значения.

Среди советских педагогов и ученых, которые впервые дали марксистскую оценку мировоззрению Коменского, в частности его философской концепции, следует отметить выдающегося советского педагога Н. К. Крупскую, которая еще в начале нашего столетия писала о Коменском, что он сторонник эмпиризма[3].

В 20-е годы попытку марксистского освещения философии Коменского дает Е. Н. Медынский в своей «Истории педагогики». Хотя он и не касается основных вопросов философской концепции Коменского и ограничивается рассмотрением некоторых гносеологических

[1] П. Блонский, Ян Амос Коменский, М., 1915, стр. 44.
[2] Там же, стр. 54.
[3] Н. К. Крупская. Сочинения, т. 1, М., 1957, стр. 477.

взглядов главным образом с дидактической точки зрения, в свое время эта попытка сыграла положительную роль в русской комениологии.

Рассмотрению философии Коменского посвящена специальная глава в нашей книге «Дидактика Яна Амоса Коменского» (1939), в которой Коменский рассматривается как великий мыслитель, имеющий свою оригинальную философскую концепцию. Философия Коменского в этой книге характеризуется как демократическая, прогрессивная для своего времени, но в то же время имеющая двойственную природу, как и его мировоззрение в целом, в котором переплетаются две линии: идеалистически-религиозная и реалистически-материалистическая. Этот двойственный характер философии Коменского объясняется в книге особенностями эпохи перехода от феодализма к капитализму.

Особенно положительная роль в педагогическом учении Коменского отводится его материалистическому эмпиризму. Такое наше отношение к философским воззрениям Коменского в основном остается неизменным и в настоящее время.

В 40-е годы важные соображения о Коменском как философе высказал Н. К. Гончаров в книге «Основы педагогики». В специальной главе этой работы — «Ян Амос Коменский» — автор основательно рассматривает характерные черты философских воззрений Коменского. Как указывает автор, «Коменский выдвигает исключительно важное положение о необходимости повернуть философию к жизни и поставить на службу воспитанию и обучению юношества, но для этого надо прежде всего создать новую философию»[1]. Н. К. Гончаров не отождествляет пансофию Коменского с его философией. Он совершенно правильно подчеркивает реалистическое направление пансофии Коменского и справедливо заключает, что в ней «много передового и смелого для того времени». Он пишет: «Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что пансофия Коменского является отражением мира. Она показывала единство мира и взаимосвязь явлений. Вместе с тем пансофия Коменского — это не чисто философская наука, а совокупность научных знаний о природе и человеке» [2].

[1] Н. К. Гончаров, Основы педагогики, М., 1947, стр. 56.
[2] Там же, стр. 56—57.

В советской комениологии одним из самых капитальных исследований является монография проф. А. А. Красновского «Ян Амос Коменский» (1952). В V главе этой работы — «Философские воззрения Коменского» — рассмотрены основные взгляды Коменского на природу и человека, его натурфилософские и гносеологические представления и их генезис. Однако, несмотря на то что проф. А. А. Красновский сравнительно подробно освещает натурфилософские и гносеологические взгляды Коменского, это освещение все же носит до некоторой степени описательно-объективистский характер, поскольку не всегда видны методологическая позиция самого автора и его отношение к основным философским воззрениям Коменского. Так, например, А. А. Красновский указывает, что мировоззрение Коменского «одни исследователи (Блонский) называют эклектическим хорошего вкуса и тона, другие — синкретическим» [1]. Однако сам А. А. Красновский не только не проявляет своего отношения к таким высказываниям, но не излагает и собственного отношения к философской концепции Коменского. Этот недостаток монографии усугубляется тем, что А. А. Красновский почти не касается идеи пансофии у Коменского как сердцевины его мировоззрения.

Большой вклад в изучение Коменского как мыслителя и философа внесла научная сессия Академии педагогических наук РСФСР (1957), посвященная 300-летию со дня опубликования дидактических трудов Коменского. Из прочитанных на сессии докладов заслуживают особого внимания вступительное слово И. А. Каирова, в котором дана оценка мировоззрения Коменского как великого демократа-гуманиста; доклад А. И. Пискунова, в котором уделено определенное место вопросам формирования мировоззрения Коменского; доклад С. А. Фрумова, где в связи с рассмотрением демократических идей и системы народного просвещения у Коменского освещаются некоторые вопросы реализации идеи пансофии; и доклад Б. Г. Ананьева о психологических воззрениях Коменского, в котором дана характеристика его гносеологической концепции [2].

---

[1] А. А. Красновский, Ян Амос Коменский, М., 1953, стр. 116.

[2] «Материалы научной сессии АПН РСФСР, посвященной 300-летию опубликования Собрания дидактических трудов Я. А. Коменского», М., 1959.

В изучение философских воззрений Коменского определенный вклад внесла научная сессия, проведенная Научно-исследовательским институтом педагогики Грузинской ССР в 1958 г. в г. Тбилиси. Два доклада из прочитанных на этой сессии (Д. Лордкипанидзе и А. Прангишвили) в основном были посвящены вопросам мировоззрения Коменского [1].

Итак, в ряде трудов, освещающих философские воззрения Коменского, со всей ясностью показано, что Коменский не только основоположник и классик педагогики, но вместе с тем великий мыслитель и философ своего времени.

Отношение Коменского к философскому наследию

Коменского еще в молодые годы увлекали вопросы о том, что представляет собой мир, вселенная; что лежит в основе мирового движения и развития; какими способностями и возможностями обладает человек для познания природы, самого себя и бога; надежны ли наши знания о внешнем мире и познаваемы ли вообще природа, бытие, бог; куда идет жизнь и что ожидает его родину, Чехию и ее угнетенный народ и т. д. Ответ на эти вопросы Коменский искал прежде всего в философии, которую он еще в студенческие годы считал душой мудрости. Этим объясняется то, что Коменский, будучи студентом богословского факультета Герборнского университета, не только основательно изучает теологические дисциплины, но в то же время с особенным интересом овладевает классической философией, а также наследием философов и мыслителей средневековья и современной ему эпохи.

Интерес к философии вместе с теологией не оставлял Коменского на протяжении всей его жизни. Его большой эрудиции в этой области способствовало блестящее знание наряду с новыми классических языков.

Под влиянием великих научных открытий своего времени Коменский еще в студенческие годы пришел к выводу, что основным путем познания действительности является не книга и не «метафизика Аристотеля», а непосредственное наблюдение, опыт, индукция.

---

[1] «Тезисы докладов научной сессии, посвященной Я. А. Коменскому», Тбилиси, 1958.

Вместе с тем следует подчеркнуть также, что Коменский не только придавал большое значение знанию того, что было достигнуто в области философского мышления, но и, главное, требовал критического отношения ко всяким авторитетам. «Надо только всячески остерегаться, — писал Коменский, — чтобы не допустить в качестве аксиомы чего-либо, что не является таковой на самом деле. Ведь недаром Бэкон Веруламский, Стрезо и другие жалуются на то, что ходячие логические правила утверждают и отрицают неосновательно» («Предвестник всеобщей мудрости», 87). Вместе с тем Коменский считает недопустимым ссылаться на авторитеты, когда тот или иной вопрос сам по себе ясен и понятен для всех.

«В геометрии прямо доказывается, что положение правильно и что иначе быть не может, — пишет Коменский, — хотя бы не было никогда ни Пифагора, ни Эвклида. Точно так же и в метафизике, физике, этике, политике должно быть стыдом приводить авторитеты там, где дело может решаться рациональными основаниями» («Предвестник всеобщей мудрости», 90).

Коменский, касаясь вопроса об отношении к античной философии, пишет: «Одни советовали отбросить всю античную мудрость, заимствованную от язычников; другие настаивали на том, чтобы сделать отбор и использовать искусство и философию лишь в очень небольших размерах; некоторые хотели предпринять реформу и переработку всех наук» («Предвестник всеобщей мудрости», 17).

Несмотря на то что дохристианскую философию Коменский называет языческой и относится к ней с осторожностью, он соглашается с Эразмом Роттердамским и положительно относится к греческой классической философии и ее представителям. «Если, — пишет он, — кого-либо из языческих писателей нужно было допускать, то пусть это будет Сенека, Эпиктет, Платон и тому подобные наставники в добродетелях и нравственности» («Великая дидактика», XXV, 22).

Вместе с тем нельзя обойти и тот факт, что в отдельных случаях Коменский проявляет неправильное отношение к классической философии. В частности, в своем раннем философско-сатирическом произведении «Лабиринт света и рай сердца» он огульно критикует величайших представителей античной мудрости. В этом произведении

Коменский дает высокую оценку философу как «солнцу мира»: он обязан найти средства для исправления человеческих недостатков и указать, в чем состоит «истинная мудрость». Однако найти такого философа во время осмотра «площади философов» Коменскому не удалось, и он пишет: «Когда он привел меня туда, я увидел множество старцев и дивное собрание их и испугался; Биом здесь спокойно сидел, Анахарсис прохаживался, Фалес летал, Гезиод пахал, Платон гонял в воздухе «идеи», Гомер пел, Аристотель диспутировал, Пифагор молчал, Эпименид спал, Архимед двигал землю, Солон писал законы, а Гален рецепты, Эвклид мерил зал, Периандр распределял обязанности, Клеобул испытывал будущее, Питтак воевал, Виат попрошайничал, Эпиктет служил, Сенека, сидя на грудах золота, восхвалял бедность, Сократ каждому говорил про себя, что он ничего не знает; Ксенофонт, напротив, каждого хотел научить всему, Диоген, выскакивая из бочки, гонял всех проходящих мимо него; Тимон всякого оскорблял, Демокрит над всем этим смеялся, Гераклит, наоборот, плакал, Зенон постился, Эпикур пировал; Анаксарх говорил, что все это — ничто, что это только так кажется. Много было меньших философов, и каждый что-нибудь особенно доказывал, так что всего-то уж я не запомнил, да и не хочется припоминать. Дивясь на это, я сказал: «Это и есть мудрецы, солнце света? Ай, ай, я ожидал иные вещи. Здесь орут, как мужики в кабаке, и каждый по-своему» («Лабиринт света и рай сердца», XI, стр. 103). Можно, конечно, считать это мнение Коменского памфлетическим преувеличением, если бы он не высказывал почти такое же мнение в других работах. Противоречия между взглядами различных философов Коменский считает отрицательным явлением и несогласованность в философских вопросах сравнивает с музыкальным хором, где «каждый стал петь сам по себе, не обращая внимания на общий всем ритм» («Предвестник всеобщей мудрости», 26). «Разве ветви мудрости можно оторвать одну от другой, сохраняя невредимой их жизнь, т. е. истину?» — пишет Коменский (там же). С этой точки зрения Коменский пишет о Платоне: «Ведь философия Платона казалась действительно изящной и божественной; и, однако, какие пустые умозрения вывела из нее школа перипатетиков? Философия Аристотеля казалась самой себе достаточно изящной; и,

однако, как порицали ее христианские философы за то, что она никоим образом не соответствует во всем ни божественному писанию, ни истине вещей» («Предвестник всеобщей мудрости», 26). Аналогичное мнение высказывает Коменский о Парменида, Копернике, Кампанелле, Галилее и других и заключает: «Если бы все выводили свои воззрения из общих и тождественных для всех принципов, то мыслители не встречали бы сопротивления со стороны слушателей и не утрачивали бы самой истины» («Предвестник всеобщей мудрости», 26).

В этих высказываниях Коменского видна правильная точка зрения по ряду важных вопросов отношения к философской мысли прошлого. Для Коменского характерно хотя и критическое, но в общем положительное отношение к классической мудрости. Эта линия Коменского, проникнутая идеей пансофии, как и вся его философская концепция, совершенно ясно выражена им в следующем положении: «Так как Библия говорит только о богах, или чаще всего о душе, не следует отказываться и от книг, которые составлены философами, медиками, юристами, историками, космографами, чтобы из всех наук родилась единая всеобъемлющая наука наук и искусство искусств, т. е. пансофия». Прогрессивный характер этого взгляда Коменского для своего времени состоит и в том, что он отделяет сферу реальной действительности, которую изучают философия и отдельные науки, от сферы религии, объектом которой является бог и вера в него.

Естественно, что Коменский в своих трудах с большим уважением упоминает Сократа, Платона, Аристотеля, Демокрита, Эпикура, Сенеку, Парменида, Пифагора, Квинтилиана, Коперника, Декарта, Бэкона и других и дает им достойную оценку.

Особенно близкими для Коменского философами античного периода, на которых он опирается, были Платон как отец объективного идеализма, многие взгляды которого Коменский разделяет, и Аристотель как философ, который своей теорией «чистой доски» и сравнением разума человека с воском склоняется в гносеологии к материализму. Из новой философии следует особо отметить Бэкона, материалистически-эмпирическую гносеологию и индуктивный метод которого Коменский принял и высоко оценил. Так же высоко оценивает Коменский Томмазо Кампанеллу и Николая Кузанского.

Совершенно особое место среди предшественников Коменского занимает великий чешский мыслитель Ян Гус, учение которого, как мы это увидим ниже, является основной опорой для Коменского и определяет направление его мировоззрения.

Общая характеристика философской концепции Коменского

На заре капиталистической формации девизом эпохи Коменского стал «новый человек». Жизненной задачей восходящего и прогрессивного класса этого времени — буржуазии — стало познание природы, ее использование на благо человека. Отсюда понятны общепризнанные в то время лозунги: «Познать природу», «Овладеть природой», «Человек должен стать царем природы» и др. Эти призывы выражали общенародные интересы и стремления. В них отразилась прогрессивная тенденция к развитию производительных сил и нового капиталистического способа производства.

Коменский — сын своей эпохи. Он вырос в среде чешских тружеников и стал великим гуманистом и патриотом. Все это наложило неизгладимый отпечаток на мировоззрение Коменского и обусловило демократическое направление и характер его философии, его борьбу за философию, поставленную на службу народу.

Коменский в своих многочисленных трудах не только проявляет большую философскую эрудицию, но выступает и как великий мыслитель, который ставит и решает по-своему почти все основные вопросы философии того времени. Философским проблемам Коменский посвящает целый ряд трудов, которые и по сей день не утратили своего значения.

Отметим его пансофические труды, особенно «Предвестник всеобщей мудрости», «Общий совет об исправлении дел человеческих», «Лабиринт света и рай сердца», «О культуре природных дарований» и многие другие. Вместе с тем дидактические труды Коменского, в первую очередь его «Великая дидактика», в известной мере являются и философскими трактатами, особенно по вопросам теории познания. Более того, те же «Открытая дверь языков» и «Мир чувственных вещей в картинках» не только школьные учебники; в этих классических кни-

гах как в зеркале отражается все мировоззрение Коменского со всеми положительными и отрицательными сторонами. Можно сказать, что, если бы Коменский не написал ничего другого, мы могли бы и по этим учебникам составить себе представление о его мировоззрении.

Что является главным в философии Коменского, каковы общее направление и характер этой философии, какими особенностями характеризуется она по сравнению с современными ей философскими учениями? Вот вопросы, на которые мы должны дать ответ, чтобы яснее представить себе концепцию Коменского в самой интересной для нас области — гносеологии.

При характеристике общего направления философии Коменского прежде всего следует учесть, что он в основном с позиций объективного идеализма и вместе с тем телеологии решает вопрос о том, что собой представляет мир и каким законам подчиняется его развитие.

Природу Коменский рассматривает как выражение самого бога (эктип), а искусство — как подражание (антитип). «Под словом «природа» мы понимаем также всеобщее божие провидение, или непрестанное воздействие божественной благости, чтобы во всем совершить все, а именно во всяком творении то, для чего оно предназначено» («Великая дидактика», V, 2). Естественно, что от объективного идеализма он в конечном счете приходит к признанию божественной идеи как высшего начала целесообразности построения мироздания и поэтому его взгляды на мир носят телеологическую оболочку. «Так как идея есть определенный план, или разум вещи, то нельзя себе и представить, чтобы бог, который сам есть разум всякого разума, мог что-либо сделать без идеи, т. е. без определенного плана. Подобным образом и природа, производящая хорошо устроенные вещи, и соперник природы, искусство, не могут ничего создавать без плана» («Предвестник всеобщей мудрости», 70). Сам человек, по мнению Коменского, создан для познания предметов, для нравственной гармонии и любви к богу.

Вместе с тем нельзя не отметить, что понимание природы у Коменского носит реалистический характер и благодаря этой реалистической струе, а также благодаря идее народности у Коменского, его демократизму идеализм и телеологизм его объективно значительно ограничены в его натурфилософии и особенно — в гносеологии.

Для понимания философии Коменского и ее общих основ существенное значение имеет то, что мировоззрение Коменского, как и его великого предшественника Яна Гуса, проникнуто духом гуманизма и демократизма.

Основным, исходным положением философии Коменского является требование, чтобы философия служила человеку, народу. Коменский пишет: «Я говорю не только об одних грамматических буквоедах: относительно большинства стремящихся ввысь философов и богословов справедливо, что, хотя в своих отвлеченных умозрениях они кажутся себе орлами, в делах жизненных и общественных они не более, как кроты» («Предвестник всеобщей мудрости», 12).

Истинным философом Коменский считает того, кто является «солнцем человечества», но выполняет это великое назначение не для личной славы, а для благосостояния и счастья человека — человека, который, по его словам, «есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение» («Великая дидактика», заглавие I главы). С этой гуманистической позиции Коменский придает философии большое действенное и практическое значение. Целью разумного познания он считает не только познание и объяснение мира, но и служение человечеству. Коменский не раз указывал, что великие мыслители всех времен стремились объяснить мир, с тем чтобы поставить его на службу человеку. А этого, по мнению Коменского, можно достигнуть в том случае, если мудрецы будут рассматривать свои и чужие дела не «через очки общепринятых мнений, а благодаря яркому свету истины».

Коменский решительно борется против различия во мнениях, имеющего беспредметный, схоластический характер, и пишет: «Истина может быть только единой и простой; заблуждение же может иметь тысячу видов. Если еще и в наше время в богословии, философии появляется столько школ и самым упорным образом защищаются совершенно различные между собой мнения о вещах, то что это, как не самое достоверное свидетельство о том, что и сейчас покрыто еще глубоким мраком неведения то, «знанием» чего и гордится наш век» («Предвестник всеобщей мудрости», 11).

Одной из основных причин отсталости философской мысли своего времени Коменский считал то обстоятель-

ство, что философы находились в плену авторитетов, не проявляли смелости мысли и создавали схоластические произведения, полные противоречий. Критикуя книги такого характера, Коменский указывал: «Книги, которые суть не что иное, как искры, высекаемые столкновением умов и рассыпающиеся во все стороны, причем каждая надеется, что она зажжет пламя. Однако до сих пор еще не зажглись истинные факелы, и эта постоянная тьма разногласий и сомнений еще не показывает восхода сияющего солнца истины» («Предвестник всеобщей мудрости», 11).

Философию Коменский называл царицей наук, но вместе с тем боролся за то, чтобы философия была доступной и полезной не для единиц, а для всех, для всего народа. Он писал: «Так как эта царица наук устрашает такими шипами и закутана в такой мрак, что лишь немногие усваивают эти тонкости, да и те, кто усваивает, совершенно игнорируют ее применение к наукам более низшего порядка, то получается, что она остается только в своих собственных пределах и не приносит никакой пользы для человеческих дел, кроме мгновенного удовольствия, которое она доставляет своим адептам» (т а м ж е, 13).

Вместе с тем Коменский совершенно правильно указывал: «Я знаю, как легко и с какой надменностью некоторые, ослепленные великими именами древних, отвергают все новое как совершенно фантастическое, не считая даже достойным его выслушать и увидеть» (т а м ж е, 115). О себе же он говорит: «Сняв очки, мы смотрели на самые вещи и тщательно исследовали, что именно они собой представляют» («Предвестник всеобщей мудрости», 29).

Эти взгляды Коменского на философию представляют собой основополагающую идею, которой проникнуто все его мировоззрение. Можно сказать, что демократический дух философских воззрений Коменского прежде всего получает свое выражение в идее народности философии, в соответствии с которой он пытается решить почти все коренные философские вопросы.

Для правильного понимания философии Коменского необходимо всегда помнить, что в мировоззрении Коменского имеются две линии: религиозно-идеалистическая и реалистически-материалистическая. Коменский, если

можно так выразиться, сидит на двух стульях. Реалистически-материалистическая струя его мировоззрения отчетливее всего ощущается в гносеологии, которую мы рассмотрим в следующем параграфе.

Религиозно-идеалистическое направление у Коменского прежде всего выражается в том, что он не смог порвать с господствовавшим мировоззрением феодальной эпохи — христианством. Религиозная концепция в виде протестантско-реформистского учения представляет одну из важнейших черт его мировоззрения, переплетаясь в определенных вопросах философии с его идеалистической концепцией. Исходное положение религиозной концепции Коменского состоит в следующем: «Себя назвал бог альфой и омегой, началом и концом всех вещей, из него же, им же и в нем же вся суть» («Предвестник всеобщей мудрости», 33). Эта линия мировоззрения Коменского иногда находит свое выражение в мистических тенденциях.

Отдельные взгляды, проникнутые мистицизмом, высказаны в его ранней работе «Лабиринт света и рай сердца». В заключительной части этого сочинения он заставляет бога сказать: «В заключение всего скажу во истину: имеешь ли имущество, знание, красоту, остроумие, людскую дружбу и все, что считается хорошим на свете, не гордись всем этим; не имеешь — не заботься, но оставь все это, будь оно у тебя или у других, таким, каким оно есть, и беседуй в сердце своем со Мною вместе. Таким образом, обнажившись от всего земного, отказавшись и отрекшись от самого себя, найдешь Меня, а во Мне полное спокойствие... Господи боже мой! — отвечает путешественник: — кто Тебя имеет, тому легко отказаться от всего света, потому что тот в Тебе имеет более, чем может желать. Теперь я уже понимаю, что заблуждался, скитаясь по свету и ища себе отдыха в сотворенных вещах... Теперь я весь предаюсь Тебе; Ты сам только укрепи меня, чтобы я вновь не отклонился от себя к сотворенным вещам, вновь позволяя себе те бессмысленности, которыми полон свет» («Лабиринт света и рай сердца», СПб., 1904, стр. 153). Коменский писал: «Давид убедился, что счастливый человек тот, кто, закрывши глаза на свет и оставив мысли о нем, держится только бога и, считая его вечным своим уделом, пребывает с ним в сердце своем» («Лабиринт света и рай сердца»,

3, стр. 74). В поисках человеческого счастья на земле и в условиях невозможности его в те черные времена Коменский возлагает всю надежду на полную отдачу себя богу, в котором человек всегда найдет справедливость и спасение от бед. Этому мистическому взгляду Коменского сопутствовали настроения пессимизма и отхода от реального мира. Но все это в те времена являлось выражением резкого протеста против угнетения народа и против существующего строя. Коменский писал словами Соломона: «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые творятся под солнцем, ибо все суета и томление духа» («Лабиринт света и рай сердца», 3, стр. 74). Коменский заявлял: «Лучше, лучше бы мне никогда не родиться, лучше бы не проходил врата жизни, если после всей суеты в свете удел мой не что другое, как темнота и ужас. Ах, боже, боже, боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной, несчастным» (т а м ж е, стр. 159). Если представить Чехию того периода, когда Коменский писал эти строки, постигшие ее разорение и разгром, утрату ею независимости после 1620 г. и личную участь Коменского, станет ясно, что в приведенных словах выражен его горячий протест против тяжелой действительности. Этот глубоко верующий человек дошел почти до того, что само существование бога взял под сомнение.

Все это ясно показывает, что идеалистическая, религиозная линия в мировоззрении Коменского, опиравшаяся на протестантизм и хилиазм, приобретала в то время определенный прогрессивно-демократический характер. Вместе с тем необходимо учесть и то, что Коменский от теизма склонялся к пантеизму и считал, что бог стоит не по ту сторону мира и природы и не отдельно от них, а воплощен в них. Коменский пишет: «Все вещи тождественны друг с другом по своему основанию и различаются между собой лишь формой, так как в боге они существуют, как в своем архетипе (прообразе), в природе — как в своем эктипе (отображении), в искусстве — как в своем антетипе (противообразе)» («Предвестник всеобщей мудрости», 74). Это мнение Коменского по существу представляет собой отрицание чистой веры. Оно открывает путь реалистически-материалистическому пониманию мира примерно так же, как в дальнейшем это сделал Спиноза. Учение Коменского о человеке как микрокосме

в макрокосме, его хилиастические взгляды, согласно которым не потусторонняя жизнь принесет счастье угнетенным, а тысячелетнее установление божественной гармонии на земле, — все это делало даже религиозно-идеалистическую направленность мировоззрения Коменского прогрессивной для того времени и обращенной против социального гнета, против феодальных отношений. Вместе с тем следует помнить, что две линии, два направления в мировоззрении Коменского являются не отдельными, независимыми друг от друга, а двумя сторонами одного цельного мировоззрения, обусловленного двойственной природой самой эпохи.

Такой же двойственный характер имеет этика Коменского, тесно связанная с его идейной концепцией как одного из руководителей секты «Чешские братья». Высшую категорию его этики, ее апофеоз составляют человек и человечность. Все в мире подчиняется человеку, поскольку Коменский считает его частицей бога, венцом природы, микрокосмом в макрокосме. В соответствии с этикой Коменского, проникнутой гуманизмом, вся деятельность человека должна обусловливаться добром, благом, миром. Его основным этическим девизом был т р у д как основа этих качеств.

В основном этика Коменского имеет реалистический, демократический характер, хотя, как мы видели выше, иногда она носит оболочку мистицизма и аскетизма. Специфическая особенность его этики — пансофизм и просветительство, ибо, как считает Коменский, только мудрость как «мать всякого человеческого» в единстве с высоконравственным действием обеспечивает истинную человечность. Главное этическое положение Коменского состоит в следующем: образование, которое не переходит в добрую нравственность, является несчастьем. «Чего стоит научное образование без добронравия?» — спрашивает Коменский.

Одной из важнейших этических категорий Коменский признавал справедливость. Справедливость является показателем мудрости и высокой человечности. Она доставляет человеку величайшее удовлетворение. Коменский пишет: «Удовольствие, получаемое от самого себя, представляет то величайшее наслаждение, которое испытывает человек, отдавшийся добродетели, радуясь своему внутреннему доброму расположению. Он сознает себя

готовым выполнять все, чего требуют правила справедливости... чистая совесть — непрерывный пир» («Великая дидактика», X, 13).

Мудрость, философия, которые должны развиваться на благо народа, в первую очередь обязаны быть понятными, доступными для народа. Поэтому родной язык представляет собой те «ворота», которые должны открыть путь к усвоению народом мудрости и к ее использованию в жизни. Девизом Коменского было: «Пусть всякому народу все передается на его собственном языке... и пусть вместе с науками и искусствами получают изящную обработку и сами эти языки» («Предвестник всеобщей мудрости», 123).

«Знание латинского языка, который прежде открывал путь к науке, доступно только некоторым; стремление же к мудрости обще всему человеческому роду. Через латинский язык входят желающие или те, кому это нужно; через родные языки, как мы уже показали, должны входить все рожденные людьми. Поэтому пусть будут открыты врата, ведущие к мудрости», — указывает Коменский (т а м ж е, 124).

Одним из исходных положений Коменского является его утверждение о том, что истина может быть только единой, как едина сама действительность. По мнению Коменского, в первую очередь «надо позаботиться о том, чтобы проходящая при ясном свете истина вещей смогла избегнуть пробелов, колебаний и противоречий и преодолеть все ошибки» (т а м ж е, 27).

Исходя из этого, Коменский заключает: «Тошно слушать такие колебания и разногласия относительно вещей, которые сами по себе ясны» (т а м ж е, 26).

Если учесть двойственный характер мировоззрения Коменского, станет ясно, почему он не мог с научной последовательностью решить не только все основные вопросы мировоззрения, но и многие проблемы своего педагогического учения. И действительно, когда Коменский касается вопроса о сущности мира и закономерностях его развития, он стоит в основном на религиозной, телеологической точке зрения; когда он рассматривает природу, ее сущность, он стоит на позициях деизма и иногда склоняется к пантеизму; когда он признает существование мира идей независимо от нашего сознания, он выступает как представитель объективного идеализма, а

вопросы гносеологии решает в основном с позиций материалистического эмпиризма. Что же касается его концепции общественного развития, то она идеалистична, как и у всякого домарксистского мыслителя.

Отсюда вытекает, то, что нельзя говорить о Коменском только как об идеалисте, или только как о материалисте, или только как об эклектике, или только как о деисте и протестанте-хилиасте и т. д.

Философские воззрения Коменского возникли и созрели в Чехии, в огне социальной и политической борьбы чешского народа. Действительность Чехии питала мысли и стремления Коменского даже в те годы, когда он жил в чужих странах как изгнанник. Поэтому понять философию Коменского в отрыве от ее национальной почвы невозможно, несмотря на то что она представляет собой прогрессивно-демократическую философию, проникнутую общечеловеческим духом. Коменский писал: «То, что мы создаем, является сокровищницей всеобщей мудрости, которою род человеческий должен владеть сообща. Поэтому и справедливо, чтобы в ней были представлены все мы, все народы, секты, эпохи» («Предвестник всеобщей мудрости», 55).

Такова в общих чертах философская концепция Коменского. Как мы указали, здесь следует особо выделить гносеологические воззрения Коменского и ознакомиться с ними подробнее как с методологической основой его педагогического учения, в частности дидактики.

Гносеологические воззрения Коменского

Как известно, стержневым вопросом философии является вопрос об отношении мышления к бытию, сознания — к материи.

Невозможно назвать такого философа-мыслителя, который так или иначе не касался бы этого решающего гносеологического вопроса. Как мы познаем мир; каковы источники и методы познания; познаваем ли мир и каковы рамки познания; насколько надежно наше знание; что является критерием истины — все эти вопросы стояли в центре внимания философов как до Коменского, так и в его эпоху. Коменский основательно знал античную и современную ему философию, занимал определенную позицию по отношению к гносеологическим теориям

философов, а по многим вопросам гносеологии выработал собственную, оригинальную теорию.

За последнее время проделана довольно большая работа по изучению гносеологических воззрений Коменского. В первую очередь следует отметить работу проф. И. Попеловой-Отагаловой «Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского», в которой подробно рассмотрено его гносеологическое учение.

Для того чтобы получить сколько-нибудь полное представление о гносеологии Коменского, мы считаем необходимым осветить следующие основные вопросы: 1) материалистически-эмпирическое направление гносеологии Коменского и ее основы; 2) сущность и рамки познания, по Коменскому; 3) источники и пути познания; 4) истина и действительность; 5) теория познания Коменского как методологическая основа его дидактики.

Несмотря на то что философию Коменского вообще можно охарактеризовать как объективный идеализм, его гносеология в основном все же является эмпирико-сенсуалистической гносеологией материалистического направления. Выдающийся советский педагог Н. К. Крупская, которая глубоко изучила учение Коменского, в своих подготовительных материалах к работе «Народное образование и демократия» (1915) указывает, что Коменский «сторонник эмпиризма».

Коменский еще в университетские годы с особым интересом взялся за изучение и разработку гносеологических вопросов. Он не только познакомился с гносеологическими теориями великих греческих философов, особенно Платона и Аристотеля, с трудами ранних гуманистов, выдающихся философов эпохи Возрождения Николая Кузанского, Томмазо Кампанеллы, величайшего представителя науки этой эпохи Николая Коперника и других мыслителей, которые сыграли важнейшую роль в борьбе против схоластической философии и открыли путь для эмпирической теории познания, но и собственные ранние труды, как было отмечено выше, посвятил основным гносеологическим вопросам. К числу таких трудов относятся «Спорные вопросы, собранные в саду философии» и «Берет ли всякое знание исток из ощущения». Коменский в этих трудах защищает и развивает материалистическое положение о том, что «ничего не может быть в человеческом интел-

лекте, что не было предварительно в ощущении» («Nihil est in intelectu, quod non fuerit prius in sensu»).

В комениологической литературе не так давно имела место своего рода дискуссия о том, оказала ли влияние гносеология Ф. Бэкона на Коменского и на его эмпирические воззрения в вопросах теории познания. Большинство исследователей отвечают на этот вопрос положительно, а некоторые отрицают влияние Бэкона на Коменского, обосновывая это тем, что Коменский в своей студенческой гносеологической работе еще за семь лет до издания в 1620 г. основного труда Бэкона «Новый органон» развивал материалистические положения. Такое мнение высказывал и известный советский комениолог проф. А. А. Красновский. В своей книге «Я. А. Коменский» он пишет: «Распространенный взгляд, будто сенсуализм Коменского возник под влиянием Бэкона Веруламского, является неверным. В 1613 г. Коменский еще не мог быть знаком с философией Бэкона» [1]. Это мнение проф. А. А. Красновского само по себе справедливо, поскольку эмпиризм Коменский заимствовал у Аристотеля и еще в студенческие годы был склонен к сенсуализму. Однако проф. А. А. Красновский неправ, когда отрицает влияние Бэкона на Коменского. Достаточно сказать, что проф. А. А. Красновский при рассмотрении гносеологических и философских взглядов Коменского вообще нигде не указывает на положительное влияние на него Бэкона. Более того, влияние Бэкона на Коменского проф. А. А. Красновский изображает как отрицательное. Касаясь вопроса о выделении памяти как самостоятельной способности наряду с волей и разумом, А. А. Красновский пишет: «Такое выделение памяти в самостоятельную способность мы находим у Бэкона, и, кстати сказать, на этом ошибочном выводе он основал и свою классификацию наук» [2].

Влияние Бэкона на Коменского отрицает известный комениолог Ян Квачала, который в 80-х годах прошлого века утверждал, что до 1620 г. Коменский знал только труды Николая Кузанского, а между последним и Бэконом нет никакого идейного родства. Этим Квачала хотел

---

[1] А. А. Красновский, Ян Амос Коменский, М., 1953, стр. 126.

[2] Там же, стр. 132.

опровергнуть неправильное утверждение Раумера о том, что у Коменского не было собственной философской концепции, но он допустил существенную ошибку в другом, искусственно вырвав философские воззрения Коменского из сферы влияния самой передовой философии той эпохи — философии Бэкона. Такую же неправильную позицию в вопросе об отношении Коменского к философии Бэкона занял другой известный комениолог Иосиф Гендрих, который в 80-х годах прошлого столетия утверждал, будто Коменский вовсе не знал трудов Бэкона, когда писал так называемую «Чешскую дидактику». Это соображение не подтверждается фактами. Его полностью опровергает письмо Коменского к Рафаэлю Лещинскому, написанное в 1630 г., где Коменский пишет, что он не только был знаком с трудами «великого веруламца Бэкона», но и весьма ему сочувствовал. Касаясь этого вопроса, д-р Ян Паточка совершенно справедливо указывает: «Существенные сходства между сочинениями «Новый органон» и «Великая дидактика», конечно, не случайны» [1].

Мы разделяем ту точку зрения, что философские воззрения Коменского, особенно самая важная его часть — гносеология, сформировались под влиянием Яна Гуса, Николая Кузанского, Томмазо Кампанеллы, великих естествоиспытателей эпохи Ренессанса, и особенно родоначальника материализма нового времени — английского философа Ф. Бэкона.

То обстоятельство, что Коменский подвергся большому влиянию Бэкона и с величайшей симпатией относился к его учению, отнюдь не умаляет его значения, а подтверждает прогрессивность мировоззрения Коменского вообще и его гносеологических воззрений в частности.

Значительное влияние на Коменского оказал также великий мыслитель эпохи Ренессанса Николай Кузанский. Как известно, в эпоху Ренессанса материалистическое направление постепенно утверждалось, вытесняя схоластическую философию. В этом процессе большую роль сыграло возрождение материалистически-гносеологических воззрений античной эпохи, в частности противопоставление подлинного учения самого Аристотеля его

---

[1] Ян Паточка, Бэкон и дидактика Коменского, журн. «Pedagogika», 1956, № 2, стр. 212.

схоластическому извращению. В этот период возникла пантеистическая натурфилософия — учение о природе, не отрицавшее бога, но отождествлявшее с ним природу, все бытие. В связи с этим следует особо отметить великого натурфилософа Николая Кузанского, который первым ввел понятие бесконечности и утверждал, что в бесконечном мире все предметы связаны друг с другом и находятся в непрерывном движении. Против схоластики выступает Николай Кузанский и в теории познания. Здесь он идет по пути эмпиризма, считая, что первой ступенью познания является ощущение, которое отражает предмет, хотя вначале и в виде неясного образа. Коменский близок к Н. Кузанскому в решении ряда гносеологических вопросов.

Каковы основные гносеологические воззрения Коменского?

Коменский считает, что вся природа и «ее частица человек» созданы богом. Этот стержневой вопрос мировоззрения он в общем решает с идеалистической точки зрения. Однако, защищая, подобно Кузанскому, пантеистически-натурфилософское положение о том, что бог не стоит вне природы, а воплощен в ней, и приписывая природе и особенно человеку как микрокосму в макрокосме божественные атрибуты, Коменский фактически открывает путь признанию безграничных возможностей человека как наиболее совершенной частицы природы в области познания безграничного мира, себя самого и бога.

Следует особо отметить то обстоятельство, что в вопросах теории познания Коменский не только стоит на высоте требований своей эпохи и отмежевывается от средневековой схоластики, этого «лабиринта мысли», объявляя ей непримиримую борьбу (вместе со своими великими современниками — Бэконом и Декартом, Кампанеллой и Лейбницем), но во многих вопросах, особенно в области применения гносеологии к дидактике, опережает столетия, и его взгляды сохраняют актуальное значение и для нашей эпохи.

Коменский не ставит специально вопроса о том, что такое познание, и не дает его определения, но даже общее ознакомление с его гносеологическими взглядами дает полное основание заключить, что познание для Коменского является процессом формирования мысли, знания о существующем. Объектом познания Коменский

считает природу, то, что создано богом и людьми. Цель этой «мысли», «знания» или познания не созерцательна — познать мир, а актуальна, жизненна — поставить знание на службу человеку, использовать его для достижения благосостояния и счастья человека. Поэтому исходный принцип теории познания Коменского по природе своей народен, гуманистичен. Совершенно правильно указывает чешский проф. И. Попелова-Отагалова: «Цель разумного познания, по Коменскому, заключается не только в постижении закономерностей природы, но также и в овладении природой и в использовании власти над природой в интересах человечества» [1].

Исходя из этого назначения познания, Коменский главным условием истинной мысли и знания считает полное соответствие мысли с материальной действительностью, или, как он сам часто указывает, природосообразность. «До настоящего времени придумано по произволу много философий, которые были снова опровергнуты другими. Подобным же образом надо смотреть и на догматы или на системы богословия: они могут создаваться и разрушаться, так как они придуманы не в соответствии с неизменной нормой вещей, а согласно неповоротливому правилу того или иного мозга» («Предвестник всеобщей мудрости», 28).

Но откуда и как получает человек знание о природе, искусстве и боге? В этом вопросе Коменский стоит на точке зрения двойственной истины, отделяя знание о природе и искусстве от религии. Первые два даются ощущением и разумом, а последнее — божественным откровением. Само это разделение освобождает человеческую мысль от средневекового догматизма и схоластики. Поэтому данный взгляд Коменского представляет гносеологическое положение исключительно важного значения.

Подобно Аристотелю и Бэкону, Коменский отрицает врожденность мысли, знания, идеи. Он пишет, что разум представляет собой «только tabulam rasam, или пустую доску, на которой еще ничего не написано, как любил выражаться Аристотель», но на которой со временем все может быть написано.

---

[1] И. Попелова-Отагалова, Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского, (Автореферат диссертации). М., 1958, стр. 17.

По мнению Коменского, человек — высшее и сложнейшее существо, венец творения, носитель духа. Душа, как частица божественного духа, способна отражать действительность. По мнению Коменского, «человеческой душе» (ingenia humana) свойственна только врожденная потенциальная способность к познанию. Он пишет: «Так и человек, его тело предназначено для трудов, однако мы видим, что, кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено» («О культуре природных дарований», стр. 126).

О единстве частей, или способностей, души Коменский в «Великой дидактике» прямо пишет: «Сущность души составлена из трех способностей: разума, воли и памяти... нельзя отрывать друг от друга эти три способности (разум, волю и совесть), так как они составляют единую душу» («Великая дидактика», X, 7). Память Коменский относит к «совести». «Эти три способности (разум, волю и совесть), так как они составляют единую душу, также не следует разрывать», — пишет там же Коменский.

Душа, по мнению Коменского, связана с мозгом и с органами чувств. «Наш мозг (эта мастерская мыслей) сравнивается с воском, на котором оттискивается печать или из которого лепятся фигурки. Как воск принимает любую форму и из него можно лепить и снова переделать любую слепленную фигуру, так мозг, отражая образы всех вещей, все принимает, что только содержит мир» (там же, V, 10).

Коменский ставит вопрос: способен ли каждый человек к познанию? В соответствии с демократическим направлением своего мировоззрения Коменский пишет: «Человек родился способным для уразумения вещей, для добродетелей, для неограниченной любви к богу» («Великая дидактика», V, 2).

Как осуществляется, по Коменскому, сам процесс познания? Основное материалистически-эмпирическое положение Коменского состоит в следующем: «Начало познаний необходимо, всегда вытекает из ощущений (ведь нет ничего в уме, чего ранее не было бы в ощущениях)» (там же, XX, 7). Это первая ступень познания, когда «при помощи чувств в мозгу каждого человека запечатлеваются изображения предметов» («Живая типография», 127).

Но для Коменского познание не может остановиться на этой ступени, поскольку «запечатленные таким образом предметы, полученные только на основе практики, остаются у большинства людей в сыром состоянии, они подобны к а р т и н е, которую создает солнце при освещении дерева».

По Коменскому, вторую ступень наблюдения над материалом, полученным из ощущения, составляет умственная переработка результатов, когда разум, опираясь на связи, существующие между предметами, путем анализа и синтеза их сходных черт и различий осуществляет их обобщение и абстракцию.

Коменский считает, что «первичным является чувственное, по сравнению с интеллектуальным», и что отрывать их друг от друга нельзя. Он пишет: «Разум, уже исполненный образом вещей, возвращаясь к самому себе, созерцает свое собственное существо, т. е. подвергает испытанию собственные и чужие представления о вещах, чтобы везде точно и искусно отличать предположения от истины» («Пансофическая школа», ч. II, V, 4).

Коменский, так же как и Николай Кузанский, возлагает на разум задачу не простого «знания» того, что дается человеку в непосредственных ощущениях в результате воздействия внешнего реагента, раздражителя (такое знание он называет простым знанием), а научного познания, которое требует знания сущности предмета с его причинами, знания того, в какой связи находится этот предмет с другими предметами, для чего он полезен и как должны мы его использовать.

На второй ступени познания, по Коменскому, нам уже дается определенное знание, мысль, представление о предметах, но и на этой ступени не исчерпывается назначение познания. Знание, мысль, взгляд становятся истинными и полезными лишь тогда, когда они находят свое осуществление в практике и перерастают в мудрость. Отсюда вытекает требование Коменского о том, что школы «должны учить: 1) теории, 2) практике и употреблению всех хороших и полезных вещей» («Выход из схоластических лабиринтов», 11). Этим путем можно воспитать пансофа — мудреца. Мудрость есть мать человеческого, на мудрость надо смотреть, как на искусство жизни, считал Коменский.

Характеризуя процесс познания в его единстве, Коменский пишет: «Так как ум в познании вещей идет постепенно, то, во-первых, он должен знать, что что-либо существует (это называют просто знанием или ознакомлением); во-вторых, что это такое по своим причинам (это называется пониманием); в-третьих, он должен знать, как использовать свое знание (т. е. знать, для чего это знание полезно). Эту последовательность необходимо соблюдать всюду, повсюду ум должен переходить от исторического познания вещей к разумному пониманию, а затем к употреблению каждой вещи. Этими путями просвещение ума безошибочно ведет к своим целям, подобно машине с собственным движением» («Выход из схоластических лабиринтов», X).

Коменский не только определил задачи познания и его формы, но в своем гносеологическом учении уделил особое внимание методам научного познания. С этой точки зрения особенно важно его отношение к индуктивному методу, представляющему стержень гносеологии Ф. Бэкона.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что Коменский важнейшим условием успеха научного познания считал объективность метода, к которому обращается человек для познания мира. «В качестве второй причины колебаний истины я назвал неустойчивость методов. Она состоит в том, что писатели вообще не прилепляются к самим вещам для того, чтобы, не изменяя, передать их вполне так, как они существуют сами по себе, а насильственно приводят вещи к некоторому фиктивному и ими самими придуманному согласию и тысячею способов запутывают их. Это не что иное, как искажение образов вещей в уме и изменение их природной формы. И тогда что же может появиться вместо вещей как не чудовища?» («Предвестник всеобщей мудрости», 28).

Придавая методу особое значение, Коменский писал: «Все дело в способе... применяя который к вещам и к учениям о вещах, можно было бы отличить необходимое от не необходимого, полезное от бесполезного, истинное от ложного» (т а м ж е, 62).

Коменский требует: «Все доступные познанию вещи (относятся ли они к естествознанию, к морали, к искусству, к богословию или к метафизике) должны преподноситься с такой же точностью и достоверностью, как

в математических доказательствах, чтобы не оставалось никакого места сомнению» («Предвестник, всеобщей мудрости», 41). Эта точность знания обеспечивается непосредственным наблюдением, опытом. Отсюда его отношение к индуктивному методу. «Философскому методу» Бэкона Коменский дает высокую оценку. Он пишет: «...таким способом исследования природы является, по-видимому, открытая славным Веруламием искусная индукция, которая поистине заключает в себе путь для проникновения в тайны природы» (там же, 63).

Эта оценка, данная Коменским эмпиризму Бэкона, является не просто декларативным признанием его индуктивного метода; индуктивным методом проникнуты все гносеологическое учение и дидактика Коменского. Главным путем реализации принципа природосообразности у Коменского является именно индуктивный метод.

Индукция, по Коменскому, подразумевает непосредственное восприятие предметов, при котором органы чувств играют роль «орудий мозга» и поставляют ему необходимый материал относительно объекта познания. Таким путем предметы запечатлеваются в разуме только в том виде, в каком они существуют в действительности. Коменский пишет: «Чувство непосредственно наталкивается на вещи и, схватывая их, стремится их познать. Сообразно этому следует предоставить ему наталкиваться на все, что оно должно познать, чтобы оно было уверено, что оно схватывает и познает не через доверие к другим, но именно само, путем созерцания, слушания, ощущения вкуса» («Выход из схоластических лабиринтов», 42).

Индуктивному методу Коменский придает особое значение при решении теоретических и практических вопросов дидактики. Его дидактические труды, в первую очередь «Великая дидактика», построены на почве сенсуалистической гносеологии, и, конечно, индуктивному методу в них отводится большое место. Не случайно дидактику Коменского в истории педагогики называют иногда индуктивной дидактикой.

Коменский также обращается к индуктивному методу в своих известных учебниках — «Мир чувственных вещей в картинках», «Открытая дверь языков» и др. Именно это обеспечило общее признание и жизненность этих учебников.

Для успешного использования индуктивного метода Коменский считал необходимым каждый отдельно взятый предмет изучать в связи с другими предметами, устанавливая путем сравнения сходства и отличия другие качественные стороны, и на этой основе выяснить сущность каждого конкретного предмета. Он пишет: «Если кто-нибудь не понял, из какой основы все возникает и каким образом все связано, то напрасно он будет пытаться судить об отдельных вещах, рассматриваемых с этой точки зрения, так как бессистемное расположение вещей легко причиняет трудности даже в легких случаях» («Предвестник всеобщей мудрости», 117).

Индуктивный метод, по мнению Коменского, легко достигнет своего назначения, «если вещи будут представлены в обнаженном виде, без прикрас и отделки» (т а м ж е, 114).

Умение пользоваться индуктивным методом Коменский связывает с тем практическим опытом, который накоплен человеком. По правильному мнению Коменского, опыт является источником мудрости и в то же время путем к обогащению этой мудрости. «Опыт через разнообразную практику создал искусство» (т а м ж е, 4). «Мудрость удивительно обогатилась и обогащается со дня на день разнообразными опытами» (т а м ж е, 5), — пишет Коменский. Поэтому для Коменского как индуктивный метод, так и опыт подразумевает постоянное искание, поскольку «мудрость приобретается опытами над многими вещами» (т а м ж е, 4).

Высоко оценивая индуктивный метод, Коменский не считал его единственным методом познания. Коменский прямо пишет: «Философский метод Веруламиуса», т. е. индуктивный метод, «рассчитан лишь на раскрытие тайн природы, а у нас речь идет о действительности в целом» («Предвестник всеобщей мудрости», 63).

Коменский требует, чтобы в каждом частном случае процесса познания анализ сочетался с синтезом, индукция — с дедукцией. «Анализ ничему не позволит ускользнуть от вашего внимания (что составляет основу любого рода учености). А синтез из ущелий теории снова выведет вас в (просторные) поля действия. Если же присоединить к ним еще и светильник сравнения, то, где бы вы ни оказались, у вас [всегда] будет с собой свет» («Похвала истинному методу», стр. 217).

Путем правильного использования и сочетания методов «не только будет с очевидной ясностью и (совершенно) безошибочно постигнуто все существующее, но, сверх того, откроется источник и для дальнейших бесконечных размышлений, соображений и открытий» («Предвестник всеобщей мудрости», 41).

Гносеологические воззрения Коменского с начала до конца проникнуты глубоким оптимизмом и демократизмом. Это особенно ясно проявляется в его взглядах по вопросу о познаваемости мира. Главное, основополагающее положение Коменского состоит в следующем: «Сколь ни бесчисленными представляются вещи по своему множеству, сколь ни несоизмеримыми по своей различной величине, сколь ни таинственными по сокрытой в глубине своей истинной сущности — все они ниже человека, все они подчинены его уму. Ибо все вещи созданы ради человека, но ниже его по достоинству. Отчего же ему, последней вершине творений, чистейшему образу своего создателя, соединяющему в себе одном все, что есть наиболее совершенного во всех других созданиях, не может быть свойственно познавать до конца и самого себя и все прочее?» («Предвестник всеобщей мудрости», 45).

Из этой цитаты ясно видно, что Коменский целиком и полностью признает познаваемость мира. Правда, обоснование этого взгляда до некоторой степени носит у него теологическую оболочку, но пантеистическая окраска этой оболочки открывает путь материалистическим воззрениям в вопросе о познаваемости мира. Более того, сам Коменский не только в аспекте дидактики, но и в самой теории познания придерживается в основном правильных научных взглядов, когда научное познание увязывает с опытом, с практикой и на этом фоне рассматривает вопрос о познаваемости мира. Коменский пишет: «Многое уже, как известно, прекрасно открыто; так почему же нельзя надеяться, что то же будет и с остальным? Ведь это немало, что Эвклид, Архимед и другие довели понимание количества до такой ясности, что при помощи числа, меры и веса можно прямо чудеса делать. Это немало, что медики, герметики с помощью химии научились отделять от природных веществ их качества и добираться до их голой сущности. Это немало, что Верулами й в своем поразительном «Органоне» открыл безошибочный способ исследования подлинной

природы вещей» («Предвестник всеобщей мудрости», 47). Но имеет ли познание границы? — ставит вопрос Коменский. Отвечая на этот также стержневой гносеологический вопрос, Коменский пишет: «Кто предается изучению философии, тот не найдет предела: ведь чем более кто знает, тем более понимает, что ему недостает еще многого» («Великая дидактика», II, 7).

Коменский правильно отмечал, что открытие нового беспредельно: познание действительности беспредельно, как беспредельна сама действительность. «Как клином выбивается клин, так одно открытие подталкивается другим» («Предвестник всеобщей мудрости», 47).

Именно беспредельность знания, по мнению Коменского, делает еще более привлекательным и интересным для человека открытие все новых и новых истин, проникновение в бесконечные тайны вселенной, способствует тому, чтобы человек был активным творцом в деле познания и преобразования мира. Коменский пишет: «Наслаждения, проистекающие от самих вещей, есть то удовольствие от размышлений, которое испытывает мудрец. Ведь, чем бы он ни занимался, чтобы ни представлялось его взору, на что бы он ни обращал свое размышление, всюду и во всем этом он находит прелести, доставляющие ему столь большое удовольствие, что часто он, как бы вне себя от увлечения, забывает о себе самом; об этом именно и свидетельствует книга «Премудрости». В обращении мудрости нет суровости, ни в сожитии с нею скорби, но веселье и радость... А языческий мудрец говорит: «Нет ничего в жизни приятнее, как философствовать» («Великая дидактика», X, 12).

В соответствии с духом своей эпохи Коменский придавал особое значение науке в деле познания действительности и ее использования на благо человеку. «При помощи научных знаний мы должны приближаться ко всеобщему познанию вещей» («Предвестник всеобщей мудрости», 7), — указывал Коменский.

Коменский не только высоко оценивал науку своей эпохи, но сам давал величайший пример научного творчества, проникнутого идеей народности. Он писал: «Не без основания наш век восхваляют как век науки (eruditionis) и считают, что может заблистать надежда на еще больший свет» («Предвестник всеобщей мудрости», 3).

Коменский признавал всеобщность науки и ее известную независимость от религии. Несмотря на свою борьбу против «безбожничества в науке», Коменский считал, что именно языческие ученые и философы работали над вопросами, имевшими практическое значение. Коменский прямо писал: «Да приступят язычники и арабы и пусть принесут к украшению дома бога нашего, что могут, в особенности — потому, что пансофия рассматривает не только нашу коренную задачу — спасение души, но и житейские дела. А ими-то язычники преимущественно и занимались. Тут-то они и не смогли не подметить кое-что полезное, и было бы напрасным предрассудком и легкомыслием это отвергать» («Предвестник всеобщей мудрости», 58).

Коменский решительно боролся против схоластической науки и выявлял ее антинародный дух. В своем труде «Лабиринт света и рай сердца» он высмеивает невежество ученых-схоластов, оторванных от жизни, с гневом описывает их деятельность, рассказывает о том, как причиной постоянных ссор, ругани, поношений и даже драк часто становился спор «о снеге: белый он или черный, об огне — горячий он или холодный» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 102).

Здесь же Коменский высмеивает ученых-схоластов, которые «внешне сверкают разными титулами, но в действительности являются невеждами»... «Посмотрел на одного из этих магистров, которому приказали посчитать что-нибудь — он не сумел, приказали измерить — не сумел, назвать звезды — не сумел, приказали говорить чужими языками — не сумел, приказали сказать речь на своем языке — не сумел, в конце концов — приказали прочитать и написать — не сумел. «Какой трех, — сказал я, — писаться магистром семи наук и ничего не знать» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 116).

Путешественник увидел, что ученые берут книги в золотых и серебряных переплетах, перекладывают их с одного места на другое и т. д. Он обращается к своему спутнику, переводчику: «Что это они — играют? — спросил я. Толмач отвечал: «Милый мой, прекрасная вещь иметь хорошую библиотеку». «Даже когда не пользуются ею?» — спросил я. Он же добавил: «И те, которые любят библиотеку, считаются учеными». Я же подумал про себя: «Да, так же как кто имеет кучу молотков и

щипцов, а не знает, для чего они употребляются, считается за кузнеца?» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 100).

Коменский приводит народную поговорку: «Не всякое дерево годится на бочку» — и высмеивает таких ученых, которые свою научную деятельность не увязывают с познанием предметов в том виде, в каком они существуют в действительности. Коменский образно выражает свое отношение к ученым-схоластам, стоящим далеко от интересов народа, когда пишет: «Как Тантал, будучи в воде, жаждал воды, так и мы в эпоху «просвещения» жаждем света, будучи окружены книгами, жаждем книг и среди людей образованных ищем образования» («Предвестник всеобщей мудрости», 31).

Отвергая схоластическую науку, которая по своей природе антинародна, Коменский признает реалистическую науку и решительно требует поставить науку на службу народа.

По Коменскому, основное назначение науки состоит в том, чтобы «для всех, рожденных людьми, был бы открыт удобный путь к познанию всеобщей основы вещей» (т а м ж е, 42).

Для того чтобы наука развивалась и стала на службу народа, Коменский считает необходимым преобразовать школьное дело на основе всеобщего и реального образования. Коменский пишет: «У всех народов появилось такое стремление открывать школы, какого не запомнит история какой бы то ни было из прежних эпох. Благодаря этому на всех языках и у всех народов стало появляться так много книг, что они стали попадать в руки к крестьянам, женщинам, у которых до этого не было к тому возможности, так как книги покупались лишь образованными и состоятельными людьми» (т а м ж е, 5).

Коменский правильно указывает, что научное исследование и овладение его вершинами — нелегкое дело и не приходит само по себе, без труда. Напротив, путь науки — сложный и полный трудностей путь, требующий овладения все новыми знаниями и преодоления всех новых трудностей. Ученый бесстрашно с любовью и верой в победу должен браться за научную работу и не бояться трудностей. «Так уж установлено божественной мудростью, чтобы все прекрасное являлось наградой не за леность, а за труд. Итак, пусть это будет трудно, лишь

бы не невозможно; не будем смущаться! Эту трудность победят любовь и сознание (нашей) светлой цели. Что за беда сделать попытку в серьезном деле?» («О культуре природных дарований», стр. 138).

Своими трудами, начиная с «Didactica magna» и кончая «Orbis pictus», Коменский предстает перед нами как подлинный ученый и гуманист-демократ. Его взгляды о научном познании — великие научные достижения того времени, сохранившие свою актуальность до наших дней.

Таковы в общих чертах основное направление и характер гносеологических взглядов Коменского. Эти взгляды Коменского обусловливают характер его мировоззрения и дидактического учения. Общую оценку гносеологических взглядов Коменского мы закончим словами чешского комениолога проф. И. Попеловой: «С глубоким демократизмом взглядов Коменского на воспитание и образование тесно связан его оптимистический рационализм в области воспитания и образования. Коменский верит в великую силу человеческого разума, который способен открывать все новые и новые тайны. Открытия и изобретения того времени приводят Коменского к убеждению, что человеческий ум сам по себе не знает пределов, которые бы препятствовали ему познавать мир все больше, все глубже» [1].

Пансофическая направленность философии Коменского

Характерная особенность философии Коменского состоит в том, что она не направлена к небесам или беспредметным абстрактным идеям, а в соответствии с требованиями эпохи твердо стоит на почве реализма и служит жизненным целям человека. Заботу о подрастающем поколении Коменский считал величайшим делом жизненного значения, поскольку он утверждал, что только воспитание может «исправить человеческие дела» на этой земле и обеспечить счастье каждого человека в гармонически устроенном обществе. Отсюда, по его мнению, философия прежде всего должна служить великому делу воспитания человека. Поэтому у Коменского та или иная

[1] И. Попелова, Я. А. Коменский, Прага, 1956, стр. 7.

философская проблема получает свое полное обоснование и развитие в педагогическом аспекте. В этом смысле философию Коменского можно назвать педагогической философией, которая проникнута пансофическим духом. Идея пансофии у Коменского носит не узкопедагогический характер, какой ей в большинстве случаев приписывали, а является понятием, имеющим общеметодологическое содержание.

Что такое пансофия вообще, в чем состоит ее суть и каково наше отношение к ней?

Само слово «пансофия» означает «знание всего», «всезнание», «всеобщая мудрость». П. П. Блонский предлагал даже ввести в русский язык соответствующее пансофии новое слово — «всемудрость». Слово «пансофия» не было введено Коменским впервые. Как установлено в 90-х годах прошлого века, это слово в 1616—1620 гг. употребляли резонкрейцеры в своих философских трудах. Под понятием «пансофия» они подразумевали всеобъемлющую науку, которая ведет человека к познанию бога, природы и самого себя и отражает всеобщую гармонию в природе.

В XVI—XVII вв. стремление к энциклопедизму стало своеобразной модой, и это понятно, поскольку эпоха настоятельно требовала знать все особенно в области природы. Это определило появление и ученых-энциклопедистов. Среди них следует особо отметить самого Ф. Бэкона, который написал трактат энциклопедического характера «Обновление знаний», Томмазо Кампанеллу, который в своих философских трудах («О смысле предметов», «Философия утверждающаяся чувствами» и др.) большое место уделил энциклопедизму Альстеда, ближайшего учителя Коменского, написавшего «Энциклопедию», Вивеса, написавшего труд «О науках», в котором он соблюдает принцип энциклопедизма, и других. Пансофические труды Коменского также часто считают трудами энциклопедического характера.

Проф. А. Вейсман еще в 1897 г. указал, что пансофические труды Коменского написаны под большим влиянием энциклопедистов XVI—XVII вв. П. П. Блонский в 1915 г. писал: «Вернее всего, что и по самому существу дела Коменский не очень ясно представляет ее (пансофию. — *Ред.*) и, пожалуй, правильнее всего Sylva Pansophiae сравнивать не с энциклопедией Гегеля или

курсом позитивной философии Конта, даже не с французской энциклопедией, но с «Sylva Sylvarum» Бэкона, с которым Коменского роднит также и искание универсального метода. В этом отношении Коменский — посредствующее звено между Бэконом и механически связанной энциклопедией Альстеда» [1].

Вообще можно сказать, что о сущности пансофии Коменского высказываются очень различные взгляды, а некоторые исследователи совершенно обходят молчанием вопрос о пансофии даже в обширных монографиях о Коменском. Так, например, мало сказано о пансофии Коменского в капитальной монографии проф. А. А. Красновского. Справедливость требует признать, что и в нашей работе «Дидактика Я. А. Коменского» (1939), где рассмотрению вопросов пансофии уделено значительное место, сущность идеи пансофии все же не до конца раскрыта, тем более что тогда нам не был известен труд Коменского «Общий совет об исправлении дел человеческих».

За последнее время вопросы пансофии получили наиболее правильное и глубокое освещение в трудах акад. Отокара Хлупа, а также известных комениологов Иосифа Брамборы, Яна Паточки, И. Попеловой, Иржи Кирашека, Яна Червенки и других, рассматривающих идею пансофии Коменского не просто как «всезнание», «всемудрость», а в первую очередь как систему руководящих методологических положений, которые обусловливают саму эту мудрость и «всезнание». Мы в основном согласны с чешскими коллегами, что основная идея пансофии Коменского — воспитание нового высоконравственного человека, человека знаний и труда. В этом смысле мы считаем его пансофию своего рода педагогической философией.

Эта педагогическая философия Коменского требует «обучения всех всему» с целью воспитать настоящего человека, учить тому, посредством чего «умы людские могли бы, при ясном свете, по непрерывному ряду ступеней подняться, не оступаясь, от основания вещей до самых их вершин» («Предвестник всеобщей мудрости», 44).

Какое конкретное содержание вкладывает Коменский в пансофию?

---

[1] П. Блонский, Я. А. Коменский, М., 1915, стр. 55.

По мнению Коменского, пансофия должна содержать мудрость, в которой:

«1. Было бы перечислено по порядку все, что когда-либо существовало и существует, дабы ничто не ускользнуло от познания.

2. Было бы измерено и наглядно представлено отношение всех вещей как к целому, так и друг к другу.

3. Наконец, все было бы взвешено и с очевидностью доказано, дабы знать точную истину о всех вещах» («Предвестник всеобщей мудрости», 39).

В «Пансофии», писал Коменский, «вещи представлены в непрерывной, ясной и четкой взаимозависимости, все выводится из своих собственных корней, из своего собственного существа, и каждая вещь оказывается тою самою, как она названа, и представляется именно так, как она есть на самом деле. Ибо все (в этой книге) обусловлено самой неизменной и внутренне связанной истинной сущностью вещей. Все это, однако, в сжатом виде, ибо предназначено служить для краткой и быстро текущей жизни» («Предвестник всеобщей мудрости», 41).

Для внесения большей ясности в этот вопрос будет не лишним привести характерные отрывки из разных трудов Коменского, касающегося сущности пансофии.

«Пансофией я и называю то, что могло бы служить живым отражением мира — отражением, где все было бы с другим связано. Таким образом, хотелось бы нам составить пансофию в виде такой книги, которая представляла бы собой:

1. Целостный краткий курс всеобщего образования.

2. Яркий светоч для человеческого ума.

3. Твердое мерило истины.

4. Верную картину жизненных дел и занятий» («Предвестник всеобщей мудрости», 39).

«Философия, построенная таким образом, будет:

1) легкой для усвоения, ибо в ней одно будет вытекать из другого; 2) истинность ее будет прочной, так как все последующее будет основываться на предыдущем; 3) она будет чрезвычайно полезна в применении, так как в ней отлично раскроются основания всего мыслимого. И действительно, такое изложение всеобъемлющей науки будет не только рассадником (знания), но некоторым образом будет и оплодотворять его, заставляя все глу-

боко укореняться, чтобы изучающие не только поддавались увещаниям, но и принуждались к согласию посредством доказательств. Это именно и делает образование прочным» («Предвестник всеобщей мудрости», 89).

«Я хочу, собрав в этом пансофическом труде всех тех, кто только писал о благочестии, о нравственности, о науках и искусствах, будь то христианин или магометанин, иудей или язычник, и к какой бы он ни принадлежал секте — пифагорец, академик, перипатетик, стоик, ессей, грек, римлянин — древний, новый, доктор или раввин, какая бы то ни была церковь, синод, собрание, — всех их допустить и выслушать, что каждый из них даст хорошего» (т а м ж е, 54).

Пансофическое учение великого патриота и гуманиста Коменского, проникнутое в целом идеей народности, естественно, отводит большое место родному языку как главной основе всеобщего образования. Коменский пишет: «Я хочу и заклинаю, чтобы мудрость изучалась впредь не только на латинском языке, чтобы она не оставалась запертой в стенах школ, как это имеет место до настоящего времени, причем народ и народные языки находятся в величайшем презрении, чем им наносится величайшая обида. Пусть всякому народу все передается на его собственном языке и тем дается повод всем заниматься свободными искусствами предпочтительно перед заботами этой жизни, перед стремлениями к почестям, к богатству, к остальным суетным вещам, как это постоянно бывает, причем человек растрачивает свои силы и жалким образом губит свою жизнь и душу. И пусть вместе с науками и искусствами получают изящную обработку и сами эти языки. Поэтому я и решил издать эти наши сочинения, если будет на то воля божья, как на латинском, так и на родном языке» («Предвестник всеобщей мудрости», 123).

Пансофически образованные люди, занявшиеся настоящим делом и по испытанным путям устремившиеся к серьезным целям, прекратили бы и споры, войны, разлады, от которых сейчас так страдает мир. «Будет найдена в нем настоящая дорога (которая может быть только одна, ибо сущность истины — в единстве и простоте) — и исчезнут распутия, т. е. поводы ко (всем) расхождениям, спорам и заблуждениям» (т а м ж е, 42). «Но можно ли на это надеяться? Конечно» (т а м ж е, 44).

Приведенные нами обширные цитаты из трудов Коменского о пансофии и ее сущности не нуждаются в особых комментариях. Отметим только, что его пансофические и дидактические труды и учебные пособия: «Мир чувственных вещей в картинках», «Открытая дверь языков» и др. — проникнуты тем же духом, что и вышеприведенные положения.

Идею пансофии Коменского мы рассматриваем как гуманистическую, демократическую и (в определенном смысле) реалистическую педагогическую философию, которая до наших дней сохраняет свою актуальность, несмотря на то что в ней многое устарело и обусловлено той далекой эпохой, в которой жил Коменский.

В педагогическом учении Коменского почти невозможно найти такой вопрос, который бы не был освещен с точки зрения идеи пансофии. Поэтому все содержание пансофии Коменского станет для нас более ясным в процессе рассмотрения его общественно-политического и, главное, педагогического учения.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОМЕНСКОГО

Коменский был не только выдающимся философом своего времени, но и мыслителем, имевшим законченную общественно-политическую концепцию. Невозможно назвать ни один из многочисленных трудов Коменского (даже учебные пособия), который бы не был проникнут этой концепцией. Следует особо отметить его книгу «Общий совет об исправлении дел человеческих», которую он писал в течение многих лет. Если мы хотим основательно разобраться во всем научно-педагогическом наследии Коменского, мы должны иметь ясное представление о его общественно-политических воззрениях.

Для выяснения общественно-политической концепции Коменского в первую очередь необходимо помнить, что Коменский к оценке общественного развития и пониманию его законов подходил с идеалистических позиций. Коменский, как и вообще домарксистские мыслители, не мог научно объяснить развитие общества, его движущие силы и законы, но он видел угнетение народа в условиях феодального общества — имущественного неравенства, страдания большинства под тяжелым игом меньшинства, унижение и разорение одной нации в результате насилия

над ней другой нации. На протяжении всей жизни он самоотверженно боролся за искоренение социальной несправедливости и за торжество свободы, братства, дружбы между народами, утверждение мира и равноправия на земле. Правда, его планы преобразования общества были утопически-просветительскими и иногда христианско-примиренческими, но для своего времени они имели огромное значение.

Общественно-политическую концепцию Коменского мы рассматриваем как концепцию гуманистически-демократического направления. Коменский — подлинный демократ-просветитель в широком смысле этого слова, который в своих общественно-политических воззрениях отразил жизненные интересы трудового народа в экономической, политической и культурной жизни.

Социально-экономические взгляды Коменского

Одной из составных частей общественно-политической концепции Коменского являются его социально-экономические воззрения, которые нашли свое выражение в его отношении к социальной структуре феодального общества.

Правда, в трудах Коменского вопрос этот прямо не поставлен, но все они, начиная с сатирического философско-социального романа «Лабиринт света и рай сердца» и кончая написанной в последний период его жизни работой «Единственно необходимое», ясно показывают, что Коменский, как последователь Гуса, великий гуманист и демократ, решительно выступает против социального неравенства, против социально-экономического строя феодального общества вообще и приветствует начало нового, капиталистического строя.

Коменский в юности стремится изучить экономические основы общества и социально-экономическое положение человека в нем. Этот вопрос — один из стержневых вопросов его «Лабиринта». В начале этой работы он следующим образом определяет цель своего путешествия: «Начав приходить в такой возраст, в котором ум человеческий начинает сознавать разницу между добром и злом, увидел я среди людей различные сословия, положения, профессии, труды и предприятия, которыми они

занимаются, и у меня явилось непреодолимое влечение подумать хорошенько о том, к какой группе людей примкнуть и как провести свою жизнь» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 75).

Делая обзор различных сословий и профессий, Коменский приходит к выводу, что в обществе царит неравноправие: меньшинство проводит свою жизнь в роскоши и безделии, а большинство, угнетенное этим меньшинством, живет в невыносимых, нечеловеческих условиях, страдает от нужды и ужасных унижений и преследований.

Коменский пишет: «Сошли мы по какой-то темной лестнице вниз, и я заметил, что в этих воротах находится огромный зал, полный молодых людей: на правой стороне сидит сердитый старец и держит в руке огромную медную чашу. Я видел, как подходили к нему все пришедшие из ворот жизни и каждый, коснувшись этой чаши и вытащив из нее знак с какой-то надписью, быстро бежал в какую-нибудь улицу города. Один бежал с радостью и криком, другой шел с печалью и тоскою, оборачиваясь и озираясь.

Я подошел поближе и посмотрел на некоторые из этих знаков; один вытаскивал «господствуй», другой — «служи», третий — «приказывай», четвертый — «повинуйся», пятый — «паши», шестой — «пиши», седьмой — «учись», восьмой — «копай», девятый — «суди», десятый — «воюй» и т. д. Я недоумевал, чтобы это такое было. Всевед разъяснил мне: «Здесь распределяются занятия и работы, этот начальник над жребием называется «судьбою» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 80).

Далее Коменский пишет: «Я увидел, что все эти человеческие промыслы суть только труд и усилие, и каждый имеет свою тяжесть и опасность. Я видел, что те, которые ходили около огня, были, как арабы, почерневшие и прокоптевшие; шум молотов беспрестанно стучал у них в ушах и заглушал наполовину слух, блеск огня постоянно блестел у них в глазах, и кожа их потрескалась от опаления. У тех, которые имели работу в земле, товарищами были темнота и опасность, и не раз случалось, что их засыпало землею. Которые работали на воде, мокли, как голуби на крыше, дрожали от холода, как осока, внутренности их портились, и не мало их стало добычей дна. Которые занимались с деревьями, камнями и дру-

гими материалами, были в мозолях, измучены и стонали. Я заметил, что некоторые имели глупые работы, с которыми тем не менее мучились и изнуряли себя до пота лица, до усталости, до падения, до ран, даже до гибели, причем едва в состоянии были заработать себе необходимый кусок хлеба» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 91). Вместе с тем, как указывает Коменский, земледельцы и ремесленники жаловались на то, что «те, которые поставлены над ними, хотят лишь бить и пороть и потому гонят, травят так, что кровавый пот течет с них. А те, к которым обращаются в таких случаях, исполняют это с большею жестокостью, потому, что и сами испили эту чашу. В доказательство они высыпали тут же целую кучу мозолей, синяков, язв и свежих ран (которые они принесли для удостоверения), прося милости. Казалось очевидным, что это — несправедливость, которая должна быть прекращена, но так как начальствующим дозволено управлять, через посредство слуг, то виноваты слуги» (там же, стр. 152).

Здесь же Коменский описывает, в какой праздности и распущенности проводит свою жизнь духовенство, призванное быть самым добродетельным слоем общества. «Взглянув на некоторых, которые только что перед этим (как говорили) приняли в себя бога, я увидел, что они один за другим предаются пьянству, ссоре, грязи, воровству и грабежу. Не веря своим глазам, посмотрел я попристальнее и убедился, что они и вправду пьянствуют и блюют, ссорятся и дерутся, грабят и бьют друг друга и хитростью, и силою, от буйства кричат и прыгают, пляшут, свистят, прелюбодействуют хуже, чем видел я у других; одним словом, я убедился, что они делают все наперекор тому, в чем их наставляли и что они обещались исполнять» (там же, стр. 119).

В своем труде «Лабиринт света и рай сердца» Коменский не только ярко раскрывает социальную несправедливость, которая господствовала в его эпоху, но и развивает идею своеобразного христианского коммунизма. Он описывает жизнь общества, основанного на этих началах, и видит счастье и подлинную справедливость в равноправии людей. Коменский противопоставляет общественный строй, основанный на равноправии, вышеописанному обществу, построенному на имущественном неравенстве, и пишет: «Здесь нет ничего подобного; у всех все общее и

одна душа. Отсюда вытекает их общая семейственность, открытость и святое товарищество, так что все между собой, как бы они ни были различны по дарованиям и призванию, считаются братьями. Ибо они говорят, что все мы произошли от одной крови, одною кровью искуплены и омыты, одного отца дети, одним столом пользуемся, одного наследства на небесах ожидаем и, таким образом, никто не имеет больше другого, кроме вещей случайных. Поэтому одни других предупреждали учтивостью и приветливостью и охотно служили друг другу, и каждый пользовался своим местом для назидания других. Кто мог посоветовать — советовал, кто обладал знанием — учил, кто владел силою — защищал других, кто обладал властью — держал все в порядке. Случилось ли кому заблуждаться в чем-нибудь — другие поправляли его, согрешил ли кто — наказывали его, и каждый охотно позволял делать ему наставления и наказывать, готовый все исправить по указанию и даже отдать тело свое, если доказано ему было, что оно ему не принадлежит» («Лабиринт света и рай сердца», СПб, 1904, стр. 167, 168).

Высказанные здесь мысли Коменского стали для него своего рода социальным кредо, причем не только в молодые годы, когда он писал это замечательное сочинение: идея социального равенства людей, правда в формах христианского коммунизма, а иногда хилиазма, представляла собой один из характерных признаков мировоззрения Коменского на всех этапах его жизни и творчества.

«Письма к небу», написанные несколько раньше «Лабиринта света и рая сердца», ясно выражают его социально-экономическую концепцию.

«Прежде всего (разреши нам, милосердный боже, открыться тебе во всем и рассказать, что лежит у нас на сердце), когда мы видим в этом мире нелепость нас угнетающую, появляется желание размышлять, твоя ли это воля также в том, что между нами — людьми — водворилось неравенство, что одни живут в изобилии, а другие в нужде прозябают; одни вечно в роскоши утопают, а другие от голода и жажды умирают; одни беззаботно живут без всякого труда, другие же — волы и в изнурительном труде дни и ночи проводят. Разве не всех нас ты, единый создатель наш, сотворил? Не всех ли нас ты сотворил по образу твоему? Разве не всем нам ты ве-

рил дела рук твоих на земле и вручил достояние? Разве не за всех нас ты жизнь положил? Разве не всех нас одинаково ты одаряешь своей милостью? В чем же причина, что между нами — людьми — такое неравенство возникло? Или человеческие дела вертятся, крутятся, как колесо счастья, или же ты изволишь иметь особые причины, что все это терпишь? Пусть так или иначе, но это в порядке вещей, что они имеют всего в изобилии, а мы, такие же добрые твои создания, как и они, должны жить в нужде. У многих из них сараи и кладовые до того набиты добром, что даже мыши его портят, а мы в это время умираем с голоду. У них шкафы до того переполнены шубами, мехами, юбками, плащами, что моль их разъедает, а мы полунагие ходим. У них сундуки полны серебра и золота, с которым они ничего не делают, разве что на него смотрят, нам же, бедным, задыхающимся в долгах, никто никакой помощи не окажет, не даст взаймы даже какого-нибудь геллера.

О, боже вечный! Взгляни на то, что творится кругом, и заступись за нас или же отрекись от нас, если не считаешь нас своим созданием. Но чем же те лучше нас, раз ты их так возвысил над нами и дал им повод для их чванства? У них даже в праздники нет столько совести, чтобы проявить к нам хоть немного любви!» [1].

Мы позволили себе привести такую длинную цитату потому, что в ней выражен общий характер социально-экономических воззрений Коменского. Правда, ни в этой цитате, характеризующей социальные воззрения Коменского, ни в других его трудах нет прямых указаний о том, поддерживает ли он складывавшиеся в его эпоху новые общественно-экономические отношения. Все труды Коменского, даже его учебники, вся его практическая общественная деятельность проникнуты духом борьбы против феодализма.

Таким образом, социально-экономические воззрения Коменского позволяют охарактеризовать его как демократа-просветителя, который отвергает средневековую систему феодального производства и общественных отношений и защищает более прогрессивный, капиталистический путь общественного развития.

---

[1] Цит. по кн.: И. Попелова, Я. А. Коменский, Прага, 1954, стр. 24.

Просветительское направление мировоззрения Коменского определяется высоким уровнем экономического развития его родной Чехии того времени, условиями социально-экономической и политической жизни страны. Имело значение и то, что покинувший родину Коменский основательно знал общественную жизнь многих стран Европы, и прежде всего твердо вставшей на путь буржуазного развития Англии.

Политическая концепция Коменского

В системе общественно-политических воззрений Коменского важное место занимают его взгляды на человека, на его права и обязанности, на государство и его строй, на нацию и на отношения между народами, на международное сотрудничество. Эти взгляды в совокупности своей образуют политическую концепцию Коменского, получившую отражение во всех его трудах, особенно в таких, как «Лабиринт света и рай сердца», «Счастье народа», «О культуре природных дарований», «Панегирик Карла Густава», «Путь света», «Общий совет об исправлении дел человеческих», «Письма к небу», «Единственно необходимое» и др.

Проф. И. Попелова выделяет в развитии политических воззрений Коменского три этапа.

Первый этап — период жизни и деятельности Коменского на родине. Для этого периода она считает наиболее характерной чертой критику феодального строя, которая дана в книге «Лабиринт света и рай сердца».

Кульминацией этого этапа является труд Коменского «Вновь оживший Геггей» («Haggeus redivivus»), написанный в первые годы преследований и нелегальной жизни. В этой работе Коменский резко выступает против крепостнического гнета и вместе с тем объясняет причины рокового поражения своей родины в 1620 г. и установления господства Габсбургов.

Вторым этапом проф. И. Попелова считает период пребывания Коменского в Польше. Для данного периода И. Попелова считает характерной резкую критику Коменским общественных отношений с позиций экономических, политических и культурных идеалов молодой буржуазии. Намеченные Коменским в этот период меры для исправления существующего строя носят, говоря условно,

мелкобуржуазный характер; в некоторых вопросах Коменский приближается к утопическому социализму.

Третий этап в основном связан с пребыванием Коменского в Англии, ознакомлением с ее экономической, политической и культурной жизнью, и в первую очередь с капиталистическим развитием этой страны. В этот период Коменский основательно разобрался во всех противоречиях, типичных для стран, ставших на путь капиталистического развития. Он ясно видел бесчеловечность колонизаторской политики буржуазии, эксплуататорский характер устанавливающихся буржуазных отношений. Эти взгляды Коменского яснее всего отражены в таких его трудах, как «Общий совет об исправлении дел человеческих» и «Путь света». Указанный этап в развитии мировоззрения Коменского был увенчан созданием таких проникнутых демократическим духом сочинений, как «Ангел мира» и «Единственно необходимое».

К этим в основном правильным взглядам И. Попеловой следует добавить, что указанные этапы нельзя рассматривать в отрыве друг от друга; развитие политических идей Коменского представляет собой единый непрерывный процесс. Нельзя также забывать, что даже в те периоды, когда Коменский жил и трудился в других странах, он всегда исходил в первую очередь из интересов своей родины. Но пламенный патриотизм Коменского сочетался с идеалами братства и дружбы народов всего мира.

Все это получает свое выражение в пансофии Коменского, в ее прогрессивно-демократическом характере.

Каковы же основные черты политической концепции Коменского?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Коменский как в религиозно-теологическом, так и в философско-гносеологическом аспекте утверждал, что все люди, как воплощение высшего существа — бога, от природы равны. В связи с этим особенно большое значение имеют взгляды Коменского по вопросу о сущности познания, об его источниках и путях; в частности, не только признание им теории tabula rasa, но и признание того, что люди, в каком бы уголке земли они ни проживали, независимо от своего сословного или расового происхождения, от рождения в равной мере награждены разумом, всеми

способностями к мышлению и познанию, все в равной мере могут стать мудрыми, пансофами.

Правда, в гносеологических и дидактических взглядах Коменского имеют место отдельные случаи отклонения от материалистического эмпиризма и иногда Коменский становится на точку зрения нативизма, даже на теологическую точку зрения, но его взгляды о врожденности идей и нравственного сознания связаны с его теософическими (божественное откровение) взглядами и не имеют существенного значения для его политической концепции. Следует отметить также, что эти нативистские и теософско-теологические взгляды проникнуты идей равенства людей и не изменяют демократического характера мировоззрения Коменского. Основной девиз, кредо социально-политической концепции Коменского состоит в следующем: все люди по своей природе равны и имеют равные права на жизнь, на развитие, совершенствование, на человечность.

Это положение Коменского, которое подрывало один из устоев феодальной идеологии — идею врожденного превосходства (в отношении прав, одаренности и т. д.) людей, вышедших из среды высшего сословия, имело для своего времени большое политическое значение. Эти взгляды Коменского легли в основу не только его точки зрения на взаимоотношения людей, но и всего его пансофического и педагогического учения, начиная с признания всеобщности человеческой мудрости и кончая учением об организации демократической системы народного образования и о построении обучения на основе принципа природосообразности.

Коменский хорошо видел, что современная ему общественная жизнь, основанная на угнетении и насилии, не давала человеку возможности осуществить свое законное право — жить и развивать свои способности для всеобщего блага: большинство членов этого общества страдало от социального неравенства, подвергалось бесчеловечному обращению со стороны меньшинства. Основной силой, способной защитить большинство от угнетения, Коменский считал «правящее сословие», т. е. государство и его аппарат.

Еще в 1619 г., в своем произведении «Письма к небу», Коменский обращался к богу с жалобой по поводу того, что имущие, защитниками которых являются правители,

гораздо больше уважают своих собак, чем бедных людей, и что «большинство людей, несущих в течение многих лет тяжелый труд, дает богатым весь доход, а само не имеет возможности наесться даже одним хлебом». В этих же «Письмах» бедняки обращаются к богу со следующими словами: «Когда мы лишаемся сил и не предвидится больше возможности использовать нас как рабов, они съедают нас совсем, описывают наши крохотные хозяйства, выгоняют нас из хижин и доводят нас, наших жен и детей до нищенской сумы» [1].

Особенно резкую критику феодального строя дает Коменский в «Лабиринте света и рае сердца». Одна из глав этого произведения — «Путник обозревает сословие правителей» — посвящена суровой критике существующей государственной иерархии, выявлению ее антинародного характера. Коменский пишет: «Мы пришли в другие улицы, где я видел со всех сторон много высоких и низких стульев; на них сидели так называемые: войты, бургомистры, губернаторы, регенты, канцлеры, судьи, милостивые короли, князья, господа и т. д. Толмач обратился ко мне: «Ну теперь ты видишь людей, которые при распрях чинят суд и милость, наказывая злых, охраняя добрых, и таким образом сдерживают порядок в свете». «Конечно, это — прекрасная вещь и, думаю, необходимая для человеческого поколения, — сказал я. — Откуда же берутся такие люди?» Он на это ответил: «Некоторые рождаются для того, другие правителями или обществом избраны из тех, которые были признаны мудрейшими, самыми опытными и лучшими знатоками справедливости и законов». «Это хорошо», — сказал я. В эту минуту мне пришлось взглянуть на них, и я заметил, что некоторые покупают места, другие выпрашивают, третьи приобретают их лестью, четвертые самовольно садятся, и, видя это, я воскликнул: «Ай, ай, непорядок». «Молчи, забавник, — сказал толмач, — а то худо будет, если они услышат». Я спросил: «А почему же они не дожидают, чтобы их выбрали?» — «Да ведь они, без сомнения, известные люди и к тому же знакомы с этим делом, а раз другие признают их такими, тебе какое дело?» Тогда я замолчал и, поправив себе очки, посмотрел на них внимательно и увидел необыкновенную вещь: редко который

[1] Цит. по кн.: «Ян Амос Коменский», Прага, 1956, стр. 25.

из них имел все члены, почти у каждого недоставало чего-нибудь необходимого. У некоторых не было ушей, которыми могли бы они выслушать жалобы своих подданных, у других не было глаз, которыми могли бы видеть беспорядки перед собою, у третьих не было носа, которым могли бы вынюхать плутовские противозаконные уловки, у четвертых не было языка, которым можно было бы говорить за бессловесных угнетенных, у пятых не было рук, которыми могли бы выполнить суд правый, многие не имели даже сердца, чтобы исполнить то, что указывает справедливость. Я спросил: «Но почему же суд и права доверяются таким людям, которые не имеют необходимых для этого членов?» Толмач ответил, что на самом деле это не так, как мне кажется. «Ведь пословица говорит: Qui nescit simulare, nescit regnare. Кто управляет другими, тот частенько не должен ни видеть, ни слышать, ни понимать, хотя бы и видел, и слышал, и понимал. Ты же, как несведущий в политических делах, этого не понимаешь». «А по моему мнению, — сказал я, — у них нет того, что должно бы быть». «А я тебе говорю, — закричал толмач, — замолчи: коли не перестанешь умничать, очутишься там, куда и не хочешь попасть» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 125—126). Из этой цитаты ясно, что Коменский не только знает о пороках государственного аппарата своей эпохи и его антинародном характере, но, как видит читатель, симпатии автора целиком и полностью находятся на стороне трудящихся.

Коменский считал, что «мир весь навыворот и вместо правды ловит темь». Он писал: «Вижу, что на месте справедливости господствует несправедливость, а на месте святости — кощунство. Бдительность ваша — подсматривание, осторожность ваша — хитрость, приветливость — лесть, правда ваша — притворство, усердие ваше — бешенство, храбрость — дерзость, ваше благодеяние — произвол, трудолюбие ваше — рабство, глубокомыслие — догадка, набожность — лицемерие и т. д.» (там же, стр. 155).

Коменский решительно осуждал суд того времени. Он, например, дает судьям такие клички: Безбожный, Драчун, Льстец, Златолюбец, Сплетник, Невежда, Предвзятый, Шаромыжник, Неопытный, Ветреник, Торопливый, а верховного судью называет именем Так Хочу, из

чего ясно видно, до какой степени он считал суд того времени несправедливым.

Коменский в форме аллегории, а также прямо описывает зависть, карьеризм, лесть и другие пороки, характерные для правящих феодальных кругов. Приведем несколько высказываний Коменского. «Пришел один, чающий бессмертия, и, будучи спрошен, что сделал достойного вечной памяти, ответил, что все, что видел наиславнейшего в свете, разрушал» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 142). «Взглянул я снова и убедился, как некоторые умело обходились с этими масками, быстро снимая и надевая их, так что в одну минуту умели придать себе другую форму, где видели необходимость в этом. Тогда-то я начал понимать направление этого света, но молчал» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 82). «В свете заметил я презлое явление, которое не раз печалило меня: когда одному не везло, другие радовались тому; когда один заблуждался, другие смеялись; когда кто терпел убыток, другие в этом искали себе выгоды; ради выгоды, удовольствия, развлечения, доводили ближнего своего до падения и убытка» («Лабиринт света и рай сердца», СПБ, 1904, стр. 166). «Нашел я здесь сильную вражду одних к другим. Завистливые взгляды друг на друга, высаживание одним другого со стульев, лишение регементов, сбрасывание корон, стирание титулов друг у друга, так что здесь постоянно все изменялось; один влезал на стул, а другой слезал с него или падал стремглав» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 141).

Коменский сорвал маску благочиния с духовного сословия, показав, как оно обманывает народ. Коменский пишет: «Вошли мы туда, где жили священники. Я думал, что найду их за молитвой или за учением таинств, но, к сожалению, нашел, что одни, развалясь в перинах, храпели, другие, сидя за столом, пировали, до дурноты совали и лили в себя, третьи проводили время в пляске и прыганье, иные набивали мешки, сундуки, кладовые, привязывали шпоры и имели дело с кинжалами, шпагами и ружьями, некоторые с собаками гонялись за зайцами, так что за Библией-то проводили меньшую часть времени, а некоторые почти никогда не брали ее в руки и все-таки назывались учителями слова. Видя это, я воскликнул: «Да сжальтесь же надо мной; неужели таковы должны быть путеводители в рай и примеры добродете-

лей. Найду ли я что-нибудь на свете, в чем не было бы хитрости и обмана» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 120). «Между тем я заметил, что все они имеют над собой начальников (названных епископами, архиепископами, аббатами, настоятелями, деканами, супер-интендантами, инспекторами и т. д.), мужей важных и видных, к которым все питали уважение; я подумал: почему эти начальники не смотрят за порядком среди подчиненных? Желая разузнать причину, я зашел за одним в его комнату, затем за вторым, за третьим, четвертым и т. д. и нашел всех их очень занятыми, так что они положительно не имели времени наблюдать за подчиненными. Занятия же их (кроме некоторых общих с подчиненными) состояли, как они сами рассказывали, из реестров церковных доходов. Тогда я сказал: «Мне кажется, их по ошибке называют духовными отцами, вернее было бы назвать их доходными отцами» (т а м ж е, стр. 121).

В таких же резких формах критикует Коменский взяточничество, проникшее даже в академию. Коменский пишет: «Под философским небом кто-то стоял с бумажным свертком; некоторые из толпы подходили к нему, прося удостоверения об их высоком звании. Похвалив просьбу их, что она вполне уместна, он сделал приказание, чтобы они обозначили на билетике то, что знают и на что просят утверждения. И вот один вывел итог философии, другой — медицины, третий — юриспруденции, подмазывая при этом, где надо, кошельком, чтобы шло глаже. Тогда тот, который стоял со свертком, взяв одного за другим, наклеивал каждому на лоб титул: «Этот — магистр свободных искусств, этот — доктор медицины, этот — лиценциат обоих прав» и т. д. — и утверждал печатью» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 116).

Коменский сорвал маску даже с царского «величия» и в аллегорической форме показал все его ничтожество, рассказав о том, как Соломон мудрый сорвал покрывало с царицы, «которое, хотя и казалось чем-то блестящим и дорогим, на самом деле было не что иное, как паутина» (т а м ж е, стр. 155).

Понятно, что эта критика существующего общественного строя у Коменского несколько эмпирична и лишена подлинного научного анализа, однако она с позиций демократизма и гуманизма ясно показывает уродливые стороны феодального общества.

Здесь же следует подчеркнуть еще одно обстоятельство: в ранних трудах Коменского, в частности в его «Лабиринте света и рае сердца», содержится тенденция своего рода ухода от жизни, элементы мистицизма и теософии. Так, например, в одном месте Коменский признает даже, что «на этом свете и во всех предметах его нет ничего, кроме суеты и заблуждения, сомнения и горестей, призрака и обмана, тоски и бедствий и, наконец, досады и отчаяния» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 73), что успокоение и радость человек обретает в боге. Несмотря на это, Коменского нельзя считать аскетом и мистиком вообще. Наоборот, Коменский, как мы видели, выступает как оптимист, резко критикующий основы социально-экономической, политической и культурной жизни феодального общества, разоблачающий угнетательский, антинародный характер феодального государства и тем самым объективно выражающий стремление нового, прогрессивного класса — буржуазии. Критику феодального строя следует считать составной частью философско-политических воззрений Коменского, в наиболее яркой форме получивших свое выражение в его труде «Общий совет об исправлении дел человеческих», которому великий гуманист, демократ и патриот посвятил много лет.

Для мировоззрения Коменского характерны активное отношение к действительности и горячая любовь к жизни. С этой точки зрения интересны его слова: «Разве было бы мудростью, если бы мучались мыслью о смерти? Лучше в особенности когда всякий знает, что не избегнет ее, а смотреть за своим делом и быть веселее: придет — так придет» (т а м ж е, стр. 85—86).

План всеобщего преобразования общества

Какие основные предложения выдвинул Коменский для преобразования резко раскритикованного и осужденного им общественного строя, «для исправления дел человеческих», с тем чтобы человечество представляло единую гармоничную семью, в которой все люди и все народы будут жить как равноправные, без насилия и войн, в соответствии с едиными общечеловеческими идеалами, в которой органически будут сочетаться братство, дружба и свободное развитие всех стран и народов?

Ставя великую задачу преобразования общественных отношений, Коменский в первую очередь исходил из того основного оптимистического положения, что преобразование и возрождение общества не только вполне возможно, но и по природе его закономерно. Это преобразование должно осуществляться в результате активной деятельности самого народа, и в нем должны принять участие все люди независимо от их сословной или национальной принадлежности — все, для кого дороги человек, народ, родина, мир и дружба народов, торжество добра и справедливости на земле.

Этот оптимизм Коменского в огромной степени был обусловлен, как мы видели выше, гуманистическими идеалами эпохи Возрождения, а также теми великими достижениями, которые вообще характерны для этой эпохи в различных отраслях знания. Вместе с тем Коменский для обоснования своих взглядов нередко обращается к Библии, Священному писанию, но аргументы, построенные в духе так называемого христианского коммунизма и пантеистического телеологизма, в некоторой степени даже укрепляют демократически-гуманистический дух воззрений Коменского.

Свои взгляды на преобразование общественных отношений и исправление существующего общества Коменский изложил в капитальном труде «Общий совет об исправлении дел человеческих».

В этом сочинении Коменский развивает ту основную мысль, что исправление общества должно проявиться «во всем» и коснуться «всех», поскольку, по его мнению, весь общественный организм поражен болезнью и было бы совершенно напрасным ожидать его улучшения путем исправления какой-либо его части.

Условием всеобщего исправления Коменский считает исправление в трех областях: в просвещении (включая науку), религии и политике — и рассматривает основные принципы, организацию, содержание и методы исправления [1].

---

[1] Поскольку все педагогическое учение Коменского, по его мысли, должно служить преобразованию общественной жизни, «исправлению дел человеческих», о чем мы будем говорить в последующих главах этой работы, здесь мы остановимся только на общеорганизационных планах Коменского. — *Д. Л.*

В первую очередь Коменский требует соответственно создать три международных объединения. Основной функцией этих объединений Коменский считал обеспечение международного сотрудничества в указанных трех областях и проведение народами совместных мероприятий по осуществлению возвышенных общечеловеческих идеалов.

Центральной из этих трех областей, подлежащих исправлению, Коменский считает просвещение. «Нет на земле никакого более действенного пути для исправления человеческой испорченности, — пишет Коменский, — как правильное воспитание юношества» («Великая дидактика», введение, 15). И поскольку правильное воспитание молодежи и перевоспитание людей невозможны, считает Коменский, без развития подлинной науки, он увязывает просвещение с наукой и философией и отводит им важнейшее место во всеобщем исправлении.

Коменский требует, чтобы просвещение и наука в равной степени служили всем народам, всем людям, живущим на земле, независимо от их сословной и расовой принадлежности. Поэтому не случайно то, что его бессмертным девизом было: «Учить всех всему». Для этого Коменский требует осуществления целого ряда организационных мероприятий, среди которых главнейшим является создание универсального объединения ученых всех стран — «Общества света».

На необходимости создания этой международной кооперации ученых и ее задачах Коменский специально останавливается в книге «Путь света».

В этой книге Коменский требует создать международный центр, «Общество света», где соберутся представители учителей и ученых всех стран мира. По мнению Коменского, главные задачи этого международного центра состоят в следующем: 1) собирать достижения науки и изобретения всех стран во всех областях, а также сведения о том, какие из этих научных открытий были использованы в практике человеческой жизни; 2) со своей стороны, сообщать всем странам информацию, полученную из разных стран мира, а также давать им советы и поучения о том, какие из них заслуживают распространения. Эти же идеи Коменский развивает в шестой части «Общего совета об исправлении дел человеческих», ко-

торая носит название «Всеобщее исправление» («Панортозия»).

С целью осуществления этих основных задач Коменский намечает целый ряд конкретных мероприятий. Он требует:

1. Преобразовать философию и науку на пансофических основах и поставить их на службу народу. С этой целью Коменский требует вести во всех странах научную работу, особенно в таких отраслях, как астрономия, география и вообще естествознание, создавать научные общества, академии, библиотеки и книгохранилища, организовать массовое книгоиздательство, перевод книг на разные языки и широкое распространение научных знаний среди народа.

2. Покончить с хищнической политикой европейских стран по отношению к заморским народам. Дать всем народам земного шара равные возможности организовать воспитание молодежи. Международное объединение должно оказать помощь отсталым и бедным народам в организации полноценного воспитания и просвещения, при этом Коменский требует, чтобы бедных учеников в школах не только обучали бесплатно, но и содержали на государственный счет. «Следует скорее позаботиться о том, как бы разместить их по квартирам и как бы поддержать более нуждающихся. Для прокормления учащихся следует учредить столовые и притом троякого рода: а) совершенно даровые, для прокормления бедняков; б) наполовину даровые, где часть стола оплачивается, а часть дается в виде одолжения, и, наконец, в) пансионы, где платят за содержание, а ученье имеют даром» («Пансофическая школа», ч. II, 12).

3. В каждой деревне открыть тривиальную (начальную) школу; в каждом городе — латинскую школу, в каждом государстве — высшую школу, чтобы всюду осуществлялось всеобщее обучение как для юношей, так и для девушек. Школа должна представлять «истинную мастерскую человечности», должна служить «всеобщему исправлению», воспитывать человека как строителя «гармоничного общества». Девизом Коменского было: «Пусть исчезнут такие знания, которые не используются в действии».

4. Учеба должна завершаться путешествием. Каждое государство должно на один-два года посылать каждого

студента по окончании высшего учебного заведения в чужие страны, где он ознакомится с общественной жизнью народов, достижениями науки и установит братские отношения с народами других стран. С этой целью, и вообще с точки зрения установления дружеских взаимоотношений между народами, Коменский требует создания и введения единого, всеобщего универсального языка.

Коменский подчеркивает, что каждый должен знать родной язык как основной язык обучения и общественных отношений внутри страны и международный универсальный язык как средство для того, чтобы везде чувствовать себя как дома.

Проведение этих мероприятий для исправления человеческих взаимоотношений, по мнению Коменского, должно быть основной обязанностью международной корпорации — «Всемирного сената» и его составной части — «Общества света». С этой целью он должен быть правомочным осуществлять всеобщее руководство и контролировать деятельность всех государств мира в этой области.

Второй областью, которая, по мнению Коменского, нуждается в исправлении, как мы отметили выше, является церковь, религия.

При характеристике общих основ мировоззрения Коменского мы в основных чертах уже осветили реформационно-протестантский характер его религиозных воззрений и ту борьбу, которую он вел против антинародной политики католической церкви.

В плане исправления человеческих дел Коменский требует покончить с теми сектами и религиозными разногласиями, которые имеют место в христианской религии, а по второстепенным вопросам предоставить всем свободу иметь свои взгляды, придерживаться тех или иных обрядов или обычаев. В этом вопросе Коменский на столетие раньше выдвинул те идеи, осуществления которых требовали просветители XVIII в.

Коменский призывает к полной свободе вероисповедания и не признает права вмешательства в этой области за христианской «Вселенской консисторией». Более того, Коменский объявлял жестокую борьбу насильственному распространению христианской веры, считая, что каждый человек, независимо от своей веры, должен пользоваться всеми человеческими правами.

Третьей областью исправления человеческих отношений, по Коменскому, является «всеобщее исправление» государства и всех его органов. Книга Коменского «Всеобщее исправление» [1] — одна из основных частей его «Общего совета об исправлении дел человеческих». В ней освещены вопросы преобразования взаимоотношений как внутри государства, так и между государствами на новой основе. Положения, развитые в этой работе, не только свидетельствуют о длительных и глубоких наблюдениях Коменского над сложнейшими явлениями общественной жизни, но отражают также его гуманизм и демократизм.

Свобода — самое ценное, что только имеет человек. Основной функцией идеального государства должна являться защита свободы мысли, свободы религии, гражданской свободы. Существующее же положение не удовлетворяло Коменского, и он считал, что внутригосударственные и межгосударственные отношения построены вопреки естественным правам людей. В книге «Путь света» он писал: «Должен сказать прямо и ясно, что основные политические теории, на которые опираются властители мира, представляют собой предательские болота» [2]. Коменский мечтает о таком строе, где господствуют труд, свобода, равенство, где люди не будут грабить и разорять друг друга, где не будет такой разнузданности и мерзости, когда люди «произвольно растаптывают все, что им мешает». По Коменскому, государство обязано защищать права людей и неукоснительно руководствоваться законом в отношении всех одинаково. Коменский пишет: «Цицерон сказал: «Законы говорят ко всем одним и тем же голосом... — то должно стараться, чтобы законы были одни и те же для всех, независимо от личностей. Они не должны являться сетями паука, в которые попадаются маленькие мушки, тогда как большие насекомые и шершни их разрывают» («Законы хорошо организованной школы», XXV, 4).

Благо людей должно составлять предмет постоянной заботы государства. Эту мысль Коменский замечательно

---

[1] Этот труд переведен на чешский язык и издан в Праге в 1950 г. под редакцией и с предисловием акад. О. Хлупа.

[2] Цит. из чешского журн. «Педагогика», Прага, 1955, № 2, стр. 114.

выразил в труде «Похвала истинному методу». Он пишет: «В юриспруденции такой Тезеевой нитью является искание добра и справедливости и суждение о делах, исходящее от любви, или, если уже для любви не остается места, то (во всяком случае) суждение, исполненное терпимости, ибо, где царствует правосудие, смягчаемое человеколюбием (ничего не уступающее недостойным из-за пристрастия и ничего не взыскивающее с достойных из-за неприязни, всегда награждающее добро похвалой и поощрением, всегда преследующее зло обличениями и карою), — оттуда не могут не бежать пороки, там не может не укрепляться и не возрастать добродетель. Счастливо государство, где во всех живет подобное стремление к добру и справедливости! А без него, чем больше хлопочут юристы, тем больше они усложняют свой лабиринт, утомляют и расстраивают умы бесконечным запутыванием и распутыванием всевозможных казусов на конечную гибель (делу)» («Похвала истинному методу», стр. 216).

Тем же принципом — государство должно соблюдать права человека — пронизано требование Коменского о том, что нельзя наказывать человека, если не будет точно установлена и доказана его вина. Коменский пишет: «Если кого-либо осуждают, не выслушав, — пусть даже осуждают справедливо, — правосудие все же терпит ущерб, потому что дело могло обстоять не так, как оно было представлено на суде: поэтому нужно, по возможности, стараться узнать все до конца. Не говоря уже о случаях крайнего раздражения, бывает, что из предвзятого мнения или подозрения человек к человеку относится с таким предубеждением, что даже не хочет выслушать его доводов... Пускай тот или другой (человек) погрешает в чем-либо, пускай он даже в чем-либо глубоко заблуждается; кто не знает, что чужая ошибка может послужить предостережением мудрому, чтобы не сделать ошибки самому. И строителям пансофии чужие заблуждения, даже самые поводы к заблуждениям, могут дать много полезного ко все большему и большему усовершенствованию создаваемой ими пансофии» («Предвестник всеобщей мудрости», 56).

Основой основ государства Коменский признает соблюдение требования о том, чтобы каждый человек независимо от своей сословной принадлежности трудился

так, «чтобы весь народ представлял собой как бы пчельник или муравейник (государство, где не видно никакой праздности)», («О культуре природных дарований», стр. 136).

Коменский подчеркивает, что каждое государство и его правитель должны заботиться о народном просвещении, поскольку основной путь исправления человеческих дел — это «путь света».

Коменский приводит пример Карла Великого и пишет: «О Карле Великом читаем, что однажды, когда к нему, провозглашенному государем Галлии, пришли из Шотландии два философа, он спросил их, чего они желают. Они отвечали, что принесли новому государю новый дар — мудрость. Государь спросил, что это за мудрость, и они с философской прямотой отвечали, что до них дошел слух, будто в его государстве школы в упадке и нет попечения о науках, а потому они пришли подать совет об устроении школ. Тогда император, приняв их совет, основал Парижскую академию, а вскоре и много других школ. Отсюда ведет начало блеск галльского народа — между европейскими народами самого образованного. О, если бы таких Карлов, Антонинов, Юстинианов, Иосафатов, Соломонов, Давидов выдвинул бог среди всех доселе не образованных народов! Тогда бы вся вселенная поднялась от варварства до блеска» («О культуре природных дарований», стр. 130).

Идеальным Коменский считает такое общество, где все народы равноправны независимо от того, малочисленны они или многочисленны. В книге «Счастье народа» он требует, чтобы «солнце свободы» равно сияло всем народам, «чтобы не держали (народы) под игом рабства»[1]. Вместе с тем Коменский требует, чтобы каждое государство в соответствии с интересами народа заботилось о расцвете национальной культуры, языка, повышало благосостояние народа и обеспечивало ему равное место среди других народов. Идеей национальной самобытности проникнуто убеждение Коменского в том, что силой, на которую должно опираться каждое государство, является сам народ и его лучшие представители. Коменский обра-

[1] Цит. из чешского журн. «Педагогика», Прага, 1955, № 2, стр. 114—115.

щался к венграм со следующими словами: «Подавать добрые советы, если потребуется, можем и мы, даже иноземцы, даже бессильные старцы, но каждый трудолюбивый человек или целый народ сам должен заботиться о своей собственной пользе» («О культуре природных дарований», стр. 142). Коменский обращается со словами ободрения ко всем народам: «Внемлите же мне, прошу вас, мои родичи и соплеменники: венгры, моравы, чехи, поляки и славонцы! Неужели мы будем поступать столь же глупо и смешно, как вот эти, достающие хлеб и воду от других (между тем как дома у них нашлись бы поля и колодцы, если бы только они захотели их копать)! Доколе мы будем жаждать чужих школ, книг и дарований, ими одними стремясь удовлетворить наш голод и жажду? Или мы, по воле божией, вовсе лишены духовных полей? Почему же мы их не возделываем у себя дома? Почему мы тщательно их не орошаем, не пашем, не перепахиваем второй и третий раз? Почему их не бороним, не засеваем? Словом, почему мы дома не подготовляем обильнейших жатв? Почему мы охотнее бежим, как нищие, подбирать чужие колосья? Знаю, что это дозволено бедным и нуждающимся, что от самого бога даровано им такое преимущество... однако премудрому сыну Сирахову нищенство казалось столь постыдным делом, что, по его выражению, «лучше умереть, чем нищенствовать» («О культуре природных дарований», стр. 135).

Вместе с тем Коменский считал вредным игнорировать достижения других стран в разных отраслях знаний и требовал внедрить на его родине все то ценное и лучшее, что может принести пользу народу. «Если ты, ради ученого общения, призовешь откуда-либо мужей просвещенных, мудрых, даровитых, изобретательных или дашь поручение своим людям, посланным в чужие страны, пересаживать на родину и прививать в ней все, что только им удастся где-либо подметить прекрасного, гениального, изящного, почитая своим долгом распространять здесь, дома, все наилучше ими изученное, а не так, чтобы, возвратившись, снова подлаживаться (как доселе поступала бóльшая часть таких путешественников) к нравам народца грубого и необразованного и вследствие этого оставить все по-прежнему вязнуть в старом болоте, теряя, таким образом, плоды своего путешествия» (там же, стр. 136).

Высшим принципом каждого государства Коменский признавал обеспечение безопасности человека. Он мечтал о таком государственном строе, при котором смертная казнь безусловно не будет допускаться, в котором без использования насильственных средств — тюрем, виселиц и др. — будет возможно достичь мира и законности в действиях и поступках людей.

Коменский сурово осуждал самодержавие и всякую тиранию и требовал изгнания деспотических методов управления как в области внутренней политики государства, так и в межгосударственных отношениях. Он ставил вопрос о том, чтобы любой вопрос решался постановлением представителей населения.

Коменский считал возможным перестройку каждого государства на демократически-гуманистических началах, если между государствами и народами будут установлены братство, взаимное доверие и дружба.

Установление таких отношений между государствами Коменский считал не только возможным, но и совершенно необходимым, закономерным условием для исправления человеческих отношений на земле. Коменский исходил из того, что все люди, как дети бога, являются братьями и что гармоничное сотрудничество возможно не только между христианами, но и между последователями всех религий. Этот взгляд, проникнутый подлинным гуманизмом, полностью противоречит средневековой феодальной замкнутости и ее идеологии — церковно-религиозным догматам, а также интересам самого буржуазного класса, который еще на заре капитализма использовал принцип единоверия для разорения и грабежа других народов. Поэтому и сегодня звучит с большой силой высокочеловечное, проникнутое поистине гуманным духом суровое обращение Коменского к колонизаторам-захватчикам: «Горе тебе, Амстердам, горе тебе, Лондон и Лиссабон, придет время, когда сокровища мира пойдут на пользу всех, не только на пользу единиц — так, чтобы все люди жили, ели, пили, одевались и в мире проводили свою жизнь».

В соответствии с идеей братства и дружбы между народами, так же как в области просвещения и религии, Коменский требует создать всеобщее объединение государств в политической области — «Всемирный суд». Это объединение, которое Коменский называет «Государст-

венная директория», «Международный сенат» или «Международный ареопаг», по своим правам стоит выше «Общества света» и всеобщего объединения церквей — «Вселенской консистории». Создания аналогичной федерации требует Коменский на всех континентах земного шара, а также в каждой стране. Образованию международных органов, по мнению Коменского, должно предшествовать проведение международного конгресса, на который были бы приглашены представители всех народов. Конгресс путем голосования заранее должен определять права и обязанности международных органов и все стороны их деятельности.

Основной функцией международного объединения Коменский считал защиту мира, предотвращение войн, решение всех спорных вопросов мирным путем или принятие таких законов с учреждением контроля над их выполнением, которые обеспечат соблюдение единой законности во всем мире.

Великий гуманизм и прозорливость Коменского проявляются и в том, что в проведении этого международного мероприятия, по его мнению, всюду должен соблюдаться принцип добровольности и должно быть исключено всякое насилие. «Нужно будет поступать с осторожностью, чтобы мероприятия носили форму не постановлений, а форму рекомендаций или даже форму особо почетного и щедрого дара. Ибо человек по природе своей очень дорожит свободой и не выносит приказаний, он предпочитает получить худшие вещи по собственному выбору, чем лучшие, навязанные ему против воли, по чужому выбору... он желает, чтобы его уважали, а не унижали» [1].

Коменский требует относиться к народам «с такой скромностью, чтобы не казалось, что им предлагается что-то совершенно новое, далекое и неизвестное им, но нечто такое, что у них уже имеется (чуть ли не перед глазами на кончике языка), что они уже любят, ищут и почитают, но в чем они не отдают себе, может быть, полностью отчета» [2].

Таким же гуманным является требование Коменского

[1] И. Попелова, Значение Яна Амоса Коменского для мировой культуры и движения за мир. В кн.: «Я. А. Коменский», Прага, 1956, стр. 13.

[2] Там же.

о том, чтобы всемирное объединение способствовало искоренению всего бесчеловечного и всякой жестокости в отношениях между людьми и государствами. С этой целью оно должно использовать три средства: во-первых, искоренять в сознании народов старые обиды и разногласия, а не возобновлять, не вспоминать их; во-вторых, призывать к терпению, в силу которого люди не должны разжигать взаимную ненависть, подчеркивая то, что их отличает друг от друга, а, наоборот, должны особенно заострять внимание на том, что их объединяет. Наконец, в-третьих, люди не имеют права поддаваться самодовольству и считать, будто бы они по сравнению с другими должны пользоваться преимуществом. Коменский пишет: «Меньшая численность, более скромный удел, иной дом, иная нация или язык и что-либо подобное легко могут послужить поводом к тому, чтобы люди не уважали друг друга. Но все эти предрассудки следует устранить в интересах столь святого дела, остерегаясь даже мысли о том, что могут существовать какие-либо основания для взаимного презрения. Если одна из сторон замечает или хотя бы подозревает, что другая сторона относится к ней с недостойным презрением, это не может не явиться весьма серьезным препятствием для их примирения».

Вместе с тем Коменский ясно указывает, что преодолеть всевозможные препятствия можно только на почве взаимного доверия и уважения между народами. Все спорные вопросы должны решаться так мудро, чтобы была найдена главная истина, и тогда всякие разногласия во мнениях сами по себе утратят силу и исчезнут.

Во всем этом прежде всего должны быть заинтересованы международные объединения и каждое государство.

Коменский придает большое значение тому, кто стоит во главе государства, кто ведает народными делами. Основное требование Коменского: во главе государства должны стоять просвещенные и мудрые люди. Коменский называет золотым выражением слова Платона: «Тогда только наконец государства станут счастливыми, когда править ими будут ученые или когда правители их будут стремиться сами сделаться учеными и мудрыми» («О культуре природных дарований», стр. 137).

В основе государственного управления должны лежать порядок и дисциплина. Коменский пишет, что не

может быть хорошо устроенного государства там, где каждый живет не по общим законам, а по своему произволу.

Но этот порядок будет прочным и законным лишь в том случае, если государством «правят разумно», если во всех звеньях государства закон одинаково действует и выполняется. Коменский ставит вопрос о том, что дает возможность одному человеку управлять страной, целыми народами, и отвечает следующим образом: «Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения. Одному правителю государства ближайшим образом подчинено несколько человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигается все; если остается в покое первое, покоятся и все другие» («Великая дидактика», XIII, 7). В то же время Коменский пишет: «Не следует забывать своих обязанностей и людям, поставленным у власти» («Об изгнании из школ косности», 65).

Коменский требует от правящих кругов внимательного отношения к человеку. Справедливое и гуманное отношение к человеку, говорит он, будет достигнуто в том случае, «если люди, занимающие высокое положение — родовитые, богатые, знаменитые, начнут несколько мягче обращаться с подчиненным простонародьем, мало-помалу привлекать его к лучшему, относясь к подвластным им людям не как к рабочему скоту, но именно как к людям, носящим образ божий и соучастникам будущей жизни, и усерднее заботясь об усовершенствовании их души и тела, нравов и образа жизни» («О культуре природных дарований», стр. 136).

Таковы в общих чертах взгляды Коменского на пути всеобщего исправления человеческих отношений. Эти взгляды Коменского и предложенный им план содержат такие великие предначертания, которые в эпоху Коменского не были да и, конечно, не могли быть осуществлены. Многие его мудрые положения имеют не только историческое, но и актуальное, практическое значение в наши дни. Мы особо выделяем взгляды Коменского по вопросу об уничтожении войн между народами и мирном сотрудничестве всех государств.

Коменский — патриот и борец за всеобщий мир

Коменский как истинный гуманист, великий демократ и пламенный патриот на протяжении всей своей жизни неустанно боролся за мир на всей земле и был жестоким врагом войн между народами. Его девизом было: «Пусть исчезнет такая государственность, которая не обеспечивает мир для человеческих дел (отношений)»[1].

Еще в своем «Лабиринте», описывая воинское сословие, он осуждал кровопролитие. «До сих пор все, что я видел из человеческих действий, были только речи и заботы о производстве людей и размножении, об удобствах человеческой жизни, а эти советовались об уничтожении жизни и удобств человеческих» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 130). Коменского приводит в ужас то, что человек все больше и больше придумывает разных орудий для уничтожения себе подобных. В «Лабиринте» он описывает место, где готовят эти орудия, и пишет:

«Ужасно хотелось мне посмотреть, что есть в этом склепе, и поэтому перво-наперво я вошел туда; по всем сторонам, — даже не видно было конца, — и по земле здесь были такие огромные, что на нескольких тысячах возов не увез бы, кучи различных орудий жестокости из железа, свинца, дерева и камня для того, чтобы ударять, сечь, резать, толкать, рубить, колоть, разрывать, жечь; у меня даже мороз по коже прошел, и я воскликнул: «Для какого чудовища эти приготовления?» «Для людей», — ответил толмач. — «Для людей?!! А я думал, что для какого-нибудь хищного зверя и для отъявленных жестоких мошенников». И Коменский заключает: «С какой совестью и с каким душевным спокойствием может смотреть на все это человек!» («Лабиринт света и рай сердца», стр. 130). Коменского возмущает цинизм воинов, рассуждающих о том, как побыстрее уничтожить людей, а также «разрушить за один час то, что было построено за долгие годы».

Коменский описывает ужасающую картину войны и вкладывает в уста своего путника следующее восклицание: «О всемогущий боже! Что это делается? — сказал

---

[1] И. Попелова, Значение Яна Амоса Коменского для мировой культуры и движения за мир. В кн.: «Я. А. Коменский», Прага, 1956, стр. 12.

я, — неужели должен погибнуть этот свет? Едва опомнившись, не знаю, как и куда попал я с этой площади, и, собравшись немного с духом, но трясясь еще всем телом, спросил своих проводников: «Куда же вы привели меня?» Толмач ответил: «Ну тебя, размазню! Человеком быть—значит дать возможность почувствовать свои силы». «Что же сделали они друг другу?» — спросил я. — «Господа поссорились между собою, так нужно уладить это дело». — «И что же, они улаживают его?» «Конечно, — ответил он, — ибо кто же должен разнять великих господ, королей и королевства, которые не имеют над собою судей? Они сами должны решить это между собою мечом. Кто лучше станет драться железом с другим и попалит огнем, тот свое и поставит наверх». «О варварство, скотство! — воскликнул я. — Разве не было бы других средств к примирению. («Лабиринт света и рай сердца», стр. 131).

Коменский призывал: «Бросайте оружие и надевайте мирную одежду». В своем «Общем совете» он требовал избавить народы от тяжелого бремени военных расходов и призывал правителей государств пресечь всякую возможность войны. С этой целью он требует полного уничтожения военного оружия. «Мечи и копья должны быть переплавлены в серпы для жатвы», — писал Коменский.

Коменский считает войну постыдным делом, преступлением против человеческого рода. «Духовная культура и война несовместимы», — писал великий педагог и проповедник мира. В своей «Панегерсии» он пишет: «Прежде всего, позорным является стремление к войне, которая в настоящее время, к сожалению, представляет обычное явление. По этому поводу весьма удачно сказал один великий человек: «Меня часто удивляет то безумие, которое овладевает людьми, когда их поощряют стремиться с таким воодушевлением, с такими расходами и с такими опасностями уничтожать друг друга... Даже не все животные воюют между собой, а только звери, да и то воюют не между собой, а с животными другой породы. Они воюют оружием, которое им дано от природы, а не так, как мы воюем—выдуманными хитрыми машинами. Они ведут борьбу не по всякой причине, а для питания и сохранения рода. Наши войны же большей частью происходят от большого мнения о себе, озлобленности, ненасытности и от других душевных болезней. Наконец,

животные не воюют до окончательного взаимоуничтожения, как это делаем мы, собираясь тысячами».

Коменский глубоко убежден в том, что между народами «когда-нибудь должны быть прекращены разногласия», и в то же время указывает, что это будет достигнуто, «если между ними установится гармония».

Главным орудием всеобщего мира Коменский считал международный орган — «Всемирный суд» или «Всемирный сенат». Одну из основных функций этого органа, по мнению Коменского, должно составлять мирное решение спорных вопросов между разными странами. В «Общем совете» Коменский указывал, что международный орган должен следить за действиями государств, чтобы «нигде ни один народ не нападал на другой народ» [1], обеспечивать, чтобы «не было больше возврата к войнам, бурям и кровопролитиям, чтобы не было причин, их вызывающих, чтобы все это было похоронено для вечного забвения» [2]. Этот международный орган должен «следить не только за сохранением мира у одного народа или же каждый из них—за миром в своей стране, нет, они должны заботиться о мире во всем мире, везде и всегда ставя надежные преграды каким бы то ни было войнам» [3]. Всемирный суд должен представлять «общественную мастерскую сохранения мира по всем мире». Аналогичные взгляды он развивает и в своем замечательном труде «Ангел мира».

Все те планы, которые должны были служить делу мира и дружбы между народами, Коменский связывал с освобождением своей родины — Чехии. Деятельность Коменского проникнута идеями национально-освободительного движения. Коменский является продолжателем идей великого сына чешского народа Яна Гуса.

---

[1] J. A. Komenský, Všenáprava (Panorthosie). Všeobecne porady o nápravé veci bidských (časť šestá). Praha, «Orbis», 1950, str. 207.
[2] Там же, стр. 219.
[3] Там же, стр. 220.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ КОМЕНСКОГО

В предыдущих главах мы стремились показать исторические условия, в которых возникло педагогическое учение Коменского, его философские и общественно-политические воззрения, раскрыть те методологические принципы, которыми пронизано все педагогическое наследие великого педагога.

В данной главе освещаются следующие вопросы:

1. Коменский — основоположник педагогической науки.
2. Ребенок как предмет воспитания.
3. Цели и задачи воспитания.
4. Идея природосообразности.
5. Идея народности.

Данная глава носит характер своеобразного введения к последующим главам.

Коменский — основоположник педагогической науки

Педагогика как наука о воспитании детей и подростков должна была возникнуть на определенной ступени общественного развития. Ее формированию, как научной системы предшествовали многовековая педагогическая практика, идеи и взгляды, возникшие на ее почве.

Известно, что истоки этих идей берут свое начало в странах Древнего Востока. Материальные памятники культуры этих стран, их фольклор, литература, философия, законодательство и другие источники сохранили для человечества и сделали общим достоянием их богатый педагогический опыт. Педагогическое наследие Древнего Востока получает свое дальнейшее развитие в странах античного мира, и в первую очередь в Греции и Риме. Здесь возникает новый этап в развитии идей воспитания.

Он представлен в первую очередь педагогическими воззрениями греческих философов, особенно Платона и Аристотеля, а также римских мыслителей Квинтилиана и Цицерона.

В двух своих известных трудах — «Государство» и «Законы» — Платон не только высказал общие мысли по вопросам воспитания, но, обобщая опыт спартанского и афинского воспитания, выработал определенную педагогическую систему, подчинив ее своей философской концепции.

Аристотель, разойдясь со своим учителем Платоном в целом ряде принципиальных вопросов философии, в частности гносеологии, отмежевался от него также и во многих вопросах воспитания, имеющих теоретическое и практическое значение. В своей «Политике» он освещает ту роль, которую должно сыграть воспитание в борьбе государства и самого человека за земное благополучие.

Квинтилиан в своем труде «Воспитание оратора» поставил и осветил многие вопросы педагогики, главным образом из области дидактики.

Педагогические взгляды этих и других мыслителей античной эпохи в последующие века широко распространились почти во всех цивилизованных странах, а в эпоху Возрождения нашли дальнейшее развитие в творчестве гуманистов — Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Мишеля Монтеня, Франсуа Рабле, Томмазо Кампанеллы и других.

В эпоху Возрождения во взглядах на воспитание и обучение формируется направление, которое объявляет жестокую борьбу отжившей феодально-схоластической системе воспитания, ставит вопрос о преобразовании всего дела воспитания и обучения в соответствии с основны-

ми девизами эпохи: «Знание — для жизни», «Изучим природу», «Сила — в знании».

Важнейшие теоретические и практические вопросы воспитания освещаются не только в философских и специальных педагогических трудах. Они находят отражение в художественной литературе, в различных областях искусства, народном творчестве. И действительно, сколько важных и интересных мыслей по вопросам воспитания и обучения встречаем мы в таких имеющих мировое значение литературных памятниках различных народов, как бессмертный «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Божественная комедия» Данте, «Слово о полку Игореве», а также в социальных романах—«Утопии» Томаса Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и др.

Вопросы воспитания молодежи, как в древности, так и в последующие эпохи, получали свое отражение также в государственном законодательстве, которое определяло задачи воспитания и образования, их главное направление и основы организации.

Несмотря на это, педагогика как наука еще не существовала, так же как не существовала и наиболее близкая к ней наука — психология.

Вопрос о возникновении педагогики как науки до последнего времени не получал правильного освещения. Особенно ошибочна та точка зрения, которая связывает создание педагогики с именем известного немецкого педагога первой половины XIX в. Иоганна Фридриха Гербарта (1776—1841). Такое мнение высказывают буржуазные историки педагогики за рубежом — К. Шмидт, К. Раумер, П. Монро, Т. Циглер и другие; известные педагоги дореволюционной России — М. И. Демков, П. Ф. Каптерев, М. М. Рубинштейн, Л. М. Модзалевский, П. Г. Мижуев и другие.

Юнкерско-буржуазный характер учения Гербарта, а также общий расцвет немецкой науки того времени, ее авторитет способствовали широкому распространению педагогического и психологического учения Гербарта и гербартианцев (Циллер, Рейн, Барт и др.) во второй половине XIX в. В этот период гербартианство занимало господствующее место среди педагогических течений, а самого Гербарта считали основателем педагогики. Вместе с тем следует отметить, что капитальные теоретические труды Коменского были забыты и только со вто-

рой половины XIX в. его имя и труды вновь привлекают к себе внимание; как мы уже указывали, этому весьма способствовало празднование юбилея Коменского в 90-х годах XIX в.

До 40-х годов нашего столетия Гербарта, к сожалению, считали основоположником педагогики даже в советской педагогической науке. Так, например, выдающийся советский историк педагогики Е. Н. Медынский в 1929 г. в своей «Истории педагогики» писал: «Он (Гербарт.—*Д. Л.*) возвел педагогику на степень науки, доказал ее необходимость, увязал педагогику с психологией и философией» [1].

В изданной под редакцией И. А. Каирова в 1939 г. «Педагогике» сказано: «Известный педагог и психолог Гербарт создал педагогику как науку, построенную на этике и психологии» [2].

Эта точка зрения до начала 40-х годов была распространена как в отдельных исследованиях, так и в различных учебниках педагогики или в специальных статьях, посвященных Гербарту.

С конца 30-х годов, после того как в Советском Союзе сравнительно широко развернулась комениологическая работа, получает всеобщее признание положение о том, что основоположником педагогики как науки является не Гербарт, а великий гуманист и демократ Ян Амос Коменский. Это положение выдвинули исследователи Коменского—автор этой книги, а позже и А. А. Красновский.

Е. Н. Медынский в опубликованной в 1947 г. «Истории педагогики» не только не повторяет своих прежних высказываний о Гербарте как об основоположнике педагогики, но прямо указывает, что основоположником педагогики является великий чешский педагог Ян Амос Коменский и что в этой области он «выполнил такую же роль, как Бэкон и Декарт в философии, как Коперник — в астрономии» [3]. И. А. Каиров во вступительном слове на научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию амстердамского издания дидактических трудов Коменского, совершенно правильно говорил: «Исключительно велика заслуга Коменского в

---

[1] Е. Н. Медынский, «История педагогики», 1929, т. II, М., стр. 167—168.

[2] «Педагогика», под ред. И. А. Каирова, М., 1939, стр. 20.

[3] Е. Н. Медынский, «История педагогики», 1947, стр. 91.

развитии педагогики. Мы уверенно говорим не только о развитии, но и о создании им впервые стройной педагогической теории, построенной на основе тщательного изучения как воспитательно-образовательной практики того времени, так и всех педагогических воззрений наиболее выдающихся мыслителей древности, эпохи Возрождения, а также его современников [1].

В этих словах И. А. Каирова выражено мнение не только советских педагогов о Коменском как об основоположнике педагогики. В настоящее время трудно найти кого-либо из представителей педагогической общественности социалистических стран, а также мировой передовой педагогической мысли, кто бы не признавал Коменского отцом научной педагогики.

В богатейшем педагогическом наследии Коменского рассмотрены все важнейшие вопросы педагогической науки. Коменский прямо не дает дефиниций главных понятий педагогики, но анализ трудов Коменского по вопросам воспитания и обучения, в особенности «Великой дидактики», делает очевидной его точку зрения. Так, например, Коменский нигде не дает определения педагогики как науки, но из содержания его трудов ясно, что педагогику он понимает как науку о воспитании ребенка; Коменский нигде не давал определения воспитания, но из его учения ясно вытекает, что под воспитанием он подразумевает целеустремленный и организованный процесс формирования ребенка и подростка в специально организованной среде под непосредственным руководством воспитателя-учителя; Коменский нигде не дает определения урока, но кто же скажет, что он не представил полностью все стороны, из которых мы свободно может вывести совершенно недвусмысленное понимание урока как формы организации обучения, и т. д.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что Коменский, давая в своих трудах всестороннее и последовательное освещение основных категорий педагогики, создал определенную научную теорию воспитания, образования и обучения детей и подростков.

Классический труд Коменского «Великая дидактика» с поразительными для того времени последователь-

---

[1] «Материалы научной сессии Академии пед. наук РСФСР», М., 1959, стр. 3.

ностью и систематичностью освещает почти все основные проблемы обучения и воспитания. То же самое можно сказать и о его трудах «Общий совет об исправлении дел человеческих», «Пансофическая школа», «Материнская школа» и других, где поставлены и рассмотрены почти все основные вопросы теории педагогики. Эти вопросы можно классифицировать следующим образом: общепедагогические идеи, учение о школе, дидактика, теория воспитания, учение об учителе, взгляды на руководство школой, школа и семья.

По всем вопросам в педагогических трудах Коменского мы находим не просто высказывания и соображения, они освещены на высоком по тем временам научном уровне, в строгой логической последовательности и приобретают характер цельной и стройной научной системы.

Двойственный характер мировоззрения Коменского обусловил двойственность его подхода к основным вопросам педагогики — религиозно-идеалистический, с одной стороны, и реалистически-материалистический — с другой.

Коменский ставил и решал важнейшие педагогические проблемы не умозрительно, а исходя из педагогической практики, из длительных наблюдений над нею. На основе глубокого анализа чужого и собственного опыта он обобщил все самое передовое в этой области. При этом Коменский не только пользовался методом обычных в педагогическом исследовании наблюдений, но часто обращался и к своеобразному педагогическому эксперименту, особенно в области теории обучения при создании учебников.

Коменский строил свое педагогическое учение, не только используя опыт современной ему школы. Непосредственным источником его педагогики являлось также все ценное, что было раньше накоплено в практике и теории воспитания. Критическое отношение к прошлому, освоение всего лучшего, созданного человечеством в теории и практике воспитания, — вот ведущая позиция Коменского.

Величайшая заслуга Коменского состоит в том, что в своих сочинениях он дает такие основополагающие указания, которые далеко опередили практику того времени и только значительно позже получили признание и в теории и на практике. В этом прежде всего и проя-

ляются огромная педагогическая мудрость и научное предвидение Коменского. Именно этим и объясняется тот факт, что учение великого педагога сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Анализ сущности педагогического учения Коменского сделает ясным и убедительным положение, что именно Коменский является основоположником педагогической науки и что его совершенно справедливо называют отцом педагогики.

Ребенок как предмет воспитания

Для каждой педагогической системы первоочередным является вопрос о том, что представляет собой ребенок и каковы задачи воспитания. Коменский в своих сочинениях много внимания уделил раскрытию природы ребенка и его способностей. В этом отношении наряду с «Великой дидактикой» следует особо отметить его труд «О культуре природных дарований».

Как мы уже знаем, основная идея пансофии Коменского гласит: «Учить всех всему». Выдвинув это положение, Коменский оказался перед важнейшей проблемой: все ли способны изучить все, стать образованными, совершенными, т. е. перед ним встал вопрос о возможностях ребенка, о его познавательных способностях. Постановка и интерпретация этих вопросов Коменским, как мы указывали выше, имели не только большое педагогическое, но и огромное общественно-политическое значение.

Вопросы о ребенке и его способностях Коменский решает на уровне передовой науки своего времени, хотя здесь и находят отражение его религиозные воззрения.

Рассматривая вопрос о том, какими возможностями обладает ребенок для того, чтобы стать человеком, Коменский всегда исходит из величайшей любви к ребенку и веры в его силы. «Золото и серебро — вещи ненадежные и скоропроходящие, а дети — бессмертное наследие» («Материнская школа», I, 14). Ребенка Коменский сравнивает с богом и пишет: «Итак, вы понимаете, любезнейшие слушатели, что природным дарованием в нас является то, благодаря чему мы представляем собой образ божий, т. е. маленьких богов, оставаясь тем не менее людьми» («О культуре природных дарований», стр. 121).

Что представляет собой ребенок и с какими способностями и качествами он рождается? В трактовке этого вопроса, как известно, издавна существовали два основных направления, восходящие своими истоками к древнегреческой философии. Эти направления известны под названиями нативизма и эмпиризма. Первое течение берет свое начало у Сократа и Платона, признававших врожденность идей, а второе — у древних материалистов — Гераклита, Демокрита и др., а также Аристотеля, которые отрицали врожденность идей и развивали теорию так называемой чистой доски (Аристотель). Коменский в основном стоит на позициях аристотелевской теории эмпиризма и соответственно своему демократическому мировоззрению считает, что каждый ребенок независимо от расы, сословия и пола способен учиться и стать образованным человеком. Коменский пишет: «И в самом деле, каким бы человек ни родился, он рождается человеком, т. е. (как сказал Климент Александрийский) «одушевленным полем», а потому (добавляет Гиппократ) «какова роль семян в отношении к земле, такова же и роль знания в отношении к человеческому духу». Как нет такого несчастного поля, которое, будучи возделано, не восприняло бы каких-нибудь семян и не принесло бы плода, так едва ли бывают окончательно бесплодными и дарования» («О культуре природных дарований», стр. 128).

Итак, точка зрения Коменского по этому вопросу характеризуется его основным положением — «рождается не знание, а способность к знанию» — и его эмпирическим взглядом; но вместе с тем Коменский склоняется к нативистской позиции, когда признает врожденность идей божественной добродетели. Это и не удивительно, поскольку эмпирическая психология, как и сенсуализм вообще, развиваясь в двух противоположных направлениях (материалистическом и идеалистическом), по природе своей по-прежнему оставалась в сфере метафизики и нередко становилась на путь компромисса между материализмом и идеализмом.

Как понимает Коменский психическое развитие ребенка и его закономерности? В первую очередь следует отметить, что хотя во времена Коменского психология как наука еще не сформировалась, но психологические воззрения довольно широко были представлены в трудах

философов и естествоиспытателей различных времен. Коменский прекрасно был знаком с этими взглядами. Особенно хорошо знал он психологию эпохи Возрождения, одним из величайших представителей которой был Хуан Луис Вивес. Эмпиризм и индуктивный метод Вивеса и Бэкона оказали огромное влияние на Коменского, как об этом неоднократно пишет он сам. Следует особо подчеркнуть то влияние, которое оказал Вивес на Коменского в понимании природы человека. Главное состоит в признании Коменским того, что человеку от рождения сопутствуют природные данные в виде таланта и различных способностей, которые развиваются и совершенствуются путем воспитания.

Коменский под влиянием Аристотеля считал, что человек является носителем растительной, животной, интеллектуальной или духовной жизни. Последняя, по Коменскому, может существовать и независимо от первых двух. *«Мы живем здесь тройною жизнию: растительною, животною, умственною или духовною,* из которых первая нигде не выходит за пределы тела, вторая через действия чувств и движения направляется к предметам, а третья может существовать так же отдельно, как это видно у ангелов» («Великая дидактика», II. 4).

Ребенку с рождения сопутствует «способность познания». «...Человек родился способным для уразумения вещей, для добродетели, для неограниченной любви к богу... и корни этих трех способностей существуют у него с такой же несомненностью, как и корни у каждого дерева» («Великая дидактика», V, 2). Но какие таланты и способности сопутствуют человеку и что регулирует их? «Человеку прирождены четыре части (partes), или качества (gradus), или способности (facultates). Первая называется ум (mens) — зеркало всех вещей, с суждением (judicium) — живыми весами и рычагом всех вещей и, наконец, с памятью (memoria) — кладовою для вещей. На втором месте — воля (voluntas) — судья, все решающий и повелевающий. Третья — способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь... Для этих четырех деятелей в теле нашем имеется столько же главнейших вместилищ и органов: мозг, сердце, рука и язык. В мозгу мы носим как бы мастерскую ума; в сердце, как царица в своем дворце, обитает воля; рука, орган человеческой деятельности, является достойным удивления

исполнителем; язык, наконец, мастер речи, посредник между различными умами, заключенными в различных, друг от друга разделенных телах, связывает многих людей в одно общество для совещания и действия» («О культуре природных дарований», стр. 120—121).

Как видим, здесь Коменский не до конца последователен и в понимании психических процессов, отводит место некоторому механицизму и даже религии, считая, что психические качества «вылеплены» богом, но признание мозга «органом» сознания сближает его с материализмом.

Коменский дает определенную типологию людей. По его мнению, некоторые имеют острую, а некоторые — более тупую природу, а другие — твердую и упрямую. Некоторые сами по себе любят науку, а другие получают больше удовлетворения в механической деятельности. Исходя из этого, Коменский выделяет шесть групп детей, характеризующихся типовыми качествами. К первой группе относятся дети с острым умом, любознательные и послушные, которые наиболее пригодны для научной работы; во вторую группу входят дети, которые, хотя и имеют острый ум, неторопливы; третья группа включает детей, для которых характерны острый ум, стремление к знаниям и упрямство; четвертая группа — послушных и любознательных, но медлительных детей; в пятую группу входят тупоумные, медлительные и ленивые дети; в шестую группу — тупые и испорченные дети.

Типология, представленная Коменским, сама по себе не может считаться последовательной научной типологией, а представленные им отличительные качества такими прирожденными характерными качествами, которые могли бы стать основой для выделения типа; например, любознательность, лень, упрямство и т. д. являются такими обретенными в онтогенезе качествами, которые сами представляют результат воспитания и среды в широком смысле. Но сама постановка вопроса о типологии детей удачна, многие типовые качества (острота ума, темперамент) подмечены правильно. Вместе с тем, указывая на различия, которые, по его мнению, характерны для ребенка от рождения, Коменский признает, что врожденные отличительные свойства не могут решить будущее ребенка, его судьбу. Правильное воспитание мо-

жет и должно сделать каждого человека совершенным, образованным, мудрым.

Коменский в своих педагогических трудах всегда подчеркивает ведущую роль воспитания в формировании человека, хотя не исключает и роли наследственности и большого значения среды. Обосновывая ведущую роль воспитания в формировании человека, Коменский, между прочим, приводит следующие слова Плутарха: «Каким рождается ребенок, это ни от кого не зависит, но чтобы вывести доброго, посредством правильного воспитания, это уже в наших руках».

Коменский считает, что способности и таланты ребенка сами по себе ничего не значат, если мы их не культивируем, не развиваем. В своем труде «О культуре природных дарований» он пишет: «Взгляни на драгоценный камень, лучезарно блистающий в царской короне или на княжеском пальце. Таким он, полагаешь, и родился? Ошибаешься, если так думаешь. Он родился шероховатым, темным, грязным; ты бы его и с земли не стал поднимать. Чтобы он заблестел, надо его скоблить, чистить, пилить, гранить, обтачивать, выравнивать, обтесывать, всячески шлифовать и полировать. Даже грубый камень, служащий для постройки домов, башен, стен, колонн и других подобных потребностей, может идти в дело не иначе, как обработанный, вытесанный и установленный нашей рукой. Равным образом металлы, созданные для важнейших потребностей нашей жизни, приходится вырывать, плавить, очищать, отливать и ковать различным образом: иначе пользы от них будет не больше, чем вот от этой земляной грязи. От растений мы получаем пищу, питье, лекарство; однако травы и хлеба нужно для этого сеять, бороновать, косить, молотить, молоть, толочь; деревья — сажать, подчищать, удобрять, снимать с них плоды, сушить последние и т. д. ... Так и человек: его тело предназначено для трудов, однако мы видим, что, кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено. И сидеть, и стоять, и ходить он должен быть постепенно приучаем; даже есть и пить он не умеет без приучения». «Откуда бы явилось такое преимущество для нашего ума, нашей воли, нашей руки, нашего языка, чтобы последние могли, без предварительной подготовки, в совершенстве исполнять свои обязанности?» («О культуре природных дарований», стр. 126).

Ребенок — более ценное сокровище, чем золото, пишет Коменский, но ребенок еще нежнее, чем стекло, его легко можно сломать и искалечить, а этому несчастью ничем нельзя помочь. Талант может полностью погибнуть, если воспитатели не стоят на должной высоте. Коменский и в этом вопросе ссылается на Плутарха и приводит его замечательные слова: «Много отличных природных дарований гибнет по вине наставников, которые коней обращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами» («Великая дидактика», XII, 21). Поэтому никто не должен думать, что молодежь сама по себе, без большого труда может быть воспитана, указывает Коменский.

Без целенаправленного воспитания ребенок полностью попадает под влияние той среды, в которой он оказался. Коменский пишет: «Имеются примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными и выросшие среди них, знали нисколько не больше зверей» («Великая дидактика», VI, 4). Мало того, по речи, движениям рук и ног они ничем не отличались от зверей, если только снова, через некоторое время не попадали в среду людей» (там же). Коменский подтверждает эту мысль фактами и примерами и заключает словами Платона: «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля» («Великая дидактика», VI, 4).

Коменский считает, что воспитанием можно преодолеть плохие склонности, заложенные от рождения. Коменский пишет: «Так было, по его собственному признанию, с Сократом, испорченная и склонная к порокам природа которого была исправлена благодаря воспитанию. Одним словом: как плодородная земля при отличной обработке становится раем, а если остается в небрежении — печальной пустыней, наполненной крапивой, тернием и гадами, так и дарования при прекрасном воспитании совершенно уподобляют нас ангелам и даже самому богу, образ которого отражают; оставленные в пренебрежении, низводят нас к скотам, а совершенно отдалившись от своего первообраза, увы,—даже к самим нечистым духам! Итак, усовершенствование природных да-

рований, которое одно может возвысить нас до уподобления богу, необходимо людям более всех сокровищ мира, почестей, удовольствий и всего, что только может входить и обыкновенно входит в круг наших желаний, и потому оно должно быть высшей целью наших стремлений» («О культуре природных дарований», стр. 127).

Совершенствование же «природного дара», по справедливому указанию Коменского, больше всего происходит в школе, в этой «мастерской человечности». «Хотя человек рождается способным ко всему, но на самом деле он ничего не знает, кроме только того, чему он научен благодаря руководству других людей и часто повторяемому опыту, а потому его необходимо учить всему и для этого посылать в мастерскую, где это делается» («Пансофическая школа», ч. I, 1).

Вместе с тем Коменский большую роль отводит среде как одному из мощных факторов формирования человека и пишет: «Как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и нравов» («О культуре природных дарований», стр. 129).

Все учение Коменского согрето большой любовью к ребенку, безграничной верой в его силы и его склонность к добру. Это дает ему основание сказать: «Дети не только предмет истинного возрождения, но и образец его» («Великая дидактика», предисловие, 16). Или еще: «Мы наделены медленно протекающей юностью, чтобы никто не испытывал недостатка во времени для подготовки к жизни» («Пансофическая школа», ч. I, 27).

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ

Как учат основоположники научного коммунизма, воспитание — сложный, организованный и целенаправленный социальный процесс формирования ребенка и подростка в специально организованной среде под руководством воспитателя, учителя. Главная функция воспитания — передавать из поколения в поколение весь тот основной опыт, который накопило человечество во всех областях общественно-экономической, политической и

культурной жизни. Не будь воспитания, человечество остановилось бы в своем развитии. Поэтому воспитание являет собой вечную общественную категорию, и оно будет существовать до тех пор, пока существует общество, человек.

В каждом классовом обществе воспитание по своим целям и содержанию является классовым. Оно представляет орудие господствующего класса для сохранения своего господства. Поэтому мыслители и педагоги каждой эпохи и каждого народа в своем учении о целях воспитания всегда выражали либо интересы господствующего класса, либо же интересы тех классов, которые противостояли ему. Еще китайский мыслитель VI в. до н. э. Конфуций (551—479 г. до н. э.) в своих взглядах на воспитание ясно выражал интересы господствующего класса, когда писал: «Все дарованное небом называется природой; покорность природе есть путь долга; поддерживание этого пути в надлежащем виде называется обучением и воспитанием»[1]. Отсюда цель воспитания — направить поведение индивида к беспрекословному выполнению долга, поскольку, как писал Конфуций, «повиновение отцу есть путь, обязанность», а «царь в государстве — то же, что отец в семье»[2].

«Добродетель» Платона, составлявшая, по его мысли, высшее назначение воспитания, была проникнута рабовладельчески-аристократическим духом. Точно так же рабовладельчески-аристократическим духом проникнуты педагогические взгляды великого идеолога и мыслителя рабовладельческого общества Аристотеля. Аристотель считал совершенно естественным разделение общества на свободных и рабов. «У раба нет души», — писал он, и, следовательно, он исключен из категории людей и относится к животным. Аристотель писал: «Самым важным из всех средств, способствующих сохранению государственного строя, является воспитание юношества в соответствующем духе». Древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан (35—95 гг.) видел главный смысл воспитания человека в воспитании оратора, что соответствовало интересам господствующего класса Римской империи той эпохи.

[1] Цит. по кн.: П. Монро, История педагогики, т. I, М., 1913, стр. 15.

[2] Там же.

Вместе с тем известны педагогические учения и взгляды, противоположные интересам господствующих в данном обществе классов. Известное восстание рабов под предводительством Спартака, в частности, было направлено против рабовладельческой системы воспитания. Великие гуманисты, в первую очередь Томас Мор и Томмазо Кампанелла, в противовес феодальному воспитанию считали, что воспитание должно быть проникнуто идеями равноправия, народности и т. д.

В чем состоит сущность взглядов Коменского на цели и задачи воспитания? Что в этом учении прогрессивного и пригодного для нашего времени, что ограниченного, ошибочного, неприемлемого?

Коменский исходит из положения, что цели и задачи воспитания, его содержание и пути его осуществления должны вытекать из назначения человека. «Следующий век будет именно таким, — пишет Коменский, — какими будут воспитанными для него граждане. В обилии мудрецов — счастье мира» («Об изгнании из школ косности», 65).

Такое понимание назначения человека является принципиальным исходным положением всей педагогической системы Коменского вообще и, в частности, для определения целей и составных частей воспитания. Коменский приводит слова Цицерона о том, что «устоем всего государства является правильное воспитание молодежи», и указывает: «Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть» («Материнская школа», предисловие, III).

Какие конкретные задачи должно ставить перед собой воспитание для того, чтобы развиваться в соответствии с назначением человека? Коменский видел в ребенке будущего деятеля, мудреца и т. д., с большим уважением и заботой относился к его личности. В своем выступлении в школе Шарош-Патака он обратился к учащимся со следующими словами: «Приветствую теперь и вас, дружная рать учащихся, которые вписались в это ополчение против варварства. Приветствую не как моих будущих учеников, но — как соучеников истины и света, с радостью подражая тем римским полководцам, которые для поднятия духа в своих ратниках называли их обыкновенно не воинами, но соратниками, делились с ними своими планами, как с союзниками, и, крепко спаяв их

души таким гуманным отношением, совершали славные подвиги» («О культуре природных дарований», стр. 143). В этой же речи Коменский приводит следующий факт из жизни известного сподвижника Лютера педагога Филиппа Меланхтона: «Позвольте мне также привести пришедшее мне на мысль прелестное восклицание Филиппа Меланхтона, который, войдя однажды в тривиальную школу и обнажив голову, так приветствовал учащуюся молодежь: «Здравствуйте, господа бакалавры, магистры, доктора, синдики, консулы, сенаторы, секретари, канцлеры и т. д.». Когда же некоторые присутствующие приняли это со смехом, он ответил: «Я не шучу, а говорю серьезно, ибо именно в таких мужах, после нашей смерти, будут нуждаться государство, церковь и школа. Откуда же нам их ожидать, как не из этой учащейся толпы?» («О культуре природных дарований», стр. 143).

О конкретных целях воспитания Коменский говорит почти в каждом своем педагогическом труде. Эти взгляды сконцентрированы в следующих его положениях: «Цель школ должна состоять в том, чтобы человек соответствовал своему назначению, т. е. чтобы он получил образование во всех тех пунктах, которые совершенствуют человеческую природу. Он должен быть способен сделаться таким, чтобы управлять теми вещами, обладание которыми ему обещано; он создан, чтобы разумно управлять самим собой и действовать, руководясь разумной и свободной волей, жить разумно, спокойно и пристойно» («Выход из схоластических лабиринтов», 10). В соответствии с этим Коменский считает, что главнейшая цель школы — стать «мастерской для выработки из людей подлинных людей, из христиан — подлинных христиан. Это будет в том случае, если все, допущенные к этому сообществу мудрости, будут становиться: 1) мудрыми умом, 2) обладающими плавной приятной речью, 3) способными в работе, 4) воспитанными в нравах и 5) благочестивыми сердцем.

Знать, действовать и говорить — вот в чем соль мудрости, необходимая услада всей человеческой жизни» («Законы хорошо организованной школы», II, I, 2).

Как видим, это те качества, которыми, по мнению Коменского, должен быть наделен каждый пансоф, мудрый человек. Коменский еще более конкретизирует цель воспитания в своем труде «Об изгнании из школ косно-

сти», где пишет: «Что значит быть мудрым? Это значит знать различие вещей, предпочитать доброе злому, лучшее — менее хорошему, всегда уметь найти лучшие средства к достижению предложенных целей» («Об изгнании из школ косности», 54).

На основе такого понимания назначения человека и человеческой мудрости Коменский считает необходимым, чтобы «юные кандидаты в жизнь научились все, что им встретится в жизни: 1) знать, 2) уметь, 3) излагать, 4) применять к добродетели...» («Законы хорошо организованной школы», II, 6).

Анализ положений Коменского о целях воспитания со всей ясностью показывает, что, с одной стороны, они проникнуты реализмом и демократизмом (это ведущее и главное у Коменского), а с другой стороны, на них печать христианско-религиозной ограниченности, как в понимании назначения человека, так и в понимании целей воспитания. Однако эта религиозная «оболочка» не может скрыть от нас самое существенное в понимании целей воспитания у Коменского, в корне противоположных целям средневекового воспитания, всей педагогической системы феодализма, построенной на схоластике и догматизме.

Что подразумевает Коменский под воспитанием, вернее, какие элементы, по его мнению, оно включает? По Коменскому, человек состоит из двух частей — тела и души. Душа — главная и вечная часть человека, и поэтому «преимущественное попечение должно иметь о душе как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной» («Материнская школа», II, 4), а заботиться о теле также необходимо, чтобы, говоря словами Коменского, «оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души» (там же). Предложенное Коменским деление человека на две части антинаучно, так как человек — психофизическое единое существо, поскольку душа, если подразумевать под ней психику в современном понимании, является свойством мозга. Однако Коменский, говоря о составных частях воспитания, кладет в основу не принцип деления человека на части (что само по себе невозможно), а исходит из существа самого воспитания и его практики.

Считая воспитание целеустремленным, гармоничным процессом формирования и совершенствования человека,

Коменский, в соответствии с целью воспитания, выделял следующие составные элементы воспитания.

Цель воспитания — сделать человека:	По мнению Коменского, этому соответствует:
«1) знающим все вещи,	«научное образование,
2) владыкою вещей и самого себя,	добродетель, или нравственность,
3) таким, чтобы он себя и все возводил к богу, источнику всех вещей»,	религиозность, или благочестие»,
4) имеющим здоровое тело.	физическое воспитание.

Что подразумевает Коменский под образованием и какие задачи ставит перед ним?

Коменский дает следующее определение научного образования: «познание всех вещей, искусств и языков» («Великая дидактика», IV, 6). Коменский критикует схоластическое образование того времени, его отрыв от действительности, от жизни и требует дать детям такое образование, которое будет связано с жизненными интересами народа, будет «всех учить всему». «Что значит всех учить всему?» — ставит вопрос Коменский и отвечает: «Мы желаем, чтобы новички мудрости были обучаемы всему. А именно, *во-первых, чтобы умы наполнялись светом познания того, незнание чего было бы вредно;* даже руки вместе с другими способностями должны быть подготовлены ко всякому хорошему делу; язык должен быть вооружен приличествующей плавной речью» («Пансофическая школа», ч. I, 6).

Коменский определяет роль умственного образования как такое совершенство «души», «таланта», которое сделает человека гармонично развитым существом, настоящим человеком. «Отними образование духа, и ты увидишь, что люди хотя и пасутся и тучнеют чревом, но скудеют духом; здоровеют телом, но болеют душой; блестят кожей, но грязны совестью» («О культуре природных дарований», стр. 126).

Образование делает человека «обладателем предметов», т. е. знающим, что способствует благосостоянию человека, всего народа. Коменский пишет: «Образованные народы не дозволяют ни одному клочку земли пустовать, никакому материалу пропадать бесполезно. Деревья и хворост, камни и щебень, даже песок и уличную грязь они подбирают и находят всему этому известное упот-

ребление. У необразованных же, смотришь, ничто не возделывается, сор и грязь кругом, все гниет и разлагается.

Отсюда у первых даже самые бесплодные по своей природе области, не представляющие ничего, кроме песка, или скал, или болот и мхов, так хорошо обрабатываются, что кажутся раем. У необразованных же народов даже страны, сами по себе имеющие вид рая (где, как кажется, само небо вступило в брачный союз с землею), засоряются отбросами и теряют свою прелесть.

Вот почему образованные народы в избытке располагают не только всеми необходимыми для жизни предметами, но и различными удобствами, даже роскошью; тогда как необразованные едва имеют средства влачить жизнь, питаясь по-звериному сырой пищей» («О культуре природных дарований», стр. 123).

Из этой обширной цитаты ясно видно, что Коменский защищает идею реального, связанного с жизнью знания, образования. Его девиз: «Изучение мудрости должно подготовлять умы ко всему, что случается в жизни, как в деятельности, так и в испытывании (жизненных ударов)» («Предвестник всеобщей мудрости», 7).

Вместе с тем Коменский признает за образованием большую нравственную силу и считает, что обучение, оторванное от нравственного воспитания, неоправданно.

Коменский считал, что образование должно возвысить человека до истинной человечности. «Необразованные, не обладая ничем внутри самих себя, всецело предаются одной внешности и, гоняясь вместо вещей за призраками, становятся предметом насмешек, чахнут и, наконец, гибнут. И пусть гибли бы, если бы этой смертью они не обрекались бы заживо и на смерть вечную! Но если уж необходимо так бывает, что люди, не достойные этого имени, отклоняются от своего предназначения — блаженной жизни, то лучше бы им вовсе не родиться, или, точнее, лучше родиться не людьми, а немой тварью, чем рождаться такими людьми, которые никаким человеческим образованием не возвышаются до истинной человечности» («О культуре природных дарований», стр. 124—125).

Коменский очень хорошо понимал, что образование не может не соответствовать возможностям человека, и поэтому требовал, чтобы в школе изучались основы знаний. Он писал: «Однако мы предприняли написать не

«Пансофию», а «Дверь в пансофию», так как мы прослеживаем не все и не во всех отношениях (это было бы бесконечной задачей, далеко выходящей за пределы сил одного человека), а лишь главные и основные черты всего» («Предвестник всеобщей мудрости», 112).

Реальное образование Коменский противопоставляет средневековой схоластике и догматизму и требует «открыть двери природы», чтобы ребенок овладел таким знанием, которое ему пригодилось бы в жизни, нравственно возвысило и сделало бы его подлинным человеком. Этим духом проникнуты взгляды Коменского на пансофическое образование, отраженные не только в общепедагогических и дидактических трудах, но особенно в его учебниках «Мир чувственных вещей в картинках» и «Открытая дверь языков».

Вторым важным элементом воспитания Коменский считал воспитание добра, нравственности, понимая под этим не только «внешнюю воспитанность, но и всю внутреннюю и внешнюю основу побуждений». Это определение указывает, что добро, нравственность он считает формой сознания («внутренней основой всех стремлений»), которая проявляется в поведении, в действии («внешней основе стремлений»).

Коменский, как мы видели выше, считал образование, знание одним из главных источников нравственного сознания. Но он никогда не отождествлял образованность и нравственность. Наоборот, он считал, что всякое знание и образование должны быть направлены на воспитание в подрастающем поколении «истинной человечности», т. е. высокой нравственности. Более того, Коменский не только не сводит нравственность к знанию, образованию, но указывает, что иногда мы встречаемся и с тем, что образованность сочетается с безнравственностью, Коменский пишет: «Так как между образованнейшими народами Европы встречаются и такие, которые образованы не по образу божию, а по образу сатаны, то я должен вас, мои дорогие, предостеречь, чтобы кого-либо не сбило с толку слово «образование», которое одинаково относится к людям, изощренным как во зле, так и в добре. Лучше вовсе не получить образования, чем приобрести его для мирских сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия» («О культуре природных дарований». стр. 125).

Коменский считал, что нравственность и добро не являются врожденными качествами и достигаются только в онтогенезе, путем воспитания. Добро и зло в равной мере являются результатами воспитания, и поскольку человек есть олицетворение бога, то он должен быть наделен возвышенной нравственностью путем воспитания. «Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек — более высокое создание, чем все эти животные, должен быть приведен к самым высоким целям» («Материнская школа», II, 2).

Наиболее ценными нравственными качествами Коменский считал правдивость и честность, доброту, трудолюбие, уважение к человеческой личности, любовь к родине и готовность пожертвовать собой ради ее интересов, гуманизм и уважение достоинства других народов.

В специальной главе нашей работы («О воспитании личности») мы более подробно рассматриваем взгляды Коменского по вопросам нравственного воспитания. Здесь укажем только, что эти нравственные категории у Коменского проникнуты его этическими воззрениями, которые также имеют двойственный характер. Однако главной идеей все же является народность, т. е. решение этических вопросов в интересах трудящихся во всех возможных для того времени формах.

Коменский, как представитель христианской религии, особо выделяет воспитание в человеке таких качеств, как богобоязненность и вера. Правда, он обособляет веру от науки, но его учение о содержании образования и обучения и, главное, о нравственном воспитании отводит определенное место религиозному воспитанию. Ограниченность его мировоззрения сильнее всего проявляется именно в этом. Правда, Коменский был представителем реформаторского христианства и вел борьбу против реакционного католицизма и его иезуитского направления в воспитании, но религиозный дух налагает отрицательный отпечаток на все педагогическое учение Коменского.

Важные мысли высказывает Коменский по вопросам эстетического воспитания. Правда, он нигде не говорит, что художественно-эстетическое воспитание является составной частью воспитания цельной, гармоничной личности, но его педагогические труды и даже школьные учеб-

ники содержат указание на такие стороны воспитания человека. Из этого можно заключить, что, говоря о воспитании, Коменский подразумевал и эстетическое совершенствование как одну из его составных частей. По Коменскому, воспитание восприятия красоты и прекрасного и развитие художественно-эстетического вкуса у ребенка должно составлять предмет заботы школы, учителей и семьи. Коменский хорошо понимает познавательное значение эстетического воспитания. Он говорит, что стишки и песенки развивают память детей, «а благодаря ритмам и мелодии она воспринимает больше, легче и приятнее» («Материнская школа», VII, 12).

Коменский приводит целый ряд высказываний о преподавании таких предметов, как пение и музыка, без которых «гармоничное развитие души» он считает невозможным, и требует упражняться в этих предметах с возраста материнской школы (дошкольный возраст). «Музыка для нас — дело наиболее естественное. Не невозможно, чтобы на четвертом году некоторые пели сами; запоздалых не следует принуждать, но нужно им давать в руки свирель, бубен, детский струнный инструмент, чтобы, свистя, треща, они приучали слух к восприятию различных звуков или даже подражали им. Будет своевременно на пятом году открывать свои уста для гимнов» («Материнская школа», VII, 10—11).

Коменский считает необходимым упражнять детей еще в дошкольном возрасте в рисовании и письме. Он пишет: «Также в рисовании и в письме нужно заставить детей упражняться в материнской школе на четвертом или на пятом году жизни по мере того, как можно будет заметить или пробудить наклонность к этому» («Материнская школа», VII, 6).

Основной целью и важнейшей задачей воспитания Коменский признавал подготовку подрастающего поколения в труде и к труду. Его положение: *«Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом»* («Великая дидактика», XXIII, IX). Исходя из этого положения, Коменский почти в каждом своем педагогическом или философском труде указывал на роль и назначение труда, на его место в формировании «истинного человека». В своей книге «Об изгнании из школ косности» он прямо указывает, что школа должна воспитывать

трудолюбивых людей. «Вся школа есть рабочая мастерская» («Об изгнании из школ косности», 57).

Коменский указывает, что воспитание трудолюбия следует начинать с малых лет и даже игру нужно сочетать с трудом. Он пишет: «Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты: что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекладывают; нужно только помогать детям, чтобы все, что происходит, происходило разумно» («Материнская школа», VII, 1).

Коменский дает много замечательных указаний о том, какое место должен занимать труд в условиях школы. Он пишет: «Как мы учимся письму писанием, рисованию — рисованием, пению — пением, так и деятельности мы учимся путем деятельности и исполнения различных действий именно в то время, когда мы их исполняем. Отсюда положение, которое мы приведем здесь наподобие изречения оракула: «Работая, мы сами развиваемся (fabricando fabricanur)». Отсюда положение Коменского: «Школа должна быть воротами жизни».

В педагогическом учении Коменского особое место занимает физическое воспитание. Правда, так же как в отношении эстетического воспитания, Коменский нигде не говорит, что физическое воспитание является составной частью воспитания в широком смысле, но из всего его учения ясно видно, что физическое совершенство и развитие он считал важнейшей задачей воспитания и его составной частью. В своем классическом труде «Великая дидактика» он посвящает физическому воспитанию специальную главу, озаглавленную «Основы продления жизни». В этой главе он касается вопроса продолжительности жизни, рассматривает взгляды Аристотеля, Гиппократа, Ипполита, Гварино, Сенеки и других и заключает, что существует два средства против краткости жизни — «принимать возможные меры к тому, чтобы:

I — *предохранять тело от болезней и смерти.*

II—*приспособлять ум к разумному управлению всем*» («Великая дидактика», XV, 7).

Вопросы охраны здоровья и физического воспитания Коменский излагает также в «Материнской школе», которая содержит целый ряд гигиенических советов относительно соблюдения для учащихся режима питания, игры, учебы, сна и др. Аналогичные мысли Коменский

высказывает также в трудах «Великая дидактика», «О культуре природных дарований», «Пансофическая школа» и др.

Во всех этих трудах Коменский исходит из того положения, что здоровый дух может быть только в здоровом теле. Это свое положение Коменский, подобно Платону, обосновывает так: «Мы обязаны защищать тело от болезней и несчастных случаев, во-первых, потому, что оно есть жилище души, и притом единственное, после его разрушения душа вынуждена немедленно переселиться из этого мира... если во дворце мира, куда мы допущены благостью божией, мы желаем прожить возможно долее и возможно удобнее, мы обязаны заботливо ухаживать за этой телесной оболочкой» («Великая дидактика», XV, 8). Вместе с тем Коменский, исходя из позиции эмпиризма и из данных естествознания того времени, считает, что «без тела душа ничего не может ни слышать, ни видеть, ни говорить, ни действовать, мало того, она не может даже мыслить» (там же, XV, 8).

Коменский понимал, что здоровье тела и физическое развитие необходимы для умственного совершенства, и обосновывал это с позиции материалистического, бэконовского эмпиризма следующим образом: «Так как ничего не бывает в сознании, чего ранее не было в ощущении, то материал для всех размышлений ум получает только от ощущений и акт мышления совершается не иначе, как через внутреннее ощущение, т. е. через созерцание образов, отвлеченных от вещей. Отсюда следует, что с повреждением мозга повреждается способность воображения и при заболевании частей тела болеет и сама душа». Поэтому Коменский считает справедливым изречение «Здоровый дух — в здоровом теле» («Великая дидактика», XV, 8).

Несмотря на то что Коменский представляет себе взаимоотношения души и тела, как мы это отмечали выше, в религиозно-идеалистическом духе, его непосредственные наблюдения над формированием и развитием ребенка в процессе воспитания дали ему возможность в большинстве случаев правильно решить вопросы физического воспитания.

Таким образом, если учесть то, что Коменский сам говорил относительно составных частей воспитания, а также то, что вытекает из его учения, то под воспитанием

Коменский понимает гармоническое единство умственного, нравственного, эстетического, физического, трудового и религиозного воспитания.

ИДЕЯ ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ

Коменский считается отцом так называемой природосообразной педагогики.

Как известно, каждое явление, в том числе и педагогическое, развивается по определенному закономерному пути. Необходимо раскрыть эти закономерности, если мы желаем проникнуть в суть явлений, преобразовать их и поставить на службу человеку. Первейшую свою задачу Коменский видел именно в том, чтобы разобраться в сущности таких сторон педагогического процесса, как воспитание, образование и обучение, вскрыть те законы, правила и пути, по которым должно направляться формирование ребенка и подростка. Вот такой общей руководящей идеей, если можно сказать, общим принципом для Коменского является идея природосообразности, которую он часто называет естественным методом и которая также известна под названием принципа соответствия природе. Именно этой идеей, или принципом, проникнута педагогика Коменского вообще, а особенно дидактика.

Что же подразумевается под природосообразностью воспитания у Коменского? Идея природосообразности воспитания вообще предполагает соответствие воспитания природе и тем закономерностям, которые существуют в ней независимо от нас.

Природа едина, в природе все происходит целесообразно, в ней царят гармония и порядок; природа не любит скачков, все протекает постепенно, природа не терпит ничего бесполезного, в процессе каждого своего действия исходит из самой себя. Поэтому в природе все протекает естественным путем; отсюда воспитание ребенка как частицы природы также должно проводиться естественным путем. Таково исходное положение идеи природосообразности у Коменского.

Но что значит — проводить воспитание и обучение «в соответствии с природой»? В частности, какой природе должны соответствовать воспитание и обучение ребен-

ка — природе, окружающей ребенка, или природе самого ребенка, или и той и другой?

Одни полагают, что Коменский, строя свое педагогическое учение, целиком исходил из окружающей среды и без изменений переносил в педагогику те закономерности, которые существуют в окружающем мире, пользуясь при этом внешними аналогиями. Так, например, проф. Т. Циглер пишет: «Коменский не имеет в виду, как позже Руссо, природу ребенка, а природу внешнюю, действиям которой надо подражать «по аналогии», что он называет синкретическим методом»[1]. По существу, тот же взгляд разделяет проф. П. Монро.

Односторонность и ошибочность такой точки зрения несомненны. Эта односторонность состоит в том, что ребенок искусственно исключен из природы, тогда как Коменский всегда говорит, что человек—частица природы и что он подчиняется общим законам развития природы. Следовательно, по мнению Коменского, природосообразность обучения означает соответствие и природе вообще и природе ребенка.

Другие совершенно обходят внешнюю природу, ищут опору для педагогического учения Коменского в природе ребенка и не видят никакого принципиального различия между Коменским и педоцентристами. Так, например, С. И. Миропольский односторонне толковал положение Коменского о том, что учебная работа должна соответствовать природе ребенка. Он писал: «Итак, принцип Коменского — «воспитание должно быть сообразно с его природой» — есть последний и высший принцип человеческого воспитания и, следовательно, единственная основа воспитания... Основной принцип Коменского — воспитать человека должно сообразно с его природой»[2]. Он заключал: «Метод Коменского субъективен, установление само по себе этого принципа составляет великую заслугу Коменского»[3].

Приблизительно такого же мнения придерживается современник С. И. Миропольского проф. А. Вейсман. Он пишет: «Коменский исходил из известных психологичес-

[1] Т. Циглер, Руководство по истории педагогики, М., 1912, стр. 195.

[2] С. И. Миропольский, Коменский и его значение в педагогике, «Журн. МНП», 1871, ч. СУ I, отд. 3, стр. 2.

[3] Там же.

ких основ о свойствах того или другого возраста, из степени развития учащихся и необходимости сообразоваться с этими условиями, чтобы с успехом вести дело школьного образования»[1]. К. Шмидт тоже считает, что вся воспитательная система Коменского исходит из «человеческой натуры».

Здесь мы имеем дело также с определенной односторонностью, поскольку Коменский берет за основу не только ребенка, а природу, в которую входит ребенок.

Третьи совершенно обходят вопрос о природосообразности. Так, например, проф. Ф. Диттес считает, что понятие природосообразности Коменский употребляет в неопределенном «общем смысле», а П. П. Блонский в своей монографии совершенно не касается данного вопроса. Это следует объяснить тем, что П. П. Блонский основным методом Коменского считал синкретический метод, тогда как Коменскому этот метод служил лишь для доказательства существования общих законов в природе, деятельности человека и воспитании.

Наряду с приведенными встречаются и другие точки зрения. Так, например, П. Каптерев полагает, будто Коменский раньше исходил из природы внешней, а в последние годы своей жизни из природы ребенка. Он пишет: «Впрочем, Коменский в одном из позднейших сочинений (именно: «Выход из схоластических лабиринтов») при рассуждении о наиболее гибком и правильном способе обучения оставляет в покое птиц, и солнце, и всю внешнюю природу...»; «Уже не внешняя природа, не солнце и птицы, а сам человек является природной нитью...»[2] и т. д.

Советская педагогика рассматривает идею природосообразности у Коменского как методологический принцип, согласно которому воспитание должно осуществляться в соответствии с закономерностями, объективно существующими в природе, частицей которой является человек.

Выдвижение этого принципа делает педагогику Коменского в корне отличной от педагогических воззрений средневековья, в которых возможности и интересы ребенка полностью игнорировались. В практике средневековых

---

[1] А. Вейсман, Амос Коменский и его дидактика, «Журн. МНП», 1892, авг., стр. 34.

[2] П. Каптерев, Дидактические очерки, М., 1915, стр. 21.

школ это привело к тому, что учебные занятия превращались для детей в мучения, а сама школа — в «тюрьму для души». Поэтому можно сказать, что идея природосообразности, выдвинутая Коменским, сыграла такую же революционную роль в борьбе против отжившей феодальной системы воспитания, какую сыграл индуктивный метод Бэкона в развитии науки и философской мысли.

Приведем из «Великой дидактики» Коменского несколько характерных высказываний о природосообразности воспитания.

«Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, птица, намереваясь размножать свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с тем она поступает постепенно. Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении уже теплой части погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

Так же и садовник обращает внимание на то, чтобы все делать только в свое время. Образование человека нужно начинать в весну жизни» («Великая дидактика», XVI, 7, 8).

«Природа подготавливает себе материал, прежде чем начинает придавать ему форму. Например, птица, намереваясь произвести существо, подобное себе, сперва из капли крови своей вводит внутрь оплодотворяющее семя, затем вьет гнездо, в которое кладет яйца, наконец, согревает их высиживанием и дает оформиться и вылупиться птенцам».

Коменский считает, что аналогично поступают и архитектор, и художник, которые все подготавливают заранее, и делает вывод:

«Отсюда вытекает, что для коренного исправления метода необходимо:

I. *Подготовлять книги и все другие учебные пособия.*

II. *Развивать ум ранее языка.*

III. *Никакого языка не изучать из грамматики, а каждый язык следует изучать из подходящих произведений писателей.*

IV. *Реальные учебные предметы предпосылать формальным.*

V. *Примеры предпосылать правилам»* («Великая дидактика», XVI, 19).

«Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно.

Так, образование птички имеет свои ступени, которые не могут быть ни обойдены, ни переставлены, пока птенец, вырвавшись из своей скорлупы, не выйдет наружу».

Далее Коменский делает следующие выводы:

«I. *Вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы, чтобы предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь.*

II. *Время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя особая работа.*

III. *Распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничего не было пропущено и извращено»* («Великая дидактика», XVI, 46, 50).

Продолжая свою аналогию, Коменский пишет: «Природа всячески себе помогает. Например, у *яйца* нет недостатка в своем жизненном тепле; однако отец природы, бог, предусматривает, чтобы этому теплу помогли или теплота солнца, или перья сидящей на яйцах птицы». Приведя другие аналогичные примеры, Коменский приходит к заключению:

«I. *Не следует прибегать при обучении ни к каким телесным наказаниям* (так как если ученье идет плохо, то чья это вина, как не самого преподавателя, который или не умеет сделать ученика способным к ученью, или не прилагает к этому достаточно старания).

II. *Все, что ученики должны выучить, нужно преподать им и изложить так ясно, чтобы они имели перед собой свои пять пальцев.*

III. *А для того, чтобы все воспринималось легче, надо, насколько лишь это возможно, привлекать к восприятию внешние чувства»* («Великая дидактика», XVII, 39, 41).

«Природа все производит из корня и более ниоткуда».

Развивая эту мысль, Коменский пишет:

«Вывод сводится к следующему: *нужно учить так, чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков, т. е. знали и изучали самые вещи, а не чужие только наблюдения и свидетельства о вещах.* И это будет значить, что мы снова идем по стопам древних мудрецов, черпая знание не из какого-либо иного источника, а из самого первообраза вещей. Итак, пусть будет законом:

I. *Все должно выводить из незыблемых начал вещей.*

II. *Ничему не следует учить, опираясь только на один авторитет; но всему учить при помощи доказательств, основанных на внешних чувствах и разуме.*

III. *Ничего не преподавать одним аналитическим методом, а предпочтительнее преподавать синтетическим»* («Великая дидактика», XVIII, 19, 28).

«Природа сама себя оплодотворяет и укрепляет постоянным движением...

Отсюда следует, что обучение нельзя довести до основательности без возможно долее частых и особенно искусно поставленных повторений и упражнений» («Великая дидактика», XVIII, 41, 43).

Какие выводы должны мы сделать из приведенного обширного материала?

Во-первых, Коменский своей идеей природосообразности воспитания не изменяет ни своему мировоззрению, ни эпохе. Его природосообразность есть не что иное, как требование эпохи.

Во-вторых, Коменский, проникнутый буржуазными устремлениями, но не сумевший отказаться от господствующей идеологии, в своей идее природосообразности отразил раздвоенность своего мировоззрения, которое характеризуется, с одной стороны, теологизмом, доходящим до фатализма, а с другой стороны, реализмом. Первый выражается в теологическом понимании природы вообще, а второй — в подлинно реалистических педагогических принципах, положениях и правилах, выведенных на основе педагогической практики.

В-третьих, Коменский нередко лишь внешне сравнивает какое-либо основное положение, взятое из явле-

ний природы, с дидактическими правилами, выведенными из своей практики.

В-четвертых, Коменский в понимании природосообразности исходит из природы, в которую включает и ребенка, но главным образом он руководствуется своей педагогической практикой. Фактически идея природосообразности и выведенные из нее педагогически-дидактические и методические принципы, или правила, по существу, вытекают из педагогической практики. Этим объясняется жизненность принципа природосообразности и для нашего времени.

Наконец, в-пятых, природосообразность у Коменского нужно рассматривать как весьма прогрессивное и, можно сказать, революционное явление в педагогике, поскольку она направлена против средневекового, схоластического воспитания.

Правда, теория Коменского о природосообразном обучении содержит много отрицательных, ненаучных и не приемлемых для нашей педагогики сторон (механические аналогии с природой, мистически-телеологическое объяснение многих явлений и др.), но саму идею природосообразности, берущую свои истоки в античной философии, в частности у Аристотеля, и совершенно забытую на всем протяжении средневековья, Коменский возродил и развил как прогрессивно-демократический принцип воспитания. Руссо, Песталоцци, Дистервег, Ушинский, Гогебашвили и другие педагоги-демократы прошлого признавали природосообразность незыблемым законом воспитания. В наши дни этот принцип сохраняет свое значение для советской педагогики, при условии критической переработки его в соответствии с требованиями марксистско-ленинской педагогики и психологии.

Наиболее ценным в идее природосообразности является требование, чтобы воспитание и обучение соответствовали возрастным особенностям ребенка и ступеням его развития.

ИДЕЯ НАРОДНОСТИ

Идея народности воспитания подразумевает организацию и постановку всего дела воспитания подрастающего поколения в соответствии с интересами народа. Она противопоставлялась политике эксплуататорских классов в области образования и выдвигала принципиально но-

вые требования в отношении как целей обучения и воспитания, так и их содержания и организации. Можно сказать, общая идея народности в воспитании дается впервые в учебно-воспитательных идеях Яна Гуса, таборитов и в дальнейшем — «Чешских братьев».

Анализ учения Коменского позволяет утверждать, что предлагаемая им система воспитания и образования полностью отвечает нуждам и потребностям народа. Это вытекает, в частности, и из следующих требований Коменского к воспитанию: 1) воспитание, образование и обучение должны иметь целью формирование такого гармонично развитого, высоконравственного человека, который превыше всего ставит благополучие своей родины и готов даже жизнь свою отдать за ее свободу и независимость, за установление на всей земле мира и сотрудничества между народами; 2) образование должно быть всеобщим и обязательным; 3) образование должно вооружить народ такими знаниями, которые необходимы для его материального и духовного благосостояния, поэтому школа должна быть «мастерской мудрости»; 4) воспитание должно подготовить человека к жизни, труду, поэтому школа должна являться «мастерской трудолюбия»; 5) обучение на родном языке должно составлять основу образования; 6) все образование и обучение должно быть направлено на воспитание «человека в человеке», школа должна быть «мастерской гуманности».

Перечисленные требования в их единстве и составляют идею народности в воспитании, вытекающую из философских и политических воззрений Коменского.

В демократической педагогике Коменского большое место занимает защита родного языка, борьба за его развитие и обучение молодежи именно на родном языке. Совершенно правильно пишет известный немецкий комениолог Роберт Альт: «Однако было бы неправильно из намерений великого педагога основать великое сообщество народов и объединить мир делать вывод о том, что он, проживший бо́льшую часть своей жизни в изгнании, вдали от родины и общавшийся с единомышленниками из разных стран, будто бы представлял себе новое человечество без привязанности каждого человека к своему народу» [1]. Коменский до последних дней жизни

[1] Р. Альт, Прогрессивный характер педагогики Коменского, М., 1959, стр. 21.

оставался великим патриотом, сыном своей родины — многострадальной Чехии. В одном из писем Коменский указывал: «Прежде всего я категорически заявляю, что никогда не думал писать или даже публиковать что-либо по-латыни. Единственным моим желанием было принести пользу своему народу книгами, написанными на родном языке. Это стремление возникло у меня, когда я был еще юношей, и оно не покидало меня в течение последних пятидесяти лет. К иному образу действий я был вынужден только случайностями в (моей жизни»[1]. В работе «Завещание умирающей матери братской общины» Коменский обращается к родине со следующими словами: «Тебя, мой богемский и моравский народ, тебя, о дорогое отечество, я не могу забыть в час моей разлуки с жизнью, к тебе обращаюсь я прежде всего и назначаю я тебя главным наследником тех сокровищ, которыми некогда всевышний одарил меня... О мой богемский народ, я молю бога о том, чтобы, когда промчится буря его гнева (вызванная на наши головы нашими грехами), к тебе снова пришли добрые времена. В надежде на это я делаю тебя наследником не только того, что я получила от своих предков и сохранила в тяжелые дни, но и завещаю тебе все то, чем я разбогатела благодаря воле божьей трудом моих сынов»[2].

Нежнейшую любовь к родине и родному языку выражают слова Коменского, вложенные им в уста той же «умирающей матери»: «Я советую тебе и моим сынам содержать в чистоте и блеске любвеобильный, исполненный сердечной теплоты язык наших отцов, оставляя в неприкосновенности его дух, твердость и характер»[3]. Любовь к родному языку побудила совсем еще молодого Коменского проделать огромную работу по составлению «Сокровищницы чешского языка» — словаря, который, к сожалению, погиб во время пожара в г. Лешно. Любовь к родине вдохновила Коменского на составление исторического трактата «Древности Моравии», к сожалению тоже до нас не дошедшего. Наконец, взгляды Коменского по вопросу обучения на родном языке, которых мы под-

---

[1] Р. Альт, Прогрессивный характер педагогики Коменского, М., 1959, стр. 22.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 23.

робнее коснемся в последующих главах, со всей ясностью показывают жизненность выдвинутой Коменским идеи народности, которая не только не утратила своего значения, но именно в нашу эпоху, в великую эпоху построения коммунистического общества, получает свое подлинное воплощение.

Говоря об идее народности, следует особо подчеркнуть требования Коменского о воспитании молодежи в соответствии с возвышенными идеалами в духе гуманизма, его мысли о трудовом воспитании, признании равных прав мужчины и женщины на образование, реальном содержании образования и борьбе против схоластики, о внимательном отношении к ребенку, создании для каждого ребенка подобающих условий, с тем чтобы сделать из него «инстинного человека», о расширении сети школ и осуществлении всеобщего обучения, высокой оценке личности учителя и неустанной заботе о нем и т. д.

Выдвинутая Коменским идея народности воспитания проникнута духом патриотизма, гуманизма и демократизма и является вкладом великого педагога в развитие подлинно демократического учения о воспитании.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО О ШКОЛЕ

Коменский совершенно справедливо считается великим реформатором школы. Естественно, при жизни Коменского его идеи и учение о школе не были и не могли быть осуществлены. Более того, подлинное осуществление этих идей стало возможным только спустя 300 с лишним лет, когда в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции началась новая эра в истории человечества — эпоха социализма.

Все учение Коменского и его практическая деятельность были направлены к коренному преобразованию существовавшей школьной системы в духе идей ее демократизации.

Коменский создал стройное для своего времени учение о школе, постаравшись раскрыть ее назначение, цели и задачи. В трудах Коменского содержится обстоятельная критика средневековой школы, намечены пути демократизации школьной системы, показано, каким должно быть содержание образования и каковы возможные формы связи школы с жизнью.

Данная глава в основном и посвящена рассмотрению этих вопросов. В ней выясняется, что в учении Коменского прогрессивно для своего времени, какие сторо-

ны этого учения исторически ограничены и какие идеи сохраняют свое значение и актуальность для социалистической школы.

НАЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЫ, ЕЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Вопрос о назначении школы, об ее целях и задачах решался и решается в каждой педагогической системе прежде всего в соответствии с тем, на какой общественно-политической основе построена сама эта система. То или другое решение этого вопроса обусловливает структуру школьной системы, содержание и организацию работы школы.

Вопрос о назначении школы, ее целях и задачах и в педагогической системе Коменского решается в соответствии с его мировоззрением в целом, в частности в соответствии с его общественно-политической концепцией.

Что такое школа и какие преимущества имеет она по сравнению с семейной системой воспитания, в чем должно состоять основное назначение школы, какие цели и конкретные задачи стоят перед ней, чьим интересам должна она служить — вот основной круг вопросов, которые составляют суть учения Коменского о школе.

Коменский ставит вопрос: «Что такое школа вообще?» — и отвечает: «Согласно обычному словоупотреблению под словом «школа» понимают как здание, так и собрание, в котором обучаются для приобретения познания вещей, понимания и умения применять всякого рода искусства» («Пансофическая школа», 1). Однако это определение даже сам Коменский не считал полным, исчерпывающим. Он много раз возвращался к этому вопросу, определяя школу как очаг обучения и воспитания подрастающего поколения, «мастерскую знания, света». «Школы весьма метко называют также мастерскими света, так как главнейшая их цель — просвещение умов, чтобы рассеивать мрак врожденного нам неведения, заблуждений и грехов» («Об изгнании из школ косности», 10), — пишет Коменский.

Поскольку школа ставит перед собой цель нравственного воспитания, Коменский называет ее мастерской человечности, мастерской гуманизма и т. д.

Вместе с этим Коменский правильно считает школу местом, где воспитывается трудолюбие, и указывает:

«Школа есть не что иное, как рабочая мастерская» («Об изгнании из школ косности», 8).

Коменский объявил беспощадную борьбу школам своего времени, представлявшим место пыток детей и «тюрьму души», «лабиринт». Вместе с тем он считал школу очагом серьезного дела, обучения. Коменский пишет: «В латинском языке школа иногда называется ludus, т. е. игра, и опять-таки не ради того, конечно, чтоб ученики могли думать, что они могут заниматься игрой в кости, карты или шахматы или предаваться другим бесполезным забавам, — но в том смысле, что она представляет собой тихое пристанище, специально устроенное для научных знаний, нисколько не обременительных и не утомительных, но, подобно игре, лишь приятно и легко упражняющих ум и тело» («Об изгнании из школ косности», 7). Или еще: «Слово «школа» (греческое σχολή) означает досуг, покой, а покой противоположен работе. Такому я отвечу: да, но работе механической, утомляющей тело, от которой ученики с тем, очевидно, и освобождаются, чтобы свои природные силы направить на более сильную умственную работу» («Об изгнании из школ косности», 6).

Коменский сравнивает школу с полем битвы, где ведется борьба с невежеством, всяческой грубостью и насилием. Он пишет: «Не без основания школу называют также ареной состязания муз и сравнивают с войной. Именно здесь из отборной молодежи составляется войско, предназначенное для того, чтобы бороться с врагами человеческой природы: невежеством, заблуждениями, пороками — и чтобы изгонять из области церкви и государства всю эту скверную грубость, безбожие и т. п. Но кто же когда-либо видел, чтобы война велась без трудов и лишений? Ее начинают не для удовольствия, но для нее идут на бедствия и страдания, пока, с напряжением всех сил, она не будет доведена до конца» («Об изгнании из школ косности», 15).

Итак, Коменский считал школу таким специфическим заведением, назначение которого — воспитание, образование и обучение подрастающего поколения.

В эпоху Коменского и до нее воспитание в основном осуществлялось двумя путями: в школе и в семье. Коменский, исходя из общественного назначения воспитания, отстаивал преимущество школьного воспитания перед

семейным. Как известно, преимущество школьного воспитания признавали почти все представители античной педагогической мысли; Платон в «Государстве» и «Законах», Аристотель в «Политике», Квинтилиан в своем сочинении «О воспитании оратора» и другие убедительно обосновывали преимущества школьного воспитания.

Коменский хорошо знал все эти доводы и, что еще важнее, практику передовых школ своего времени как Чехии, так и почти всех стран Европы. Великий педагог-практик и новатор всесторонне обосновывал преимущества школьного воспитания по сравнению с семейным воспитанием При этом в отличие от Платона, почти полностью исключавшего роль семьи, родителей в воспитании подрастающего поколения, Коменский, определяя ведущую роль школы в воспитании детей, вместе с тем большое место отводил в нем семье и общественной среде, требовал согласованной, совместной работы школы и семьи в великом общечеловеческом деле воспитания детей.

Говоря о преимуществах школы, Коменский исходит из того основного положения, что «молодежь должна получать образование совместно». В «Великой дидактике» VIII главу он посвящает обоснованию преимущества школы. Коменский пишет о причинах возникновения школы: «Однако, при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикует порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и серьезностью характера. *Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.*» («Великая дидактика», VIII, 2).

Далее Коменский пишет: «Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же *более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других.*

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами» («Великая дидактика», VIII, 7). Коменский, прибегая к обычной для него аналогии, приводит примеры из различных областей природы и искусства и заключает: *«Как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев — сады, так для юношества — школы»* («Великая дидактика», VIII, 8).

Коменский считает, что школа возникла с незапамятных времен, «вскоре после потопа», и распространилась в Халдее, Вавилоне, Ассирии, Египте и других странах Древнего Востока. «От египтян заимствовали обычай воздвигать школы греки, и от них — римляне, а от римлян этот похвальный обычай распространился по всей империи» («Великая дидактика», VIII, 3).

Какие конкретные цели и задачи ставит перед школой Коменский? Он выдвигает прогрессивное, демократическое, проникнутое духом гуманизма учение о целях и задачах школы. В «Великой дидактике» Коменский требует создания в городе и деревне таких школ, в которых «все юношество того и другого пола, безо всякого где бы то ни было исключения, могло обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему тому, что нужно для настоящей и будущей жизни кратко, приятно, основательно» («Великая дидактика», заглавие).

Много раз говорит Коменский о целях школы в таких трудах, как «Материнская школа», «О культуре природных дарований», «Законы хорошо организованной школы», «Пансофическая школа» и др. В «Пансофической школе» он прямо указывал, что основное назначение школы — «распространять всеобщую мудрость в обществе».

Коменский ставит вопрос: «Что такое школа всеобщей мудрости?» — и дает следующий ответ: *«Мы желаем иметь школу мудрости, и притом всеобщей мудрости, пансофическую школу, т. е. мастерскую, где к образованию допускаются все, где обучаются всем предметам, нужным для настоящей и будущей жизни и притом в совершенной полноте (omnino). И все это должно вестись столь надежным путем (NB), чтобы из обучавшихся в ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не*

знал о вещах, ничего бы не понимал в них и не в состоянии был бы сделать истинного и должного применения и, наконец, не был бы в состоянии удачно (commode) выражаться» («Пансофическая школа», ч. I, 4).

Наконец, как бы заключая вопрос о назначении и целях школы, Коменский пишет следующее: «Так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, так и в школе всех должны учить всему, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим — другое» («Великая дидактика», X, 18).

Таков общий характер учения Коменского о назначении школы, ее целях и задачах. Из этого учения особую ценность представляют следующие положения: 1) обоснование преимущества школьного воспитания перед семейным; 2) школа должна охватить всю молодежь независимо от пола, сословия, национальности, религиозных убеждений и других признаков; 3) школа должна быть «мастерской мудрости», где молодежь сможет овладевать основами наук; 4) школа должна быть мастерской гуманности и «истинной человечности», где молодежь сможет достигать нравственного совершенства»; 5) школа должна готовить молодежь к жизни и быть «мастерской трудолюбия»; 6) школа должна учить молодежь всему этому «приятно и основательно», она должна оказывать помощь тем детям, которые от природы являются умственно отсталыми, и стать для них самым любимым местом.

Коменский совершенно справедливо считается основоположником концепции общеобразовательной школы и системы образования. Эти его идеи и в наше время не потеряли своего значения.

КРИТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЫ

Выдвинув новую концепцию школы, Коменский, конечно, не мог не подвергнуть анализу существовавшую систему школьного образования.

Коменский дал глубокую критику догматически-схоластической средневековой школы. Эта критика касалась всех сторон ее жизни: содержания, организации и методов воспитательно-образовательной деятельности.

Коменский характеризовал школу своего времени как «лабиринт», охваченный мраком, и определенно указывал, что «до сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению» («Великая дидактика», XI). Он отмечал: «Что школы являются лабиринтами, это очевидно, ибо они не имеют никаких достаточно твердых и определенных целей; для [достижения] целей [не имеют никаких] средств; наконец, для применения средств — [никаких определенных] правил» («Выход из схоластических лабиринтов», 4).

Школы не ставят своей целью подготовку «настоящих людей», и они «до сих пор являются настоящими лабиринтами, бесконечно извращающими природные дарования» («Выход из схоластических лабиринтов», 3).

По мнению Коменского, школа не соответствует своему назначению как по целям и задачам, так и по своему содержанию: «Вследствие господствующей в школах нерадивости они не приносят ожидаемого плода; из своих мастерских выпускают они, вместо стройных статуй, грубые чурбаны, вместо светильников мира — дымные головни, вместо невинных агнцев — похотливых козлов, вместо плодородных деревьев — колючий кустарник» («Об изгнании из школ косности», 38).

Коменский неоднократно указывает, что все содержание обучения в средневековой школе оторвано от действительности, что она не готовит подрастающее поколение к жизни. Он пишет: «Ибо если спросишь: в чем школы полагают свою задачу? Следует ответ: [изучение] языков, наук, искусств. Но каких языков? Каких наук? Каких искусств? И в каком объеме? Все это нигде не определено и вследствие этого шатко. Учат, чтобы учить, и учатся, чтобы учиться, т. е. занимаются для того, чтобы заниматься, никогда не наблюдается уверенности, что будет достигнута цель работы или же что достигнута именно поставленная цель, которой домогались» («Выход из схоластических лабиринтов», 5).

Коменский совершенно правильно указывает также, что в то время школа давала учащимся ненужные и ник-

чемные знания. Он ссылается на высказывание Сенеки: «Мы не знаем необходимого потому, что изучаем не необходимое» («Предвестник всеобщей мудрости», 19) — и требует давать учащимся в школе главные, основные и необходимые знания, в первую очередь реальные.

Как известно, в средние века изучались так называемые семь свободных искусств: грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия. Коменский считает это недостаточным. Он пишет: «Это и были те прославленные семь свободных искусств, знанием которых, по обычному мнению, должен обладать магистр философии. Но для того, чтобы стать выше, ваши ученики должны, сверх того, быть физиками... географами... хронологами, историками... моралистами... богословами» («Великая дидактика», XXX, 2). Отсюда ясно видно, что Коменский критикует не только организацию и методы схоластической школы, но требует введения таких предметов, которые ставила в порядок дня сама эпоха, выдвигавшая задачу воспитания «нового человека».

Коменский осуждает все образовательное направление школы того времени и ясно выражает свое отношение к старой школе, когда пишет: «То образование, которым теперь кичатся школы и которое они предлагают, представляет собой нечто расточительное... Более разумные люди уже отметили, что оно недостаточно отвечает своей цели, так как оно редко приходит на помощь серьезным жизненным задачам» («Предвестник всеобщей мудрости», 8).

Коменский совершенно справедливо отмечал, что многочисленность изучавшихся в школе предметов и несоответствие их содержания силам и возможностям учащихся превращали школу в «лабиринт». Учеба становилась тем более невыносима для учащихся, что господствовавшие в школе методы зубрежки делали совершенно невозможным понимание и усвоение изучаемых предметов. «Если взять школьную науку в целом, то это — какой-то густой непроходимый лес, неисчерпаемый океан... метод преподавания и обучения настолько запутан, что всякий, желающий пройти через сад науки, наталкивается на тысячи и тысячи поворотов, изгибов, околиц и так заморочит себе голову, что едва отыщет выход к ясному свету мудрости» («Похвала истинному методу», стр. 216).

Коменский прав, когда пишет: «Лучше владеть немногим, но достоверно, в полной мере и правильно, чем носиться мыслью по безбрежности: это последнее дает лишь смутное и основанное на предположениях знание, первое же сообщает неизменные и твердые познания» («Предвестник всеобщей мудрости», 93).

Коменский указывает на отрыв школы того времени от жизни, ее отвлеченность и полную практическую непригодность. «Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое, т. е. то, что, однако, не принесет пользы», — пишет он. Коменский так же правильно указывает: «Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное» («Великая дидактика», XIX, 52). Коменский приводит следующие слова Сенеки: «Лучше знать немногое, но делать из него правильное употребление, нежели знать многое, не имея понятия, к чему оно пригодно» («Выход из схоластических лабиринтов», 18).

Коменский особенно резко критикует господствовавший в средневековой школе жестокий режим, который в корне подрывал у ребенка всякую творческую инициативу, приглушал его способности. Он боролся за создание в школе педагогически правильного порядка. По мысли Коменского, этому должны служить устав школы и правила, которые должны способствовать тому, что трудолюбие, гуманизм, справедливость будут воспитываться в учащихся на основе взаимной любви и доверия преподавателей и учащихся.

Коменский требовал изгнать из школы побои и восстановить «предусмотрительность по отношению к ближнему, бодрость по отношению к труду и выполнению жизненных задач» («Великая дидактика», XXVI, 7), воспитатель должен пользоваться «наставлениями и увещаниями, иногда и выговорами». Отношение учителя к ученику должно определять этот дух школы. «Учит ли он, напоминает ли, приказывает ли, порицает ли, он должен прилагать величайшее старание к тому, чтобы было ясно, что все это проникнуто отеческим чувством и стремлением всех научить и никого не обидеть» («Великая дидактика», XXVI, 9).

Исходя из уважения к достоинству ребенка и внимательного отношения к его личности, Коменский в своих трудах формирует ряд таких положений, которые и поныне входят в золотой фонд прогрессивной педагогики.

Великая заслуга Коменского состоит в том, что он ясно показал антинародный характер и всю уродливость школьной системы своего времени.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Коменский в своем учении не только определил цели и задачи школы с позиций демократизма и гуманизма, но и первый в истории педагогики на основе идеи народности разработал принципы построения системы школьного образования, определил основные звенья и структуру этой системы.

Коменский исходил из того оптимистического положения, что «школы можно преобразовать к лучшему». В соответствии с этим он выясняет те конкретные принципы, которые должны лечь в основу организации школ, всей их системы.

Эти принципы совершенно ясно изложены в XII главе «Великой дидактики».

«Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому:

I. Образование должно получить все юношество, за исключением разве тех, кому бог отказал в разуме.

II. Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.

III. Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.

IV. Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою — без побоев и суровости или какого-либо принуждения...

V. Юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное...

VI. Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким» («Великая дидактика», XII, 2).

Из этих положений ясно видно, что Коменский в соответствии со своими социально-политическими воззрениями признает в качестве краеугольного камня системы просвещения всеобщий характер образования и школы,

т. е., иными словами, требует ввести и узаконить всеобщее обучение.

Требование всеобщего обучения является основным стержнем идеи народности, которая пронизывает все демократические требования Коменского в области народного образования.

Коменский резко выступает не только против всякой социальной и сословной ограниченности в воспитании и образовании подрастающего поколения, но и впервые в истории обосновывает равные права и возможности женщины с мужчиной в учебе и образовании.

В IX главе «Великой дидактики», озаглавленной «Всю молодежь обоего пола нужно отдавать в школу», Коменский пишет: «В школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, но и всех вообще: знатных и незнатных, богатых и бедных, мальчиков и девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях» («Великая дидактика», IX, 1).

Коменский ставит вопрос: «Следует ли также и женский пол допускать к изучению наук»? — и отвечает: «Нельзя представить никакого достаточного основания, почему бы и слабый пол (чтобы сказать совершенно отдельно о нем) нужно было бы совершенно устранить от научных занятий (преподаются ли они на латинском языке или на родном). Одинаково они одарены (часто более нашего пола) быстрым и воспринимающим мудрость умом» («Великая дидактика», IX, 5).

Приведенные цитаты не нуждаются в комментариях. Эти демократические идеи Коменского могли быть осуществлены только после социалистической революции. Совершенно понятно также и то, что эти взгляды Коменского и поныне не утратили своей актуальности.

О гуманизме Коменского говорит его забота о детях с замедленным развитием: «Кто по природе более медлителен... тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости» («Великая дидактика», IX, 4). Для педагогического гуманизма Коменского характерно следующее его бессмертное положение: «Нельзя найти такого скудоумия, которому совершенно уж не могло бы помочь образование» («Великая дидактика», IX, 3).

Общечеловеческое значение имеет учение Коменского о преподавании на родном языке. Он пишет, что неразумно учить кого-либо иностранному языку, прежде чем он овладеет родным языком («Великая дидактика», XXIX, 5).

Отсюда естественно вытекает требование Коменского создавать школы на родном языке, которые должны быть всеобщими. В то время, когда не только на родине Коменского, но и во всей Западной Европе языком науки, школы и официальных отношений был признан латинский, а родной язык был поставлен в бесправное положение, это требование Коменского вытекало из национально-освободительных идей и имело определенное революционное значение.

Для школьной системы, предлагаемой Коменским, характерна связь школы с жизнью; в частности, забота о том, чтобы развивать у учащихся трудолюбие и готовить их к практической жизни.

Положение «Школа есть не что иное, как рабочая мастерская» является ясным выражением демократизма Коменского (этот вопрос мы рассматриваем ниже).

Демократизмом и гуманизмом проникнуты также требования Коменского о реальном направлении школьного образования, его учение об организации преподавания, о методах преподавания, о нравственном воспитании учащихся, выработанные им различные школьные уставы и др. Эти вопросы мы подробно рассмотрим в соответствующих главах.

Исходя из основных принципов построения школьной системы, Коменский предлагает последовательную одно-линейную четырехступенчатую систему школ. Он пишет: «Итак, эти годы восходящего возраста мы разделим на четыре определенных периода: детство, отрочество, юность, зрелость. Каждому возрасту нужно назначить одно шестилетие и соответствующую школу, так, чтобы

I. Для детства	было школой	материнское попечение,
II. Для отрочества		школа элементарная, или народная школа родного языка,
III. Для юношества		латинская школа, или гимназия,
IV. Для зрелости		академия и путешествия.

В частности, *материнская школа должна быть в каждом доме; школа родного языка — в каждой общине, в каждом селе и в каждом местечке; гимназия — в каждом городе; академия — в каждом государстве или даже в каждой более значительной провинции»* («Великая дидактика», XXVII, 3).

Если учесть требование Коменского о том, что «вся молодежь должна учиться в школе», а также его принцип единства всей системы школы, где каждое последующее звено связано с предыдущим, станет ясным явно демократический характер этой системы, ее народность; станет ясным и то, почему дает высокую оценку этой системе социалистическая педагогика, несмотря на то что многое в ней устарело.

Что представляют собой звенья этой системы? Какое назначение придает им Коменский во всей системе воспитания и образования подрастающего поколения?

Материнская школа

Материнская школа в понимании Коменского — это семья, где протекает вся жизнь ребенка от рождения до шести лет включительно.

Коменский посвятил воспитанию детей этого возраста специальную работу под названием «Материнская школа». Не случайно, что в Чехословакии детские сады и поныне носят название материнской школы.

Коменский, считавший детей «драгоценнейшим сокровищем», к которому «нужно относиться с величайшей заботой», не только в общих чертах определяет задачи воспитания детей этого возраста, но и затрагивает, говоря современным языком, почти все основные вопросы дошкольного воспитания. В «Материнской школе», которая содержит 12 глав, Коменский последовательно освещает следующие вопросы: «Так как дети являются драгоценнейшим даром божьим и ни с чем не сравнимым сокровищем, то к ним нужно относиться с величайшей заботливостью» (гл. I); «Для каких целей бог дает детей и к чему следует стремиться при их воспитании» (гл. II); «Юношество неизбежно нуждается в воспитании и в правильном обучении» (гл. III); «В каких занятиях должны постепенно упражняться дети с самого рождения, чтобы на шестом году своей жизни они оказались усвоившими

эти упражнения» (гл. IV); «Каким образом должны мы развивать у детей здоровье и силу» (гл. V); «Каким образом нужно упражнять детей в понимании вещей» (гл. VI); «Каким образом нужно приучать детей к деятельной жизни и постоянным занятиям» (гл. VII); «Каким образом нужно искусно упражнять детей в употреблении языка» (гл. VIII); «Каким образом нужно упражнять детей в нравственности и добродетелях» (гл. IX); «Как нужно упражнять детей в благочестии» (гл. X); «Как долго следует держать детей в материнской школе» (гл. XI); «Каким образом родители должны готовить своих детей к школе» (гл. XII). Даже из этого простого перечня названий глав книги ясно видно, какое большое значение придавал Коменский воспитанию детей младшего возраста в семье.

Что следует считать главным в учении Коменского о дошкольном воспитании?

Главным назначением материнской школы Коменский считал защиту ребенка от вредных влияний и вместе с тем создание твердой основы для всей системы последующего воспитания и образования. Заслуга Коменского прежде всего состоит в том, что он определил содержание, организацию, методы воспитания детей в семье и обязанности родителей в этом великом деле.

Коменский совершенно правильно противопоставил средневековому воспитанию, основанному на страхе и побоях, уважение личности ребенка, построение всего дела воспитания на любви к ребенку. Поэтому Коменский особое значение придает отношению родителей к детям и использованию ими разумных методов в сложнейшем деле воспитания. «Для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни» («Материнская школа», I, 12). Коменский считал, что родители обязаны перед народом, обществом сделать все для того, чтобы «дети могли бы, выросши, стать мужами, мудро управлять своими делами... проводить настоящую жизнь честно и разумно» («Материнская школа», II, 7).

Обязанность родителей прежде всего состоит в том, чтобы заботиться о здоровье детей. Коменский считает, что родители должны заботиться о здоровье ребенка еще до его рождения. «Женщины должны заботиться о себе,

чтобы как-нибудь не повредить своему ребенку. Поэтому (1) они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объеденением и опьянением или несвоевременным постом, очищениями, кровопусканиями, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил или чтобы не губить и не ослаблять своего ребенка. Итак, женщинам нужно избегать всякого излишества, пока они будут беременны (2). Они не должны слишком сильно поскальзываться, спотыкаться, на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударяться или даже неосторожно ступать, так как весьма легко всем этим повредить слабого и еще не окрепшего во чреве ребенка (3). Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь если она не будет этого остерегаться, у нее должен родиться робкий, раздражительный ребенок» («Материнская школа», V, 4). Давая эти и другие аналогичные указания, Коменский также справедливо требует, чтобы будущие матери обращались за советами и указаниями к врачам, акушерам и опытным матерям.

V главу «Материнской школы» Коменский целиком посвящает вопросам физического воспитания ребенка и дает целый ряд указаний, принципиальное педагогическое и практическое значение которых и поныне велико. Например, Коменский требовал, чтобы мать, если она здорова, сама кормила ребенка грудью, и резко порицал такие факты, когда матери из аристократических кругов считали зазорным кормить своих детей. «Но, увы! — писал Коменский, — какой вредный и постыдный обычай утвердился у людей: некоторые матери (главным образом из знатных кругов), стыдясь кормить грудью своих детей, поручают это чужим женщинам... Я заявляю, что это жестокое отчуждение детей от их матерей и кормление молоком кормилицы (если это не вызвано каким-либо неизбежным случаем или слабостью матери), в первую очередь, противно богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, губительно для самих матерей, в-четвертых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего осуждения...» Уступку, считал Коменский, можно сделать главным образом в двух случаях: во-первых, если мать ребенка больна какой-либо заразной болезнью и, во-вторых, если мать отличается

дурными моральными качествами («Материнская школа», V, 5, 6, 9).

Из этих высказываний ясно видна не только здравая гигиенически-педагогическая точка зрения Коменского, но и то, что эта точка зрения есть настоящее олицетворение духа демократизма. Интересны указания Коменского о питании ребенка, сне, пользовании чистым воздухом и др. Особый интерес представляет его совет о том, что родители не должны давать детям лекарств, если это не вызвано крайней необходимостью. «Возлюбленные родители, если вы желаете быть мудрыми, не давайте вашим детям без необходимости лекарства, как яда, точно так же в питье и пище — горячего и острого, так как есть блюда переперченные или чрезмерно соленые» («Материнская школа», V, 16).

Коменский предупреждал родителей не давать детям крепких напитков и писал: «Поэтому спартанцы, умнейшие из всех народов, которые когда-либо жили на земле, особенно заботясь о правильном воспитании юношества, государственными законами строго запретили молодым людям до двадцати лет пить вино. Если таким образом юношеству воспрещено было употребление вина, то, что, можно думать, сказали бы они теперь о приводящем в безумие, недавно изобретенном на погибель человеческого рода напитке, т. е. водке, которая теперь одинаково губит и юношей и старцев? Конечно, теперь время научиться с большей осмотрительностью торговать этим напитком и не губить и не убивать, по крайней мере, малолетних детей» («Материнская школа», V, 17).

Исключительный интерес представляет мнение Коменского о значении веселья для здоровья, особенно в возрасте материнской школы. Игры детей Коменский считал таким видом их деятельности, который весьма важен не только для общего интеллектуального развития ребенка, но и для укрепления его физических сил. «Наконец, так как, по народной пословице: веселое настроение — половина здоровья... все родители должны стремиться к тому, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях. Например, на первом году настроение у них поднимается движением колыбели, движением рук, пением, щелканием трещотки, ношением по двору или по саду или даже поцелуями, объятиями, лишь бы все это происходило осмотрительно. На втором, третьем, четвер-

том и так далее году это происходит благодаря приятной с ними или между ними игре, беганью в разные стороны, преследованию в разные стороны, слушанию музыки и каким угодно приятным зрелищам, рисованию и т. д.» («Материнская школа», V, 22).

Большое место отводит Коменский вопросам интеллектуального развития детей возраста материнской школы. «Физическая жизнь у только что родившихся детей заключается в том, чтобы есть, пить, спать, переваривать пищу, расти. Но это не затрагивает их интеллекта. Только на втором или третьем году они начинают понимать, что такое папа, что такое мама, пища или питье и пр.» («Материнская школа», VI, 3). Выделяя интеллектуальное воспитание в этом возрасте, Коменский в первую очередь определяет его значение для формирования человека вообще. «Человек с первого образования тела и души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни... По природе обыкновенно бывает так, что каким что-либо стало образовываться с самого начала, таким остается до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получили в молодости» («Материнская школа», IV, 1, 2).

Какие основные элементы должно включать в себя умственное воспитание в дошкольном возрасте, по Коменскому?

Как известно, в средние века господствовала точка зрения, согласно которой ребенок от рождения наделен такой же душой, интеллектуальными качествами или способностями, как взрослый человек. Поэтому в процессе обучения особенности духовного развития ребенка совершенно не принимались во внимание.

Коменский выдвигает совершенно противоположный этому принцип природосообразности как краеугольный камень обучения и воспитания. Принцип природосообразности в первую очередь требовал учитывать возрастные особенности в процессе умственного воспитания ребенка.

Руководствуясь этим принципом, Коменский считает, что основа образования человека закладывается с момента «узнавания» ребенка, т. е. с того времени, когда ребенок «различает» мать, отца и т. д. Поэтому именно в этом возрасте детям в связи с развитием речи следует давать начатки знаний почти из всех областей, которые

в дальнейшем преподносит школа: из естествоведения (физика, астрономия, география), из истории, экономики, политики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки, ремесла, грамматики, риторики, поэтики и т. д. Однако это мнение Коменского не следует понимать в том смысле, что в возрасте материнской школы дети изучают эти области знания. Коменский имеет в виду те простейшие представления из перечисленных областей знания, которые доступны ребенку. Поэтому он особое внимание уделяет тому, «каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: в понимании вещей, в физических трудах и в ловкости, в искусстве речи, в нравах и добродетелях, в благочестии» («Материнская школа», IV, 13).

Согласно Коменскому, «в первые шесть лет ребенок начинает познавать следующее: относительно природных явлений в том, что касается физики, он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли — и научится называть дождь, снег, свинец, лед, железо и др. К этому он присоединит названия деревьев и некоторых более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, кариофиллы, розы; также различия животных; что такое птица, животное, конь, корова и пр., наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши — чтобы слушать, ноги — чтобы бегать и пр.

Из оптики им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

В астрономии — различать Солнце, Луну и звезды.

В географии — место, где он родился и где он живет, деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр. Ребенок наметит первые линии хронологии, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

Началом истории будет, если он сможет запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным.

Из экономики (хозяйства) ребенок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет.

Из политики — узнать какого-либо в государстве консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или

судью (фогта). Равным образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

Что касается деятельности, то некоторые вещи относятся к действию искусства, касаются ума и языка, например диалектика, арифметика, геометрия, музыка; некоторые — к действию руки, например ручные труды и физические упражнения.

Начала диалектики в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребенок понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

Основами арифметики будет, если ребенок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20 или до 60, и будет понимать, что такое число четное или нечетное, а также, что 3 больше 2; 3 и 1=4 и пр.

Из геометрии он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. Также, что называется четверть, локоть, сажень.

Музыкальные уменья детей будут состоять в том, чтобы спеть на память какой-нибудь стишок из псалмов или гимнов.

Началом какого-либо ремесла или труда будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

Что касается языка, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.

Грамматика для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребенок мог назвать столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчетливо, чтобы его можно было понять.

Риторика детей будет состоять в том, чтобы пользоваться естественными жестами, а также в том, чтобы подражать тропам и фигурам, которые они слышат.

Начало поэтики будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стишков или рифм» («Материнская школа», IV, 9, 10).

Эта цитата не нуждается в специальном анализе и ясно показывает, как представляет Коменский сущность

образования в материнской школе и с каким педагогическим чутьем раскрывает он особенности ребенка дошкольного возраста и связь интеллектуального развития ребенка уже в этом возрасте с действительностью, с окружающими ребенка предметами и, главное, с трудом и деятельностью.

Коменский не только определяет основные отрасли знания и простейшие представления из них, закладывающие основу образованности, «мудрости» человека, но специально останавливается на том, «как нужно упражнять детей в понимании предметов». В VI главе «Материнской школы» Коменский освещает именно эти вопросы. На основе собственных наблюдений и глубокого знания природы ребенка он дает важные методические указания, научно-педагогический уровень которых настолько высок, что они выдержали испытание временем и сохраняют теоретическое и практическое жизненное значение для современной дошкольной педагогики.

Познание предметов Коменский связывает с игрой ребенка. Он советует давать детям игрушки, изображающие окружающие их предметы: домашнюю утварь, домашних животных и др. «Ведь это значит учить маленьких детей жизни», — пишет Коменский («Материнская школа», VI, 9).

Знакомство с окружающей жизнью способствует воспитанию у детей «политического сознания». Коменский пишет: «В самом деле, хотя они слышат, что упоминаются слова господин, начальник, консул, претор или судья, но так как они не знакомы с тем, что эти лица делают, да если бы даже присутствовали в местах исполнения общественных обязанностей, то все-таки не поняли бы сущности политической работы, — не следует и ознакомлять их с этой работой. Все это можно будет изменить, если они приучатся к элементам политического разговора, понемногу постигая (о чем мы упомянем ниже, говоря о развитии нравственности), кому они сами должны повиноваться, кого должны почитать и уважать» («Материнская школа», VI, 10). Подробные указания дает Коменский и относительно других областей знания.

Для расширения умственного горизонта ребенка Коменский рекомендовал использовать басни и хорошо составленные рассказы о животных: «Сильно также развивается ум детей и их понимание баснями о животных и

другими искусно сочиненными рассказами. Такого рода маленькие рассказы охотно слушают и легко их запоминают. И так как в такие искусно составленные басни большей частью вкладывается какая-либо нравственная идея, то их должно предлагать детям с двоякой целью, а именно, чтобы это было занимательно для ума и чтобы постепенно внедрялось в них то, что некогда должно принести им пользу» («Материнская школа», VI, 11).

Особое место Коменский отводит вопросам методики развития речи у детей. Коменский считает, что «две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь... Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы» («Материнская школа», VIII, 1).

Коменский хорошо понимает, что мышление и речь развиваются в единстве и что язык в то же время является средством общения людей. Поэтому не случайно, что VIII главу своей «Материнской школы» Коменский посвящает вопросу о том, «каким образом нужно искусно упражнять детей в употреблении языка», «какое нужно положить начало изучению грамматики, риторики и поэтики, когда и каким образом» («Материнская школа, VIII, 1).

На основе наблюдений Коменский освещает процесс зарождения и развития речи ребенка и считает, что в развитии речи ребенка особенно интенсивными являются четвертый, пятый и шестой годы.

Развитие речи не происходит само собой. Поэтому нужно заботиться о том, чтобы дети привыкли «называть своими именами все, что они видят дома и чем занимаются». Коменский считает необходимым часто ставить перед детьми вопросы: «Что такое это?», «Что ты делаешь?», «Как это называется?» и т. д. Коменский также значительное место уделял правильному произношению и развитию языковых навыков: «При этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо. Требовать большего здесь нет необходимости, разве только не мешало бы помогать им, примешивая шутки, например, кто лучше и скоро произнесет какое-либо длинное слово, вроде Таратандара, Навуходоносор, Константинопольцы и пр.» («Материнская школа», VIII, 4).

Развитие речи и мышления Коменский связывает также с запоминанием детьми рифмованных песен: «Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвертом году количество такого рода рифмованных песенок увеличилось. Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их плач, а также и для того, чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть полезными» («Материнская школа», VIII, 8).

Коменский специально рассматривает пути развития личности ребенка, в частности нравственного сознания и поведения в дошкольном возрасте.

В первую очередь Коменский в «Материнской школе», в главе, посвященной нравственному воспитанию, определяет, какие нравственные качества должны воспитываться в этом возрасте, чтобы материнская школа как в области мудрости, так и в области нравственности заложила прочную основу для формирования «в человеке истинной человечности». Мы считаем эти мысли Коменского настолько значительными, что нам не кажется излишним целиком привести их:

«А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

1. Умеренностью: их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы, не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.

2. Опрятностью, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

3. Почтительностью к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

4. Предупредительностью, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.

5. Крайне необходимо, чтобы они научились говорить правду, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть — то есть, чего нет — того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или в шутку.

6. Также нужно приучать их к справедливости, чтобы они не касалить ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

7. Нужно также внушить им благотворительность, быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

8. Чрезвычайно полезно приучать их к труду, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.

9. Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие.

10. Нужно приучать их к терпению, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.

11. Так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим являются особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы к этому также приучались они с детства.

12. Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

13. А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всем вести себя сдержанно и скромно. Обладая такими качествами, мальчик легко, по примеру Христа, приобретает себе расположение у бога и у людей» («Материнская школа», IV, 7).

Из этой выписки ясно видно, что воспитание в ребенке дошкольного возраста начал нравственного сознания Коменский рассматривает как воспитание человечности.

В системе мероприятий, которая имеет в виду нравственное воспитание детей возраста материнской школы, Коменский особую роль придает положительному примеру взрослых. «Необходимо постоянно показывать детям хороший пример», — пишет Коменский и дает следующее важное указание: «В том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность... Чтобы все соблюдали бы умеренность, опрятность, уважение, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут многие слова для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые делают ошибки, то не удивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других» («Материнская школа», IX, 2).

Отводя большое место в деле воспитания ребенка примеру, Коменский вместе с тем считал необходимым и словесное поучение. «К этому нужно будет присоеди-

нять своевременные и разумные наставления»,—писал он («Материнская школа», IX, 3).

В качестве одного из методов нравственного воспитания в этом возрасте Коменский признает и наказание, указывая, что «иногда нужно также наказание, чтобы дети более обращали внимание на примеры добродетелей и на увещания» («Материнская школа», X, 4).

Коменский выделяет, говоря его же словами, «две ступени» наказания. Первой, основной ступенью он считает словесное предостережение (окрик, осуждение, угроза и др.), которые должны быть сделаны разумно, чтобы не запугать ребенка. В крайних случаях Коменский считает допустимым и телесное наказание, чтобы «ребенок разобрался и больше следил за своим поведением». Здесь же нужно заметить, что эта мысль Коменского о допустимости телесного наказания, высказанная в «Материнской школе», нехарактерна для его педагогического учения. Напротив, Коменский, как великий педагог-гуманист, всегда выступал против физических наказаний и осуждал их.

Коменский в «Материнской школе» особое место уделил подготовке ребенка к школе и в заключительной, XII главе книги — «Каким образом родители должны готовить своих детей к школе» — поставил и осветил много таких вопросов, которые приходится решать и современной педагогике. В первую очередь он подчеркивает значение подготовки детей к школе и осуждает тех родителей, которые не уделяют внимания этой стороне воспитания. «Неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо: пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет» («Материнская школа», XII, 2).

Коменский считает, что родители должны отдавать «своих детей для образования в школу обдуманно, и прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом» («Материнская школа», XII, 1).

Среди многочисленных мер, которые должны подготовить детей к школе, Коменский решающее значение придает выработке у детей чувства любви и уважения к школе и учителю. «Безумны те, кто сделал из учителя

пугало, а из школы застенок, и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше не будут играть, и тому подобное. «Пошлю тебя в школу, — говорят, — успокоишься, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но еще большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям» («Материнская школа», XII, 2).

«Родители должны будут внедрять детям любовь и доверие к будущим преподавателям» («Материнская школа», XII, 5).

Эти взгляды Коменского и сегодня могут быть полностью использованы в практике как семьи, так и учреждений по дошкольному воспитанию.

Даже из этого неполного обзора можно заключить, что учение Коменского о задачах, содержании и методах воспитания детей дошкольного и предшкольного возраста представляет собой стройную и новую для своего времени теорию. Оно глубоко реалистично и основывается на животворных принципах гуманизма и народности. Поэтому совершенно справедливо Коменского можно признать основоположником научной дошкольной педагогики, ее отцом.

Правда, в учении Коменского о воспитании детей дошкольного возраста многое обусловлено особенностями того времени и не приемлемо для нас, в частности его религиозно-христианские начала и некоторые положения, но главное направление и дух этого учения настолько демократичны и реалистичны, что можно прямо заявить: подлинной наследницей дошкольной педагогики Коменского является социалистическая дошкольная педагогика, которая в критически переработанном виде содержит все ценное, что представлено в этом учении.

Школа родного языка, или элементарная школа

Второй ступенью в школьной системе Коменского является школа родного языка, предназначенная для детей возраста 6—12 лет, возраста отрочества. Эту школу Коменский часто называет также элементарной школой.

Такая школа, по мнению Коменского, должна существовать в каждой общине. Здесь должны учиться дети обоего пола независимо от своего имущественного или сословного положения. Поэтому школа родного языка — основное звено системы народного образования; говоря современным языком, она является школой всеобщего обязательного обучения.

По мнению Коменского, обучение в этой школе должно проводиться только на родном языке, а содержание образования должно быть реальным. Идея Коменского о школе родного языка вытекала из его демократически-гуманистического мировоззрения и соответствовала интересам всех народов.

Коменский резко выступал даже против своего любимого учителя Альстеда, а также против известного церковного проповедника Цеппера, требовавших направлять в школы родного языка только тех юношей и девушек, которые в дальнейшем должны были стать ремесленниками, те же, кому предстояло получить высшее образование, должны были, по Альстеду и Цепперу, поступать в школы латинского языка. В противоположность им Коменский выдвинул следующие положения в защиту школы родного языка.

«1) Мы стремимся к общему образованию в области всего человеческого для всех, кто родился человеком. Следовательно, нужно вести всех вместе до тех пор, пока можно вести вместе, чтобы все взаимно друг друга воодушевляли, поощряли, побуждали.

2) Мы желаем, чтобы все получали воспитание во всех добродетелях, а именно: в скромности, согласии, готовности к взаимным услугам. Поэтому не нужно разделять их так рано и не следует давать некоторым из них повода превозноситься перед другими и презирать их.

3) Представляется несколько преждевременным решать на шестом году от роду, к какому призванию кто-либо годен, к занятиям науками или к ремеслу; в этом возрасте еще недостаточно проявляются умственные способности и наклонности; то и другое лучше выяснится впоследствии. Ведь не только дети богатых или знатных или должностных лиц рождаются для высоких знаний, чтобы для них одних должна была быть открыта латинская школа, а остальные дети безнадежно бы от нее отстранялись.

4) Наш всеобщий метод имеет в виду не одну только безмерно любимую нимфу — латинский язык, но ищет пути к развитию равным образом и родных языков всех народов. Этого стремления не следует расстраивать столь произвольным перескакиванием через всю школу родного языка.

5) Учить кого-либо иностранному языку, прежде чем он овладеет родным языком, — это то же самое, как если бы кто-либо вздумал учить своего сына ездить верхом ранее, чем он научится ходить» («Великая дидактика», XXIX, 4, 5).

Приведенные здесь положения, выдвинутые тогда, когда во всей Европе господствовал латинский язык, не только совершенно оправданны с педагогической и психологической точки зрения, но и указывают на демократический и гуманистический характер системы народного образования Коменского, на ее народность.

Следует особо учесть то, что Коменский, который самоотверженно отстаивал всеобщность и единство начального образования, также защищал принцип равноправия при поступлении учащихся в школы высшей ступени. Коменский считал, что принятие учащихся на высшие ступени должно зависеть не от их богатства и даже знаний, а от талантов и прилежания. Вместе с тем он требовал оказывать материальную помощь нуждающимся учащимся и создавать для них все необходимые условия, что Коменский считал обязанностью государства.

Основную цель и задачу школы родного языка Коменский определял следующим образом: «Предел и цель школы родного языка будут состоять в том, чтобы все дети между шестью и двенадцатью (или тринадцатью) годами научились бы тому, пользование чем простиралось бы на всю их жизнь» («Великая дидактика», XXIX, 6).

Исходя из этой общей цели, Коменский ставит перед школой родного языка следующие основные конкретные задачи: свободное чтение любого текста, напечатанного или написанного на родном языке; письмо, во-первых, красивое, а потом быстрое и, наконец, правильное; счет в цифрах и на счетах по мере необходимости; умение правильно измерять длину, ширину, расстояние и т. д., пение всех популярных мелодий, знание наизусть псалмов и церковных песнопений, знание катехизиса и божественной истории; усвоение нравственных правил и

положений, воспитание привычки использовать их в жизни; политические и экономические знания в таких пределах, чтобы учащийся разбирался в том, что творится вокруг него, в жизни; знание основ космографии; знакомство учащихся со всеми основными приемами ремесла. Для осуществления перечисленных здесь задач, по Коменскому, нужен шестилетний срок обучения, т. е. шесть классов. Каждый класс школы родного языка имеет свою особую задачу и соответственно должен иметь свой учебник. Находясь в г. Лешно, Коменский составил такие учебники, но они существовали только в рукописном виде, поскольку он знал, что на его родине не было возможности открыть школу родного языка. Эти рукописи погибли во время пожара и разорения г. Лешно. Названия этих учебников Коменский сохранил, и они стали известны из амстердамского издания дидактических трудов: «Букет фиалок», «Розовый сад», «Душевный бальзам» и др. Учебники были предназначены для разных классов школы родного языка.

Коменский перечисляет, какие предметы должны изучаться в школе родного языка, а также определяет объем знаний, которые должны получать дети в этой школе.

Перечисленные Коменским вопросы по отраслям знаний показывают, что он расширил рамки элементарной школы, изменил традиционную систему обучения «семи свободным искусствам» и все содержание учебных предметов, преобразовав их на основе принципов реального образования. Вместе с тем если на родном языке в его эпоху детей обучали только грамоте и церковным молитвам, то школа родного языка, или элементарная школа, рассматривалась им в качестве базы для последующего образования.

Все это свидетельствует о том, что учение Коменского о целях, задачах, содержании и месте школы родного языка являлось своеобразной революцией в системе общего образования того времени.

Латинская школа, или гимназия

Латинская школа, или гимназия, является, по Коменскому, третьей ступенью обучения. Это всеобщая школа, в которой должны были учиться молодые люди в возра-

сте 12—18 лет независимо от их имущественного или сословного положения. Гимназия должна была быть открыта в каждом городе. По мнению Коменского, задача гимназии «вместе с четырьмя языками (родной, латинский, греческий, древнееврейский. — *Д. Л.*) исчерпать всю энциклопедию наук» («Великая дидактика», XXX, 1).

Коменский считал, что гимназия должна состоять из шести или семи классов и обучать своих учеников кроме традиционных «семи свободных искусств» (грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия) также физике, географии, истории, морали. Вместе с тем Коменский хорошо понимает, что средняя школа, гимназия, не может дать исчерпывающих знаний во всех этих областях, и замечает: *«Мы желаем, чтобы по окончании шестилетнего курса, юноши достигли бы во всех этих областях если не полного совершенства... то во всяком случае твердого основания для приобретения совершенной учености в какой-либо области в будущем»* («Великая дидактика», XXX, 3).

Великая заслуга Коменского состоит не только в том, что он правильно наметил рамки средней общеобразовательной школы, определив в качестве ее задачи обучение основам наук, но и то, что он выдвинул на передний план реальные предметы, особенно физику, географию, историю. Если учесть ту большую роль, которую он уделял этим наукам в воспитании нового человека, станет ясной заслуга Коменского как великого реформатора в деле преобразования школы в соответствии с духом новой эпохи. Достаточно отметить, что он, например, не только определил содержание курса физики и указал, что окончившие гимназию должны понимать «строение мира, силу элементов, различие животных, свойства растений и металлов, строение человеческого тела и пр. как в отношении того, чем они являются сами по себе, так и в применении к потребностям жизни, что тем самым исчерпает и часть медицины, земледелия и остальных механических искусств» («Великая дидактика», XXX, 2, VIII), но и сам составил учебник физики.

Следует особо отметить, что Коменский большое значение придавал изучению истории, которая в то время в школах систематически не изучалась. Коменский требует, чтобы молодые люди, окончившие гимназию, «могли бы

перечислить наиболее важные перемены в судьбах человеческого рода в главнейших государствах, в церкви и различные обычаи и события из жизни целых народов и отдельных деятелей» («Великая дидактика», XXX, 2, XI).

В соответствии с шестилетним курсом обучения Коменский наметил шесть классов и каждому из них дал свое название: I — грамматический, II — физический, III — математический, IV — этический, V — диалектический и VI — риторический.

Коменский определяет задачи каждого класса и содержание обучения — что в данном классе должен усвоить учащийся. Важно отметить, что Коменский в каждый класс включил историю как предмет и подчинил ее преподавание изучению основной науки, предусмотренной для данного класса. Так, например, в грамматическом классе он предусматривает изучение сокращенной истории Библии, в математическом — истории искусств вместе с историей различных изобретений, в этическом — истории морали, лучших примеров добра, в диалектическом — истории обычаев различных народов, в риторическом — общей истории, т. е. истории всей земли и главных народов, главным образом истории родной страны.

Академия и путешествия

Высшей ступенью обучения является академия и путешествия. Этой ступени образования соответствует, по Коменскому, возраст от 18 до 24 лет, возраст зрелости.

Задачу академии Коменский определяет следующим образом: «Академии с полным правом предоставляются завершение и дополнение всех наук и все высшие предметы образования» («Великая дидактика», XXXI, 1). Исходя из этого, Коменский считает, что в академии следует проводить «действительно все исчерпывающие занятия, чтобы ничего не оставалось в науках и в человеческой мудрости, что не служило бы там предметом изучения» («Великая дидактика», XXXI, 2).

По мнению Коменского, академия должна иметь традиционные для того времени три факультета: богословский, юридический и медицинский.

«Надо, однако, следить за тем, — пишет Коменский,— чтобы академики воспитывали только трудолюбивых,

честных и способных людей. Они не должны терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы» («Великая дидактика», XXXI, 7).

Для успешной работы академии Коменский выдвигает ряд условий. Из них мы приведем несколько важнейших.

Для того чтобы академические научные занятия были универсальными, необходимы:

«1. *Ученые и знающие профессора всех* наук, искусств, предметов, языков, которые бы извлекали из себя все эти знания, как из живой сокровищницы, и сообщали все для всех.

2. Избранная библиотека различных писателей, доступная всем для пользования.

3. *...Если, во-первых, мы туда будем посылать только избранные умы, цвет человечества... если каждый посвятит себя тому виду занятий, к которому, как это можно заключить по верным признакам, его предназначила природа...* Именно здесь слишком часто делается ошибка, так как по своему произволу, не обращая внимания на природную склонность, из каждого чурбана мы хотим сделать гения... Поэтому было бы целесообразно, при окончании классической школы, устраивать публичное испытание способностей: на основании этих испытаний директора могли бы определять, каких юношей следует направить для дальнейшего образования в академию, а кого назначить на другие профессии; а из тех, кто намерен продолжать свои занятия в академии, директора должны определить, кто должен посвятить себя богословию, а кто — политике или медицине и пр., сообразно с тем, какая у молодых людей проявляется естественная склонность, и в связи с потребностями церкви или государства...

5. *В-третьих, натуры высокодаровитые надо поощрять ко всему, чтобы не было недостатка в людях, получивших всестороннее образование и вполне обладающих мудростью»* («Великая дидактика», XXXI, 3, 4, 5, 6).

Из этих положений ясно видно, какое большое значение придавал Коменский обеспечению высшей школы (академии) высококвалифицированными учеными, литературой, хорошо подобранным контингентом студентов.

Касаясь методов обучения в академии, Коменский наряду с лекциями большое значение придавал самостоятельной работе студентов: *«Что касается метода ведения академических занятий, то, быть может, было бы очень полезно установить общие собеседования и проводить их по образцу Геллиевых коллегий.* А именно: о чем бы профессор публично ни говорил, нужно раздать слушателям для чтения на дому образцовых писателей, обсуждающих тот же вопрос» («Великая дидактика», XXXI, 11).

Большое значение Коменский придавал также путешествиям как необходимому средству для расширения знаний, считая их обязательной частью системы высшего образования. Не случайно поэтому, что высшую ступень обучения он назвал ступенью академий и путешествий.

Такова предложенная Коменским система народного образования. Как мы указывали, эта система, созданная на заре новой, буржуазной формации, основывалась на чрезвычайно передовых идеях и была предназначена для воспитания человека этой формации.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДИДАКТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО

Дидактика как теория образования и обучения своими корнями уходит в глубь веков. Ее зарождение связано с определенным этапом практики самого обучения, с обобщением опыта, накопленного человечеством в этой области. Еще в древнейшие времена человек хотел определить, что именно он должен передать потомкам из того опыта, который накопили он и его предки в процессе исторического развития. Он пытался также определить, какими путями и средствами лучше передать все это детям, установить нормы и правила обучения и воспитания. Этим объясняется тот факт, что мы встречаем отдельные идеи, высказывания и положения, относящиеся к обучению, не только в литературных памятниках разных времен и народов, но и в фольклоре, в его различных жанрах. Фольклор сохранил для истории народную мудрость во многих областях общественной жизни, в том числе и во взглядах на воспитание, сыгравшую большую роль в развитии педагогических идей и школьной практики.

Известно, какой важный материал в этой области дают, например, известные басни Эзопа, Лафонтена, Крылова, Сулхан-Саба Орбелиани и других, которые во множестве содержат не только моральные сентенции, но и целый ряд дидактических правил и положений, опреде-

ленное обобщение длительной учебно-воспитательной практики.

Дидактические идеи и отдельные высказывания по вопросам дидактики в большом количестве разбросаны в трудах мыслителей античного мира. Особенно богаты в этом отношении сочинения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и других, а римского мыслителя I в. Квинтилиана можно в определенном смысле считать величайшим дидактом своей эпохи.

Господствовавшие в эпоху Коменского схоластика и догматизм, говоря словами Коменского, «вызывали отвращение у добрых людей». Уже в период Возрождения подготавливается почва для изменения и преобразования всей системы обучения и вместе с тем дидактических воззрений в соответствии с требованиями эпохи. Представители новой дидактики, современники Коменского Ратке, Лубин, Гельвиг, Риттер, Бодин, Андреэ и другие по-новому подходили к вопросам обучения, выступая против засилья в школе догматизма и схоластики.

Коменский не только знал все лучшее, что было достигнуто в практике и теории обучения, но и критически его переработал, применив в своей дидактической системе. Сам Коменский лучше всего излагает свое отношение к дидактическим взглядам как своих предшественников, так и современников: «Когда... я, с божьего попущения, был вместе с другими изгнан и, живя в изгнании и вернувшись на пепелище школьной работы, стал читать различных авторов, то я наткнулся на целый ряд таких, которые в это самое время начали трудиться над улучшением методов научных занятий, а именно: на Ратихия, Гельвига, Рения, Риттера, Глаумия, Цецилия и, в первую голову, на Иоанна Валентина Андреэ, человека пылкой души и выдающегося ума, а также на Кампанеллу и Веруламия, знаменитых восстановителей философии. Из этого чтения я вынес большие надежды на то, что столько различных искр сольются наконец в целое пламя. При этом я не могу удержаться, чтобы не заметить кое-где и некоторых недостатков и пробелов. И, опираясь на прочные основания, я старался придумать, что можно было бы сделать и что не допускало бы колебаний. И после многих размышлений, приведя все к незыблемым законам и нормам природы, я написал «Великую дидактику», излагающую

способ легко и основательно учить всех» («Предвестник всеобщей мудрости», 97).

И действительно, Коменский на протяжении всей своей долгой жизни постоянно занимался разработкой вопросов дидактики. Он систематизировал опыт, накопленный в области обучения и образования, разработал и осветил на высоком для того времени научном уровне проблемы образования и обучения и на основе материалистического эмпиризма и идеи природосообразности впервые в истории педагогической мысли создал стройное учение о сущности, принципах и общих методах обучения. Коменский — общепризнанный отец дидактики. Он оставил человечеству неисчерпаемую сокровищницу дидактических мыслей.

Коменский резко выступал против тех, кто не делился с другими своими знаниями и опытом и хранил их в тайне. К числу таких относился известный Ратке, влияние которого на Коменского несправедливо преувеличивали многие историки педагогики, особенно немецкие.

Коменский — один из величайших дидактов, каких только знает история, не только потому, что с его именем связано возникновение дидактики как теории образования и обучения вообще, а прежде всего потому, что его дидактическое учение и ныне сохраняет свою актуальность.

Дидактическое учение Коменского мы рассматриваем в следующей последовательности:

1. Учение об общих основах обучения.
2. Дидактические принципы.
3. Классно-урочная система обучения.
4. Методы обучения.
5. Проверка и оценка знаний и навыков учащихся.

УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО ОБ ОБЩИХ ОСНОВАХ ОБУЧЕНИЯ

Основной частью педагогики, ее душой и сердцем Коменский считает дидактику. Важнейшее место в творчестве Коменского занимает разработка проблем обучения, поскольку, по его мнению, путь к достижению основной цели — воспитанию человечности — в первую очередь обучение и образование подрастающего поколения. «Великая дидактика» является самой важной, централь-

ной работой среди многочисленных трудов Коменского. Она, как и другие работы его Полного собрания дидактических трудов, входит в золотой фонд мировой дидактической литературы.

Изучая дидактическое учение Коменского, мы обязаны в первую очередь иметь определенное представление о следующих основных вопросах:

1. Сущность и задачи дидактики.
2. Процесс обучения и его гносеологические основы.
3. Общепедагогические основы обучения.
4. Психологические основы обучения.

Сущность и задачи дидактики

Как известно, слово «дидактика» происходит от греческого didasco — «обучаю». Слово «дидактика» было введено В. Ратке в начале XVII в. Затем Э. Бодин, также в начале XVII в., издал книгу под названием «Дидактика», окончательно же слово «дидактика» в педагогической науке как понятие, обозначающее теорию обучения, утвердил Ян Амос Коменский.

Он часто называет дидактику наукой об обучении. Если учесть, что Коменский в слово «обучение» включал и содержание обучения, а не только его методическую сторону, то можно сказать, что под дидактикой Коменский подразумевал теорию образования и обучения. Более того, можно сказать, что Коменский понимал теорию обучения даже шире, включая в нее почти все вопросы воспитания и образования. Ясным подтверждением этого является его книга «Великая дидактика», которая не только включает в себя теорию обучения, но и освещает почти все основные области педагогики. Сам Коменский в заглавии книги следующим образом определяет дидактику, или теорию обучения: «Великая дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему, или верный и тщательно обдуманный способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого где бы то ни было исключения, могло обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и, таким образом, в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и бу-

дущей жизни кратко, приятно, основательно, где для всего, что предлагается, основания почерпаются из самой природы вещей; истинность подтверждается параллельными примерами из области механических искусств; порядок распределяется по годам, месяцам, дням и часам и, наконец, указывается легкий и верный путь для удачного осуществления этого на практике».

Из этого заглавия, которое является, по существу, педагогическим кредо Коменского, ясно видно, что он расширяет рамки дидактики и включает в сферу своего рассмотрения все стороны педагогического процесса, начиная с выяснения назначения человека и кончая вопросами организации школ. Не случайно поэтому в «Великой дидактике», состоящей из 33 глав, Коменский обстоятельно рассматривает общепедагогические проблемы, систему образования, нравственное воспитание, дидактику, школоведение, все те основные вопросы, которые касаются воспитания, образования и обучения подрастающего поколения.

Разработав в соответствии с требованиями новой эпохи основные вопросы дидактики и в связи с нею почти все важные проблемы теории педагогики, Коменский блестяще выполнил историческую миссию создания педагогической науки.

Подход к педагогике через дидактику был продиктован актуальностью проблем обучения в эпоху Коменского. Вместе с тем в этот период методы и правила преподавания отдельных искусств (наук) разрабатывались независимо друг от друга, без единого принципа; общие принципы обучения и разработка общих методов обучения фактически игнорировались.

Сам Коменский описывает состояние работы в области дидактики и методики следующим образом: «Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или другой науке. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, a posteriori... Мы решаемся обещать Великую дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему» («Великая дидактика», Привет читателям, 2, 3).

Отсюда ясно, что методики отдельных предметов, если можно так выразиться, частные, отраслевые дидактики, по мнению Коменского, не могли обеспечить повышения уровня теории и практики обучения без разработки общей теории обучения, общей науки о том, как учить всех всему. Само заглавие классического дидактического труда Коменского — «В е л и к а я дидактика» — употребляется автором именно в том смысле, что в нем подразумевается в с е о б щ а я теория обучения.

Вместе с тем Коменский нисколько не принижал роли методик преподавания отдельных предметов. Наоборот, он считал их опорой дидактики. Однако общая теория обучения, обобщенная и разработанная в дидактике Коменского, дает «частной теории обучения», т. е. методикам преподавания отдельных дисциплин, руководящие положения и правила. Поэтому понятно его требование о том, чтобы всеобщая, или «великая», дидактика и методики обучения отдельным предметам были органически связаны между собой. Если учесть принцип советской педагогической науки, согласно которому дидактика должна строиться на базе научного обобщения богатого опыта школы и преподавателя, на основе глубокого изучения отдельных методик (частных дидактик), освоения и переработки их достижений, а методики, со своей стороны, должны опираться на основные положения и правила дидактики, становится понятным, насколько правильно представлял себе Коменский взаимоотношения дидактики с методиками.

Процесс обучения и его гносеологические основы

Как мы отмечали, дидактика, по классическому определению Коменского, есть теория обучения. В первую очередь, естественно, возникает вопрос о том, что подразумевает Коменский под обучением, каким требованиям должно удовлетворять всякое рационально организованное обучение, в чем состоят закономерности процесса обучения и каковы его гносеологические основы.

Даже из вводной части «Великой дидактики» можно заключить, что обучение, по Коменскому, представляет собой единый процесс передачи знаний учителем учащимся и осмысления и усвоения этих знаний последними.

Коменский прямо указывает: «Учить — это значит вводить в науку не знающих науки, учиться — это значит быть руководимым. Но кто ведет, тот предшествует; кого ведут, тот за ним следует. Предшествовать и следовать значит во всяком случае идти, а кто идет, тот не стоит, не лежит, не спит, не позевывает, но бодрствует, действует, напрягает свои нервы, находится в движении всем своим существом и достигает своей цели только благодаря этому непрерывному движению» («Об изгнании из школ косности», 5).

Для Коменского обучение представляет путь к обогащению разума знанием основ наук. «Разум действительно является живым полем, которое должно быть подготовлено для посева плугом дисциплины, на этом поле мы должны посеять семена науки, орошать, расцвести дождем упражнений, солнцем и воздухом» («Живая типография», IV).

Коменский подчеркивал то обстоятельство, что обучение подразумевает совместную деятельность учителя и ученика. Первый обучает, второй учится. Этот процесс имеет целенаправленный и организованный характер, что обусловливает не просто развитие и воспитание ребенка и подростка, но и воспитание высоких личных качеств, воспитание человечности.

Коменский отличает обучение как форму деятельности учителя от учения как формы деятельности учащегося и вместе с тем указывает, что каждый метод должен представлять единый путь передачи знаний учителем и усвоения переданного учеником. Он считает основной задачей найти такую основу, на которой, как «на незыблемой скале, можно построить метод обучения и учения» («Великая дидактика», XIV, 1).

Обучение (передача знаний учителем) и учение (деятельность ученика по усвоению знаний) Коменский считал неразрывным единым процессом, осуществляющимся в школе в соответствии с целями воспитания и на основе природосообразности. Этот процесс, по Коменскому, должен иметь сознательный и поэтому активный характер. «Учение и труд», «Разум и рука» — вот что должно составлять суть рационального обучения. Поэтому понятно, что Коменский объявляет жестокую борьбу господствовавшему в то время схоластическому и догматическому обучению.

Коменский обучение рассматривал в непосредственной связи с задачами человеческого труда и жизни. Обучение он не считал развлечением. Коменский писал: «Обучение есть один из видов труда; в этом смысле школа и есть поприще труда» («Об изгнании из школ косности», 5). Величайшая заслуга Коменского состоит в том, что, выдвинув и обосновав идею природосообразности, он открыл путь для нового понимания обучения и тем самым твердо определил перспективы развития новой, демократической дидактики.

Обучение Коменский считал основным средством получения образования, а содержание обучения — главным и определяющим в этом процессе. Образование же, по Коменскому, является самым основным условием воспитания человека и благополучия страны, его фундаментом. «Хочешь ли узнать хорошо образованного bene cultus человека? Наблюдай за его действиями и движениями, за его речью и даже молчанием, равным образом — за его походкой, посадкой, осанкой, глазами, руками и за всем, относящимся к нему: всюду будут просвечивать приличие, достоинство и любезность; всюду он будет верен сам себе; во всем изящен и аккуратен. Хочешь познакомиться с ним в деле? Все плавно идет под его рукой, так как дело поведет он разумно, по предварительном здравом обсуждении. Хочешь слышать его речь? Он может дельно рассуждать о чем угодно, не обнаруживая ни в чем постыдного невежества. Если, напротив того, ему надо молчать, то даже самое молчание он сумеет смягчить благоразумием и приличием, чтобы и из молчания его ты мог чему-либо научиться. Если он вращается между людьми — одно удовольствие на него смотреть. Если ему когда-либо придется жить без сообщества людей, никогда он не будет чувствовать себя одиноким, так как он полон серьезных мыслей и утешения в работе. В жизни он так ведет себя по отношению ко всему доброму и злому, что на деле обнаруживает, что он умеет различить вещи и может распознавать полезное от бесполезного. Идет ли все по его желанию, — он не заносится, не гордится, не становится высокомерным. Впадает ли он в несчастье, он все тот же: не опускается, не падает духом, не отчаивается. Одним словом, — «кто мудр, тот приспособится ко всевозможным обычаям» — говорит поэт. А мы скажем: кто мудр, тот всюду сумеет быть по-

лезным и будет подготовлен ко всяким случайностям» («О культуре природных дарований», стр. 121, 122).

Коменский считал образование, просвещение могучим рычагом производительности труда и источником благополучия народа.

Если обучение является процессом получения образования учащимися и в то же время образование само является содержанием обучения, ясно, какое большое и ведущее значение придавал Коменский обучению и его содержанию. В связи с этим прежде всего следует рассмотреть взгляды Коменского о дидактических требованиях, целях обучения.

Коменский, как мы видели, в самом заглавии «Великой дидактики» определяет цель обучения, когда указывает, что обучение нужно организовать таким образом, чтобы человек в молодые годы успешно, легко, кратчайшим путем и основательно усвоил все необходимое для жизни. В соответствии с этим Коменский намечает четыре основных общих требования, которым должны отвечать обучение и учение. Эти требования следующие: 1) успешность, 2) легкость, 3) основательность, 4) быстрота (кратчайший путь обучения).

Эти положения Коменского некоторые исследователи считают общеметодическими дидактическими принципами. Это неправильно не только потому, что сам Коменский считает их «общими требованиями обучения и учения» и каждому из этих требований в «Великой дидактике» посвящает отдельные главы (XVI, XVII, XVIII, XIX), но и потому, что осуществление этих требований, предъявляемых к обучению и учению, само требует применения общеметодических, дидактических принципов сознательности, наглядности и др.

Что же подразумевает Коменский под каждым требованием, предъявляемым как к обучению, так и к учению?

Для Коменского успешность обучения, которому в «Великой дидактике» посвящается XVI глава, означает: учить детей своевременно (основоположение I); учить вещам раньше слов (основоположение II); учиться в школе до конца (основоположение III); чтобы учащиеся каждый отрезок времени были сосредоточены на изучении одного только предмета (основоположение IV);

образовывать в детях сперва рассудок для познания вещей, а потом память, наконец, язык и руку (основоположение V); учить от простейших основных начал и переходить к более общему (основоположение VI); распределять занятия по времени и порядку (основоположение VII); чтобы учащиеся оставались в школе до ее окончания (основоположение VIII); учиться по книгам, предназначенным именно для данного класса (основоположение IX).

Легкость обучения и учения, которой посвящается в «Великой дидактике» XVII глава, по мысли Коменского, будет достигнута, если: обучение начнется рано (основоположение I); разум будет соответственно подготовлен для этого (основоположение II); будет идти от более легкого к более трудному (основоположение III); от более общего к более частному (основоположение IV); никто не будет перегружен чрезмерным количеством учебных предметов (основоположение V); будет идти вперед не спеша (основоположение VI); учеников не будут принуждать заучивать то, что ими хорошо понято и осмысленно (основоположение VII); умы учащихся не будут ни к чему принуждаемы, кроме только того, к чему они стремятся сообразно своему возрасту и методу обучения (основоположение VIII); все будет преподаваться для приложения к жизни (основоположение IX); все будет преподаваться по одному и тому же методу (основоположение X).

Основательность обучения и учения, которым посвящена XVIII глава «Великой дидактики», будет достигнута, если: будут заниматься действительно полезными вещами (основоположение I); всеми без всяких изъятий (основоположение II); всему будет положено прочное основание (основоположение III); оно будет заложено глубоко (основоположение IV); последующее будет опираться на это основание (основоположение V); все допускающее различение будет различаться самым отчетливым образом (основоположение VI); последующее будет основываться на предыдущем (основоположение VII); все, что имеет взаимную связь, постоянно будет соединяться (основоположение VIII); все будет располагаться в порядке в отношении рассудка, памяти, языка (основоположение IX); все будет закрепляться постоянными упражнениями (основоположение X).

Быстрота в обучении (обучение кратчайшим путем (гл. XIX) будет достигнута, если: во главе одной школы или по крайней мере одного класса будет стоять один учитель (основоположение I); один предмет будет изучаться по одному автору (основоположение II); одна работа сообща будет задаваться всему классу (основоположение III); по одному и тому же методу будут преподаваться все науки и языки (основоположение IV); все будет преподаваться основательно, кратко и ясно, так, чтобы уразумение открывалось как бы ключом и предмет сам собой раскрывался перед нами (основоположение V); будет идти в неразрывной последовательности, так, чтобы все сегодняшнее закрепляло вчерашнее и пролагало путь завтрашнему (основоположение VII); все бесполезное будет устранено (основоположение VIII) и т. д.

Эти требования, предъявленные Коменским к обучению, и положения, выработанные для их осуществления, представляют собой сердцевину дидактического учения Коменского. Большинство этих требований и правил не только исключительно прогрессивны для того времени, но они сохраняют свое теоретическое и практическое значение и для нашей школы и дидактики.

Величайшей заслугой Коменского является раскрытие природы процесса обучения, в частности основных качественных сторон, характеризующих обучение как процесс с дидактической точки зрения. Особенно важно то, что Коменский, рассматривая обучение как специфический процесс отражения действительности, считал, что процесс обучения и его закономерности базируются на закономерностях процесса познания — на гносеологических началах материалистического эмпиризма и на принципе природосообразности.

В учении Коменского относительно природы и закономерностей обучения важным являются его взгляды по вопросу о ступенях обучения.

В педагогической литературе историю вопроса о процессе обучения, и в частности о так называемых ступенях обучения, нередко связывают с именем Иоганна Фридриха Гербарта. Более того, господствовало даже мнение, будто бы теорию закономерностей процесса обучения, в частности учение о ступенях обучения, в дидактике впервые разработал Гербарт. Возможно, это отчасти

объясняется тем, что Коменский до второй половины XIX в. почти не был изучен.

Советская педагогика хотя и признает, что Гербарт довольно полно разработал проблему закономерностей процесса обучения, и в частности проблему ступеней обучения, однако считает, что эти вопросы поставил еще Коменский и на прогрессивных для своего времени методологических основах раскрыл их сущность, отведя тем самым указанной проблеме определенное место в дидактике.

Коменский впервые в истории дидактической мысли не только ввел понятие о ступенях обучения, но и дал анализ этих ступеней и разработал определенную теорию. Он писал: «В каждом обучении имеются три точно определенные ступени: начало, продолжение и конец». Все эти компоненты последовательно связаны друг с другом и обусловливают друг друга.

Что подразумевает Коменский под каждой из этих ступеней?

Коменский разрабатывает вопрос о природе процесса обучения и его закономерностях с гносеологических позиций. Исходя из того положения материалистического эмпиризма, что не может быть ничего такого в сознании человека, чего бы раньше не было в ощущениях, он считает, что ключом к обучению, его началом является чувственное восприятие, чувственное обучение. Прежде предмет, а затем или параллельно слово — таково исходное дидактическое положение Коменского. Это положение для Коменского является универсальным, золотым правилом обучения. Оно представляет ключ для любого рационального обучения. Чувственное восприятие и является п е р в о й ступенью обучения.

За этой ступенью следуют словесные пояснения учителя, сравнения, обобщения, абстракции. На этой ступени разрабатывается и расширяется понятие того, что путем ощущения, посредством органов чувств отразилось в сознании учащихся. Эту в т о р у ю ступень Коменский называет ступенью продолжения или пояснения.

Однако на данной ступени процесс обучения не заканчивается. Знания и навыки учащихся пока еще не являются совершенными. По Коменскому, знание является полным и действительным, когда это знание в результате длительных упражнений и использования на прак-

тике становится прочным, когда учащийся в любое время может восстановить его в своей памяти, изложить и использовать в дальнейшем в учебе, труде и жизни. Эту третью ступень обучения Коменский называет ступенью упражнений. Коменский придает упражнениям настолько важное значение, что отводит им $^2/_3$ всего урока.

Относительно общей природы процесса обучения Коменский пишет: «Эти главные занятия должны все вестись по одному и тому же методу (здесь под методом подразумевается построение процесса обучения, а не учебный метод в обычном смысле. — *Д. Л.*). Это достигается: 1) посредством постоянного параллелизма предметов, понятий и слов; 2) посредством знания, понимания, применения; 3) посредством примеров, правил, упражнений. Упражнения или практика происходят посредством самостоятельного наблюдения, самостоятельной речи, самостоятельных действий. Предмет, подлежащий изучению, или то, что должно быть сделано или сказано, сначала надлежит хорошо показать или проделать словами; затем, в случае необходимости, пояснить так, чтобы никто не мог не понять его, затем посредством подражания (все равно — будет ли это сделано посредством повторения объяснения вещей, или запечатления в памяти, или выполнения рукой) делаются опыты воспроизведения, и притом так долго и тщательно, что образец передается самым точным образом. Таким только путем возможно достигнуть того, что ни один день не пройдет, не оставив после себя следа (linea), мало того, не пройдет ни одного часа, в который бы не было сделано нового и очевидного приращения к знанию» («Пансофическая школа», ч. I, 69).

Отсюда ясно видно, что Коменский не только глубоко обосновал требование связи теоретического обучения с практикой, но и определил структурные части процесса обучения, его ступени:

1) чувственное восприятие,
2) пояснение,
3) упражнение.

По Коменскому, на первой ступени обучения служат внешние чувства (зрение, слух, вкус, обоняние и осязание) — «для все более и более отчетливого наблюдения вещей»; на второй ступени — разум — «для все более и более глубокого проникновения в вещи»; на

третьей ступени — п а м я т ь — «для все лучшего и лучшего усвоения; я з ы к — для того, чтобы понятное уметь высказывать все лучше и лучше. Р у к и — чтобы со дня на день искуснее выделывать то, что нужно» («Пансофическая школа», ч. I, 60).

Вместе с тем эти ступени обучения Коменский рассматривал дифференцированно в соответствии с возрастом учащихся и содержанием самого обучения. Так, например, в чувственном восприятии Коменский различает, в свою очередь, три ступени и выделяет их специфические стороны: «Первая ступень чувств, или чувственных восприятий, наблюдается у всех малых детей в том, что они начинают поворачивать глаза к свету, уши к звукам, зубы к вкусным вещам и т. п. Вторая ступень у взрослых, но еще не обученных искусству, состоит в том, что они при помощи многочисленных упражнений много и ясно видят, слышат и т. п. На третьей ступени люди уже знают способ действия» («Пансофическая школа», ч. I, 62).

Учитывать возраст учащихся и приспосабливать к нему содержание обучения Коменский требует также и на второй ступени обучения. Так, например, он пишет: «Понимание вещей также имеет три ступени. На первой ступени мы воспринимаем исторически, что что-нибудь есть, на второй — научно, что и почему есть, и на третьей ступени — при помощи умозаключения, то есть разумно, рассматриваем основания какой-нибудь вещи так, что можем выдумать даже новую вещь того же рода. Например, если кто-нибудь знает употребление компаса и, наученный лишь опытом, умеет им пользоваться, то он стоит на первой ступени знания. Но если он понимает и основания таким образом устроенного компаса, то он находится на второй ступени. Если же, наконец, он дошел до того, что в состоянии выдумать scioterica нового вида, то он стоит на третьей ступени» («Пансофическая школа», ч. I, 63).

Коменский такие же три ступени выделяет в процессе запоминания, изложения, деятельности, связывая их с возрастом учащихся.

Заслуживают внимания те требования, которые предъявляет Коменский к ступеням обучения: «Так как только упражнение делает людей искусными, а мы исполнены стремлением сделать людей сведущими во всех ве-

щах, искусившимися во всем и поэтому годными ко всему, мы требуем, чтобы во всех классах учащиеся упражнялись на практике: в чтении и письме, в повторении и спорах, в переводах прямых и обратных, в диспутах и декламациях и т. д.» («Пансофическая школа», ч. I, 72).

По мнению Коменского, ступень упражнений в равной мере необходима при обучении всем предметам — языку, истории, религии и т. д. Она необходима для развития самих чувств, разума и памяти. Так, Коменский пишет: «Упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке. Поэтому мы должны стараться, чтобы все то знание, чего мы желаем сообщить ученикам, было представляемо их чувствам, чтобы сами предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили в движение, привлекали чувства, а последние — в свою очередь — ум, и таким образом, чтобы не мы говорили ученикам, а сами вещи» («Пансофическая школа», ч. I, 73).

Из вышесказанного ясно видно, что три ступени процесса обучения — чувственное восприятие, пояснение и упражнение — изменяются в зависимости от возраста учащихся и от содержания обучения.

Таковы основные взгляды Коменского на закономерности процесса обучения, и в частности на ступени процесса обучения.

Общепедагогические основы обучения

Коменский совершенно правильно поставил вопрос об общепедагогических основах обучения. Основу его педагогического, и в частности дидактического, учения составляют три важнейших принципа: 1) воспитывающий характер обучения; 2) связь обучения с жизнью, с действительностью; 3) соответствие обучения возрасту учащихся.

В процессе воспитывающего обучения, как известно, вооружение учащихся знаниями сочетается с формированием моральных качеств. Обучение в каждую эпоху имело и имеет определенное воспитывающее направление. Какова цель воспитания — таково общее направление обучения, его характер. Поэтому, естествен-

но, нельзя представить себе обучение, оторванное от воспитания, так же, как нельзя представить себе обучение, которое бы не было обусловлено целями воспитания.

Воспитывающее обучение не результат простой изобретательности какого-либо отдельного лица, как это полагали в истории педагогики, когда связывали идею воспитывающего обучения с именем Гербарта. В действительности эта идея является ведущей, центральной на каждом этапе исторического развития обучения и воспитания. Точно так же воспитывающее обучение является не просто обычным дидактическим принципом, как, например, наглядность, сознательность и т. д., как это понимают некоторые, а принципом общепедагогическим. Именно так понимает его Коменский, и так же совершенно правильно понимали воспитывающее обучение русский педагог К. Д. Ушинский, считавший обучение «главным органом воспитания», и грузинский педагог Я. Гогебашвили, подчинявший все обучение задачам морального формирования личности. Достаточно вспомнить известное положение Коменского «Школа — мастерская человечности», и сразу станет ясно, что для Коменского все обучение, его цели, содержание, организация и формы проникнуты задачей воспитания человечности. Поэтому можно сказать, что для Коменского воспитывающее обучение представляет соединение обучения с воспитанием, использование обучения в качестве важнейшего средства воспитания, формирования личности. Взгляды Коменского относительно воспитывающего обучения красноречиво выражены в его же положении: «Пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать, как человек, т. е. не получивши наставления в том, что делает его человеком» («Великая дидактика», VI, 3). Задачу же эту, по мнению Коменского, в первую очередь решает обучение. «Никто не может сделаться образованным без воспитания или культивирования, т. е. без прилежного обучения и попечения» («О культуре природных дарований», стр. 125).

Исходя из такого понимания обучения, Коменский подверг жестокой критике школу своего времени, в которой схоластически-догматическое обучение приводило к выхолащиванию и отуплению человеческого сознания. Итак, дидактика Коменского опирается на идею воспитывающего обучения.

1. Коменский выдвинул принцип соединения обучения с воспитанием и первый в истории педагогики определил основные положения этого принципа.

2. Идея воспитывающего обучения у Коменского проникнута духом народности и гуманности, выражает требования восходящего класса его эпохи, «третьего сословия», и направлена против феодальных устоев воспитания.

3. Правда, взгляды Коменского на воспитывающее обучение подразумевают такие антинаучные и обусловленные его временем требования, как воспитание религиозного мировоззрения, но идея воспитывающего обучения, основанная на принципах реализма и демократизма, отдельные дидактически-методические соображения, касающиеся соединения обучения с воспитанием, используются и современной дидактикой.

С идеей воспитывающего обучения тесно связано требование связи обучения с жизнью. Известно, что в условиях любой общественно-экономической формации воспитание отражало жизненные интересы своего времени и таким образом служило жизни. Без этого невозможно было бы говорить о воспитании как об общественном явлении. Идея связи обучения с трудом была известна и задолго до Коменского. Ее высказывали английский мыслитель, социалист-утопист Томас Мор, великие соотечественники Коменского Ян Гус и Петр Хельчицкий, табориты, «Чешские братья».

Заслуга Коменского состоит в том, что он возвел вопрос о связи обучения с жизнью, с трудом на высоту педагогического принципа и дал прогрессивные для своего времени и хорошо разработанные рекомендации. Эти взгляды Коменского безусловно заслуживают того, чтобы назвать их учением.

Приведем несколько основных положений Коменского:

1. «Кто, будучи даже взрослым, умеет говорить лишь одними словами, а не делами, тот и человеком-то считаться не вправе» («О пользе точного наименования вещей», 221).

2. «Школы, движимые и исполненные потребностями природы, должны учить: 1) теории, 2) практике и 3) употреблению всех хороших и полезных вещей» («Выход из схоластических лабиринтов», 11).

3. «Если что-либо нужно сообщить юношеству даже и ради настоящей жизни (как это и бывает), все это должно быть таково, чтобы, не мешая той вечной жизни, и в этой настоящей жизни приносило бы существенную пользу» («Великая дидактика», XVIII, 9).

4. «Кому нужны пустяки? Какой смысл изучать то, знание чего не принесет пользы, а незнание не принесет вреда и от чего в дальнейшем возрасте придется отучиваться или что придется среди занятий забывать? Нам есть чем заполнить свою короткую жизнь, если даже ни одной капли ее не тратить на пустяки. Итак, пусть будет задачей школы занимать юношество только серьезным» («Великая дидактика», XVIII, 9).

5. «*Нужно преподавать только то, что приносит самую основательную пользу как в настоящей, так и в будущей жизни*» («Великая дидактика», XVIII, 8).

6. «*Какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учеников серьезную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу, приятность и что только можно*» («Великая дидактика», XVIII, 16).

7. «*При усвоении всякого предмета тотчас нужно обдумать, какую это принесет пользу, чтобы ничего не изучать напрасно*» («Великая дидактика», XVIII, 40).

8. «В школе следует приучать всех учеников применять к делу свои знания и мудрость, держась в отношении к вещам, которые находятся у них под руками, в отношении к ближним, с которыми они вместе живут, и в отношении к богу, под оком которого они ходят, так, чтобы с пользой продолжать в течение всей жизни начатое в школе направление» («Выход из схоластических лабиринтов», 13).

9. «Чтобы все делалось посредством *теории, практики и применения,* и притом так, чтобы каждый ученик все изучал сам, собственными чувствами, пробовал все произносить. и делать и начинал все применять. У своих учеников я всегда развиваю *самостоятельность в наблюдении, в речи, в практике и в применении,* как единственную основу для достижения прочного знания, добродетели и, наконец, блаженства» («Выход из схоластических лабиринтов», 17).

Наряду с этими и другими указаниями Коменский дает такие наставления и поучения методического харак-

тера о связи обучения с жизнью, которые и поныне сохранили свою справедливость. Приведем несколько наиболее типичных из этих высказываний:

1. «Полезно давать детям для игры деревянные или оловянные лошадки, коров, овечек, колясочки, горшочки, столы, стулья, кружки, кастрюльки; они будут служить не только для игры, но и для содействия пониманию вещей. Ведь это и означает учить маленьких детей жизни, т. е. постепенно открывать им глаза на эти маленькие вещи, чтобы они не оставались слепыми в больших» («Материнская школа», VI, 9).

2. «Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми или мизантропами, тунеядцами, бесполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни» («Великая дидактика», XXIII, 9).

3. «Ученики должны ознакомиться со всеми более общими ремесленными приемами отчасти с той только целью, чтобы не оставаться невеждами ни в чем, касающемся человеческих дел, отчасти даже и для того, чтобы впоследствии легче обнаружилась их природная наклонность, к чему кто чувствует преимущественное призвание» («Великая дидактика», XXIX, XII, 6).

4. «Четвертый, пятый и шестой годы будут и должны быть полны ручного труда и всяких строительных работ. Нехорошим признаком является слишком спокойное состояние ребенка во время сидения и ходьбы. Если ребенок всегда бегает или всегда что-либо делает, это служит верным доказательством здорового тела и живого ума. Поэтому, как было сказано, за что бы ребенок ни взялся, не только не нужно ему мешать, но скорее нужно помогать, с тем чтобы все, что делается, делалось разумно и подготовляло дорогу к дальнейшим серьезным трудам» («Материнская школа», VII, 5).

Здесь же не будет лишним перечислить заглавия некоторых глав «Мира чувственных вещей в картинках» Коменского, откуда ясно виден реалистический характер его учебника, его связь с жизнью: «Садоводство», «Земледелие», «Животноводство», «Как делается мед», «Помол пшеницы», «Выпечка хлеба», «Рыбная ловля», «Пти-

цеводство», «Охота», «Мясное дело», «Поварское дело», «Снятие винограда», «Варка пива», «Обработка льна», «Тканье», «Портняжничество», «Сапожник», «Столяр», «Плотник», «Машины», «Кузнец», «Токарь», «Жестянщик» и др. Аналогичные материалы имеются и в первом учебнике Коменского «Открытая дверь языков». Если к этому добавить, что обе эти книги содержат описания природы, станет ясным, какое большое значение придавал Коменский реальному образованию, труду и трудовому воспитанию подрастающего поколения.

Коменский первым исследовал вопрос о связи обучения с жизнью в дидактическом аспекте и разработал ряд ценных положений. Прежде всего следует подчеркнуть важное его положение о том, что связь обучения с трудом не может строиться на подчинении обучения узкоремесленнической задаче. Он критикует всех, кто ставил вопрос так: «Не довольно ли знать только то, что требуется в повседневной жизни?» («О пользе точного наименования вещей», стр. 220), — и указывает, что человеческая мудрость не может ограничиваться только узкими повседневными делами. Поэтому связь обучения с жизнью он понимает не узко, а широко, как подготовку человека к жизни, подразумевая под этим не только «дело», но и «мудрость», общее образование, высокоморальное поведение и т. д.

Вместе с тем Коменский не требует знания одного или, наоборот, всех ремесел, по его мнению, учащийся должен ознакомиться «со всеми приемами ремесла в о о б щ е», говоря нашими словами, с основами процессов производства, чтобы в будущем легко найти свое место в жизни, «свое наиболее сильное призвание».

Коменский требует воспитывать у учащихся любовь к труду, прилежание и способность преодолевать трудности, причем эти качества должны воспитываться путем непосредственного изучения жизни, непосредственного участия в ней, поскольку «добро развивается посредством дела, а не путем пустой болтовни». По своей природе человек, по мнению Коменского, устроен так, что он сам стремится использовать в теории и на практике все то, что служит знанию и укреплению его способностей. А это, в свою очередь, делает человека деятельным и активным, внушает ему любовь к труду и умственным занятиям.

Третье требование Коменского — соответствие обучения возрасту учащегося, его индивидуальным склонностям, особенностям психофизического развития. Это требование непосредственно вытекает из идеи природосообразности, с которой мы ознакомились выше.

Коменский пишет: «Тот порядок, который мы желаем сделать универсальной идеей для искусства — всему учить и всему учиться, — должен быть заимствован и может быть заимствован не из чего иного, как только из указаний природы... Справедливо говорит Цицерон: «Если будем следовать за природой, как за вождем, мы никогда не заблудимся» («Великая дидактика», XIV, 7). По Коменскому, соблюдать закономерности в обучении можно лишь тогда, когда известны законы развития учащегося, его природа.

Однако во времена Коменского научное изучение психического развития ребенка фактически еще даже не было начато, и в этом отношении можно было опираться лишь на эмпирические наблюдения. Поэтому Коменский искал главным образом аналогии с явлениями природы. Так, например, Коменский пишет: «Природа, создавая птичку, не забывает ни головы, ни крыла, ни ноги, ни когтя, ни кожи, словом, ничего, что относится к сущности данного рода птицы... Таким же образом в школах, образовывая человека, необходимо образовывать его в целом, чтобы сделать его пригодным для настоящей жизни и вместе с тем подготовленным к самой вечности» («Великая дидактика», XVIII, 10). Из одного этого примера (а такими сравнениями полна «Великая дидактика» Коменского) ясно видно, что аналогия с птицей механистична и что приведенное совершенно правильное педагогическое положение Коменского фактически вытекает из жизни, выработано в результате наблюдений над школьной практикой, является обобщением этой практики.

Идея природосообразности — величайшее достижение дидактики. Она знаменовала собой коренной подрыв самых устоев схоластически-догматического обучения, которое на протяжении столетий держало человеческий разум во мраке, лабиринте, тормозило изучение природы и общества. Выдвинутые Коменским идеи о соответствии обучения возрасту учащихся, их силам, интересам поистине имели такое же революционное значение в педаго-

гике, как опытно-экспериментальный подход в развитии философии и естествознания.

Идея природосообразности в обучении получила свое развитие у Руссо, Песталоцци, Дистервега, Ушинского, Гогебашвили и у всех других прогрессивно мыслящих педагогов, для которых цель воспитания — всесторонне, гармонично развитый и совершенный человек.

В учении Коменского о природосообразности обучения особенно важными являются его взгляды относительно учета закономерностей мыслительных, эмоциональных и волевых процессов ребенка в процессе обучения. Такое же огромное значение имеет его неоднократное напоминание о необходимости при определении содержания обучения принимать во внимание возраст ребенка. В этом отношении пример показал сам Коменский, наметивший ступени, этапы обучения как в материнской школе, так и в школе родного языка, в гимназии и академии, где для каждого года обучения определены содержание и рамки каждого отдельного предмета.

Весьма серьезного внимания заслуживает критика Коменским перегрузки учащихся недоступным учебным материалом. Коменский считал нужным не только устранить из обучения все, что недоступно пониманию детей, но и посредством правильно выбранного метода обучения сделать возможным усвоение учащимися многого такого, что в условиях зубрежки и механических упражнений было совершенно непонятно для подавляющего большинства школьников. С этой целью он считал необходимым совместное обучение детей, стоящих на одном и том же уровне развития. Коменский писал: «Одинаковый детский возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию, так как глубиною изобретательности один другого не превосходят. Между ними нет никакого стремления к господству одного над другим, никакого принуждения, никакого страха, но одинаковая любовь, искренность, свободные о каждом деле вопросы и ответы. Когда мы вращаемся среди детей, всего этого нам, старшим, не хватает, а этот недостаток является препятствием» («Материнская школа», VI, 12).

Коменский считал, что «если мы с помощью метода добьемся того, чтобы работа учащихся уменьшилась, их отвращение исчезло, их бодрость увеличилась, то для

посредственных голов в течение семи лет все это будет доступно» («Пансофическая школа», ч. II, VII, 11).

Коменский считает, что каждый ребенок может одолеть трудности учения и получить общее образование и воспитание, если «мы будем усердно использовать имеющиеся у нас средства», т. е. такие методы обучения и воспитания, которые наиболее полно учитывают природу каждого ребенка. Он указывает и на необходимость индивидуального подхода к ребенку: «Потому, что уроки при классных чтениях соразмеряются со средними способностями; потому, чтобы более способные головы не оставались незанятыми, будучи задерживаемы на одном и том же предмете больше, чем этого требует их понятливость, им должно быть дозволено проходить лишнее и прочитывать писателей, не уклоняющихся от курса класса. Такое чтение не нарушает проходимого в данное время учебного курса, а скорее способствует его усвоению» («Пансофическая школа», ч. II, 84). Или еще: «Нет, по-видимому, ни малейшего недостатка ни в чем на тот случай, если бы кто-нибудь преисполнился серьезным желанием все узнать, все сделать, все высказать, несмотря на разнообразие умов, благодаря которому один скорее и сильнее чувствует, понимает, верит, делает и говорит одно, другой — другое» («Пансофическая школа», ч. II, VII, 11).

Эти и многие другие взгляды, связанные с идеей природосообразности обучения, получили свое практическое и конкретное выражение в известных учебниках Коменского, где каждый рассказ или соответствующая картинка с достаточной полнотой учитывает интересы ребенка, уровень его мышления, его эмоции. Этим и объясняется тот факт, что учебные книги Коменского оставили неизгладимый след в истории учебников и заслужили высокую оценку таких выдающихся мыслителей, как Лейбниц, Гюго и др., а Ушинский признал «Orbis pictus» бессмертным творением.

Психологические основы обучения

Как известно, во времена Коменского психология еще не сложилась как самостоятельная наука, несмотря на то что ее история идет от первых греческих философов-материалистов (Демокрит и др.), а Аристотель психике посвятил специальный трактат «О душе». Многовековая

история психологических воззрений связана с историей философии, медицины и педагогических идей. В многочисленных философских и педагогических трудах Коменского довольно широко представлены вопросы психологии вообще, и особенно в педагогическом аспекте. Несмотря на то что Коменскому принадлежит огромная заслуга в развитии психологических идей, в частности педагогической психологии, как совершенно справедливо указывал выдающийся грузинский психолог Д. Н. Узнадзе (1886—1950), до сих пор Коменский в истории психологии не занимает того места, которое ему по праву принадлежит. Известный советский психолог Б. Г. Ананьев также справедливо считает большим пробелом в истории психологии то, что психологические взгляды Коменского не изучены в должной мере.

Естественно, что психологические воззрения Коменского тесно связаны прежде всего с его гносеологической концепцией. Более того, гносеологические вопросы у Коменского настолько тесно связаны с психологическими, что иногда трудно бывает рассматривать их отдельно.

Обращаясь к психологической концепции Коменского, прежде всего необходимо подчеркнуть, что Коменский здесь так же непоследователен, как и в гносеологии. С одной стороны, эта концепция пронизана христианским теологизмом и защищает «бессмертие души», а с другой — выступает против господствовавших в то время идей преформизма и платоновских взглядов об эманации души.

Несмотря на то что психологические взгляды Коменского содержат ряд противоречий, его можно назвать представителем в основном эмпирической психологии. В основе взглядов Коменского по вопросам развития психики лежат материалистически-сенсуалистические воззрения, в частности бэконовское положение об источниках знания.

Б. Г. Ананьев считает Коменского выдающимся психологом прошлого, одним из основоположников теории развития в психологии. Б. Г. Ананьев отмечает: «В его философских и педагогических трудах содержатся ценнейшие психологические идеи, которые оказали плодотворное влияние на последующее развитие психологических воззрений в XVII—XVIII вв. ...Величие Коменского, как и других выдающихся деятелей науки прошлого, за-

ключается не только в том, что они закладывали в прошлом основы для современного развития, но и в том, что они, идя впереди своего времени, предвидели многое, осуществившееся столетия спустя» [1].

В философских и педагогических трудах Коменского широко представлены взгляды о психологии вообще и о психологических основах обучения в частности, переоценить значение которых в развитии психологии и педагогики трудно. В этой области большую ценность представляет не только его «Великая дидактика», но и такой полупсихологический трактат, как «О культуре природных дарований». Не ставя своей целью выяснение общепсихологической концепции Коменского и его психологических воззрений вообще (это предмет специального психологического исследования), остановимся на тех вопросах, которые касаются психологических основ обучения.

Как известно, исследование процессов обучения и учения является предметом дидактики. Однако они имеют свое психическое содержание, и поэтому говорить о психологической природе учения как форме деятельности совершенно закономерно. Коменский хорошо видел, что обучение, оторванное от духовного мира ребенка, не учитывающее его природы, не только не достигает цели, но является антипедагогичным и заслуживает осуждения. В 1934 г. Д. Н. Узнадзе совершенно правильно отмечал, что «еще Коменский с исключительной энергией боролся за утверждение той мысли, что для успешного воспитания человека прежде всего требуется знание его природы и сообразно с ней выработанные правила воздействия» [2]. Именно в этом и состоит, как было отмечено выше, основной смысл идеи природосообразности обучения, идеи соответствия обучения природе ребенка у Коменского.

Обучение и учение, по Коменскому, являются достоянием только человека, и поэтому естественно, что

---

[1] Б. Г. Ананьев, Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского. Сб.: «Материалы научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию со дня опубликования Собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского», М., 1959, стр. 206.

[2] Д. Н. Узнадзе, Основы экспериментальной психологии, Тбилиси, 1939, стр. 87 (на груз. яз.).

с психологической точки зрения они, опираясь на чувства, являются вместе с тем мыслительным, умственным процессом, с которым органически связаны волевые и эмоциональные процессы. «Между субъектами образования (т. е. психическими компонентами обучения. — *Д. Л.*), — пишет Коменский, — первое место опять-таки занимает ум, второе — воля, третье — способности к деятельности, так как ум освещает путь воле, а воля повелевает действиям. Итак, чтобы действия не попадали на ложный путь, воля должна быть правильно во всем наставлена всему предшествующим факелом ума, а чтобы ум был в состоянии это делать, он должен быть просвещен прежде всего, чтобы, видя истинное развитие вещей, он мог судить о том, что можно одобрить и что следует отвергнуть, и предоставить это воле. Так должно быть, а не иначе» («Выход из схоластических лабиринтов», 33).

Как понимает Коменский разум, волю и деятельность? Определяя каждое из этих понятий, он пишет: «Три (стороны) особенно должны подлежать в нас образованию: *ум, воля и способности к действию. Ум* есть внутренний глаз души, который ко всему обращается, воспринимает в себе образы всех вещей, радуясь поэтому свету познания и созерцания. *Воля* есть внутренняя рука души, простирающаяся за тем, чтобы схватить и усвоить себе все, признанное за благо, и поэтому радующаяся обладанию вещами и ощущению удовольствия. *Способности* (к действию) суть внутренняя сила души, внушающая членам побуждение овладеть вещами, которые познаны умом и выбраны волей; они радуются возможности действовать и движению (среди них способность речи выдается по сравнению с другими инструментами действий)» («Выход из схоластических лабиринтов», 27).

Коменский всегда рассматривает обучение как единый процесс, где разум, воля и способность к действию участвуют как стороны этого единого процесса.

Обучение, поскольку оно является мыслительным и волевым процессом, связано с осознанием цели, задачи обучения, т. е., говоря современным языком, с осознанием мотива. «Воля, — пишет Коменский, — со своей свободою решения избирая из всего лишь то, что она облюбует, и отвергая то, чего не одобрит, надо всем царствует; рука, следуя предначертаниям ума и приводя в исполне-

ние постановления воли, производит новое» («О культуре природных дарований», стр. 121).

Особенно ценны указания Коменского относительно необходимости поддерживать внимание учащихся на всем протяжении педагогического процесса.

По Коменскому, успех учения зависит от того, насколько правильно понята учащимися задача изучения данного учебного материала и насколько твердо решил он освоить этот материал. Коменский сурово критикует тех учителей, которые «не посвящают учеников в намечаемый ими общий план занятий в целом, так чтобы ученики отчетливейшим образом понимали (размечали), что нужно делать и что делается в действительности. А какой прочности можно ожидать, если ученик учится без любви к знанию, без внимания и без понимания?» («Великая дидактика», XVIII, III, 15).

Осознание мотива учения рождает у учащегося интерес и любовь к нему, что, со своей стороны, служит сохранению внимания.

Коменский критикует схоластическую школу, где учителя совершенно не считаются с интересами учащихся и не заботятся о пробуждении у них любви и внимания к учебе. Исходя из значения интереса и внимания как необходимых условий обучения, Коменский пишет: «Такого фундамента не подводят под обучение те преподаватели, которые не работают над тем, чтобы прежде всего сделать учеников любознательными и внимательными» («Великая дидактика», XVIII, III, 15). Придавая любви к учебе роль важнейшего фактора, Коменский учит: «*Какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учеников серьезную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу, приятность и что только можно*» («Великая дидактика», XVIII, 16).

Коменский утверждал, что там, где нет интереса и внимания, невозможно и говорить об обучении. Интерес Коменский считал ключом к обучению, а внимание — светом разума, «без которого напрасно будем мы видеть предметы глазами».

Коменский высказал ряд предложений по вопросу о том, как вызвать и сохранить интерес и внимание учащихся к обучению, которые вытекают из его длительной педагогической практики и являются ее обобщением.

Прежде всего Коменский считал, что обучение есть волевой процесс, связанный с преодолением трудностей. Сам процесс преодоления трудностей Коменский определял как необходимое условие обучения, поскольку он полагал, что радость, вызванная преодолением трудности, является источником интереса к обучению. Он говорит, что если бы все было легко познаваемым, то установление истины не вызывало бы такой радости. Отсюда вытекает, что фактор интереса в обучении связан с фактором трудности и усилия и что учение в отличие от игры и просто развлечения есть процесс серьезного, сознательного преодоления трудностей.

Вместе с тем Коменский указывает, что должны быть созданы все необходимые условия для преодоления трудности в каждой деятельности, и в частности в обучении. «Всякая деятельность может совершаться беспрепятственно только тогда, когда каждый класс, т. е. собрание людей, занимающихся одновременно одним и тем же, освободившись от всего, что могло бы отвлекать его, с напряжением будет заниматься этим единственным своим делом» («Пансофическая школа», ч. II, IV, 11).

Коменский подчеркивает, что интерес и внимание являются условием для успешного обучения, но они сами воспитываются и развиваются в самом процессе обучения. В этом Коменский наряду с учителями большую роль отводит родителям, всем, кто принимает участие в воспитании учащегося, среде, где ребенку приходится жить и учиться. С этой точки зрения важным является требование Коменского о том, чтобы еще до поступления в школу учащемуся была внушена любовь к школе, к учителю, интерес к учению. «Когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собирание винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учиться и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребенку прекрасные одежды, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное... Родители должны будут внедрить детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя» («Материнская школа», XII, 3, 5).

После поступления ребенка в школу, по мнению Коменского, нужно, чтобы учителя всевозможными сред-

ствами пробуждали у него «жажду знаний и горячую преданность обучению». Главным условием для достижения этого Коменский считает соответствие изучаемого материала возрасту учащегося, общему уровню его развития, а главное, учитель должен уметь привлекать внимание ребенка и сохранять его на всем протяжении процесса обучения. «Необходимо лишь искусство сделать внимательными к себе всех и каждого, — пишет Коменский. — Убеждаясь, что уста преподавателя (как это и есть) являются источником, откуда к ним истекают ручьи наук, ученики должны привыкать направлять к ним все внимание, как только заметят, что этот источник открывается, чтобы ничто не осталось невоспринятым» («Великая дидактика», XIX, 19).

Коменский ставит перед учителем восемь условий, соблюдая которые он должен овладеть вниманием учащихся на всем протяжении процесса обучения. Приведем их с некоторыми сокращениями.

«1. *Всегда стараться сообщить что-нибудь, что доставляло бы и удовольствие и пользу;* таким образом, ученики будут приступать к делу с охотой и с уже пробужденным вниманием.

2. *Если учитель перед началом каждой работы, или заинтересовывает учеников, рекомендуя им предлагаемый материал, или одобряет их посредством вопросов о том, что уже было пройдено, чтобы по связи подойти к настоящему материалу,* или, чтобы, осознав с этой стороны свое невежество, ученики были охвачены бóльшим интересом к восприятию разъяснения предмета.

3. Стоя на более высоком месте, он должен бросить взоры кругом и не допускать, чтобы кто-либо занимался чем-либо другим, кроме того, чтобы направлять взоры со своей стороны на преподавателя.

4. *Если он поддерживает внимание тем, чтобы везде, насколько это возможно, обращаться к внешним чувствам...* ведь это не только облегчает усвоение, но и возбуждает внимание.

5. *Если среди работ он иногда, прервав речь, спросит: Такой-то или такой-то, что я только что сказал? Повтори этот период. А ты скажи, как мы дошли до этого?* Кто будет замечен в том, что он не был внимателен, тому нужно выразить порицание или сделать выговор здесь же. И это будет повышать общее внимание.

6. Подобным же образом, *если ты спросил кого-либо одного, а он затрудняется ответить, быстро вызывай другого, третьего, десятого, тридцатого и требуй ответа, не повторяя вопроса.* Все это с той целью, чтобы все старались быть внимательными к тому, что говорится одному, и обращать это себе на пользу.

7. *Может быть и так, что, если чего-либо не знают один и другой ученик, нужно обращаться с вопросом ко всем, и тогда ответившего первым или лучше всех нужно похвалить перед всеми,* чтобы пример вызывал подражание; если кто-либо сделает ошибку, нужно ошибку исправить, причем вскрывается и устраняется самый повод к ошибке (который проницательный учитель обнаруживает без труда). Такой прием принесет огромную пользу для достижения быстрейшего успеха.

8. *Наконец, когда урок окончен, нужно дать возможность самим ученикам спрашивать учителя, о чем они хотят,* явилось ли у кого-либо сомнение во время настоящего урока или ранее, чтобы все — и вопросы и ответы — было на пользу всем. Кто чаще поднимает полезные вопросы, того нужно будет чаще хвалить, чтобы у остальных не было недостатка в образцах старательности и в побуждениях к ней» («Великая дидактика», XIX, 20).

Все перечисленные здесь восемь условий не нуждаются в комментариях. Они являются ценными указаниями не только о том, как поддержать внимание, но и о том, как построить процесс обучения на уроке в целом.

Коменский, говоря о привлечении и сохранении внимания учащегося, касается и организационных, а иногда даже технических сторон учебной работы. Так, например, он высоко ставит значение кафедры (при объяснении нового материала). Он пишет: «Учитель должен занимать надлежащее место, откуда бы он мог всех видеть и где сам был бы у всех на виду. Я не могу допустить, чтобы учитель стоял где-нибудь в углу или в стороне, в толпе, или чтобы он, прохаживаясь, подходил то к одному, то к другому, диктовал или объяснял что-нибудь отдельно кому-либо из учеников» («Пансофическая школа», ч. I, 53).

Коменский также придавал большое значение оборудованию школы, красоте, порядку. «Сама школа должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекатель-

ное зрелище изнутри и снаружи» («Великая дидактика», XVII, 17), — писал Коменский.

С точки зрения психологических основ обучения интересны и в высшей степени полезны взгляды Коменского относительно памяти и запоминания. Коменский резко выступает против механического зазубривания, против неосознанного запоминания материала. Вместе с тем он выдвигает целый ряд замечательных положений, которые и в настоящее время имеют большое значение, позволяя правильно учитывать в обучении закономерности процессов памяти и запоминания.

Коменский требует: занятия должны располагаться «таким образом, чтобы последующее всегда основывалось на предшествующем, а предшествующее укреплялось последующим... Все преподаваемое, правильно понятое умом, должно быть закреплено также и в памяти» («Великая дидактика», XVIII, 32).

Для осуществления этого Коменский считает необходимым прежде всего «развивать и укреплять память». Он пишет: «Так как при этом натуральном методе все предшествующее должно будет служить основанием всему последующему, то по необходимости все должно закладываться в умы учащихся основательно. А основательно внедряется в ум только то, что хорошо понято и тщательно закреплено памятью. Ведь правильно говорит Квинтилиан: «Вся наука опирается на память, и мы учимся напрасно, если что-либо, что мы слышали (или читали), ускользает от нас». Людвиг Вивес также говорит: «Память нужно развивать с раннего возраста, она укрепляется от постоянного ее упражнения... Не позволяй памяти оставаться бездеятельной. Нет ни одной способности, которой труд так был бы приятен и которая бы от него так расширялась... чем больше ей веришь, тем вернее она будет хранить все; чем меньше — тем память будет ненадежнее... Итак, в этом отношении нечего щадить ранней молодости (только бы это делалось разумно). Это будет фундаментом самого основательного движения вперед» («Великая дидактика», XVIII, 33).

Из этих основных взглядов Коменского на значение памяти и запоминания вытекают его отдельные методические указания, с которыми мы ознакомимся при рассмотрении дидактических принципов и методов обучения. Здесь следует заметить, что Коменский всегда связывал

процессы памяти с процессами сознательного учения и тем самым противостоял официальной схоластической дидактике, строившей обучение на механическом запоминании.

Коменский высказывает много замечательных соображений о значении мышления и речи в процессе обучения. Его основное положение состояло в следующем: мышление и речь отличают человека от животных и являются его достоянием. Мышление и речь лежат в основе обучения и развиваются в процессе самого обучения. Без мышления и речи невозможно никакое обучение и учение.

Коменский, критикуя схоластическую школу, указывал, что здесь царит механическая зубрежка непонятных слов, вследствие чего мышление не только не развивается, но даже притупляется. Основной причиной этого он считал обучение на латинском, непонятном для ребенка языке. Коменский был величайшим поборником идеи обучения на родном языке. Его бессмертное положение о том, что «учить кого-либо иностранному языку не следует прежде, чем он овладеет родным языком» («Великая дидактика», XXIX, 4), сыграло огромную роль в деле просвещения народа и, более того, в деле национального самоопределения.

Однако Коменский видел причину притупления мышления в старой школе не только в этом. Он прямо указывал, что нельзя считать образованным того человека, который не разбирается в предметах и явлениях, не проникает в их сущность. По мнению Коменского, без понимания сущности слова, т. е. самого предмета, выражаемого этим словом, нельзя достичь настоящего знания.

Как видим, в аспекте дидактики Коменский совершенно правильно поставил проблему речи и мышления и решил ее на довольно высоком для того времени уровне как в теории, так и на практике. Мы имеем в виду не только его теорию обучения в целом, но и его учебники, где почти весь фонд слов связан с реальными предметами и подобран с учетом познавательных способностей учащихся определенного возраста.

Такова в общих чертах суть взглядов Коменского относительно психологических основ обучения, которые необходимо учитывать при анализе его дидактической теории. Мы видели, что эти взгляды сами по себе весьма

прогрессивны. Многие из них, проверенные передовой педагогической практикой нескольких столетий, успешно используются в нашей повседневной учебной практике.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

В дидактическом учении Коменского одно из важнейших мест занимает вопрос об общих принципах обучения, которые обычно называют дидактическими принципами. Принципы обучения подразумевают те положения общеметодического характера, на которые опираются обучение и учение вообще и которые определяют частные (по отдельным предметам) принципы и методы обучения. Поэтому в дидактической и методической литературе совершенно закономерно различают общие, или дидактические, принципы обучения и частные, или методические, принципы обучения.

Коменский впервые в истории дидактики не только указал на необходимость руководствоваться принципами в обучении, но и раскрыл сущность таких принципов обучения, как: 1) принцип сознательности и активности; 2) принцип наглядности; 3) принцип постепенности и систематичности знаний и 4) принцип упражнений и прочного овладения знаниями и навыками.

Сознательность и активность

Принцип сознательности и активности в обучении предполагает такой характер обучения, когда учащиеся не пассивно, путем бессмысленной зубрежки и механических упражнений и муштры, а осознанно, глубоко и основательно усваивают знания и навыки.

Там, где отсутствует сознательность и обучение ведется догматически, посредством бессмысленного заучивания, в знании господствует формализм, сам же процесс учения неизбежно будет механическим и пассивным. Так как сознательность прежде всего означает глубокое усвоение учащимися знаний и навыков, принцип сознательности неразрывно связан с активностью учащихся, с развитием в них творческих способностей и самостоятельности. В процессе обучения сознательность и активность выступают в единстве и отрывать их друг от друга никак нельзя. Принцип сознательности и активности является детищем прогрессивной дидактики и про-

никнут духом демократизма, поскольку он предполагает усвоение учащимися истинного знания, адекватного окружающей действительности.

Несмотря на то, что Коменский не определяет принцип сознательности и активности в обучении в таком виде, как это принято в дидактике в настоящее время, он, несомненно, может считаться отцом этого принципа. Дидактика Коменского вся пронизана идеей сознательности и активности, и с этой точки зрения ее можно назвать дидактикой сознательного учения. Глубокое и основательное понимание и изучение предметов и явлений учащимися, реальность знания и его активное использование на практике, в жизни составляют дух дидактики Коменского.

Коменский прежде всего раскрывает сущность господствовавшего в обучении на протяжении многих столетий догматизма, разоблачает его антинародный характер и показывает, как схоластическая школа убивала в молодежи всякую творческую способность и закрывала ей путь к прогрессу.

Критикуя догматически-схоластический характер обучения, господствовавший в школе того времени, Коменский писал: «Не воображай, что ты говоришь, пока ты высказываешь вещи, тебе не понятные; это значит болтать, а не говорить... Если бы ты даже в совершенстве знал свой родной язык, да еще сверх того латинский, греческий, еврейский и другие, да хотя бы даже все языки мира, все-таки, если тебе недостает понимания вещей, которые лежат в основе слов, ты был бы не более, как попугай, а вовсе не мудрец. Ибо мудрость заключается в обширном, истинном, ясном познании вещей, а не в словах, которые без понимания вещей суть нечто попугайское, звук без смысла» («О пользе точного наименования вещей», стр. 221).

Коменский считает главным условием успешного обучения постижение сущности предметов и явлений, их понимание учащимися. Он пишет: «*Правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания)*» («Великая дидактика», XVIII, 22).

Вместе с тем Коменский считает основным свойством сознательного знания не только понимание, но и использование знаний на практике. Он говорит, что учить понимать вещи, но не учить вместе с тем действовать есть вид фарисейства.

Так же ценно следующее указание Коменского: «*Ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его не учил, покажешь ему, какую это приносит повседневную пользу в общежитии*» («Великая дидактика», XVII, 44).

Коменский дает целый ряд указаний о том, как осуществить сознательное обучение. Самым главным из них является требование: «При образовании юношества все нужно делать как можно более отчетливо, так, чтобы не только учащий, но и учащийся понимал без всякого затруднения, где он находится и что он делает» («Великая дидактика», XVIII, 30).

Сознательность в обучении неразрывно связана с активностью учащегося, с его творчеством. Коменский пишет: «Никакая повивальная бабка не в силах вывести на свет плод, если не будет живого и сильного движения и напряжения самого плода» («Пансофическая школа», ч. II, IV, 7).

Исходя из этого, Коменский одним из главных врагов всякого обучения и тем более обучения сознательного считал бездеятельность и лень учащихся. В своем труде «Об изгнании из школ косности» Коменский раскрывает причины лени учащихся и дает целый ряд указаний о том, как ее искоренить. Во всей системе мероприятий, которые должны быть направлены к искоренению лени у детей, главным Коменский справедливо называл сознательность и активность в обучении.

Коменский считает, что «косность есть отвращение к труду в соединении с леностью. С нею связаны 1) бегство от работы и уклонение от задаваемых работ, 2) вялое, холодное, поверхностное и безучастное исполнение их и, наконец, 3) медлительность и прекращение уже начатых работ» («Об изгнании из школ косности», 23).

Лень учащихся, по Коменскому, выражается в том, что они «не думают, как бы приобрести самим себе свет истинного и полного просвещения, и еще менее того принимают на себя труд, потребный для достижения такого просвещения» (там же, 25).

Изгнание косности из школы, ее искоренение Коменский считал обязательным условием обучения. «Пока не будет устранена косность, эта необъятная глыба, загораживающая дорогу ко всему славному и прекрасному, до тех пор, думаю я, все другие указания, все увещевания, все добрые пожелания, все усилия и заботы благочестных покровителей, все щедрые вспомоществования, все устроенные нами коллегии, аудитории, общежития, наконец, все хорошие уставы и их блюстители, — словом, все окажется и навсегда останется тщетным» («Об изгнании из школ косности», стр. 195).

Необходимым путем и средством искоренения лени Коменский считал труд и трудолюбие. Он писал: «Наши предки имели обыкновение говорить, что праздность — подушка сатаны. И совершенно верно. Ведь кого сатана найдет не занятым трудом, того он займет сам сперва дурною мыслью, а затем также и позорными делами. Итак, благоразумно уже с нежнего возраста не оставлять человека праздным, но вообще занимать его постоянными трудами, так как таким образом загораждается дорога злейшему искусителю» («Материнская школа», IX, 15).

Воспитание активности, самодеятельности и самостоятельности Коменский считает важнейшей задачей. Основное его положение следующее: «Чтобы все делалось посредством теории, практики и применения, и притом так, чтобы каждый ученик все изучал сам, собственными чувствами, пробовал все произносить и делать и начинал все применять. У своих учеников я всегда развиваю самостоятельность в наблюдении, в речи, в практике и в применении, как единственную основу для достижения прочного знания, добродетели и, наконец, блаженства» («Выход из схоластических лабиринтов», 17).

В «Материнской школе» в главе «Как приучать детей к творческой жизни и непрестанным занятиям» Коменский дает родителям много ценных советов, основная мысль которых состоит в том, что ребенок должен воспитываться в постоянной деятельности и подвижности. Так, например, Коменский пишет: «Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются, так как их живая кровь не может оставаться в покое. Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать

меры к тому, чтобы всегда у них было что сделать. Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты: что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекладывают» («Материнская школа», VII, 1).

Сознательность и активность в обучении связаны со всеми сторонами обучения, с его содержанием, организацией, с дидактическими и психологическими основами процесса обучения, с методами обучения, с личностью учителя, с местом и технической оборудованностью обучения и т. д. Поэтому идеи Коменского, о сознательности обучения связаны со всеми дидактическими принципами, и в первую очередь с учением Коменского о наглядности в обучении.

Наглядность

Принцип наглядности обучения прежде всего предполагает усвоение учащимися знаний путем непосредственных наблюдений над предметами и явлениями, путем их чувственного восприятия. Наглядность Коменский считает золотым правилом обучения.

Под наглядностью Коменский подразумевает не просто метод обучения, как иногда считали, а один из общих принципов обучения.

Использование наглядности в обучении имеет длительную историю. К ней обращались тогда, когда еще не существовало письменности и самой школы. В школах Египта, Греции, Рима и других древних стран она имела довольно широкое распространение. Идея наглядности как принцип обучения связана прежде всего с именем корифея античной философской мысли — Аристотеля.

В средние века, в эпоху господства схоластики и догматизма, идея наглядности была предана забвению так же, как прекратилось ее использование и в педагогической практике. Возродили ее только педагоги-гуманисты, а распространению ее в широких масштабах способствовал эмпиризм Бэкона, но первым, кто возвел наглядность до уровня стержневого вопроса дидактики, разработал и дал определенную теорию ее как общедидактического принципа, был Коменский.

В основе учения Коменского о наглядности лежит сенсуалистически-материалистическая гносеология. Не случайно Коменский высоко ценит Бэкона и его индук-

тивный метод. Для обоснования наглядности он много раз приводит известную эмпирическую тезу: «Ничего не может быть в сознании, что заранее не было дано в ощущении». Почти каждое положение Коменского о наглядности проникнуто духом эмпирической теории познания.

С этих позиций Коменский критикует господствовавшее в школе того времени словесное, вербальное обучение и пишет о том, что «почти никто не преподает физику посредством наглядных демонстраций и экспериментов, но все преподают ее путем чтения текстов Аристотеля или кого-либо другого» («Великая дидактика», XVIII, 25).

Коменский следующим образом определял наглядность, ее задачи и значение:

1. «*Если мы желаем привить учащимся истинное и прочное знание вещей вообще, нужно обучать всему через личное наблюдение и чувственное доказательство*» («Великая дидактика», XX, 8).

2. «Поэтому школы должны предоставлять все собственным чувствам учащихся так, чтобы они сами видели, слышали, осязали, обоняли, вкушали все, что они могут и должны видеть, слышать и т. д., они избавят, таким образом, человеческую природу от бесконечных неясностей и галлюцинаций, на борьбу с которыми в другое время должна быть направлена вся наша жизнь» («Выход из схоластических лабиринтов», 13).

3. То, что нужно знать о вещах, должно быть «преподаваемо посредством самих вещей, т. е. должно, насколько возможно, выставлять для созерцания, осязания, слушания, обоняния и т. п. сами вещи либо заменяющие их изображения» («Пансофическая школа», ч. I, 73).

4. «Кто сам однажды внимательно наблюдал анатомию человеческого тела, тот поймет и запомнит все вернее, чем если он прочитает обширнейшие объяснения, не видав всего этого своими глазами. Отсюда известное выражение: *наблюдение собственными глазами заменяет собой доказательство*» («Великая дидактика», XX, 9).

Для подтверждения своих положений о наглядности Коменский обращается к римскому писателю Плавту и приводит следующие его строки: «Лучше один свидетель — очевидец, чем десять передающих по слуху», он приводит также и выражение Горация: «Медленнее проникает в душу то, что воспринимается слухом, чем то, что

мы видим своим надежным взором и что воспринимается нами как зрителями» («Великая дидактика», XX, 9).

Как мы видим из этих основных положений, принцип наглядности Коменский противопоставлял господствовавшему в школах того времени оторванному от жизни словесному, пассивному обучению. Наглядность Коменский считал средством для воспитания нового человека.

Вместе с тем основной задачей наглядного обучения Коменский считал не только облегчение сознательного, осмысленного усвоения знаний учащимися, но и развитие у них различных способностей, а в связи с этим — органов чувств. В этом отношении особое значение он придавал упражнениям. «Упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке. Поэтому мы должны стараться, чтобы все то, знание чего мы желаем сообщить ученикам, было представляемо их чувствам, чтобы сами предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили в движение, привлекали чувства, а последние — в свою очередь — ум, и таким образом, чтобы не мы говорили ученикам, а сами вещи» («Пансофическая школа», ч. I, 73).

Для осуществления наглядности в обучении Коменский считал необходимым использовать: 1) реальные предметы и непосредственное наблюдение над ними; 2) когда это невозможно, модели и копию предмета; 3) картинки как изображение предмета или явления.

Придавая первейшее значение в процессе приобретения знаний наблюдениям над явлениями и предметами, их наглядному восприятию, Коменский пишет: «Так как ощущение есть самый надежный проводник памяти, то указанное чувственное, наглядное восприятие всего приводит к тому, что если кто-либо этим путем что-либо усвоил, то он будет знать это твердо. Если я хоть раз попробовал сахару, хоть раз видел верблюда, хоть раз слышал пение соловья, хоть раз был в Риме и смотрел его (только внимательно), то, конечно, все это крепко запечатлеется в памяти и не может быть забыто» («Великая дидактика», XX, 9).

В тех случаях, когда нет возможности показать предмет, Коменский советует использовать модель. Например, он пишет: «Строение человеческого организма можно было бы преподать наглядно в том случае, если

человеческий скелет (какие обыкновенно хранятся в музеях или даже сделанный из дерева) обложить сделанными из замши и набитыми шерстью мускулами, сухожилиями, нервами, венами, артериями, внутренностями, легкими, сердцем, диафрагмой, печенью, желудком со всеми внутренними органами — все в надлежащем месте и надлежащих размеров, с надписью над каждой частью ее названия, назначения, функции» («Великая дидактика», XX, 10).

Большую роль отводит Коменский также использованию картинок в обучении. «Ботаники, зоографы, геометры, геодезисты и географы с пользой прилагают к своим описаниям рисунки, подобным образом следовало бы делать в физике и в других предметах» («Великая дидактика», XX, 10).

Коменский совершенно правильно указывает, что наблюдение учащихся над предметами и явлениями нуждается в руководстве со стороны учителя, в его разъяснении. Так, например, Коменский пишет: «Если ученика, занимающегося естествознанием, поставить перед этой моделью и все по частям разъяснить ему и показать, то он все воспримет» («Великая дидактика», XX, 10). Более того, он прямо пишет: «Если хочешь, чтобы кто-нибудь что-либо знал, чтобы он понимал, как что-либо происходит, каким образом, в какой мере, из чего оно составлено и пр., то необходимо: 1) чтобы ты предлагал ему это для наблюдения и в целом виде и со всех сторон; 2) затем, ты должен на его глазах разложить это на большие части, каждую из них снова на свои меньшие, из которых оно составлено, прибавив к этому название каждой составной части; 3) но чтобы он присутствовал при этом с участием чувств, сам все созерцая, ощупывая, обнюхивая, вкушая, слушая и сам произнося названия» («Выход из схоластических лабиринтов», 47).

Учебный эффект всякого наблюдения зависит от того, насколько мы сумели внушить учащемуся, что и для чего должен он наблюдать, и насколько нам удалось привлечь и сохранить его внимание на протяжении всего процесса наблюдения. С этой точки зрения классическим является следующее указание Коменского «о свете, при отсутствии которого напрасно будешь подносить предметы к глазам. Этот свет ученія есть внимание, *благодаря которому учащийся воспринимает все открытым и как бы*

жаждущим знания разумом. Как в темноте с закрытыми глазами никто не видит, хотя бы предмет был весьма близко перед глазами, так все останется невоспринятым, если ты будешь говорить и указывать что-либо человеку невнимательному» («Великая дидактика», XX, 12).

Для того чтобы плодотворно проводить наблюдение над предметами, Коменский формулирует 9 основных требований, которые во многом сохраняют свою актуальность сегодня. «*Надо теперь найти способ, или метод, представлять предметы чувствам таким образом, чтобы от них получилось прочное впечатление.* Принципы этого способа прекрасно можно заимствовать из внешнего зрения. Чтобы видеть что-либо правильно, необходимо следующее: 1) поставить соответствующий предмет перед глазами, 2) но не вдали, а на надлежащем расстоянии, 3) и притом не сбоку, но прямо перед глазами, 4) лицевая сторона предмета должна быть не отвернута или перевернута, но обращена прямо к глазам, 5) так, чтобы сперва можно было осмотреть предмет в целом, 6) а затем осмотреть каждую часть в отдельности, 7) и притом по порядку от начала до конца, 8) и останавливаться на каждой части до тех пор, 9) пока все не будет различено правильно. Когда все эти условия выполняются надлежащим образом, то наблюдение происходит правильно. Если же хотя бы одно из них отсутствует, то наблюдение либо совсем не происходит, либо происходит плохо» («Великая дидактика», XX, 13).

Коменский категорически требует: «*Поэтому пусть будет для учащихся золотым правилом: все, что только можно предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами*» («Великая дидактика», XX, 6).

Исходя из этого, Коменский считает, что материал, необходимый для наглядности, должен составлять главный предмет заботы для школы и учителя. «*Такого рода наглядные пособия (именно изображения вещей, которых нельзя представить в натуре) надо было бы приготовить по всем областям знания, чтобы в школах они были под рукой.* Правда, для подготовки их потребова-

лись бы известные расходы и труд. Однако это окупилось бы с избытком» («Великая дидактика», XX, 10).

Таково в общих чертах учение Коменского о наглядности обучения. Правда, понимание наглядности у Коменского иногда оставляет место для элементов формализма и схоластики. Он иногда чрезмерно переоценивает роль и значение картинок; представляет наглядность как своего рода всеобъемлющий универсальный принцип. Но общий смысл высказываний Коменского по вопросу о наглядности проникнут духом реализма, они содержат такие пожелания, теоретическое и практическое значение которых огромно. Поэтому учение Коменского о наглядности вместе с наследием Песталоцци, Дистервега, Ушинского, Я. Гогебашвили входит в золотой фонд дидактики.

Последовательность и систематичность

Последовательное изучение основ наук и систематичность знаний Коменский считает обязательным принципом обучения, его основным руководящим положением. Это требование и современная дидактика рассматривает как один из центральных принципов обучения. Этот принцип требует овладения учащимися систематизированным знанием в определенной логической и методической последовательности. Поэтому последовательность и систематичность осуществляются в процессе обучения в единстве, в неразрывной связи.

Последовательность и систематичность в первую очередь касаются следующих вопросов: каким образом распределять материал, чтобы не нарушить логику науки; с чего начинать обучение и в какой последовательности построить его; как установить связь между новым и уже изученным материалом; какие связи и переходы следует установить между отдельными этапами обучения и т. д. Здесь, как и всюду, Коменский исходит из идеи природосообразности и пишет: «Ум в познании вещей идет постепенно» («Выход из схоластических лабиринтов», 39). Исходя из этого, Коменский приходит к выводу: «Обучение должно вестись последовательно».

Какое содержание вкладывает Коменский в свое основное положение — «Обучение должно вестись последовательно»?

Правда, Коменский здесь, как и в других случаях, для подтверждения своей идеи обращается к природе и приводит аналогии из природы, но исходит прежде всего из данных педагогической практики и дает много ценных указаний о том, как достигнуть последовательности в обучении. Эти взгляды могут быть обобщены в следующем виде.

Первое требование Коменского состоит в том, чтобы был установлен точный порядок обучения во времени, поскольку «порядок — душа всего».

Второе требование касается соответствия обучения уровню знаний учащихся. С этим же связано положение Коменского о том, что обучение должно начинаться с раннего возраста и продолжаться до возраста возмужалости (до 24 лет) и что «вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы» («Великая дидактика», XVI, 50).

Третье требование касается того, чтобы «все изучалось последовательно с начала и до завершения». Из этого требования Коменского вытекают следующие его дидактические положения:

«а) основание должно быть глубокое;

б) все последующее должно основываться на предыдущем;

в) все должно идти в непрерывной последовательности, чтобы сегодняшнее закрепляло вчерашнее и прокладало путь завтрашнему;

г) остановиться после окончания дела... Все, что должно быть выполняемо согласно предписаниям, должно быть выполняемо без всякого перерыва... Справедливо говорит кто-то: «Чтобы быстро попасть туда, куда хотят прийти, не столько необходимо бежать, сколько не отставать» («Пансофическая школа», ч. II, VII, II).

Четвертое требование — *«подкреплять все основания разума — это значит всему учить, указывая на причины, т. е. не только показывать, каким образом что-либо происходит, но также и показывать, почему оно не может быть иначе. Ведь знать что-нибудь — это значит называть вещь в причинной связи»* («Великая дидактика», XVIII, 36).

Чтобы облегчить учителям реализацию этих требований, Коменский формулирует ряд конкретных указаний и дидактических правил. Приведем некоторые из них.

Занятия должны быть распределены таким образом, чтобы на каждый год, каждый месяц, день и час были поставлены определенные учебные задачи, которые должны быть заранее продуманы учителем и осознаны учащимися.

Эти задачи должны решаться с учетом возрастных особенностей, точнее говоря, соответственно задачам отдельных классов.

Один предмет следует преподавать до тех пор, пока он с начала до конца не будет усвоен учащимися.

«Все занятия должны быть распределены таким образом, чтобы новый материал всегда основывался на предшествующем и укреплялся последующим», т. е. новый материал должен преподноситься учащимся после того, как предыдущий материал будет усвоен; вместе с тем обучение материалу должно представлять собой одновременно средство для закрепления предыдущего материала. Таким образом, в обучении должна быть установлена причинная связь между пройденным и новым учебным материалом.

Обучение «должно идти от более общего к более частному», «от более легкого — к более трудному», «от известного — к неизвестному», «от более близкого — к более отдаленному» и т. д. [1].

«Эту последовательность, — говорит Коменский, — необходимо соблюдать всюду; повсюду ум должен переходить от исторического познания вещей к разумному пониманию, затем к употреблению каждой вещи. Этими путями просвещение ума безошибочно ведет к своим целям подобно машине с собственным движением» («Выход из схоластических лабиринтов», 39, X).

Учитель должен проводить всевозможные упражнения учащихся «так тщательно, чтобы все безошибочно шли вперед с надлежащей постепенностью», не допуская перебоя в упражнениях.

В книгах также должен соблюдаться принцип постепенности, и учащиеся должны учиться не прерывисто и эпизодически, а последовательно, с начала до конца си-

---

[1] Последовательность изложения вышеприведенных взглядов принадлежит нам. — *Д. Л.*

стематически, вместе с тем в таком порядке, чтобы учащиеся занимались только по одной книге и после ее окончания переходили к изучению другой книги.

Понимая так принцип постепенности обучения, Коменский критиковал старую и современную ему школы: «В классических школах в течение целого дня, почти на каждом уроке, меняется материал занятий и упражнений» («Великая дидактика», XVI, IV, 30). «В школах совершается величайший грех... так как вместо основных начал навязывают ученикам хаос различных заключений» («Великая дидактика, XVII, III, 23). «Превратно поступают, когда в школах обучают неизвестному при помощи столь же неизвестного» («Великая дидактика», XVII, IV, 27). «Вредно, наконец, если он (учитель.—*Д. Л.*) не назначает на каждый час определенной задачи и не выполняет ее в положенное время так, чтобы вообще всякий раз было заметно продвижение вперед. Где недостает подобного огня, там все застывает. И недаром советуют ковать железо, пока оно горячо, так как если позволить ему остыть, то излишне бить по нему молотом; необходимо будет снова его раскалить, и это повлечет потерю как времени, так и железа; ведь каждый раз, как кладут его в огонь, оно теряет некоторую часть своего вещества» («Великая дидактика», XVI, VIII, 55).

Во взглядах Коменского на последовательность и систематичность обучения наряду с важными, ценными положениями проявляется также ограниченность и формалистически-догматический подход.

Однако эта исторически обусловленная ограниченность не может принизить значения реалистических взглядов Коменского по вопросу о последовательности и систематичности и значения тех важных общеметодических указаний, которые он дает. Целый ряд сформулированных Коменским правил и положений (о переходе от знакомого к незнакомому, от легкого — к трудному, от простого — к сложному, от более близкого — к более отдаленному и др.) являются классическими положениями и остаются незыблемыми правилами обучения.

К этому следует добавить и то, что Коменский показал классический пример осуществления принципа последовательности и систематичности в своих учебниках.

Упражнения и прочное усвоение знаний

Показателем полноценности знаний и навыков является не только степень их осознанности, но и то, насколько глубоко, основательно и прочно усвоили учащиеся эти знания и навыки, способны ли они в любое время восстановить их в памяти и использовать в учебе и труде. Этой важной задаче обучения и воспитания специально служат систематически проводимые упражнения и повторения. Можно сказать, что обучение невозможно без упражнения и повторения. Отсюда — известное положение: повторение — мать учения (repetito est mater studiorum), которое приобрело значение дидактического закона.

Принцип повторения и упражнения так же стар, как само обучение. Еще древний китайский мыслитель и философ Конфуций строил всю систему обучения на принципе повторения и упражнения. Почти на всем Древнем Востоке, а также в Греции, Риме и других странах основой обучения являлись именно упражнение и повторение. В средние же века они стали универсальными методами обучения.

Однако понимание упражнения изменялось в различные времена и эпохи в связи с изменением целей и содержания обучения. История школы не знает такого отрыва от жизни и такого механического характера упражнений и повторений в процессе обучения, какой имел место в средние века (если не принимать во внимание древнекитайской системы обучения). Правда, в школы эпохи Коменского, в соответствии с требованиями нового времени кое-где проникали уже элементы реализма, что нарушало механизм упражнений и повторения, но все же господствующее положение в это время занимали формализм и зубрежка.

Коменский, придавая упражнениям и повторению величайшее значение в обучении, вкладывает в них новое содержание. Если в современных Коменскому школах вербальное обучение, упражнения и повторение были доведены почти до уровня дрессировки и направлены главным образом на зазубривание богословских книг и схоластических сочинений, то Коменский под влиянием новых устремлений эпохи ставит перед упражнениями и повторением новую задачу — глубокое усвоение знаний,

основанное на сознательности и активности учащихся. По его мнению, упражнение должно служить не механическому запоминанию слов, а пониманию предметов и явлений, их сознательному усвоению и использованию в практической деятельности. Поэтому Коменский не случайно называет упражнения то практикой, то использованием, то хресисом, то автохресисом и др. «Так как только упражнение делает людей сведущими во всех вещах, искусившимися во всем и поэтому годными ко всему, мы требуем, чтобы во всех классах учащиеся упражнялись на практике: в чтении и письме, в повторении и спорах, в переводах прямых и обратных, в диспутах и декламации и т. д. Упражнения такого рода мы разделяем на упражнения: а) чувств, б) ума, в) памяти, г) упражнения в истории, д) в стиле, е) в языке, ж) в голосе, з) в нравах и к) в благочестии» («Пансофическая школа», ч. I, 72).

Давая такую классификацию упражнений под влиянием эмпиризма Бэкона, Коменский утверждает, что исходным пунктом всякого изучения и обучения должно быть упражнение чувств, что «упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке» («Пансофическая школа», ч. I, 73), поскольку «опыт является единственным средством сделать человека художником» («Великая дидактика», XXI, 17).

Коменский связывает упражнения с памятью и пишет: «Упражнения памяти должны практиковаться беспрерывно» («Пансофическая школа», ч. I, 76).

Вместе с тем Коменский выступает против механического запоминания в пользу логического и указывает: «Основательно внедряется в ум только то, что хорошо понятно и тщательно закреплено памятью» («Великая дидактика», XVIII, 33).

Коменский придает большое значение упражнению и для физического развития и здоровья. Он пишет: «Правильно сказано: «В здоровом теле — здоровый дух».

В этом отношении он уделяет особое внимание материнской школе, в связи с вопросами физического воспитания детей дает многочисленные указания о соответствующих упражнениях. Большую роль также отводит упражнению учащихся в практической деятельности.

«Тому, что следует выполнять, нужно учиться на деле» («Великая дидактика», XXI, 5), — пишет Коменский.

Коменский считает упражнение принципом нравственного воспитания и в то же время методом. Нравственные упражнения формируют в учащихся воспитанность, скромность и другие качества (см. гл. VI).

Таким образом, для Коменского упражнение и повторение — тот могучий фактор, без которого невозможно осуществление успешного, основательного, быстрого и легкого обучения. Вот почему, по мнению Коменского, три четверти всего времени, отводимого на обучение, должны занимать упражнения.

Придавая большое (и даже несколько преувеличенное) значение упражнениям и повторениям, Коменский выдвигает ряд указаний и правил для осуществления этого принципа в обучении. Поскольку эти правила и сегодня в значительной мере сохраняют свою справедливость, мы приведем некоторые из них.

«Обучение нельзя довести до основательности без возможно более частых и особенно искусно поставленных повторений и упражнений» («Великая дидактика» XVIII, 43). «Первые упражнения начинающих должны вращаться вокруг известного им материала» («Великая дидактика», XXI, V, 9). «Упражнения следует начинать с элементов, а не с выполнения целых работ» (т а м ж е, IV, 8).

Необходимо, указывает Коменский, чтобы «в *одной и той же школе был один и тот же порядок и метод во всех упражнениях*» («Великая дидактика», XVII, X, 48).

«*Ничего нельзя заставлять заучивать, кроме того, что хорошо понято.* И также ничего нельзя требовать от памяти ребенка, кроме того, что, судя по несомненным признакам, он усвоил» («Великая дидактика», XVII, 38).

Упражнения должны соразмеряться со средними способностями, считает Коменский.

«На каждом уроке, после краткого изложения изучаемого материала и толкового объяснения смысла слов, наглядно показав применение изучаемого, тотчас нужно предложить встать одному из учеников, который все сказанное учителем должен повторить в том же порядке, как будто бы он сам уже был учителем других, объяснить правила теми же самыми примерами. Если он в чем-либо ошибается, его нужно исправлять. Затем нужно предло-

жить встать другому и сделать то же самое, причем все остальные слушают; затем — третьему и четвертому и всем, кому необходимо, пока не станет ясным, что все правильно поняли и могут передать усвоенное и сами учить других. Не советую здесь соблюдать какой-либо особенный порядок, кроме того, чтобы сначала вызывать более способных, для того, чтобы ободренные их примером более слабые легче могли следовать за ними» («Великая дидактика», XVIII, 45).

По мнению Коменского, такое упражнение принесет особую пользу, ибо:

«I. *Учитель всегда будет вызывать к себе внимание со стороны учеников.* Так как любому ученику нужно быстро встать на вызов и повторить весь урок и каждый будет чувствовать страх как за себя, так и за других, то поневоле все будут напрягать внимание, как бы чего-либо не упустить. Этого рода напряжение внимания, укрепленное опытом нескольких лет, сделает юношу бдительным во всех случаях жизни.

II. *Преподаватель определеннее убедится в том, что все им предложенное правильно усвоено всеми.* Если недостаточно усвоено, то он будет иметь возможность тотчас исправить ошибки к великой пользе для себя и для учеников.

III. *Когда столько раз повторяется одно и то же, то даже наиболее отстающие поймут изложенное настолько, чтобы идти наравне с остальными,* между тем как более способные будут радоваться своей уверенности, создаваемой в них полным пониманием предметов.

IV. *Благодаря этому столько раз проведенному повторению все ученики усвоят себе этот урок лучше, чем при самом долгом домашнем корпении над ним,* так что, наскоро пробежав этот урок еще раз вечером и на другой день утром, ученики найдут, что все шутя и с удовольствием запечатлелось в памяти.

V. *Когда таким образом ученик постоянно будет допускаться, так сказать, к исполнению учительских обязанностей, то в умы вселится некоторая бодрость и увлечение этим учением и выработается смелость с одушевлением говорить о любом высоком предмете перед собранием людей, а это будет особенно полезно в жизни»* («Великая дидактика», XVIII, 46).

«Обучение искусству (когда уже даны инструменты, материя и образец) требует еще:

1) *правильного употребления (данных);*

2) *разумного направления;*

3) *частого упражнения.*

Это значит, чтобы ученика обучали, где и как нужно применять каждое из этих требований, а в процессе применения им бы руководили, чтобы он в работе не сбивался и исправлялся, если сбивается; наконец, чтобы, даже делая ошибки и уклонения, он снова принимался бы за работу до тех пор, пока не научится производить работу без ошибок, уверенно и легко» («Великая дидактика», XXI, 3).

«Правила должны поддерживать и закреплять практику» («Великая дидактика», XXII, 12).

«Делать они (ученики. — *Д. Л.*) должны не то, что им нравится, но то, что предписывают законы, и то, что приказывают толкователи законов, учителя» («Законы хорошо организованной школы», XI, 2).

«Упражнения ума, обыкновенно, будут происходить непрерывно на отдельных, проводимых по нашему методу, уроках. Каждая задача прежде иллюстрируется и объясняется, причем от учеников требуется показать, поняли ли они ее и как поняли. Так как мы воспитываем людей, а не попугаев, то они должны быть постоянно руководимы ясным светом ума. Хорошо также в конце каждой недели или перед вакациями, по усмотрению учителя, устраивать повторения» («Пансофическая школа», ч. I, 75).

Из этих положений и указаний ясно видно, что Коменский упражнение и повторение полностью подчиняет задаче сознательного и прочного усвоения знаний учащимися. С этой точки зрения многие предложенные им правила не только являются крупным достижением современной Коменскому дидактики, но и поныне сохраняют свое теоретическое и практическое значение. Особо следует отметить те правила, которые касаются упражнений и повторения на уроке. Так же ценны указания Коменского о том, чтобы повторение и упражнения проводились систематически, соответствовали учебному материалу и его содержанию, учитывали общий уровень развития ребенка, чтобы упражнения продолжались до тех пор, пока ребенок основательно не овладеет знани-

ями и навыками, упражнения и повторения должны воспитывать в учащихся способность к самостоятельной работе, склонность к творчеству и т. п.

КЛАССНО-УРОЧНАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ

Одна из величайших заслуг Коменского — разработка важнейших вопросов классно-урочной системы обучения и обоснование урока как формы организации обучения в школе. Если бы Коменский ничего другого и не сделал в области дидактики, его имя все же осталось бы бессмертным благодаря глубокой и основательной разработке этого коренного вопроса обучения.

В истории школы и педагогической мысли известны различные формы организации учебно-воспитательной работы. Урок как форма организации обучения имеет гораздо более короткую историю, чем школа и обучение вообще. Несмотря на то что школа начинает свою историю задолго до нашего летоисчисления (Египет, Вавилон, Ассирия, Китай и др.), а в Греции в VI—V вв. до н. э. существовала довольно развитая школьная система, основной формой организации обучения была индивидуальная работа учителя с учениками. Если, например, учитель имел десятки учеников, он занимался с ними одновременно, но с каждым отдельно и по разным вопросам. Это и понятно, поскольку прием в школу происходил в любое время года независимо от возраста и каждый ученик получал задание учителя в индивидуальном порядке. Индивидуальный порядок обучения господствовал во всех странах почти до XVIII в., а в некоторых странах его пережитки сохранились до конца XIX в.

Урок как форма организации учебной работы подразумевает: а) неизменный состав учащихся, стоящих приблизительно на одинаковом уровне развития (твердый класс); б) организацию занятий в точно определенное время по стабильному расписанию, предусматривающему определенное чередование учебных предметов; в) одновременную работу учителя со всем классом по одному и тому же учебному предмету; г) руководящую роль преподавателя на протяжении всего периода обучения.

В Чехословакии, в Пражском национальном музее, хранятся школьные уставы XVI и XVII вв., предусмат-

ривавшие организацию обучения по урочной системе. В школах «Чешских братьев», построенных на принципах демократизма, урок был формой организации обучения. Аналогичное положение имеет место в братских школах Западной Украины и Белоруссии, как это показано в исследованиях Е. Н. Медынского. На основе изучения опыта обучения, построенного по урочной системе, а также опираясь на собственную практику, Коменский дал теоретическое обоснование классно-урочной системы школьного обучения.

Возникновение урока в XVI—XVII вв. объясняется тем, что индивидуальное и построенное на зазубривании обучение совершенно не соответствовало духу эпохи. Потребность в более эффективном образовании, в котором был кровно заинтересован восходящий класс — буржуазия, требовало новой формы обучения. Такой формой организации обучения и явился урок.

Идея урока впервые, как известно, в зачаточном виде встречается в книге римского оратора и педагога Квинтилиана «О воспитании оратора». Кроме того что одним из условий школьного обучения Квинтилиан считал твердый, неизменный состав учащихся, имеющих приблизительно одинаковое развитие, он требовал еще и последовательного чередования учебных предметов. Квинтилиан пишет: «Что мешает распределению занятий на большое количество часов, в особенности когда самые разнообразные занятия освежают и восстанавливают душевные силы и, напротив, продолжительные занятия одной и той же работой очень тягостны? Поэтому от сочинений или письменных работ мы переходим к чтению в целях отдыха; а если наскучит чтение, мы возвращаемся опять к письменным работам. Сколько бы мы ни работали в определенной области, все же к новому занятию мы приступаем как бы со свежими силами. Кто не почувствует утомления, если он в течение целого дня будет слышать наставника какого-нибудь одного искусства? Перемена порождает бодрость» [1].

Положительные мнения об уроке высказывает Ратке и другие современники Коменского. Однако создателем теории классно-урочной системы все же является Комен-

[1] «Хрестоматия по педагогике», сост. И. Ф. Свадковский, т. I, М., 1936, стр. 61.

ский, поскольку он впервые дал всестороннее обоснование этой форме обучения и сформулировал главнейшие принципы ее построения.

Коменский подверг резкой критике господствовавший в его время школьный режим вообще и индивидуальную форму организации занятий особенно. Он считал убийственным для детей то, что учение продолжалось «с восхода солнца до заката».

Коменский в организации обучения особое внимание уделяет точному определению места и времени обучения. В работе «Законы хорошо организованной школы» он рассматривает эти вопросы в специальных главах и формулирует правила организации обучения.

Приведем выдержки из разных трудов Коменского, касающиеся урока как формы организации обучения.

1. Учащиеся должны приниматься в школу одновременно для получения «с начала до конца постепенного образования. Вместе с тем никто не может быть принят в школу после начала занятий, никто не будет выпущен из школы до конца занятий... Занятия мы будем начинать только один раз в год... и тогда нам ничто не помешает довести всех в одно и то же время до намеченной цели».

2. Учащиеся должны быть разделены на классы.

3. Сколько имеется классов, столько должно быть классных комнат.

4. Классным занятиям учащиеся ежедневно должны уделять четыре часа (в «Пансофической школе» Коменский требует 6-часового учебного дня. — *Д. Л.*).

5. Каждый час должен иметь свою определенную задачу, которая обязательно должна быть решена.

6. В определенное время каждый по данному знаку должен тотчас же отправиться в учебную комнату и занимать свое, а не чужое место.

7. Когда учитель что-нибудь говорит, излагает, объясняет, то все должны слушать с напряженным вниманием.

8. После каждого часа должен быть перерыв, отдых.

Из приведенных положений ясно видно, что для правильной организации учебной работы Коменский считал необходимыми условиями:

1. Твердый класс с неизменяющимся составом учащихся и приблизительно одинаковым уровнем развития

2. Твердо определенное время занятий.

3. Последовательное чередование занятий с перерывами между ними.

4. Одновременную работу учителя со всем классом.

Таким образом, эти характерные черты классно-урочной системы, урока как основной формы организации учебной работы в законченном виде даются уже у Коменского. Как должен быть построен урок?

Коменский определил длительность урока одним часом. Каждый час, по его мнению, должен быть частью того времени, которое выделено для изучения предмета. Каждый час должен иметь свою конкретную задачу. «Порядок, касающийся лиц, водворится в школе от распределения учащихся в зависимости от возраста и успехов по отделениям, или куриям, которые мы, согласно принятому в школах обозначению, называем «классами». Класс, следовательно (в этом случае), есть не что иное, как объединение одинаково успевающих учеников для того, чтобы легче можно было вести вместе к одной и той же цели всех, кто занят одним и тем же и относится к обучению с одинаковым прилежанием» («Пансофическая школа», ч. I, 45).

Занятия в классе должны начинаться и заканчиваться в установленные сроки. «Отсюда следует, что будет согласно с требованиями хорошего порядка, если все классы будут начинать и заканчивать свои годовые занятия в одно время: весной или, что, по-видимому, удобнее, осенью. Поэтому вне этого времени никого не следует (как общее правило) принимать в школу, чтобы обучение всех подвигалось равномерно и курс одинаковых занятий заканчивался всеми учениками каждого класса в конце года» («Пансофическая школа», ч. I, 56).

Коменский считает, что время, выделенное для урока, должно быть разумно использовано. Он пишет: «Если где-либо нужно мудрое распределение времени, то больше всего оно нужно, несомненно, там, где прилагают старание к приобретению мудрости: чтобы и частичка ее не пропадала без пользы и не оставляла умы неоплодотворенными, а также, с другой стороны, чтобы время, отмеренное нам богом, правда, в достаточном количестве, но слишком суживаемое нашей скупостью, не вызывало бы насилия над умами. В пансофической школе время должно быть так распределено, чтобы отдельные годы, месяцы, дни и часы имели свои определенные зада-

ния, которые должны быть разрешены в свое время» («Пансофическая школа», ч. I, 54).

Режим всякого рационального обучения требует отдыха. «Но эти ежедневные занятия в течение шести часов ни в коем случае не должны продолжаться беспрерывно; — между ними должны быть промежутки для отдыха. В предобеденные часы должны упражняться преимущественно ум, суждение, память, а в послеобеденные — руки, голос, стиль и жесты» («Пансофическая школа», ч. I, 58).

Коменский ничего не говорит специально о типах уроков, однако, если проанализировать все его высказывания об уроке, мы увидим, что хотя он часто требует вести обучение по «одному методу», говорит о какой-то «дидактической машине», которая предполагает одни и те же процессы для всякого рода обучения и т. д., но каждый урок и его характер, по Коменскому, обусловлены учебным предметом, спецификой его содержания, конкретной задачей данного урока, уровнем развития и подготовки учащихся вообще, степенью подготовки материала предыдущего урока и т. п. По Коменскому, каждый урок должен содержать сообщение нового материала и упражнение, которому, как было сказано выше, он отводил $^3/_4$ времени. По своему характеру и дидактическому назначению это приблизительно соответствует такому типу урока, который мы называем смешанным, комбинированным уроком.

Коменский, кроме этого, указывает на такой вид урока, который ставит своей целью специальное упражнение и повторение пройденного (в конце каждой недели, четверти, года и т. д.).

Интересны и важны взгляды Коменского относительно структурного построения урока. Он различает три части урока: начало, продолжение и завершение. Эти части урока полностью соответствуют взгляду Коменского на ступени процесса обучения. Его положение о том, что «строго определенных ступеней в каждом занятии есть три», относится и к структуре урока. Для Коменского начало означает восстановление в памяти учащихся пройденного, опрос и создание целеустремленного внимания; продолжение — показ, восприятие, разъяснение; окончание — упражнение, овладение, использование.

Коменский уделяет большое внимание распределению времени на уроке в соответствии с задачей урока и указывает те пропорции, которые, по его мнению, должны существовать между отдельными частями урока. «Например, если в каждый час должен быть окончен известный урок, то последний должен быть распределен таким образом, чтобы в течение $^1/_{16}$ часа предмет был показан и рассмотрен, в течение $^3/_{16}$ часа предмет был объяснен и воспринят в том виде, как обыкновенно он возникает, и чтобы остаток часа ($^3/_4$) был отведен на подражание или на упражнение и исправление ошибок, без которых при обучении дело никогда не обходится» («Законы хорошо организованной школы», VII, 4).

Правда, это распределение времени на уроке у Коменского имеет формальный характер, поскольку такой универсальный хронометраж и неизменные соотношения не соответствуют природе педагогического процесса. Кроме того, у Коменского сообщение нового, объяснение играет значительно меньшую роль, чем оно должно играть вообще, но сам по себе принцип строгого распределения времени является положительным, поскольку он указывает на необходимость рационального использования времени, планирования учителем каждой минуты.

Давая высокую оценку рациональному использованию времени на уроке, Коменский писал: «Следовательно, если ты в каждый отдельный час будешь выучивать хотя бы одно положение из какой-либо науки, хотя бы одно правило из техники искусства, хотя бы одну изящную маленькую историю или одно изречение, что, очевидно, можно сделать безо всякого труда, то, спрашиваю, какое огромное сокровище знаний должно образоваться?» («Великая дидактика», XV, 17).

О рациональном использовании времени говорят следующие положения Коменского:

«I. Образование человека нужно начинать в весну, т. е. в детстве, ибо детство изображает собой весну, юность — лето, возмужалый возраст — осень и старость — зиму.

II. Утренние часы для детей наиболее удобны (так как опять утро соответствует весне, полдень — лету, вечер — осени, а ночь — зиме)» («Великая дидактика», XVI, 10).

У Коменского можно найти много высказываний о такте и поведении учителя на уроке (см. гл. VII). Здесь мы укажем на мнение Коменского, согласно которому учитель должен быть душой и сердцем урока, его творцом.

Коменский в своем учении об уроке большое место уделяет также вопросам дисциплины учащихся и считает, что уроки, так же как и вообще школа, без дисциплины подобны «мельнице без воды», но дисциплина должна основываться «не на палке и на побоях», а на сознательности учеников, на уважении к достоинству учащегося, к его личности. Она должна служить воспитанию у учащихся веры в собственные силы, любви к учебе и труду.

Коменский не оставил без внимания вопрос о домашних заданиях и их дозировке. Он отрицательно оценивал такую практику, когда центр тяжести в усвоении учащимися учебного материала переносится на самостоятельную работу и в результате ребенку приходится переживать огромные страдания, зазубривая дома непонятные для него тексты. Коменский требовал так объяснять материал и разрабатывать его с помощью упражнений, чтобы учащемуся понадобилось лишь быстро «перечитать один раз вечером и один раз утром», перед уходом в школу.

Вместе с тем Коменский был настолько увлечен критикой, что развивал даже несколько крайнюю, ошибочную мысль, когда писал: «Ни в один день юношество не должно заниматься более шести часов, и притом только в классе; на дом ничего не следует задавать (особенно в младших классах), кроме того, что имеет отношение к развлечениям и домашним услугам. Если кто-либо скажет, что не давать ученикам никаких занятий вне школы значит давать слишком много свободы, то я на это отвечу: 1) школа называется учебной мастерской; следовательно, именно в ней, а не вне ее, надо делать то, чем обусловливается научный успех; 2) сколько ни приказывай, чтобы ученики делали вне школы то или другое, они все-таки — таково уж свойство юности — будут исполнять это лишь поверхностно, небрежно и с ошибками; а уж лучше ничего не делать, чем делать с ошибками; 3) я так распределил время занятий, чтобы на работу приходилось восемь часов, столько же на ночной отдых

и еще восемь часов на выполнение житейских обязанностей и на развлечения. Я прошу быть терпимым и к тому, чтобы ученики не испытывали недостатка времени для выполнения кое-чего по собственному усмотрению (что отвечает их природе) и чтобы, выполняя свои работы, они снова становились склонными к тому, что они должны делать по нашему мнению» («Пансофическая школа», ч. I, 57).

Несмотря на недооценку роли домашних заданий, Коменский правильно ставит вопрос о ликвидации перегрузки учащихся, о дозировке заданий, о построении обучения на основе принципа сознательности и т. д.

Таким образом, Коменский не только поставил все основные вопросы, связанные с уроком, но его богатое наследие в этой области наряду с учением других дидактов, особенно Дистервега и Ушинского, является полноценной теорией о сущности урока, о его построении и проведении. Эта теория с ее лучшими сторонами вошла в советскую дидактику.

В обучении и воспитании большое место Коменский уделял экскурсиям, которые, по его мнению, являются одним из важнейших средств образования. Он пишет: «Можно делать экскурсии за город, чтобы осмотреть деревья, травы, поля, луга, виноградники и работы, которые там производятся. Можно также заняться объяснением планов и стилей построек и лично осмотреть работы занятых при этом мастеров» («Законы хорошо организованной школы», X, IV). Коменский советует также предпринимать «путешествия к другим выдающимся по своему образованию народам, за тем, чтобы под влиянием бесед с мудрыми мужами и похвальных обычаев хорошо образованных народов стать более развитыми сравнительно с теми, которые не видят ничего, кроме того, что можно найти у них дома» («Пансофическая школа», ч. II, стр. 187). Экскурсию как метод обучения Коменский использует для воспитания нового человека, вооруженного реальными знаниями, что соответствовало устремлениям восходящего класса буржуазии.

Методы обучения

Вопрос о методах обучения является центральным вопросом в дидактическом учении Коменского. Это и понятно, поскольку для достижения цели обучения и реше-

ния каждой конкретной задачи, вытекающей из этой цели, необходим определенный путь, определенная система средств.

Коменский хорошо понимает, что общая цель обучения и воспитания и вытекающие из нее конкретные задачи определяют содержание обучения, его организацию и методы. Потому и вопрос о том, как обучать, неразрывно связан с вопросами, с какой целью обучать, для чего обучать и чему обучать.

Прежде всего нужно помнить, что Коменский рассматривал метод в двух аспектах. Первый, общий аспект содержит принципиальные положения о путях и средствах обучения, и их Коменский обобщает понятием так называемого естественного метода. Второй касается конкретных путей и средств обучения, т. е. собственно метода обучения.

«Естественный метод» представляет собой применение идеи природосообразности к процессу обучения и предполагает построение обучения так, как этого требует природа самого процесса обучения, его закономерности, в частности природа ребенка и особенности его возрастного развития. Природа же, по Коменскому, едина, в ней царит гармония, и все осуществляется целеустремленно и планомерно, все протекает естественно, путем своих внутренних законов. Путь обучения, метод, не должен расходиться с этим естественным путем. Эти требования Коменского выражаются в идее природосообразности обучения.

Поскольку относительно сущности и общих основ идеи природосообразности мы уже говорили в предыдущих главах, здесь мы рассмотрим высказывания о методах обучения.

Коменский пишет: «Вечным законом метода да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле или подражание» («Законы хорошо организованной школы», VII, 2). Однако он не дает характеристики отдельных методов обучения, а главным образом рассматривает общие, принципиальные вопросы обучения. Правда, в своей «Великой дидактике» Коменский выделяет такие отдельные главы: «Метод науки», «Метод искусства» и «Метод языков», но, по существу, в этих главах освещены общие, принципиальные стороны метода обучения, общие правила и приемы обучения. То

же можно сказать о других работах Коменского. Его труд «Похвала истинному методу» в том же аспекте рассматривает вопросы о методах обучения.

Поэтому мы сочли целесообразным осветить методическое учение Коменского в следующем порядке: 1) метод и его значение, 2) методические принципы, правила и приемы обучения, 3) учебная книга и работа над ней, 4) о методике преподавания языка.

Метод и его значение

Специального определения метода обучения Коменский не дал, но его дидактическое учение содержит множество положений, благодаря которым можно понять, что Коменский под методом подразумевал путь, приемы, систему средств, направленных на решение учебной задачи. Метод обучения Коменский считал путем осуществления и необходимым органическим элементом всего педагогического процесса.

Сравнивая обучение с «дидактической машиной» и определяя место метода в этой машине, Коменский пишет: «Каковы необходимые условия для дидактической машины? Каков порядок расположения ее частей? Каково их сцепление? Ответ: при механической структуре какой-либо машины необходимо обращать внимание: 1) на имеющуюся в виду цель — ту работу, которую машина должна произвести; 2) на средства — на то, чтобы она была в состоянии произвести имеющийся в виду результат (effectum); 3) на определенные способы такого упорядочения и распределения этих средств, чтобы желаемый результат последовал как бы сам собой. Следовательно, и для дидактической машины необходимо отыскать: 1) твердо установленные цели, 2) средства, точно приспособленные для достижения этих целей, и 3) твердые правила так пользоваться этими средствами, чтобы было невозможно не достигнуть цели» («Выход из схоластических лабиринтов», 23). Отсюда ясно следующее: Коменский придает методу значение одного из необходимых средств в педагогическом процессе и считает, что без использования определенных методов, приемов и правил обучения не существует и самого обучения.

По мнению Коменского, после того как правильно намечена цель обучения и определено его содержание,

«все дело в способе. Стало быть, нужен лишь способ, применяя который к вещам и к учениям о вещах, можно было бы удобно отличать необходимое от не необходимого, полезное от бесполезного, истинное от ложного» («Предвестник всеобщей мудрости», 62).

Коменский предостерегает от игнорирования метода. «Можно обучать всех всему всеобщим способом. Осведомлять всех обо всем нужном при помощи всеобщих средств, лишь бы мы не пренебрегали применять эти средства», — пишет Коменский.

Коменский хорошо знает, что метод имеет две стороны: с одной стороны, он предполагает учителя и передачу знаний, а с другой стороны, учащегося и усвоение знаний. Коменский требует разработать «законы для тех методов, которые мы должны использовать при обучении и учении» (термины «обучение» и «учение» Коменский употребляет именно в этом значении. — *Д. Л.*), и пишет: «Нам необходим надежный метод в занятиях, чтобы, следуя его предписаниям, воспитатель юношества так же быстро, как и изящно, приводил души к мудрости, красноречию, искусствам, добродетелям и благочестию, подобно тому как мастер механических искусств обрабатывает данный материал при помощи данных инструментов и делает его годным к употреблению» («Законы хорошо организованной школы», VII, 1).

Коменский объявляет жестокую борьбу схоластическим методам, широко использовавшимся в школе того времени, и даст много ценных указаний относительно назначения метода. В первую очередь Коменский указывает, что метод обучения по возможности должен облегчить учащимся преодоление учебных трудностей. «Всеми возможными способами нужно воспламенять в детях горячее стремление к знанию и к учению.

Метод обучения должен уменьшать трудность учения, с тем, чтобы оно не возбуждало в учениках неудовольствия и не отвращало их от дальнейших занятий» («Великая дидактика», XVII, 13).

Коменский сам же определяет пригодность тех методов, которые предлагает: «Мой метод, следовательно, освобождает умы от всяких лабиринтов и предлагает им немногое, но необходимое для жизни (этой и той); немногое, но прочно усвоенное посредством упражнений;

немногое, но зато такое, что обеспечивает применение его на деле» («Выход из схоластических лабиринтов», 19).

Метод обучения должен быть надежным и обеспечивать овладение учащимися основами науки. Ясно, пишет Коменский, «в какого рода Ариадниной нити нуждаются школы. Они нуждаются в таком тщательно обдуманном методе занятий, который, будучи простым и легким, давал бы, однако, возможность смело и успешно проникать во все пещеры наук. Вместе с тем этот метод должен быть настолько прочен, что, как бы далеко он ни простирался, он никогда бы не изменял в странствованиях по наукам» («Похвала истинному методу», стр. 216—217).

Метод должен способствовать тому, чтобы учащиеся, преодолевая трудности обучения, переживали радость и удовлетворение. Коменский хорошо понимает, что без положительных эмоций учащихся, без удовлетворенности результатами учения не существует настоящего успеха в обучении вообще. «Пансофические занятия требуют и пансофического метода, столько же универсального, сколько и везде согласного с самим собой, приятного и легкого, чтобы как учащие, так и учащиеся чувствовали не отвращение от трудов, а их плоды и радость. Таким образом, школа перестанет быть лабиринтом, толчейной мельницей, темницей, пыткой для умов, а станет для них скорее развлечением, дворцом, пиршеством, раем» («Пансофическая школа», ч. I, 31).

Резюмируя те требования, которым должен удовлетворять каждый метод обучения, Коменский пишет: «*Твердо установленная цель механического метода троякая: знание, деятельность, речь, т. е. все правильно познавать, все хорошее уметь правильно исполнять и то, что необходимо, уметь сообщать другому.* Так как отдельные предметы содержат в себе многое и различное, то этот механический метод требует так поставить дело, чтобы все подлежащее изучению изучалось: 1) легко, 2) скоро, 3) основательно. 1. Легко — чтобы не запугивать чем-либо умы, а скорее привлекать их. 2. Скоро — так как нам приходится изучать гораздо больше, нежели нашим предкам, между тем как времени жизни нам отмерено меньше, чем им, и так как жизнь должна быть проведена не в учении, а в деятельности. 3. Основатель-

но, чтобы мы в этот старческий век мира действительно знали то, что знаем, а не только думали, что знаем» («Выход из схоластических лабиринтов», 24).

Методические принципы, правила и приемы обучения

В дидактических трудах Коменского высказано много соображений о методических принципах, приемах и правилах обучения. Эти принципы, правила и приемы можно классифицировать в соответствии с теми дидактическими задачами, которые Коменский предъявляет к обучению вообще, т. е. сгруппировать их в соответствии с требованиями успешного, легкого, основательного и быстрого обучения.

С точки зрения *успешности* обучения Коменский придает особое значение использованию таких методов, которые обеспечивают сознательное усвоение изучаемого материала. В этом отношении ценно следующее положение Коменского: «Итак, жесток тот учитель, который, предложив ученикам работу, не разъясняет достаточно, в чем она заключается, не показывает, как ее выполнять, а еще менее того помогает им при их первых попытках, но обязывает их самих работать изо всех сил и волнуется и свирепеет, если они что-либо делают не совсем правильно. Но что это такое, как не истязание юношества? Это равносильно тому, как если бы няня пожелала заставить свободно ходить ребенка, который еще боится стоять на ногах, и принуждала бы его к этому побоями» («Великая дидактика», XVI, 40).

Легкость в обучении, по мнению Коменского, будет достигнута, если метод обучения обеспечивает последовательный и неторопливый переход от близкого к далекому, от легкого к трудному, от простого к сложному, если учитель не обременяет учащегося «предметами, трудными для его возраста, восприимчивости, настоящего положения».

Пригодность каждого метода, по Коменскому, оценивается в соответствии с тем, насколько *кратким путем* при меньшей затрате времени и сил осуществляется задача обучения. «Конечно, если в нашем распоряжении не будет сокращенных путей, — это дело огромной трудности и требует почти бесконечной работы. Ведь наука

так же длинна, обширна и глубока, как самый мир, подлежащий исследованию. Но кто не знает того, что длинное может сокращаться, что трудное может быть сведено к легкому» («Великая дидактика», XIX, 1).

Основательности знания должны служить такие пути и средства, с использованием которых становится возможным прочное овладение знаниями. Коменский считает, что существуют девять основных правил, соблюдение которых обеспечивает глубокое и основательное овладение знаниями. Они суть следующие:

«I. *Всему, что должно знать, нужно обучать.*

II. *Все, чему обучаешь, нужно преподносить учащимся как вещь действительно существующую и приносящую определенную пользу.*

III. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать прямо, а не окольными путями.*

IV. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать так, как оно есть и происходит, т. е. путем изучения причинных связей.*

V. *Все, что подлежит изучению, пусть сперва предлагается в общем виде, а затем по частям.*

VI. *Части вещи должно рассмотреть все, даже менее значительные, не пропуская ни одной, принимая во внимание порядок, положение и связь, в которой они находятся с другими частями.*

VII. *Все нужно изучать последовательно, сосредотачивая внимание в каждый данный момент только на чем-либо одном.*

VIII. *На каждом предмете нужно останавливаться до тех пор, пока он не будет понят.*

IX. *Различия между вещами должно передавать хорошо, чтобы понимание всего было отчетливо*» («Великая дидактика», XX, 15—23).

Вместе с тем Коменский считал, что метод обучения лишь тогда оправдывает свое назначение, когда он позволяет не только видеть предметы и явления такими, какими они существуют в действительности, но и проникать в их сущность. «*Наука, или знание вещей, будучи не чем иным, как внутренним созерцанием вещей, обусловливается такими же элементами, как и внешнее наблюдение, или созерцание, а именно глазом, объектом и светом.* Только при наличии таких элементов получается зрение. Оком внутреннего зрения является разум, или

умственные способности, объектом — должное внимание. Но как во внешнем зрении нужен еще и определенный способ, чтобы видеть вещи так, как они есть, так и здесь нужен известный метод, при котором вещи так представлялись бы уму, чтобы он воспринимал и постигал их верно и легко» («Великая дидактика», XX, 2).

Для того чтобы учащийся проник в «тайну предметов», по мнению Коменского, необходимо соблюдать четыре условия:

«1) *он должен иметь чистое духовное око;*

2) *перед ним должны быть поставлены объекты;*

3) *должно быть налицо внимание и затем*

4) *подлежащее наблюдению должно быть представлено одно за другим в надлежащем порядке*» («Великая дидактика», XX, 3).

С точки зрения основательности обучения важными являются указания Коменского о самостоятельной работе учащегося и о выполнении необходимых записей. Он советует, чтобы ученики переписывали в свои дневники, памятные тетради или сборники то, что они слышат или читают в книгах. «Это будет давать пищу воображению и облегчит припоминание предмета в дальнейшем».

Коменский совершенно справедливо указывал, какое большое значение для прочного овладения знаниями имеет пересказывание учащимися изученного материала, его передача, взаимный обмен знаниями. Привлекают внимание следующие высказывания Коменского: «*Твое знание ничто, если другой не знает, что ты это знаешь*» («Великая дидактика», XVIII, 40). «Чрезвычайно правильно известное положение: «Кто учит других, учится сам» — не только потому, что, повторяя, он укрепляет в себе свои знания, но также и потому, что получает возможность глубже проникать в вещи» («Великая дидактика», XVIII, 44).

Коменский выдвигает эти требования также с целью воспитать у учащихся стремление и привычку делиться своими знаниями с другими, поскольку «*все то, что усвоено, в свою очередь, должно быть передаваемо другим и для других, чтобы никакое знание не пропадало*» («Великая дидактика», XVIII, 40).

Одним из способов обеспечить основательность знаний Коменский считал практику вопросов со стороны учащихся.

«Как можно больше спрашивать, спрошенное усваивать, тому, что усвоил, обучать — эти три правила дают возможность ученику побеждать учителя» («Великая дидактика», XVIII, 44).

Здесь же Коменский указывает: «С п р а ш и в а т ь — это значит обращаться за советом по поводу неизвестной вещи к учителю, к товарищу или к книге... У с в а и в а т ь — это значит узнанное и понятое запомнить. О б у ч а т ь — это значит все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать» («Великая дидактика», XVIII, 44).

Особого внимания в теории обучения Коменского заслуживает его требование того, чтобы в процессе обучения была учтена одаренность учащегося и чтобы метод обучения всецело соответствовал задаче развития этой одаренности в нужном направлении. Коменский считал, что «чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика... Встречаются счастливцы, которые все постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определенных предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной в спекулятивных науках — орел, а в практической мудрости — осел с лирой. Иной в музыке туп — а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой, или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Бороться с натурой — напрасное дело.

Ибо таким образом ты или совершенно ничего не достигнешь, или достигнешь того, что не оправдает затраченного труда».

Коменский считал, что достигнуть основательности знаний можно, если построить обучение по аналитико-синтетическому принципу. «Но ты хочешь, чтобы твой ученик умел что-либо сделать или произвести? Этого ты можешь достигнуть при соблюдении опять-таки трех условий: 1. Покажи ему образчик того, что он должен делать. 2. Покажи ему, как это делается, начиная с самых мелких частей и составляя из них большие, пока не выйдет из этого целое. Как анализ исходит из наибольшего, т. е. из целого, и кончает наименьшим — так синтез начинает с наименьшего и кончает наибольшим, т. е. целым. 3. Но заставляй его самого быстро подражать всему

(начиная с самого малого и кончая самым большим) и наблюдай, чтобы он, пробуя подражать, не попал на ложный путь: сбивающегося с правильного пути исправляй до тех пор, пока он не научится (sciat) делать безошибочно. Это мы и называем автопраксией — собственно упражнением. При соблюдении этих трех данных осуществляется без всякой трудности все искусство; при отсутствии хотя бы одного из них ничто не приходит в исполнение или же, во всяком случае, осуществляется очень медленно, с потерей времени и несовершенно» («Выход из схоластических лабиринтов», 48). Или еще: «Все может быть найдено с помощью аналитического, синтетического и синкретического (сопоставляемого или сравниваемого) методов» («Пансофическая школа», ч. II, V, 4).

Для достижения твердости и основательности знаний Коменский придавал совершенно особое значение участию детей в труде, практике. Коменский писал: «Теория, говорит Вивес, легка и коротка и не приносит ничего, кроме удовольствия; применение же ее — дело трудное и продолжительное, приносящее зато удивительную пользу. Вот почему нужно тщательно исследовать тот способ, которым легко можно было бы вести юношество к практике, заключающейся в искусствах» («Великая дидактика», XXI, 1).

Коменский придавал решающее значение в обучении повторению и практическим упражнениям. Он считал, что при теоретических занятиях место подражания занимает повторение посредством испытания (per examen) того, что было объяснено. Этот практический метод, считал Коменский, должен быть применяем повсюду.

Одним из средств сознательного и активного усвоения знаний учащимися, а также развития в них инициативы и самодеятельности Коменский считал театральные представления. Более того, театр он считал и одним из методов воспитания. «Мне небезызвестно, что из некоторых школ изгнаны театральные представления, в особенности комедии; но в пользу того, чтобы их удержать и ввести там, где их нет, говорят разумные основания. Прежде всего: этими публичными представлениями на сцене перед зрителями можно развивать остроту человеческого ума более мощно, нежели какими бы то ни было наставлениями или всей силой дисциплины. От этого и проис-

ходит то, что вещи, назначенные для усвоения памятью, легче запечатлеваются в ней, если они, таким образом, представляются в живой форме, нежели если их только слышат или читают; таким способом легче заучиваются многочисленные стихи, изречения, даже целые книги, нежели гораздо меньшие вещи посредством одного затверживания. Далее и ввиду последующего — одно ведь следует из другого — они служат прекрасным поощрением для учеников, когда те знают, что перед многими должна быть произнесена или похвала прилежанию, или порицание лености. Затем (в-третьих) и для учителей подобная личная проба прилежания вверенных им питомцев служит поощрением, внушая им уверенность, что от их похвалы зависит выступление на сцене порученных им учеников, и представляет случай обнаружить служебную ревность. Эти же представления радуют и родителей, и они не жалеют издержек, видя, как их дети хорошо идут вперед и имеют успех перед публикой», — писал Коменский («Пансофическая школа», I, 88). Приведенное мнение Коменского дает достаточно оснований для того, чтобы еще шире использовать эту форму самодеятельности учащихся, не только во внешкольных мероприятиях, но и в самой школе, в самом процессе обучения.

Учебная книга и работа над ней

Коменский часто возвращается к вопросу о значении книги и о работе над ней как одном из важнейших источников знания и нравственного сознания, «который нас учит и наставляет». Коменский считал, что одним из важных средств «всеобщего образования и в школах, и вне школ служат хорошие книги, подкрепляющие дарования более широким познанием вещей, всевозможными добродетелями и потоками красноречия» («О культуре природных дарований», стр. 129).

Коменского совершенно не удовлетворяли существовавшие школьные книги не только по содержанию, но и с методической точки зрения.

Коменский пишет: «Если она (книга. — *Д. Л.*) написана действительно хорошо и талантливо, то представляет поистине оселок для отточки дарований, напилок для изощрения разума» («О культуре природных дарований», стр. 129).

Книги должны быть построены по правильному методу, и поэтому, по мнению Коменского, «необходимы (приспособленные к человеческим силам) элементарные книги, которые бы открыли наши чувства для более отчетливого схватывания вещей» («Пансофическая школа», ч. I, 29).

Общедидактические воззрения Коменского по вопросам построения учебной книги со всей полнотой реализованы в его бессмертных учебниках, особенно в «Orbis pictus». Можно сказать, что, если бы Коменский не написал ничего, кроме «Orbis pictus», мы путем анализа этой книги смогли бы установить не только общедидактические и методические принципы построения учебной книги, но и дидактическую теорию Коменского в целом. Содержательность, наглядность, последовательность, учет возрастных особенностей учащегося, связь обучения с действительностью и реальным образованием, виртуозное воплощение дидактически-методических требований в расположении материала, связь обучения с задачей воспитания человечности и др. делают этот поистине классический учебник «золотой книгой». Книга Коменского положила начало созданию школьных учебников нового типа во всем мире и поныне сохраняет свое дидактически-методическое значение.

О методике преподавания языка

В методическом наследии Коменского особое место занимают его взгляды по вопросам методики преподавания языков, в частности методики преподавания родного языка. Коменский исходит из того положения, что родной язык является «душой школы» и представляет собой не только орудие обучения, но и главный фактор нравственного совершенствования, поскольку в языке отражается вся жизнь народа, его прошлое и настоящее.

Основой обучения языку Коменский признает материалистическое положение: сперва предмет, затем слово, поскольку слово является оболочкой, а предмет — сутью. В работе «О пользе точного наименования вещей» Коменский критикует отвлеченный характер схоластической школы, отрыв языка от действительности и такую практику обучения, когда дети, как попугаи, зазубривают слова.

Коменский требует, чтобы изучение слова или понятия было связано с предметом, действительностью.

Для Коменского язык и мышление неотделимы друг от друга. Мышление развивается путем отражения реальной действительности.

Коменский развивает следующие положения: «Ничего не означающие слова, например, «болда, дадит, фиту», которых, быть может, и нет ни в каком языке, бесполезны, точно так же как и такие слова, которые хотя и имеют известное значение, но они нам неизвестны» («О пользе точного наименования вещей», стр. 220). Слова должны иметь смысл. «Если нужно говорить, то сознание должно предшествовать языку, а не наоборот, чтобы не заминаться или не брать назад свои слова, если скажешь что-либо неподходящее» («Правила поведения», VI, 2).

В своей борьбе против схоластической школы Коменский утверждал, что в школе его времени нет настоящего образования, а для того, чтобы обучение было преобразовано, необходимо стремиться к совершенствованию изучения языков. Он пишет: «Это точное приурочение вещей к словам и слов к вещам может быть установлено не иначе, как при помощи внимательной мысли, вникающей как в вещи, так и в слова, — она вникает в вещи, чтобы знать, что каждая из себя представляет, из каких частей состоит, что и каким образом она благодаря им исполняет, — она вникает в слова, чтобы понимать, в чем заключается свойственное каждому слову особое значение и откуда происходит его смысл. Достигнув этого, мы в состоянии установить и точную номенклатуру вещей» («О пользе точного наименования вещей», стр. 220).

Коменский развивает идеи своих предшественников (Меланхтона, Монтеня) и современников (Бэкона и Ратке) о том, что обучение сперва должно проводиться на родном языке, поскольку «делается также ошибка против правильного ведения дела и в том случае, когда по одним и тем же грамматическим правилам... обучают юношество всех наций (французов, немцев, чехов, поляков или венгров и пр.), тогда как каждый из языков имеет свое особое и до некоторой степени обособленное отношение к латинскому языку...»

Это будет исправлено, если:

«I. *Учитель и ученик говорят на одном и том же языке.*

II. *Все разъяснения вещей делаются на знакомом языке*» («Великая дидактика», XVII, 27—28).

Коменский указывает, что школы действуют неправильно, давая детям переводные словари с латинского на родной язык. Должно быть наоборот, потому что «ведь они изучают не родной язык при помощи латинского, а латинский язык при помощи родного, так как последний уже известен.

Превратно поступают в школах, — пишет Коменский, — когда мальчику дается в учителя чужеземец, не владеющий родным языком мальчика. Так как они лишены общего средства взаимного понимания и вынуждены объясняться при помощи знаков и догадок, то не сооружают ли таким образом Вавилонской башни?» («Великая дидактика», XVII, IV, III). «Поэтому, — заключает Коменский, — сперва, конечно, родной язык, затем тот, который употребителен вместо родного языка».

Все приведенные здесь цитаты ясно говорят о том, что успешное обучение и сознательный педагогический процесс, по мнению Коменского, требуют в первую очередь знания родного языка.

Коменский требует, чтобы язык учителя был точен, понятен и привлекателен для учащихся, чтобы «все шло естественно».

Он считает также необходимым, чтобы язык развивали постоянными упражнениями.

Особенно важной и актуальной до наших дней является оценка Коменским места и роли грамматики в общей системе изучения языка. Коменский резко критиковал веками царившую в школах практику, когда изучение грамматики превращалось в самоцель и зазубривание грамматических категорий не только не способствовало овладению языком и развитию правильной речи, а, наоборот, формалистически-схоластическое изучение грамматики значительно тормозило развитие речи и мышления учащихся. «При самом изучении языков, — пишет Коменский, — превратно поступали в том отношении, что начинали не с какого-либо автора или умело подготовленного словаря, а с грамматики» («Великая дидактика», XVI, 16). Более того, Коменский категорически требовал: «Никакого языка не изучать из грамматики, а каждый язык следует изучать из подходящих произведений писателей» («Великая дидактика», XVI,

19). Насколько острым и актуальным был этот вопрос даже спустя столетия, видно из того, что писал по этому вопросу Я. С. Гогебашвили в своей статье «Грамматическая беседа», напечатанной в газ. «Иверия» в 1886 г. «Около тридцати лет назад в наших учебных заведениях грамматика была введена по учебнику грузинского языка Иоселиани. Читателю трудно себе представить, до чего противны мне были уроки грузинского языка и какую ненависть породила в моем сердце эта грамматика родного языка до того времени, пока меня не заставили полюбить ее наши высокоодаренные поэты и литераторы. Да, это — лучшее и важнейшее мероприятие для изучения языка: произведения народного разума, поэзия и художественная проза, одним словом—литература. Литература — единственный живой источник для усвоения богатства языка» [1]. Ни Я. Гогебашвили, ни другие великие педагоги нисколько не отрицали огромного значения грамматики в изучении языка, а, наоборот, боролись против формалистического изучения грамматики и требовали, чтобы преподавание грамматики было подчинено задаче изучения живого языка, речи.

Безошибочным методом преподавания языка Коменский считал анализ, синтез, сравнения, противопоставления.

Как мы видим, Коменский подходит к вопросу о методике обучения языку, опираясь на свое общедидактическое учение. В первую очередь этим объясняются прогрессивность и жизненность методического наследия Коменского. Без преувеличения можно сказать, что в учении Коменского весьма правильно решена проблема взаимообусловленности дидактики (как теории об общих принципах обучения) и методики (как теории преподавания отдельных дисциплин).

О проверке знаний учащихся

Как известно, на протяжении всего средневековья в школе знания учащихся оценивались по степени запоминания, зазубривания. Проверка производилась в чисто вербальной, словесной форме. Совершенно не учитыва-

---

[1] Я. С. Гогебашвили, Сочинения, т. 3, Тбилиси, 1954, стр. 226.

лось, насколько осмысленно, сознательно были усвоены эти знания учащимся и в какой степени мог он использовать эти знания в дальнейшей учебе или жизни. Жестокие физические наказания сопутствовали каждому незначительному неуспеху учащегося.

Проверка и оценка знаний в школах эпохи Коменского были для учащихся настоящим пугалом, убивали в них всякое желание учиться и пробуждали ненависть к школе.

Коменский, явившийся создателем новой дидактики, построенной на принципах гуманизма и реализма, разоблачает бесчеловечный характер средневековой системы проверки знаний учащихся. Коменский выступает против физических наказаний вообще и особенно — за неуспеваемость учащихся. Коменский исходит из того основного соображения, что проверка и оценка знаний учащихся должны сделать ясными для учащегося его успехи и отставание, воспитать в каждом веру в собственные силы и в то, что он способен овладеть науками. Даже достоинства самого учащегося Коменский оценивает именно по этому признаку. «Хороший ученик будет не чем иным, как тем, что вполне точно соответствует его имени: он будет сгорать от нетерпения учиться, не боясь никаких трудов, лишь бы овладеть наукой. И его благородный дух будет питать работа; мало того что он не будет избегать труда, он будет даже искать его и не бояться напряжения и усилий. Он будет ставить себе целью не что-либо посредственное, но самое высшее, постоянно стремиться чему-либо научиться, пока он чувствует, что ему чего-либо недостает, и постоянно искать, у кого ему учиться, во всем подражая своим учителям и соревнуясь со своими сотоварищами, всеми силами стараясь сравняться с одними, превзойти других» («Об изгнании из школ косности», 18).

Коменский требует, чтобы каждый день, каждый час решалась определенная учебная задача. В то же время Коменский считает незыблемым законом рационального обучения переход к новому материалу только после того, как уже установлено, что учащиеся хорошо поняли и усвоили предшествующий материал. Именно отсюда вытекает общепедагогическое значение проверки знаний.

Приведем несколько высказываний Коменскому по вопросу о проверке знаний учащихся.

«Могущественное действие оказывают школьные проверки, а именно: а) почасовая, б) ежедневная, в) недельная, г) месячная, д) четвертная и е) годовая».

«Часовые испытания проводятся учителем, дневные — десятниками (первыми по скамье), недельные — самими учениками, месячные — ректором, четвертные и годовые — попечителем».

«Учитель испытывает ежечасно всех своих учеников (хотя не каждого в отдельности, потому что их много), а именно частью глазами, наблюдая, внимательны ли они, частью словами (например, такой-то или такой-то, повтори то, что я сейчас сказал. Как ты это понял? и т. п.)».

«Ежедневно повторяет десятник по окончании занятий с находящимися под его надзором учащимися, что было сделано в течение всего дня и т. д.».

«Еженедельно, а именно в последнее свободное послеобеденное время, испытывают себя сами ученики, поощряя взаимную ревность состязанием из-за места (!) и т. д.».

«Раз в месяц ректор посещает все классы в сопровождении священника или какого-нибудь школьного попечителя и проводит строгое испытание, пройдены ли месячные курсы и насколько прилежно».

«Четвертной экзамен проводится тем или иным школьным попечителем совместно с ректором, чтобы узнать, кто в соревновании с другими способнее по памяти, языку, произношению и кто при публичных испытаниях найден более достойным для выставления напоказ и т. д.».

По Коменскому, «учащийся должен переводиться в следующий класс только после усвоения определенных знаний». С этой целью он считает необходимым проводить годовые испытания — экзамены — и в соответствии с их результатом решать, кого можно перевести в следующий класс.

Коменский совершенно правильно требует, чтобы учитель часто обязывал учащихся выполнять то или иное поручение и надлежащим образом отчитываться о том, что и как было сделано.

Коменский не высказывал какого-либо мнения о критериях оценки знаний и о качественных показателях самой оценки. Правда, он требовал, чтобы обучение соот-

ветствовало «средней одаренности», проводило различие между «слабыми», «средними», «более одаренными» и «сильными» учащимися, требовал возвращать в семью того ученика, который «отставал в научных занятиях», или же подыскать для него соответствующую его будущей жизни работу.

Несмотря на то, что Коменский в методике проверки знаний учащихся допускает и много ошибок, мы имеем в виду особенно перепоручение этой важнейшей функции учителя декурионам (десятникам), все же многое в его взглядах и по этому вопросу заслуживает внимания. Это борьба против средневековой системы проверки знаний учащихся, требование соблюдения последовательности и систематичности в оценке, индивидуального изучения ученика и установления степени его знаний ежедневно, ежемесячно, по четвертям, за год и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ КОМЕНСКОГО

Центральную часть педагогического учения Коменского составляет дидактика. Большинство его педагогических произведений касается процесса обучения, его теории и практики. Это, однако, не означает, что педагогическое учение Коменского может быть сведено к дидактике. Напротив, вся дидактика Коменского проникнута идеей воспитания личности, идеей воспитания человечности в человеке. Можно прямо сказать, что, по Коменскому, основным назначением обучения являются не знания и обучение сами по себе, а воспитание человечности, которому должны служить сами эти знания и обучение. «Человек должен быть воспитан для человечности» — таков главный девиз Коменского. Именно поэтому в учении Коменского большое место занимают вопросы воспитания личности, рассматриваемые им как в дидактических трудах, так и в трудах, специально посвященных вопросам нравственного воспитания.

В этой главе мы рассматриваем учение Коменского об общих основах формирования личности, принципах и методах воспитания человечности, о дисциплине в поведении учащихся, а также о роли семьи в воспитании.

ОБЩИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Учение Коменского об основах воспитания личности вытекает из общественно-политических воззрений Коменского, в частности из его этики. Как мы видели в первой главе, этика Коменского в основном имеет демократически-гуманистическую направленность. Но в ней вместе с тем нашли значительное отражение идеи христианской религии. Это обстоятельство всегда следует иметь в виду, когда мы рассматриваем учение Коменского о воспитании личности.

В воспитании человечности, по мнению Коменского, главную роль играет формирование высокого нравственного сознания и привычек и на этой основе — воспитание полноценной личности.

Своей работе «Правила поведения» Коменский предпослал в качестве эпиграфа следующее изречение Сенеки: «Научись сперва добрым нравам, а затем — мудрости, ибо без первых трудно научиться последней», а также народное изречение: «Кто успевает в науках, но отстает в добрых нравах, тот больше отстает, чем успевает».

Говоря о воспитании «человечности в человеке», Коменский имел в виду воспитание четырех основных добродетелей: мудрости, умеренности, бодрости и справедливости. Эти основные категории неоплатонистской морали у Коменского проникнуты новым духом, духом реализма, но облачены в одежду христиански-протестантской этики, в частности тех моральных принципов, которыми руководствовались «Чешские братья». Характерно положение Коменского о том, что нравственность человека, обусловленная реальными обстоятельствами жизни, должна сочетаться с благочестием.

«Итак, следует как можно более заботиться о том, чтобы искусство внедрять настоящим образом нравственность и истинное благочестие было поставлено надлежащим образом в школах, чтобы школы вполне стали, как их называют, «мастерскими людей» («Великая дидактика», XXIII, 2).

Коменский считает, что человек не рождается с готовыми нравственными принципами и сознанием, но качества эти являются результатом воспитания. Нравствен-

ность прежде всего связана с воспитанием мудрости и любви к ней у учащихся. «Что значит быть мудрым? Это значит знать различие вещей, всюду предпочитать доброе злому, лучшее менее хорошему, всегда уметь найти лучшие средства к достижению намеченных благих целей, иметь наготове нужные для их применения способы» («Об изгнании из школ косности», 54).

По мнению Коменского, внушение любви к мудрости может постепенно воспитать у учащихся высокую нравственность. «В первую очередь нужно как можно больше превозносить мудрость, чтобы ученики, опьяненные любовью к ней, не чувствовали труда, потребного для ее достижения», — пишет Коменский («Об изгнании из школ косности», 54).

Коменский считает, что ребенок дороже золота. «Золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь всем; а дети, по божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние» («Материнская школа», I, 16).

Но если ребенок с самого начала не испытает правильного нравственного влияния, из него нельзя будет воспитать хорошего человека. Главным принципом нравственного воспитания Коменский считает то, чтобы с самого начала не внушать учащемуся ничего такого, что не соответствует требованиям нравственности, ибо искоренить плохое начало оказывается трудно, а иногда и невозможно. «Предупреждать испорченность легче, чем исправить ее; мало того, совершенно испорченное исправить невозможно.

Отсюда правило: все зависит от начала, а также: каково начало, таково и все... А Соломон говорит: юноша, наставленный в своей жизни, даже состарившись, не отступает от нее» («Материнская школа», эпиграф).

В основе учения Коменского о воспитании личности лежит идея воспитывающего обучения. По образному выражению Коменского, «ученость — спутница высокой нравственности».

Все учение Коменского о методах воспитания проникнуто идеей природосообразности.

По Коменскому, одним из основных условий нравственного воспитания является связь школы с обществом, с

жизнью. Коменский указывает: «И так как в жизни приходится вращаться не только среди вещей, но и среди людей, то и школы, как мастерские добродетелей и человечности, должны сделать своих питомцев способными также и для общения с людьми» («Законы хорошо организованной школы», II, 4).

По мнению Коменского, это общение осуществляется прежде всего в труде, «полезной деятельности», без которых «воспитания не существует».

Исходя из христианской этики, Коменский считал окончательной и главной задачей воспитания, его основой, воспитание благочестия, божественной добродетели.

В соответствии со своими общественно-этическими и общепедагогическими воззрениями Коменский выработал шестнадцать правил для развития нравственности. Приведем их с некоторыми сокращениями.

«I. *Добродетели должны быть внедряемы юношеству все без исключения.*

Из того, что правильно и честно, именно ничего нельзя исключить, не вызывая пробелов и нарушения гармонии.

II. *И прежде всего основные, или, как их называют, «кардинальные», добродетели: мудрость, умеренность, мужество и справедливость.*

III. *Мудрость юноши должны почерпать из хорошего наставления.*

Ибо истинное суждение о вещах есть истинная основа всякой добродетели. Прекрасно об этом говорит Вивес: «Истинная мудрость заключается в том, чтобы судить о вещах справедливо, чтобы считать каждую вещь только такою, какая она есть, не стремиться к пустому, как будто бы оно было драгоценным, или не отбрасывать драгоценного, принимая его за пустое, не порицать того, что заслуживает похвалы, и не восхвалять заслуживающего порицания. Отсюда именно рождаются в человеческих умах всякое заблуждение и ошибки, и ничего нет в человеческой жизни более гибельного, чем те превратные суждения, когда вещам дается не надлежащая оценка. Поэтому пусть приучается каждый уже с детства иметь о вещах истинные мнения, которые с возрастом должны укрепляться, и пусть устремляется к тому, что правильно, и избегает того, что неправильно, чтобы эта привычка

действовать правильно обратилась у него во вторую природу...» и пр.

IV. *Умеренности пусть обучаются на протяжении всего времени обучения.*

Здесь всегда нужно напоминать юношам золотое правило: ничего сверх меры, т. е. никогда и ни в чем не доходить до пресыщения и отвращения.

V. *Мужеству пусть они учатся, преодолевая самих себя...*

Основой этого должна быть привычка поступать во всем обдуманно и ничего не делать под влиянием увлечения или порыва. Ведь человек есть существо разумное, следовательно, пусть он привыкает руководиться разумом, обдумывая свои действия; что, почему, каким образом каждое дело должно происходить правильно, чтобы человек поистине был господином своих действий.

VI. *Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи и обмана, проявляя исполнительность и любезность.*

VII. *Особенно необходимые юношеству виды мужества: благородное прямодушие и выносливость в труде.*

VIII. *Благородное прямодушие достигается частым общением с благородными людьми и исполнением на их глазах всевозможных поручений.*

Аристотель так воспитал Александра, что на двенадцатом году своей жизни он умел умно обходиться со всякого рода людьми — с царями и послами царей и народов, с учеными и неучеными, с горожанами, поселянами и ремесленниками.

IX. *Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом* ...и труду тоже надо учить посредством труда, так, чтобы постоянные (однако умеренные) умственные и физические занятия перешли в трудолюбие, которое сделает праздность невыносимой. И тогда оправдается то, что говорит Сенека: «Благородные умы питаются трудом».

X. *Особенно необходимо внушить детям родственную справедливости добродетель — готовность услужить другим и охоту к этому... Поэтому нужно старательно внушать юношеству назначение нашей жизни,* а именно, что мы рождаемся не только для себя самих, но и для бога и для ближнего, т. е. для всего человеческого рода. Итак,

тогда лишь наступило бы счастливое состояние в делах частных и общественных, если бы все прониклись желанием действовать в интересах общего благополучия...

XI. *Развитие добродетелей нужно начинать с самых юных лет, прежде чем порок овладеет душой...*

XII. *Добродетелям учатся, постоянно осуществляя честное...*

XIII. *Пусть постоянно сияют перед ними примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей...* Итак, пусть прежде всего сами родители строго блюдут домашнюю дисциплину, а учителями пусть будут самые лучшие из людей, выдающиеся своей нравственностью, — вот наиболее действенное замечательное средство к тому, чтобы подвинуть учеников на самую честную жизнь.

XIV. *Нужно примеры сопровождать наставлениями и правилами жизни для того, чтобы исправлять, дополнять и укреплять подражание...*

XV. *И самым тщательным образом нужно оберегать детей от сообщества испорченных людей, чтобы они не заразились от них.*

Ведь вследствие испорченности нашей природы зло распространяется легче и держится упорнее. Поэтому всячески нужно предохранять молодежь от всех поводов к нравственной испорченности, как, например, дурных товарищей, развращенных речей, пустых и бессодержательных книг (ибо примеры пороков, воспринятые глазами или ушами, есть яд для души) и, наконец, безделья, чтобы дети от безделья не научились делать дурное или не отупели умственно. Лучше, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты, серьезным ли делом или развлечением, только бы не предавались праздности.

XVI. *И так как едва ли удается каким-либо образом быть настолько зоркими, чтобы к детям не могло проникнуть какое-либо зло, то для противодействия дурным нравам совершенно необходима дисциплина...* Итак, дисциплина должна царить в школах не столько ради преподавания наук (которые, при правильном методе преподавания, являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов» («Великая дидактика», XXIII, 3—18).

Приведенные здесь положения передают дух и направление учения Коменского о воспитании человечности в

человеке вообще и о нравственном воспитании в частности.

Взгляды Коменского на основы нравственного воспитания получают конкретное выражение в его учении о задачах, принципах и методах воспитания человечности в человеке.

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Педагогика Коменского — подлинно гуманистическая педагогика. Поэтому, естественно, в его учении особое место занимает, говоря его же словами, задача «воспитания человечности». Не случайно Коменский часто повторял такие излюбленные выражения, как: «Школа — мастерская человечности», «Школа — мастерская истинной человечности», «Школа — кузница гуманизма» и т. д.

Анализ педагогического учения Коменского показывает, что моральное воспитание, или «воспитание человечности в человеке», включает в себя в основном четыре элемента: 1) воспитание гуманизма и демократизма, 2) воспитание патриотических и общечеловеческих чувств, 3) воспитание трудолюбия, 4) воспитание правдивости, честности и других благородных чувств.

Наиболее сильную сторону гуманизма и демократизма Коменского составляет требование воспитания чувства любви и уважения к человеку — этому «высшему, совершенному и превосходнейшему творению» («Великая дидактика», 1, заглавие), благородных качеств, подлинно человеческих отношений между людьми, основанных на честном труде. Эти отношения лежат в основе воспитания, поскольку служат подрастающему поколению примером для подражания. Вместе с тем они являются и предметом воспитания, поскольку эти качества, как и мораль в целом, не являются врожденными и формируются в процессе воспитания.

Коменский выступает против такого господствующего в человеческом обществе положения, когда «вместо взаимной любви и справедливости — взаимная ненависть, вражда, войны и убийства», когда «юношество растет без должного ухода, наподобие леса, которого никто не насаждает, никто не орошает, не обрезывает, не выпрямляет» («Великая дидактика», предисловие, 29).

Исправлению этого порока должна служить школа, которую необходимо преобразовать в том направлении,

чтобы она стала «кузницей гуманизма», очагом воспитания человеколюбия.

Краеугольным камнем воспитания гуманизма Коменский совершенно справедливо считает взаимную любовь и уважение в семье и школе: взаимоотношения между родителями и детьми, между учителем и учеником должны строиться не на страхе и розгах, а на взаимопонимании и любви.

Воспитание гуманизма должно начинаться с младшего возраста и должно основываться на уважении к личности ребенка, на внимательном отношении к нему. «Уважение к человеку начинается с уважения к ребенку» — таков девиз Коменского. Это поистине золотое правило, выдвинутое Коменским, нисколько не теряет своего значения в наши дни; более того, его подлинное осуществление стало возможно только в практике социалистической школы.

Наилучшие условия для воспитания гуманизма и демократизма, по мнению Коменского, создает сама школа, если правильно использовать ее возможности. «Хотя нянька и родители во всем этом могли бы принести детям немало пользы, однако еще более полезны тут детям сверстники, все равно — рассказывают ли что-либо один другому или играют с ним» («Материнская школа», VI, 12).

Основным средством воспитания человечности Коменский считал спокойное, внимательное и дружеское отношение учителя к учащемуся. Коменский учит: «Дружественная и мирная беседа будет содействовать тому, что они не будут дрожать перед учителем, как перед тираном (ибо боязнь приводит ум в замешательство), но будут любить его, как отца, и обращаться с ним непринужденно» («Об изгнании из школ косности», 52).

Духом гуманизма и демократизма проникнуто и следующее указание Коменского: «Радушию и благотворительности (по отношению к другим) в эти первые годы дети будут в состоянии научиться постепенно... если иногда им подскажут уделить другим что-либо из того, что они имеют. Когда они это сделают, их нужно будет за это похвалить» («Материнская школа», IX, 14).

Учение Коменского о воспитании гуманизма и демократизма органически связано у него с воспитанием любви к родине и всему человечеству. Служение родине

и человечеству Коменский считает главным назначением человека. Выработка этих качеств составляет один из важнейших элементов воспитания человечности в человеке, и выполнению этой задачи должны служить семья, школа и все общество.

Вместе с тем Коменский хорошо понимает, что любовь к родине и человечеству должна лечь в основу конкретных практических дел, а не выражаться только в словах. По мнению Коменского, человечность, включающая в себя любовь к родине и самоотверженное служение ее интересам, может быть достигнута только посредством мудрости и труда. Коменский пишет: «Ныне превозносимая выше других мудрость венетов и белгов, а также благоденствие их государств происходит не из другого источника, как из обычая с ранних лет упражнять своих сыновей в трудовой жизни и в общественных делах. Там сын хотя бы дворянина, барона, графа, сенатора и даже самого дожа не допускается к почестям иначе, как постепенно, начиная свое служение родине (вместе с самыми простыми людьми) не иначе, как с низших должностей, и достигает высших только после основательного ознакомления с предшествующими. Таким путем все делаются ловкими и способными ко всему, и никому не дозволяется быть праздным или бесполезно обременять землю» («О культуре природных дарований», стр. 190).

С задачей воспитания гуманизма, любви к человеку у Коменского связано его требование воспитывать дружбу, доверие и взаимное уважение между учащимися. Коменский пишет: «Он должен жить в дружбе со всеми своими сотоварищами и никого не обижать рукой или словом, так чтобы ссоры и несогласие были далеки от нашей школы» («Законы хорошо организованной школы», XV, 6).

Воспитанию человечности служит также, по мысли Коменского, и то, что «каждый должен искренно любить своего учителя как второго отца» («Законы хорошо организованной школы», XV, 4).

Вторым принципом воспитания человечности является воспитание трудолюбия. Учащихся надо учить *«тому, что следует выполнять, нужно учить на деле..* чтобы ковать они научились ковкой» («Великая дидактика», XXI, 5). В труде вырабатываются активность и трудолюбие.

Воспитание трудолюбия Коменский считает одним из условий, необходимых для воспитания образованного человека. Он пишет, что эта цель будет достигнута, «если ты постараешься освободить народ от лености и праздности и всех (а преимущественно юношей в школах и вне школ) занять полезными делами, чтобы весь народ представлял собой как бы пчельник или муравейник (государство, где не видно никакой праздности)» («О культуре природных дарований», стр. 136).

В своем труде «Об изгнании из школ косности» Коменский сурово осудил лень, которую он называет чудовищем. Главным средством борьбы против лени — «этого величайшего проклятия школы» — он признавал труд учащихся и на этой основе воспитание у них трудолюбия.

Коменский совершенно правильно указывает, что «тщетно стремиться к улучшению методов, если не удается удалить из школ косность» («Об изгнании из школ косности», введение).

Коменский ставит вопрос о том, какая роль принадлежит учителю в деле изгнания лени из школ, и дает определенный ответ на него: «Прежде всего изгонять это чудовище надлежит, конечно, тем, в которых оно преимущественно укоренилось. Но кто же это такие? Часто слышатся жалобы на учащих, а те приписывают вину учащимся. Но, несомненно, не без греха обе стороны. Учащие чувствуют неохоту бодро учить, ученики слишком ленивы для того, чтобы старательно учиться. Следовательно, обе стороны обуяла небрежность, но большая доля вины ложится на учителей, потому что они являются как бы ее источником, из которого на учащихся льются ручьи гибельного подражания» («Об изгнании из школ косности», 42).

Из этого соображения Коменского вытекает вывод, согласно которому воспитание трудолюбия у учащихся и «изгнание лености из школы» возможны лишь в том случае, когда учитель стоит на должной высоте. Так же совершенно справедливо указание Коменского на то, что трудолюбие воспитывается не только физическим трудом, но и серьезным учением и разумно организованными развлечениями.

Полноценного мудрого человека, подчеркивает Коменский, невозможно себе представить без таких качеств, как правдивость, честность, вежливость,

доброта и добродетель. Воспитание этих качеств является обязательным принципом воспитания нравственности и человечности у учащихся, и оно должно осуществляться последовательно и неукоснительно.

Выработку этих качеств, по мнению Коменского, с первых же шагов ребенка должны сделать предметом своей заботы родители и учителя, все, кто имеет дело с воспитанием. В то же время Коменский указывает, что в нравственном воспитании имеет значение каждая мелочь: ничто не должно ускользать от внимания родителя и учителя. Решающее значение имеет личный пример воспитателя. Коменский считает совершенно недопустимым, когда «в присутствии детей один уносит вещи у другого и скрывает их, или тайком сберегает себе пищу, или покушается на чужое. Происходит ли это в шутку или серьезно, дети, однако, видя это, приучаются подражать, и в этом также они самые настоящие обезьяны; ведь, что бы они ни видели, это к ним пристает, и они делают то же самое. Итак, няньки или те, кто занят возле детей, в их присутствии должны вести себя с величайшей осторожностью» («Материнская школа», IX, 13).

Коменский высказывает много глубоких мыслей о воспитании таких нравственных качеств, как почтительное отношение к старшим, вежливость, сдержанность в обществе и т. д. Приведем некоторые из них.

«Все должны приучаться к пристойности в движениях; тот, кто выказывает нескромность, легкомыслие, необдуманность и грубость, подвергается строгому выговору и получает значок за (плохое) поведение.

Находясь вне школы, идя по улицам, разговаривая с людьми, все должны помнить правила скромности и добродетели» («Законы хорошо организованной школы», XV, 18, 19).

«Будьте же, прошу Вас, общительны, а не замкнуты, ибо первое есть свойство света, второе — признак мрака» («Об изгнании из школ косности», введение).

Коменский всегда подчеркивал необходимость воспитания у детей вежливости: «Что касается вежливости, то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми; итак, нет необходимости здесь в специальном указании. Милым будет тот ребенок, который как в отношении к своим родителям,

так и в отношении к другим ведет себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы прирожденное, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать» («Материнская школа», IX, 19).

«Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.... А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всем вести себя сдержанно и скромно» («Материнская школа», IV, 7).

Коменский борется против всяких пороков личности, и особенно против зависти. Он пишет: «Что касается зависти, то я, по крайней мере, научился не завидовать никому, кто бы ни выдавался ученостью, или добродетелями, или красноречием, в каком бы то ни было сословии, народности, вероисповедании или секте» («О культуре природных дарований», стр. 139).

Неоднократно подчеркивает он также необходимость бороться против дерзости и честолюбивого нахальства: «Если он (ребенок. — *Д. Л.*) пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалей его, крикни на него, накажи его физически, убери от него то, из-за чего он плачет. Таким образом, он, наконец, поймет, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приема двухлетний ребенок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребенка не раздражать и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями» («Материнская школа», IX, 17).

Коменский требует: «Гордое и пренебрежительное отношение к другому должно всячески искоренять всюду, где бы оно ни обнаруживалось» («Законы хорошо организованной школы», XI, 17).

Особенно резко выступает Коменский против лжи и двуличия: «Ложь — рабский порок, не может быть терпима ни в ком. Пусть все привыкают откровенно говорить правду, даже если бы пришлось сознаться в вине, чтобы никогда не было заметно разлада между сердцем и устами» (т а м ж е, XI, 19).

О МЕТОДАХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Методов нравственного воспитания Коменский касается во многих трудах как в связи с вопросами обучения, так и специально. В «Великой дидактике» XXIII глава так и называется — «Методы нравственного воспитания».

Правда, учение Коменского о методах нравственного воспитания не так тщательно разработано, как теория обучения; кроме того, влияние той эпохи, особенно религиозно-христианской этики, больше всего чувствуется во взглядах Коменского на воспитание, но демократическое мировоззрение Коменского позволило ему высказать много ценных положений и в этой области. Мы удовлетворимся их кратким освещением, поскольку вопрос о методах нравственного воспитания частично был уже рассмотрен в связи с изложением выдвинутых Коменским нравственных правил.

Как в области обучения, так и в области воспитания Коменский резко выступал против методов схоластическо-догматической школы, основанных на унижении личности ребенка и подавлявших его инициативу. Краеугольным камнем воспитания он считал уважение личности ребенка, его достоинства.

Анализ работ Коменского позволяет утверждать, что он выделяет следующие методы воспитания: 1) личный пример, 2) поучение, 3) упражнение, 4) поощрение, 5) наказание.

Коменский совершенно справедливо пишет: «Молодые деревца легче заставить расти так и иначе, чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в первые годы его жизни, чем впоследствии, пользуясь при этом только иными средствами. Они следующие:

1. Постоянный образец добродетелей.

2. Своевременное и разумное наставление и упражнение.

3. Умеренная дисциплина» («Материнская школа», IX, 1).

Коменский дает определение примеру, поучению и подражанию. «Пример есть уже существующий предмет, который мы показываем. Наставление есть речь о предмете, разъясняющая, как он возник или возникает. Применение или подражание есть попытка сделать подобные

же вещи» («Законы хорошо организованной школы», VIII, 3).

Коменский считал, что каждое нравственное положение, правило или действие учащийся должен усвоить сознательно. Нравственное сознание и нравственное действие должны быть неразрывно связаны друг с другом. Для достижения же этого, по мнению Коменского, лучшим средством является личный пример родителей в семье и учителя в школе. Он пишет: «Необходимо постоянно показывать детям хороший пример» («Материнская школа», IX, 2).

Значение личного примера в формировании нравственного сознания и в поведении ребенка, по мнению Коменского, велико и потому, что тенденция к подражанию — врожденное качество ребенка. Правда, Коменский объясняет его с теологической точки зрения, но его педагогические выводы совершенно реалистичны и связаны с практикой. Необходимо постоянно показывать детям «хороший пример», так как им свойственна «страсть подражать всему тому, что на их глазах делают другие» («Материнская школа», IX, 2).

Вместе с тем Коменский правильно замечает, что личный пример не даст желательных результатов, если он не сопровождается живым словом, его разъяснением, поучением. Поэтому Коменский одним из важнейших методов нравственного воспитания считает поучение. По Коменскому, поучение, основанное на сознательности, представляет собой вместе с примером основной путь для создания убежденности — этого могучего рычага нравственного сознания и действия.

Поучение связано со словесным обучением, с книгой, с этическими беседами и с другими сторонами учебно-воспитательного процесса. Коменский, учитывая большую силу и значение слова, считал, что к личному примеру нужно «присоединять своевременные и разумные наставления» («Материнская школа», IX, 3). При этом он требовал также, чтобы учащиеся основательно и последовательно усваивали важнейшие нравственные правила.

Несмотря на то что Коменский придавал большое значение поучениям, он совершенно правильно предостерегает, что «слишком длинные поучения уму-разуму или длинные речи... вообще не дадут никакого результата».

Это положение Коменского и сегодня не утратило значения педагогической истины.

Вместе с поучениями Коменский придает большое значение беседам нравственного характера, сказкам, басням, легендам. Коменский указывает: «Сильно также развивается ум детей и их понимание баснями о животных и другими, искусно сочиненными рассказами. Такого рода маленькие рассказы дети охотно слушают и легко их запоминают. И так как в такие искусно составленные басни большей частью вкладывается какая-либо нравственная идея, то их должно предлагать детям с двоякой целью, а именно чтобы это было занимательно для ума и чтобы постепенно внедрялось в них то, что некогда должно принести им пользу» («Материнская школа», VI, 11).

В воспитании нравственного сознания Коменский придавал большое значение художественной литературе и методике ее чтения. Он требовал, чтобы преподаватель подбирал литературу для учащихся в соответствии с их возрастом и развитием и руководил правильным пониманием различных авторов. В «Пансофической школе» Коменский даже определяет по классам, каких авторов и какие именно произведения должны читать учащиеся. Коменский пишет: «Пусть учитель распределит их по своему усмотрению между учениками; пусть он сообщит им об особенностях и стиле писателя и научит, как с пользой читать его, как выбирать в нем все, заслуживающее внимания, и заносить это в свою записную книжку. Наконец, пусть учитель раз в неделю во внеочередной час соберет этих учеников вместе, узнает, сколько каждый прочитал из своего автора, и заставит их прочитать или сказать наизусть сделанные извлечения. Это должно происходить в присутствии прочих учеников, чтобы другие, если заметят что-нибудь красивое или достопримечательное, также могли занести это в свои записные книжки» («Пансофическая школа», ч. I, 85).

Высоко ценил Коменский значение художественных произведений и массовых зрелищ как для умственного, так и для нравственного воспитания. Так, например, он требует частой организации театральных представлений в школе, а также приблизительно определяет, какие представления должны ставиться учениками каждого класса «пансофической школы». Не случайно Комен-

ский сам написал пьесу «Диоген—циник на сцене», которая в свое время приобрела большую популярность.

Коменский рекомендовал также проведение диспутов по разным вопросам, которые имели бы учебное и воспитательное значение.

От внимания Коменского не ускользнуло огромное значение игры для воспитания у ребенка нравственного сознания и навыков нравственного поведения. Он дает следующие конкретные указания: «1. Во время, назначенное для отдыха от работ, освежай себя игрой, которая доставляет телу силу, а духу — оживление; таковы: игра в обручи, в шары, в кегли, в мяч, беганье, прыганье. Но все это должно быть в меру, в присутствии или с разрешения учителя.

2. Запретные игры суть: кости, карты, борьба, кулачный бой, плаванье и другие бесполезные и опасные игры.

3. Украшение игры: подвижность тела, жизнерадостность духа, порядок, игра с толком и по правилам и победа доблестью, а не хитростью.

4. Пороки в игре: леность, вялость, недоброжелательство, заносчивость, крик и коварство.

5. В расплату за игру не следует давать ни денег, ни книг, ни письменных принадлежностей, ни других вещей, с которыми связаны известные расходы, но пусть побежденный делает то, что прикажет ему победитель; например, пусть он скажет какое-либо изречение, или расскажет историю, или сочинит стих, или сделает что-либо смешное» («Правила поведения», XV).

В системе методов нравственного воспитания важное место Коменский отводил поощрению. Это совершенно закономерно, тем более что все педагогическое учение Коменского проникнуто духом любви и гуманного отношения к ребенку. Коменский совершенно справедливо считал, что любовь к ребенку и уважение его личности — основа воспитания. Поэтому, когда учащийся под руководством учителя преодолеет трудность, проявит особые успехи в учебе и поведении, его нужно поощрять похвалой, отметкой, подарком и т. д. Правда, говоря о формах поощрения, Коменский впадал в крайность, считая возможным использовать даже денежное вознаграждение, но в целом вопрос о значении поощрений Коменский решал правильно.

Большое значение имеет указание Коменского о том, что «дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним» («Материнская школа», IX, 10), особенно если каждое поощрение и ласка справедливы. Вместе с тем Коменский требовал от родителей и учителя предварительно много раз взвешивать каждую меру поощрения.

Коменский совершенно справедливо выступает против чрезмерной фамильярности и ласки в отношении к ребенку и выдвигает следующее положение: «Любить детей — дело природы, а скрывать свою любовь — дело благоразумия... Лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию» («Материнская школа», IX, 10).

Несмотря на гуманизм, который характерен для всей его педагогической системы, Коменский не отрицает педагогической ценности наказания как в обучении, так и особенно в нравственном воспитании.

Коменский очень много говорил о сущности наказания, о его значении и видах. Мы приведем здесь одно его высказывание: «Иногда нужно также наказание, чтобы дети более обращали внимания на примеры добродетелей и на увещевания. Есть две ступени наказания. Первая ступень — прикрикнуть на мальчика, если он в чем-либо ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы, в то же время, он почувствовал страх и следил за собой. Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести и с последующим увещеванием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если увидишь исправление, то будет полезно немедленно или немного после снова его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недействительной, тогда последует другая — наказать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребенок опомнился и более следил бы за своим поведением» («Материнская школа», IX, 4).

Коменский считает нужным особенно строго наказывать богохульство, упрямство и ложь. В таких случаях он считает допустимыми и даже необходимыми побои.

Коменский различает проступок, совершенный нечаянно

янно, от злоумышленного. В первом случае, по его мнению, не следует применять суровые меры, а во втором случае он считает их необходимыми: «Проступки, происходящие от небрежности, а не от упрямства, не следует строго наказывать, но в то же время не нужно давать им и усиливаться вследствие снисходительности. Одно упрямство следует переламывать со всей строгостью и основательно искоренять как корень всего злого» («Законы хорошо организованной школы», XXIV, 5).

Коменский требует применения строгих наказаний и в отношении тех учащихся, которые без уважения и невежливо относятся к старшим, товарищам или же дружат с плохими людьми: «Кто нарушает честь ссорой, драками, непочтительным отношением к кому-либо, божбой, проклятием, недозволенной дружбой с предосудительными людьми, того нужно застращать строгим выговором и, если слова не помогают, — розгой» (там же, XXIV, 3).

Самой высшей инстанцией в решении вопроса о наказании учащегося является ректор школы. Коменский считает, что в тех случаях, когда не достигают цели ни увещевания товарищей или десятского, ни штрафные значки, ученика следует подвергнуть наказанию розгой. Если и после этого он не исправится, то его следует отвести к ректору школы для наказания по его усмотрению.

Коменский считает, что неосмотрительно и совершенно неразумно поступают те родители, которые никому не позволяют критиковать своих детей, а если кто-нибудь сделает им замечание, вступаются за них в присутствии самих детей. «Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, дает полную свободу своеволию и заносчивости», — пишет Коменский.

Исходя из этого, Коменский указывает: «Хорошо также давать и другим право порицать детей так, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей), они привыкали сдерживать себя и таким образом воспитывать в сердце своем скромность и уважение ко всем людям» («Материнская школа», IX, 11).

Нельзя согласиться с мнением Коменского о допустимости физического наказания ребенка. В остальном, предлагаемые им педагогически-воспитательные принципы имеют важное значение для его времени.

О ДИСЦИПЛИНЕ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ

Без строгого соблюдения дисциплины, определенного порядка и установленных норм поведения жизнь человека уподобилась бы хаосу. Дисциплина — одно из необходимых условий для достижения успеха во всех областях человеческого труда и деятельности. Она представляет душу такого сложного, целенаправленного и живого процесса, как педагогический, процесс обучения и воспитания ребенка.

Коменский хорошо знал, что без добросовестного выполнения учащимися своих обязанностей и без строгого и сознательного соблюдения установленных школой для учащихся обязательных законов, правил и норм невозможно достичь настоящего успеха в обучении и воспитании.

Коменский совершенно правильно видит четыре тесно связанные между собой стороны в дисциплине: 1) условие обучения и воспитания; 2) олицетворение организованности и поэтому — предмет воспитания; 3) средство обучения; 4) дисциплина как метод воспитания, система дисциплинарных взысканий.

Поэтому естественно и закономерно, что Коменский касается вопросов дисциплины почти в каждом своем труде и особенно основательно рассматривает их в специальной, XXVI главе «Великой дидактики» («О школьной дисциплине»), в работах «Законы хорошо организованной школы», «Материнская школа», «Пансофическая школа» и «Правила поведения».

Свою работу «Законы хорошо организованной школы» Коменский начинает с определения общего значения дисциплины. Он называет школу маленьким государством, условием существования которого является порядок, и отмечает: «Аристотель мудро назвал жизнь, не руководимую никакими общественными законами, циклопической, а в другом месте заявил, что государственное благополучие покоится на законах. Точно так же мудро говорит об этом другой философ в противоположной форме: кто захотел бы разрушить государство, тот стал бы нарушать порядок. Следовательно, мы, желающие благополучия маленькому государству нашей школы, должны оградить его законами. И так как мы желаем, чтобы наше государство никогда не подвер-

галось разрушению, то с необходимостью мы должны всемерно позаботиться о том, чтобы однажды установленный в нем порядок никогда не был нарушен» («Законы хорошо организованной школы», вступление). Общеизвестно фигуральное выражение Коменского: «Кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей» («Материнская школа», IX, 6). Дисциплина должна составлять предмет постоянной заботы. Коменский пишет: «Ты поселял в их сердца своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не вырастало бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодежь везде вырастает своевольной, дикой» («Материнская школа», IX, 6).

Коменский указывает, что именно этим решающим значением дисциплины и порядка объясняется то, что весь порядок школы излагается в «законах». Не случайно, законы, состоящие из 25 подразделений, содержат почти все правила, отражающие школьную жизнь. В большинстве разделов рассматриваются вопросы дисциплины и порядка, особенно в таких, как: «Законы школьного порядка, касающиеся работы лиц и дисциплины» (разд. I); «Законы относительно целей школы, подлежащих предпочтительному осуществлению» (разд. II); «Законы о месте занятий» (разд. III); «Законы о надлежащем распределении времени» (разд. IV); «Законы, касающиеся метода, которого нужно придерживаться при обучении и учении» (разд. VII); «Законы для испытаний» (разд. VIII); «Законы о театральных представлениях» (разд. IX); «Законы об отдыхе» (разд. X); «Законы относительно поведения» (разд. XI); «Законы для родителей и опекунов, отдающих своих детей в нашу школу» (разд. XIV); «Законы для учеников» (разд. XV); «Законы о педагогиумах и педагогах» (разд. XX); «Законы для учителей» (разд. XXI); «Законы для ректора» (разд. XXII); «Законы относительно школьной дисциплины» (разд. XXIV) и др. («Законы хорошо организованной школы»).

В этих законах Коменский определяет функции каждого звена школьной жизни, излагает их в форме пра-

вила и закона и требует их неукоснительного соблюдения всеми, поскольку «никакое нарушение законов не должно быть терпимо ни в ком, начиная с высших и кончая низшими» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 1). Коменский не случайно посвятил последний, XXV раздел своего труда «Законы хорошо организованной школы» вопросам неуклонного соблюдения правил для учащихся и озаглавил его следующим образом: «Законы о соблюдении законов». Коменский пишет: «Должно стараться, чтобы законы были одни и те же для всех, независимо от личностей. Они не должны являться сетями паука, в которые попадаются маленькие мушки, тогда как большие насекомые и шершни их разрывают» («Законы хорошо организованной школы», XXV). Поэтому покровительство, оказываемое кому бы то ни было, даже самому учителю, «уже является показателем того, что в школе дисциплина подорвана» («Законы хорошо организованной школы», XXV).

Коменский в первую очередь указывает на дисциплину как на обязательное условие обучения и воспитания. «Школа без дисциплины есть мельница без воды... Как мельница тотчас останавливается, если отвести от нее воду, так по необходимости все разваливается в школе, если у нее отнять дисциплину. Если поля не полоть, то тотчас вырастают гибельные для посева плевелы. Если деревья не подрезают, то они дичают и дают бесполезные побеги» («Великая дидактика», XXVI, 1). Создание общешкольной дисциплины и необходимость заранее устранять все причины недисциплинированности на уроке, по мнению Коменского, требуют принятия ряда мер со стороны школьных руководителей, учителей и всех тех, кому поручается обеспечивать нормальные условия для занятий в школе.

От внимания Коменского не ускользнуло то огромное значение, которое имеет правильная организация технических и санитарно-гигиенических условий (школьное здание, классная комната, ее освещение, школьная мебель и др.) для нормального проведения учебно-воспитательной работы и в то же время воспитания у учащихся навыков и привычек к строгому порядку и дисциплине.

Соблюдение дисциплины и обеспечение порядка в учебе и воспитании обязательно предусматривают

определенный уровень организованности и дисциплинированности учащихся, который постепенно и укрепляется в том же учебно-воспитательном процессе. Воспитание дисциплиной и для дисциплины — так можно выразить мысль Коменского. И действительно, Коменский требует от учащегося не слепого, механического усвоения правил поведения, а сознательного овладения ими и сознательного их использования в учебе, труде и быту.

Мы уже говорили, что дисциплину Коменский рассматривает как средство обучения. В этом отношении интересно его указание: «Если ученье поставлено правильно... то оно само по себе привлекательно для умов и своею занимательностью притягивает к себе всех (за исключением разве каких-либо уродов среди людей). Если иногда бывает не так, то вина за это падает не на учащихся, а на учащих. Если же мы не владеем способами искусно привлекать умы, то напрасно, конечно, будем в таком случае применять силу» («Великая дидактика», XXVI, 4).

Исходя из этого, Коменский пишет: «Удары и побои не имеют никакого значения для возбуждения в умах любви к наукам. Несомненно, они вызывают в душе отвращение к наукам и враждебное отношение к ним. Поэтому, когда замечается болезненное состояние духа, с отвращением относящегося к изучению, его нужно искоренять соответствующей духовной пищей и тотчас прописываемыми мягкими средствами, а не обострять суровыми лекарствами» («Великая дидактика», XXVI, 4).

Касаясь методов установления дисциплины на уроках, Коменский называет похвалу, осуждение, состязание, оценку и др. Он указывает: «Если, однако, когда-либо окажется нужда подстрекнуть и пришпорить, то это может быть лучше достигнуто другими способами, а не побоями: иногда выговором и общественным порицанием, иногда похвалой других: «Вот тот или другой исключительно внимателен, как верно все понимает. А ты сидишь безучастным!» Иногда можно поощрять шуткой: «Эх ты, простофиля, не понимаешь такой легкой вещи! Ты занят чем-то другим!» Можно также устраивать недельные или, по крайней мере, месячные состязания на первенство по месту или на отличие. Нужно лишь следить за тем, чтобы это не обратилось только в шутку или

забаву и таким образом не потеряло своего значения» («Великая дидактика», XXVI, 5).

Коменский правильно отмечает, что каждая дисциплинарная мера в обучении должна способствовать воспитанию у учащихся любви к учебе и прилежания, «чтобы любовь к похвале и страх порицания и понижения всегда поощряли прилежание» («Великая дидактика», XXVI, 5).

Выше уже было отмечено, что дисциплину Коменский рассматривает как такой метод нравственного воспитания, который охватывает систему мер разного вида и характера.

Взгляды Коменского на воспитание дисциплины в обучении тесно связаны с воспитанием воли и характера, что, в свою очередь, связано с такой стороной проявления воли, как сдержанность. Как известно, обучение представляет собой волевой процесс, требующий осознания мотива действия и в соответствии с ним принятия решений, твердости и собранности, что составляет психологическую основу дисциплины. Коменский хорошо учитывает все это и указывает: «Воля является, очевидно, повелительницей всех действий.

Но так как воля по своей собственной природе свободна, почему она или свободно выбирает то, что предоставлено ей как нечто доброе, или же предпочитает даже и то, что только расписано как доброе, то с ней необходимо обращаться так осторожно, чтобы она не думала, что ее свободному решению причиняется насилие, и не отвергала из-за этого чего-либо действительно доброго. Следовательно, здесь нужно величайшее благоразумие» («Выход из схоластических лабиринтов», 40, III).

Еще великий французский гуманист-педагог Мишель Монтень резко выступал против физических наказаний детей вообще. Он писал, что побои не приносят никакого добра, они только унижают и возмущают душу и сердце человека, озлобляют его и делают упрямым.

К сожалению, в системе нравственного воспитания Коменский уделяет определенное место таким формам наказания, как удары рукой (шлепки), розги, побои. Коменский прямо указывал: «Учащихся за плохое поведение нужно наказывать строже, чем за плохие научные занятия» («Великая дидактика», XXVI, 4).

По мнению Коменского, физические наказания следует применять в отношении тех, «кто совершает пре-

ступление против морали». Коменский считал: «*Более суровое и строгое наказание должно применять только по отношению к тем, кто грешит против поведения:* 1) за какое бы то ни было проявление безбожия, как богохульство, за безнравственность и вообще за все, что явно направлено против божественного закона; 2) *за упорное неповиновение и умышленную злостность,* если кто с пренебрежением относится к распоряжениям учителя или кого-либо другого из начальствующих лиц, сознательно и умышленно не делает того, что нужно делать; 3) *за высокомерие и тщеславие, а также за недоброжелательность и лень, вследствие которых кто-либо отказывается помочь в ученье товарищу, который об этом попросил*» («Великая дидактика», XXVI, 6).

Коменский требовал суровых мер наказания для доносчиков и лжецов. Он писал: «Кто приносит ложные жалобы родителям, опекунам или друзьям на своих сотоварищей, воспитателей и учителей, того следует наказать строго как за то, что он разглашает тайны школы, так и за то, что он говорит ложь и неблагодарен по отношению к своим учителям и своей лживостью нарушает нормальные отношения и смущает настроение добрых людей» («Законы хорошо организованной школы», XXIV, 7).

Однако это только частности. Главное в области нравственной дисциплины, как и во всем учении Коменского, в том, что он стоит на страже гуманизма и достоинства ребенка и борется против средневековой палочной дисциплины. Образно сравнивая нравственную дисциплину с солнцем, он пишет: «Лучший образец дисциплины показывает небесное солнце, которое всему растущему дает: 1) постоянно свет и тепло, 2) часто дождь и ветры, 3) редко молнию и грозы, хотя и это также на пользу всему растущему» («Великая дидактика», XXVI, 9).

Дисциплинарные наказания любого вида должны «применяться к свойствам ума, приводя умы к гармонии и любви к наукам, если мы не желаем из ленивых сделать упрямых, а из вялых — совершенных глупцов» («Великая дидактика», XXVI, 4).

Коменский ясно указывает на подчиненность дисциплинарного воздействия педагогическим целям. Он пишет: «*Дисциплину нужно применять по отношению*

к тем, кто ее нарушает. Однако не потому, что кто-нибудь провинился (ведь бывшее никак не может стать не бывшим), но с тем, чтобы провинившийся впоследствии не делал проступков. Применять дисциплину нужно без возбуждения, без гнева, без ненависти, но с такой простотой и искренностью, чтобы сам подвергающийся наказанию понимал, что наказание назначается ему для его собственного блага и вытекает из отеческого участия к нему со стороны руководителей. Поэтому он должен относиться к наказанию только как к прописанному доктором горькому питью» («Великая дидактика», XXVI, 3). «Однако, учит ли он, напоминает ли, приказывает ли, порицает ли, он должен прилагать величайшее старание к тому, чтобы было ясно, что все это проникнуто отеческим чувством и стремлением всех научить и никого не обидеть. Если ученик не заметил такого чувства и не убежден в этом вполне, то он будет относиться к дисциплине с пренебрежением и легко настраиваться против нас» («Великая дидактика», XXVI, 9).

В соответствии со всем этим Коменский рекомендует: «Наконец, пусть поддержание дисциплины всегда происходит строго и убедительно, но не шутливо или яростно, чтобы возбуждать страх и уважение, а не смех и ненависть. Следовательно, при руководстве юношеством должна иметь место кротость без легкомыслия, при взысканиях — порицание без язвительности, при наказаниях — строгость без свирепости» («Законы хорошо организованной школы», XXIV, 10).

Взгляды Коменского на дисциплинарные меры представлены в следующем его положении: «Если кто-либо из старших (учеников) распространяет пренебрежение и оскорбление законов и школьной дисциплины, то тот, кому непосредственно подчинен провинившийся, обязан, во-первых, образумить его наедине. Если это не поможет, то он должен высказать ему порицание перед всем собранием. Если и это бесполезно, то следует донести об этом ректору, который обязан, созвав школьный сенат, обстоятельно разобрать дело и присудить дерзкого к телесному наказанию, если же он опять окажется неисправным, то его следует изгнать из общества его ученых собратий. Мы не желаем применения более строгих карательных мер, кроме самого жестокого и страшного — удаления или исключения, как удаляют паршивую овцу

из стада, чтобы не заразить других» («Законы хорошо организованной школы», XXIV, 9).

Коменский большое значение придает установлению определенных норм поведения учащихся и их неукоснительному соблюдению. Это он считает одним из основных, обязательных условий дисциплины.

В настоящее время всем нам ясно, какую большую роль играют правила для учащихся в нравственном воспитании. Коменский не только оценил роль этих правил, но и первый сформулировал их под названием «Законы для учащихся». У Коменского были предшественники — школы «Чешских братьев», особенно пражские школы, где уже к началу XVII в. были введены обязательные правила для учащихся. Эти правила входили в школьные уставы, которые Коменский основательно знал. Составленные им «Законы хорошо организованной школы» и «Правила поведения» отражают основные взгляды Коменского на сущность нравственного воспитания учащихся, его принципы и методы, а также обобщают опыт лучших школ XVII в.

«Правила поведения, собранные для юношества в 1653 г.», составленные Коменским, последовательно излагают его требования о том, как должен вести себя учащийся, какие правила и нормы поведения должен он соблюдать. Приведем некоторые из них.

«VIII. *Поведение в школе.*

1. Спеши в школу, как на игру (она и есть такова); не пропускай ее никогда.

2. Захватывай с собой школьное оружие, которое тебе необходимо в данный день и в данный час. (Стыдно занимать у другого ученика книги, бумагу, перья и чернила.)

3. Занимай тотчас свое место, а не чье-либо чужое.

4. Не обременяй других болтовней и шумом до прихода учителя; веди себя скромно во всем.

5. Обращайся с тайным воздыханием к вечной премудрости, Христу, чтобы он ниспослал тебе свой разум; ибо без его содействия все наше старание будет тщетным.

6. Так как он дает просящим, отверзает стучащим, помогает находить ищущим, то прилагай все свое старанье к делу, так как он не окажет никакой помощи тому, кто сам усердно не будет трудиться.

7. Стыдись иметь ученого учителя и ученые книги, а самому оставаться неученым. (Итак, прилагай труды к тому, чтобы знать то, что знает учитель и что изложено в твоих книгах.)

8. Для поддержки памяти служат дневники; отмечай себе в них, что тебе нужно выучить из того, что тебе еще не известно. Итак, не иметь дневника или вести его небрежно служит ясным признаком беспечного ученика и заслуживает порицания.

9. Считай несчастным тот день или тот час, в который ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию.

10. Отпущенный из школы, безотлагательно иди домой; не беги по улицам; не останавливайся, не делай ничего неприличного.

11. Если тебе в доме нужно оказать услугу родителям или хозяевам, то оказывай немедленно; если тебя пошлют куда-нибудь, исполни поручение точно и быстро возвратись домой, чтобы было ясно, что занятие наукой полезно во всем.

12. Время, которое остается у тебя от оказания услуг, посвящай повторению выученного. (Нет ничего более драгоценного в жизни, чем время: кто теряет время, тот теряет жизнь.)

IX. *По отношению к учителю.*

1. Люби учителя, как отца, и нигде не оставайся с большим удовольствием, чем под его наблюдением.

2. Оказывай учителю всякое почтение и послушание на словах и на деле.

3. Смотри на учителя как на живой пример (в смысле образования, нравственности, набожности) и старайся подражать ему во всем.

4. Когда учитель говорит, внимательно слушай; когда он что-нибудь подсказывает словами или рукой, подражай этому; когда он обращает внимание на ошибку, исправляй ее.

5. Остерегайся как-либо оскорбить или огорчить учителя.

(Неповиновение по отношению к учителю или по отношению к родителям есть грех Исава, а насмешка сверх того — Хамово преступление, которое должно быть наказано божьим проклятием.)

6. Старайся избегать всего, чем можешь навлечь на себя побои.

7. Если все-таки навлечешь на себя наказание за допущенный проступок, то не ропщи; если тебя похвалят за добродетель, радуйся и старайся заслужить похвалу еще больше.

X. *По отношению к товарищам.*

1. Считай всех товарищей по ученью за друзей и братьев.

2. Живи со всеми дружно.

3. Не вступай в борьбу ни из-за чего, за исключением наук, но и в этом случае не затевай споров и враждебных выходок, но состязуйся прилежанием.

4. Больше люби более ученых и более скромных товарищей и охотнее дружи с ними.

5. Кого хочешь превзойти в похвале за прилежание, того чаще вызывай на состязание.

6. Прилагай наибольшее старание к тому, чтобы не поддаться вызванному тобой на состязание, но одолеть его.

7. Будучи побежденным, не гневайся на победителя, но пусть это послужит тебе побуждением для победы над ним на будущее время.

8. На таких условиях прекрасно будет победить или быть побежденным; как то, так и другое будет служить точильным камнем доблести и прилежания.

9. Кто сам не хочет решиться на подобного рода состязание в отличии, того пусть осмеивают и презирают, как ленивое животное.

XI. *В обращении со всеми.*

1. Води знакомство только с тем, кто тебя может сделать ученее или лучше или ты его.

2. Как яда, избегай легкомысленных товариществ; дурные разговоры портят хорошие нравы.

3. Однако, ввиду того что жить придется в шуме света, следи за собой, чтобы не давать примера чего-либо неприличного и самому не воспринимать такового. Относительно обращения с людьми позаимствуй несколько советов у мудрых.

4. Люби всех добрых, не раздражай ни одного злого.

5. Не бросай своего, не уничтожай и не презирай чужого.

6. Состязайся с добрым в использовании своих обязанностей, не вступай ни с кем в ссору и брань.

7. Со всеми будь обходителен (ласков), ни с кем не поступай по капризу.

8. Если возможно, лучше оказывать благодеяния, чем принимать их.

9. Не гонись за похвалой, но изо всех сил старайся действовать похвально.

10. При встрече с кем-нибудь приветствуй его; перед уважаемыми лицами даже обнажай голову, уступай им место и свидетельствуй им свое почтение поклоном.

11. Отвечай на приветствия других.

12. Остановиться с кем-либо, уставить глаза на незнакомого считается неприличным; ни на кого не обращать внимания — глупым.

13. Приучайся выдерживать взгляд людей почтенных: излишняя застенчивость свойственна деревенщине.

14. Если говоришь с кем-либо, имеющим высокий сан, от времени до времени упоминай его почтенный титул. (Если говоришь с незнакомым, звание которого от тебя ускользнуло, то будет весьма прилично, если ты ученого назовешь учителем, духовное лицо — отцом духовным, чиновника — господином, наравне стоящего — другом или братом.)

15. Не клянись; речь твоя да будет «да» и «нет».

16. Не отпирайся, если сделаешь ошибку, но сознайся в ней и попроси прощения» («Правила поведения, 1-16).

Коменский считает, что каждый шаг поведения должен быть заранее осмыслен учащимся, подчинен доброй цели и доведен до конца. Это требование Коменского сформулировано в трех правилах: «Пусть ученики во всем, что должны делать, приучаются предвидеть цель, изыскивать средства и выжидать благоприятного случая. Поэтому никогда не следует делать ничего иного, кроме того, что подсказывается хорошей, благовидной целью, при стремлении к которой не придется испытывать стыда, а по достижении ее — раскаянья.

Если начинают входить в дело, то должны привыкнуть не оставлять его до тех пор, пока цель не достигнута» («Правила поведения», 3, 4, 5).

«Законы хорошо организованной школы» и «Правила поведения», в которых освещены вопросы поведения учащегося, содержат правила, нормы поведения учащегося

почти во всех сферах его жизни: в семье, школе и обществе. Многие из этих правил, конечно, уже отжили и лишены сейчас практического значения, но часть их и в настоящее время не утратила своей справедливости. Таковы особенно пункты о поведении в школе, о вежливости, о том, как держать себя в обществе, о соблюдении личной гигиены, об отношении к учителю, товарищам, старшим и др.

О РОЛИ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ

Общеизвестно, что, с тех пор как возникла семья, воспитание является предметом ее забот. После возникновения школы одной из важнейших обязанностей родителей является воспитание подрастающего поколения совместно со школой и под ее руководством. Эта функция семьи при всех изменениях общественной жизни всегда будет оставаться для нее центральной.

Рассмотрение роли семьи в воспитании, содержание и формы семейного воспитания занимают видное место в педагогическом наследии Коменского. В многочисленных трудах Коменского поставлены и освещены важнейшие вопросы воспитания детей в семье, а классический его труд «Материнская школа» и специальная глава «Великой дидактики» «Идея материнской школы» в основном посвящены этим вопросам.

По мнению Коменского, как школа должна представлять мастерскую человечности, так и воспитание в семье в первую очередь должно служить этой великой задаче. Ребенок в семье должен воспитываться на благо народу, родине, всему человечеству. «Кто хочет жить на пользу богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых нравах и полезных науках, то основания этих трех условий родители должны закладывать в первом возрасте детей» («Материнская школа», IV, 4).

Коменский совершенно правильно критикует тех родителей, которые воспитание ребенка целиком передоверяют школе и переносят свою долю долга на школу. Критикуя школу того времени и распущенность церкви, Коменский в одном месте доходит до крайности (так же поступил в дальнейшем Руссо), когда пишет: «Потому родители не должны возлагать обучение своих детей на преподавателей школ и служителей церкви (так как не-

возможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети возрастали в мудрости и любви у бога и людей» («Материнская школа», IV, 3).

Коменский требует от родителей прежде всего глубокой любви к ребенку, внимания к его личности и уважения его достоинства. Родитель должен смотреть на ребенка не только с той точки зрения, что он представляет собой сейчас, но и должен видеть в нем будущего человека. Коменский упрекает таких родителей, которые не выполняют своего долга в умственном и нравственном воспитании ребенка и довольствуются лишь тем, что кормят его, одевают, учат говорить и т. д. Он пишет: «Поэтому родители не достаточно исполняют свой долг, если поучают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждами. Ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижиной для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. Следовательно, умно осмеял Плутарх тех родителей, которые желают своим детям красоты, богатства, почестей и направляют детей к этим внешним благам, совершенно не заботясь об украшении (их) души добродетелями и благочестием. О таких родителях он сказал, что они держат сапог в большем почете, чем ногу. И фиванский языческий философ Кратес сильно жалуется на безумие таких родителей в следующих выражениях, передаваемых поэтом: «Если бы мне (сказал он) позволено было кричать в различных местах, я назвал бы безумным всех вас, порочных людей, которых чрезмерно увлекает злополучное богатство. Вы собираете детям богатство, а сердце их не питаете никаким учением и не согреваете искусством» («Материнская школа», II, 3).

Главную обязанность семьи Коменский видит в том, «чтобы родители и няньки полагали первое основание счастливому развитию природных дарований, старательно заботясь, чтобы с детьми не приключилось чего-либо пагубного для их жизни, здоровья, чувств, нравов» («О культуре природных дарований», стр. 128).

Освещать путь семье, решающей эту великую задачу, своими советами и примером должна школа, чтобы вместе они достигли воспитания полноценного человека, воспитания «человечности в человеке».

Семья многое может сделать в нравственном воспитании детей. Честность, правдивость, уважение к старшим, трудолюбие, прилежание, чувство ответственности за выполнение своих обязанностей, порядок и дисциплина и другие качества могут быть выработаны не только учителем, но и родителями, а часто даже преимущественно личным примером родителей. В «Материнской школе», «Великой дидактике» и других трудах Коменского показаны основные пути воспитания этих качеств.

В работе Коменского «Об изгнании из школ косности» перед семьей выдвинута задача воспитания у детей трудолюбия и изгнания лени. Коменский отмечает, что «косность нельзя удалить из школы, если она не будет изгнана из семьи, и что, наоборот, дети, поощряемые в семье к деятельности, тем самым получают прекрасную подготовку и для школы» («Об изгнании из школ косности», 59), и указывает: «Благочестивые и мудрые родители могут оказать большое содействие изгнанию косности из школы, если они еще в семье никогда не будут потакать этому пороку, т. е. ни сами не будут вести праздную жизнь, ни детям своим и другим членам семьи не будут позволять предаваться отупляющему воздействию, но будут настаивать на том, чтобы все, что имеет руки и ноги, находилось в движении и было занято какой-нибудь полезной работой. Даже совсем маленькие дети, которые еще не в состоянии заниматься чем-либо более серьезным, пусть занимаются играми, только бы не предавались тупой неподвижности» («Об изгнании из школ косности», 60).

Коменский требовал даже, чтобы семья письменно оформляла свои обязательства. В «Законах хорошо организованной школы» он особо выделяет главу «Законы для родителей и опекунов, отдающих своих детей в нашу школу», где пишет: «Раньше, чем внести ученика в матрикул, пусть будет принята следующая формула обязательства.

1. Я добровольно и с полным правом передаю своего сына учителям этой школы для законченного обучения его наукам, нравам и благочестию.

2. Я оставляю его в этой школе и не буду брать его отсюда до полного окончания курса учения.

3. Чтобы доставить ему возможность беспрерывно делать успехи, я или совсем не буду отвлекать его (от школы), или допускать это весьма редко.

4. Если, однако, когда-нибудь, вследствие какой-либо неустранимой задержки, это допущу, то обещаюсь снова послать его в школу как можно скорее.

5. Если я не буду действовать таким образом и вследствие этого успехи его будут ниже, чем я надеюсь, то винить я буду себя, а не школу.

Затем отец и сын должны подписать матрикул и тем обязать себя к исполнению обещанного» («Законы хорошо организованной школы», XIV).

Коменский требовал от родителей принимать все меры к тому, чтобы их дети любили школу и учителей. «Безумны те, кто сделал из учителя пугало, а из школы — застенок». («Материнская школа», XII, 2), — писал Коменский.

Коменский считает, что родители обязаны заботиться о физическом, умственном, нравственном, эстетическом и трудовом воспитании, и в связи с этим дает много ценных указаний.

С точки зрения физического воспитания Коменский особое значение придавал соблюдению в семье режима питания, чистоты, выполнению физических упражнений.

Одной из главнейших обязанностей родителей Коменский считал заботу об умственном развитии ребенка. Особенно большую роль отводил он родителям в воспитании детей 1—6 лет. Его «Материнская школа» содержит подробные указания о том, какие знания должны давать родители детям в этом возрасте из разных отраслей науки. В «Материнской школе» есть главы по вопросам умственного воспитания: «Как нужно упражнять детей в понимании предметов», «Как упражнять детей в речи» и т. д. IV глава этой книги посвящена тому, как постепенно с момента рождения нужно упражнять детей, чтобы на шестом году своей жизни они получили определенные представления из области явлений природы, арифметики, истории, экономики и др.

Предметом особой заботы родителей наряду с развитием умственных способностей ребенка Коменский счи-

тал нравственное воспитание детей. Взгляды Коменского в этой области полностью основываются на его этических и общепедагогических принципах, о чем мы говорили выше.

Коменский требовал ласкового, но в то же время строгого отношения к ребенку. Его взгляды о принципах нравственного воспитания ребенка в семье изложены в следующем его положении: «Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на все глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисциплины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой угодно негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходить в гнев, показывать язык, позволять себе какое угодно своеволие, — все это родители терпят и извиняют. «Ребенок! — говорят они, — не нужно его раздражать. Он еще этого не понимает». Но ты сам — глупый ребенок! Если ты замечаешь у ребенка недостаток понимания, то почему не пробуждаешь его? Ведь не для того он рожден, чтобы оставаться теленком или осленком, но чтобы стать разумным существом» («Материнская школа», IX, 5).

Особенно большое место уделяет Коменский обязанности родителей заботиться о воспитании у ребенка вежливости, умения держать себя в обществе и о соблюдении норм поведения, предусмотренных правилами и законами для учащихся, для школы и родителей.

Отношение родителей к ребенку должно быть искренним, объективным, сдержанным, принципиальным, строгим, но справедливым. Всем этим они должны заслужить уважение ребенка. Характерно следующее предостережение Коменского: «Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить, другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розги и для чего они служат. Не у ребенка не хватает здравого смысла, но у тебя, глупый человек, ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребенку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становится неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчает, если не

потому, что не привыкли их уважать» («Материнская школа», IX, 5).

Родители, считает Коменский, должны воспитывать в ребенке чувство красоты, эстетические чувства. Они должны обращать внимание ребенка на эстетическую сторону окружающей его среды, а также следить за тем, чтобы его одежда, прическа, весь внешний вид были красивы и опрятны. Ребенка должны окружать чистота и порядок. Одна из важнейших обязанностей родителей — воспитание детей в труде и для труда; их надо приучать к труду, внушать любовь к нему и сделать его обязательной потребностью ребенка.

Коменский упрекает тех родителей, которые игнорируют значение игры в воспитании ребенка, а иногда считают для себя зазорным руководить игрой детей. Коменский приводит следующий пример: «Рассказывают, что когда-то проходивший юноша, еще холостой, заметил, что афинский полководец Фемистокл на длинной песчаной площадке играет со своим сыном в лошадки. Когда Фемистокл заметил, что юноша удивляется тому, что столь знаменитый муж ведет себя столь по-детски, он просил его не рассказывать кому-либо об этом ранее, чем сам не будет иметь сына. Этим он давал понять, что, сделавшись сам отцом, он лучше поймет чувство родителей по отношению к детям и перестанет смущаться тем, что теперь считает ребячеством» («Материнская школа», VII, 1). Одну из важнейших обязанностей семьи в деле воспитания детей Коменский видел в том, чтобы детство человека было наполнено радостью, весельем. «Наконец, так как, по народной пословице, веселое настроение — половина здоровья... все родители должны стремиться к тому, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях» («Материнская школа», V, 22). Это высказывание Коменского и сегодня заставит призадуматься каждого родителя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*

УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО ОБ УЧИТЕЛЕ

„Следующий век будет именно таким, какими будут воспитанные для него будущие граждане», — говорит Коменский («Об изгнании из школ косности», 65). От воспитания ребенка зависит «исправление человеческих дел на земле» и развитие общества по пути совершенства и счастья. Учителя — душа и сердце воспитания, и они поэтому «поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 2). Исходя из такой высокой оценки назначения учителя, Коменский пишет: «Подыскать подходящих учителей, которым была бы по силе столь великая задача, — вот что будет трудно. Ибо подобно тому, как ни одна вещь не может делать ничего иного, как то, что есть она сама (белое — белить, тяжелое — придавливать, горячее — согревать), так никто не может сделать людей мудрыми, кроме мудрого; никто — красноречивыми, кроме красноречивого; никто — нравственными или благочестивыми, исключая нравственного или благочестивого; никто — математиками, естественниками или метафизиками, кроме сведущего в этих науках. Словом: никто не может сделать другого пансофом — всемудрым, исключая того, кто сам пансоф» («Пансофическая школа», ч. II, IV, 13).

Коменский образно сравнивает учителя с пастухом, садовником, акушером и полководцем и считает, что «счастливы школы, имеющие таких учителей», из которых каждый, «как хороший пастырь, постоянно находится у своего стада, с неусыпной заботой о том, как устеречь своих агнцев от ярости диких зверей, как предохранять их от заразительной болезни, удержать от ложных путей, направить на здоровое жизненное пастбище и напоить их потоками вод живых. Как рачительный садовник, он ухаживает за всеми растениями под небом, которые поручено ему вырастить в саду его, чтобы они в течение всего времени своего произрастания пользовались хорошим уходом и были оживляемы и укрепляемы поливкой и удобрением. Как добросовестный акушер, призванный к постели мучающихся родами умов, он будет неусыпно заботиться, чтобы умы легче и счастливее разрешились от бремени. Наконец, как энергичный полководец, высланный против варварства и безбожия... и т. д.» («Об изгнании из школ косности», 17).

Условием успешного выполнения почетной обязанности учителя Коменский считает его призвание и его любовь к этой профессии. Он пишет: «Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии... они должны, во-первых, остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как из жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 2).

Подчеркивая большое общественное значение учителя, Коменский требовал от государственных органов защищать его права и достоинства и повышать его авторитет. «Учителями, облеченными общественным авторитетом, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему необходимо веровать, что говорить и что делать» («О культуре природных дарований», стр. 129).

Коменский требовал также, чтобы государство материально обеспечивало учителей, и писал, что воспитание молодежи в школах будет обеспечено, если учителями поставят «людей почтенных, мудрых, набожных, деятельных; людей, если таковые вообще найдутся, — ахиллесового склада, чтобы они не являлись, как трутни

в пчелиные улья, для того лишь, чтобы пожирать мед, но как пчелы, с любовью его собирающие. Они могут это сделать, если они обеспечат верным работникам приличное содержание так, чтобы голод не вынуждал их бежать от этого священного призвания» («Об изгнании из школ косности», 67).

«Здесь же усердным и непрерывным упражнением во всем, заслуживающим уважения, развивается и укрепляется в детях склонность к науке, мудрости, добродетели и красноречию. Все это совершается приятно, когда учителя и на деле являются тем, чем они слывут, будучи как бы ходячими библиотеками и живыми примерами всего, что нужно делать и чего избегать, так что подражать им и легко и надежно. Ибо легко следовать правильно за тем, кто правильно идет впереди» («О культуре природных дарований», стр. 129).

Коменский совершенно правильно указывал, что вся ответственность за воспитание учащихся возлагается на учителя. Он приводит пример Диогена: «Если прав был Диоген, когда он, увидя мальчика, ведшего себя неприлично, бил палкой его воспитателя и говорил: «Так это ты его так наставляешь?», то на том же основании должны остерегаться побоев и те учителя, ученики которых постоянно проявляют незнание и дурное поведение» («Об изгнании их школ косности», 58).

«Какими качествами должен обладать учитель, чтобы он мог успешно выполнять возложенную на него благороднейшую задачу?» — спрашивает Коменский и отвечает:

«Хорошим учителем является тот, кто старается не только слыть, но и быть таковым, т. е. учителем, а не одной лишь личиной учителя. Следовательно, он не должен уклоняться от связанного с учительством труда, а сам его выискивать; исполнять его не ради формы, а серьезно; не на ветер, но для прочной и постоянной пользы учащихся, применяя к себе и внушая ученикам слова Сенеки: «Благородные умы питает работа. Не довольно того, что ты только не отрекаешься от работы— ты должен ее требовать; не достойно мужа бояться пота». Хороший учитель ищет учеников. «Хороший наставник радуется, если учеников у него много», — говорит Фабий. Он ищет, чему учить, ибо он горит нетерпением обучить всех всему, что только возможно. Он думает

о том, как учить, чтобы напиток науки проглатывался без побоев, без воплей, без насилия, без отвращения, словом, приветливо и приятно. Подобно усердному ваятелю, он старается по возможности красиво изваять и расписать божьи изображения, без конца их шлифует и отделывает, чтобы придать им наибольшее сходство с оригиналом. Как чистый и непорочный служитель вечного света, он горит нетерпением рассеять умственный мрак, пролить свет во все мысли и действия. Как предприимчивый архитектор, всюду валит он лес знаний, свозит его в одно место, доставляет, куда следует, соразмеряет, выравнивает и обрезает его так, чтобы, все во всех отношениях приладив и подогнав, застроить затем все уголки человеческого существа» («Об изгнании из школ косности», 12).

Из этой цитаты следует особо выделить указание Коменского о том, что учитель должен любить свое дело. В другом месте Коменский говорит, что, если учитель не любит свою профессию или она ему надоела, лучше ему бросить школу, и никто не должен ему в этом мешать.

«Если все же кому-нибудь, вследствие самой продолжительности, эта деятельность наскучит и он, может быть, захочет перейти к другому роду занятий или уйти на покой, то не следует насильно удерживать его (как раба, прикованного к жерновой мельнице), так как это не принесло бы ни малейшей пользы школе, требующей всего добровольного» («Законы хорошо организованной школы», XXIII, 5).

Трудолюбие должно быть обязательным качеством учителя. С профессией учителя несовместимы лень, бездеятельность, пассивность. «Кто берется за наивысшее, тот должен познаться и с ночным бодрствованием и трудами и избегать пиров, роскоши и всего, что ослабляет дух» («Об изгнании из школ косности», 55).

Коменский отмечает, что леность (косность) «есть скверный и достойный отвращения порок, потому что она превращает человека... в неуклюжий чурбан» (там же, 55). Коменский правильно считает, что для изгнания лености, косности из учащихся необходимо прежде всего изгнать эти пороки из учителей. «Учащие должны изгонять косность как из себя, так и из своих учеников», — пишет Коменский («Об изгнании из школ косности», 44).

Учитель должен быть энтузиастом, полным жизни, деятельным и отзывчивым, если хочет сделать учебу привлекательной, успешной и основательной. Коменский пишет: «При посещении некоторых школ я удивлялся и соболезновал, видя, как неискусно велось дело обучения. Я заметил, что иные учителя весь свой авторитет основывают на том, чтобы как можно меньше говорить с учениками, но, расхаживая мимо них с видом истуканов, швырять им задания, все равно как собакам — кости, а затем приходить в бешенство, если они выполняют неудачно. Что это, как не способ подавлять естественную наклонность и насильственно вызывать отвращение к занятиям? Что же ты — идол? У тебя есть язык — и ты не говоришь? У тебя есть уши — и ты не слышишь? У тебя есть глаза — и ты не видишь? Ты хочешь, чтобы тебе поклонялись? Не сможешь ты стать богом для своих учеников, пока не перестанешь быть идолом; не сможешь исполнять дело учителя, пока ты не научишься поступать, как отец» («Об изгнании из школ косности», 52).

Школа не может потерпеть такого учителя, который не наделен высокой моралью, честностью. «Терпеть в школьном обществе кого-либо испорченного (потому только, что он богат, или знатен, или из посторонних соображений, потому что не хотят огорчить его или его родителей), тем более не хотеть удалить из школы небрежного, нерадивого, предающегося пьянству или в каком-либо отношении непристойного учителя, есть несомненный признак расшатанной дисциплины школы» («Законы хорошо организованной школы», XXV, 5).

От учителя требуется быть образованным и всегда стремиться к расширению своих знаний и опыта. Невежественному и необразованному учителю не должно быть места в школе. Коменский пишет: «Что такое невежественный учитель, пассивный руководитель других, как не тень без тела, облако без дождя, источник без воды, лампа без света, следовательно, пустое место. Да будет ему стыдно! Ты же, раз ты дозволил поставить себя на то или иное место, — в соответствии с этим и действуй. Ты получаешь солдатское жалованье — так будь солдатом. Ты изображаешь собой учителя — так учи или сложи с себя эту маску» («Об изгнании из школ косности», 47).

Основная задача учителя — достигнуть того, чтобы учащиеся усвоили знания и навыки кратчайшим путем,

сознательно, прочно и легко. Об этой обязанности учителя Коменский говорит почти в каждой своей педагогической и дидактической работе. Этой стороны учения Коменского мы неоднократно касались в связи с вопросами дидактики. Здесь мы остановимся только на основных его взглядах, которые касаются учителя как передающего знания и навыки учащимся.

Учитель должен со всей ответственностью относиться к своим обязанностям: «Если ученье идет плохо, то чья это вина, как не самого преподавателя, который или не умеет сделать ученика способным к учению, или не прилагает к этому достаточно старания» («Великая дидактика», XVII, 41). Ценно указание Коменского о том, что учитель должен обеспечить передачу знаний учащимся так, чтобы они усваивали их сознательно и активно.

«Ошибку делают те наставники, которые хотят достигнуть образования вверенного им юношества тем, что много диктуют и дают заучивать много на память, без тщательного разъяснения вещей. Точно так же погрешают и те, которые хотят все разъяснить, но не соблюдают меры, не зная, как нежно нужно отрыть корень и ввести ростки наук. Таким образом, они терзают учеников так же, как если бы кто-нибудь для надреза в растении, вместо ножичка, пустил бы в ход дубину или колотушку.

Итак, на основании сказанного:

I. Нужно образовывать, во-первых, понимание вещей, во-вторых, память и, в-третьих, язык и руки.

II. Учитель должен соблюдать все способы раскрытия познавательных способностей и применять их сообразно обстоятельствам» («Великая дидактика», XVI, 36—37).

Коменский требует от учителя, чтобы, насколько это возможно, при обучении в школе соблюдалась наглядность, а также чтобы учитель включал каждого ученика в сферу своего внимания и делал бы объяснение материала одинаково доступным для всех.

Необходимой обязанностью учителя Коменский считает предварительную подготовку к каждому занятию и его планомерное проведение. «Учитель заранее должен подготовить материал, и так должен излагать, чтобы ученики не могли бы не слушать его» («Живая типография», 59).

Учитель обязан на каждом уроке сочетать работу каждого учащегося и всего класса, чтобы обеспечить индивидуальный подход к учащемуся и вместе с тем — активность класса. Коменский следующим образом описывает руководство уроком. «Сам учитель в качестве старшего наблюдателя будет только обращать внимание то на того, то на другого для проверки добросоветстности преимущественно тех, кому он не доверяет. Например, то, что предложено выучить, пусть отвечает один, и другой, и третий, и скольких бы учитель ни вызывал еще одного за другим, как из числа последних, так и из числа первых учеников, в то время как весь класс будет слушать. В таком случае все всегда, по необходимости, будут готовы отвечать, так как каждый будет опасаться, что спросят именно его. Когда учитель заметит, что известный ученик начал отвечать свободно, то, убедившись в том, что он хорошо знает остальное, пусть предложит продолжить другому. Если и этот будет отвечать быстро, пусть учитель предложит далее третий период или параграф отвечать новому ученику. Таким образом, спрашивая немногих, он будет спокоен за всех» («Великая дидактика», XIX, 24).

Большой заслугой Коменского является и то, что, не отрывая учебы от воспитания, он видит в педагоге не только учителя, передающего знания, но в то же время и воспитателя.

Главное назначение учителя как воспитателя состоит в том, чтобы своей высокой нравственностью, любовью к ребенку, знаниями, трудолюбием и другими возвышенными качествами стать образцом для подражания со стороны учащихся и личным примером воспитывать у них человечность. Коменский пишет: «Ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно увлекать учеников благим примером: ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыдущих и чтобы ученики воспитывались (se componant) по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев, которые только показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 4).

Коменский убедительно показывает огромное значение личного примера учителя. Приведем самые важные из его высказываний.

«Правильно изящное выражение немцев: «Хороший образец находит хорошего подражателя». Подходит сюда также и выражение Теренция: «Иди вперед, я следую за тобой» («Великая дидактика», XXI, 7).

«Что не может быть представлено в изображении (как, например, добродетели), возможно, однако, в подражании. В этом учитель должен служить живым примером» («Законы хорошо организованной школы», V, 9).

«Учителя должны приучать вверенных им также и к требуемому от каждого человеческому образованию, и к доброму повиновению законам человеческого общества, и опять-таки прежде всего и лучше всего примерами, нежели предписаниями» (там же, XXI, 6).

Следовательно: «Учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде образцом простоты, в деятельности — примером бодрости и трудолюбия, в поведении — скромности и благонравия, в речах — искусства разговора и молчания, словом, быть образцом благоразумия в частной и общественной жизни» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 6).

«Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметь хорошенько) самые маловажные обязанности — диктовать что-либо, гораздо же более важные — наблюдать» (там же, XXI, 8).

Коменский требует, чтобы учитель внимательно относился к учащимся. «Если учителя будут приветливы и ласковы, не будут отталкивать от себя детей своим суровым обращением, а будут привлекать их своим отеческим расположением, манерами и словами; если учителя рекомендуют науки, к которым они приступают, со стороны их превосходства, привлекательности и легкости; если более прилежных учеников будут время от времени хвалить (даже наделяя малышей яблоками, орехами, саха-

ром и т. п.); если будут через них сноситься с родителями; будут относиться к ученикам с любовью, тогда они легко завоюют их сердце так, что детям будет приятнее пребывать в школе, чем дома» («Великая дидактика», XVII, 16).

Учитель должен проявлять величайшую заботу об учащемся и отеческую к нему сердечность, если хочет достичь успеха в его воспитании. Коменский пишет: «Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова Горация:

Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным» («Законы хорошо организованной школы», XXI, 9).

Учитель должен быть другом учащегося. «Все педагоги должны также прилагать старания к тому, чтобы быть не только руководителями своих питомцев, но также и друзьями их» (там же, XX, 9).

Коменский дает множество замечательных указаний относительно управления школой, в частности об «учителе учителей» — директоре, которого он называет ректором.

Эти взгляды имеют не только теоретически-историческое, но и актуально-практическое значение, представляют большой интерес для современного школоведения.

Жизнестойкости взглядов Коменского в этой области особенно способствует и то, что он на протяжении многих десятилетий сам непосредственно руководил школами в разное время и в разных странах: у себя на родине (в Пшерове, Фульнеке), в Польше (в Лешно) и в Венгрии (в Шарош-Патаке). Можно сказать, что эти взгляды в значительной своей части представляют обобщение собственного опыта Коменского.

Взгляды Коменского об управлении школой и о ректоре отражены во многих его трудах. В более собранном и систематизированном виде они изложены в «Законах хорошо организованной школы», «Пансофической школе», в «Живой типографии», в некоторой степени — в работе «Об изгнании из школ косности». В «Законах хорошо организованной школы» выделена специальная глава — «Законы для ректора», — содержащая 15 пунктов,

в которых перечисляются функции, обязанности и качества руководителя школы.

Остановимся кратко на высказываниях Коменского об обязанностях директора школы и о тех качествах, которыми он должен обладать как руководитель.

Руководитель школы должен быть ее душой и сердцем. «Ректор должен помнить о том, что он является главным светом всей школы и ее опорой» («Законы хорошо организованной школы», XXII, 1).

Коменский выступает против существовавшего тогда положения, когда во главе школы стояли только священники. «Господствующий здесь обычай, чтобы в школу были привлекаемы только кандидаты на должность священников, которые вскоре затем покидают школу, следует отменить. Призвание к школе есть нечто особое по сравнению с призванием к духовной должности; кто способен к этому (а быть учителем есть особый дар божий), тот пусть посвящает этому делу всю свою жизнь. И где бы ни появились такие люди, как будто бы бог указал на них простертым перстом, следует принимать их с радостью, привлекать просьбами и наградой, поддерживать и ободрять их; и, если они расположены остаться при этом занятии, охранять их от несправедливостей» («Законы хорошо организованной школы», XXIII, 4).

Коменский совершенно правильно указывает, что на ответственную и достойную должность директора (ректора) школы должны приглашаться мудрые люди, обладающие большим образованием и опытом: «Надобно сыскать мудрецов, красноречивых ораторов, математиков, метафизиков, словом, людей всемудрых, которые стояли бы во главе пансофической школы, особенно же должен быть передовым вождь и руководитель всех учителей» («Пансофическая школа», ч. II, IV, 13).

Коменский ставит вопрос о том, откуда должны быть приглашены такие люди, и совершенно определенно указывает: «Мое мнение насчет этого может быть ясно из того, что я сказал несколько выше: в нашем собственном доме надо искать их; надо привлечь их из нашего народа; они будут верными проводниками нашими в этом предприятии» («Пансофическая школа, IV, 14).

Коменский также совершенно справедливо указывал, что ректором школы должен быть «деловой, образованный предусмотрительный человек», он требовал от обще-

ства и государства ценить руководителя школы и заботиться о нем, «чтобы ни один человек выдающегося ума не имел побуждения покидать это место».

Руководители школы в первую очередь сами должны хорошо осознавать значение своих обязанностей и соблюдать законы школы. Ответственность за недостатки и отставание школы возлагается в первую очередь на ректора школы. «Вся вина падает на их косных и неумелых руководителей, отвечающих за безупречность поведения тех, которых они приняли под свое руководство» («Об изгнании из школ косности», 48).

Первейшую обязанность директора составляет соблюдение установленных для школы законов. «Даже наилучшие законы напрасны, если их не выполнять», — пишет Коменский.

Для того чтобы директор школы мог успешно выполнять законы и обеспечить стройную работу всей школьной организации, он сам «должен заключать в себе образец добродетелей, благочестия и трудолюбия и во всех отношениях служить живым законом и правилом (по которому легко выправляется все неровное)» («Законы хорошо организованной школы», XXII, 3).

Директор с его богатым духовным миром и благодаря его разумным действиям должен быть авторитетом для всех. «Свой авторитет перед другими он должен поддерживать чистотой в моральной жизни, гуманным обращением с каждым и неутомимой бодростью в исполнении обязанностей» («Законы хорошо организованной школы», XX, 23).

В разделе «Законы для ректора» Коменский по пунктам определяет обязанности ректора. Приведем некоторые из них:

«Он должен тщательно следить за тем, идут ли по его стопам все коллеги, учителя и воспитатели.

И так как он не имеет собственного класса, то, исходя из того взгляда, что все ученики представляют его класс (что они и суть в действительности), он должен ежедневно освещать всех подобно солнцу, со всех сторон освещающему небо...

Он должен постоянно заботиться о том, чтобы ничего не делалось против законов и установлений (школы), но чтобы все сохранялось на своем месте, в своем порядке и в своей силе; и если он видит, что что-либо выходит

из своей колеи, он должен тотчас же принять меры к исправлению и предотвратить худшее зло.

Особенно он должен сам помнить и от времени до времени напоминать своим товарищам, что никого нельзя научить через одни наставления, но что обучение происходит через частое показывание и постоянное подражание...

Он должен добросовестно хранить под своим верным попечением, как лучшее сокровище, архив школы (в котором заключаются данные об основании, привилегиях, законах и статутах, а также акты и история школы)...

Он должен вести историю школы и вносить в летопись ее все главнейшие события. В наиболее важных вопросах, однако, пусть он действует не по своему личному усмотрению, но предварительно созвав сенат и спросив у него совета.

Он должен быть убежден, что правильное распределение наград и наказаний есть основа государства, и только сообразно с этим пусть и распределяет их» («Законы хорошо организованной школы», XXII). а

Порядок делает школу «духовной мастерской», которая «становится похожей на типографию», «похожей на часы»; поэтому Коменский требует, «чтобы в школе воцарился полный порядок по отношению к делам и людям», что является первейшей задачей руководителя школы.

Руководители школы должны обеспечить наблюдение над воспитанием подрастающего поколения в пределах города и его окрестностей, они «должны наблюдать за тем, как родители и опекуны воспитывают детей» («Законы хорошо организованной школы», XXIII, 11).

Коменский считает, что в управлении школой должен участвовать каждый педагог. С этой целью он считает необходимым, чтобы при школе существовал школьный сенат, или, в современном понимании, педагогический совет: «Школьный сенат (здесь в школе в Шарош-Патаке) должен состоять из профессоров и классных учителей, их постоянный председатель — ректор» («Законы хорошо организованной школы», XIII, 4).

Коменский придает большое значение стабильности уклада жизни школы и считает вредным частое и произвольное изменение ее правил и законов ректором или кем-либо другим. «Благосостояние школы следует пола-

гать не столько в увеличении количества законов, сколько, наоборот, в тщательном соблюдении однажды данных. Отсюда следует, что не нужно легко допускать, чтобы к этим нашим законам прибавляли новые, за исключением разве крайней необходимости; лучше твердо соблюдать эти немногие, хорошие, общие, однажды данные» («Законы хорошо организованной школы», XXV, 3).

Директор школы должен иметь живую педагогическую связь с учащимися. Он должен знать каждый класс, каждого ученика. С этой целью Коменский предлагает, чтобы директор проводил уроки вместо отсутствующих учителей. Он указывает: «Если кто-либо из учителей вследствие болезни или вследствие еще какой-нибудь уважительной причины не может исполнять свои обязанности, ректор должен заступить его место» («Пансофическая школа», ч. II, IV, 20).

Директор школы должен заботиться о повышении своего авторитета в глазах общественности. Кроме успешной учебной работы большое значение для достижения этой цели имеет организация в школе различных праздничных дней. Коменский считает, что в торжественной обстановке, в присутствии учащихся, родителей и населения следует отмечать такие даты, как годовщина основания школы и др.

Особую обязанность директора и схолархов (начальников) школы должна составлять защита достоинства учителя и его авторитета. Директор должен не только контролировать работу учителя, но и помогать ему, заботиться о материальном положении учителя. Коменский пишет: «Они (схолархи. — *Д. Л.*) должны заботиться о тех учителях школы, которые отличаются благочестием, ученостью и превосходством перед другими в искусстве ведения дела, как о людях, которые являются как бы созданными для этого призвания знанием и умением посвятить жизнь свою богу и юношеству и принести пользу отечеству и церкви» («Законы хорошо организованной школы», XXIII, 3) И далее: схолархи «с особой тщательностью должны заботиться о том, чтобы в присутствии учеников сохранить неприкосновенным и чистым авторитет учащих и предохранить учителей от низкой оценки их.

Пренебрежение к учителям прямо влечет за собой нарушение всей дисциплины.

Если же они заметят в ком-либо из учителей, или даже в ректоре, или в самом главном учителе пороки или слабости, они не должны этого терпеть, но дружелюбно увещевать провинившегося, однако, наедине, чтобы этого не заметил кто-либо из учеников и не возымел повода к неуважению» («Законы хорошо организованной школы», XXIII, 8, 9).

Коменский требует, чтобы директор личным примером вдохновлял каждого работника школы, каждого ученика. «Но как именно эти высокопоставленные люди должны поддерживать бодрый дух в школах? Во-первых, также через пример, всюду проявляя энергию и расторопительности, так, чтобы и другие ободрялись, видя, о сколь многих делах болеют они сердцем. Ибо редко обманывает поговорка: «Каков поп, таков и приход» («Об изгнании из школ косности», 66).

Таково в общих чертах учение Коменского об учителе и директоре школы. Это учение, как мы видели, содержит много таких положений о достоинствах и обязанностях учителя и «учителя учителей», которые представляют собой ценный вклад в сокровищницу мировой педагогики.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМЕНИОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Коменский — общечеловеческое явление. Он оказал огромное влияние на развитие педагогической мысли и школы во всем мире и занял достойное место среди деятелей педагогики всех стран и времен. Его богатое педагогическое наследие — ценный вклад в сокровищницу мировой прогрессивной педагогической мысли; оно успешно служит великому делу воспитания поколений в духе гуманизма и человечности.

Вот почему имя Коменского дорого не только чешскому народу, но и всему передовому человечеству, всем, кому дороги родина, народ, равноправие, свобода и независимость народов, их дружба и братство, мир во всем мире, кому дорого подрастающее поколение — его будущее, его счастье.

Подлинной наследницей Коменского является социалистическая педагогика, и, естественно, его учение и само имя его пользуются величайшей любовью и уважением среди народов всех социалистических стран. Серьезная комениологическая работа ведется не только на родине Коменского, в Чехословакии, но и в Советском Союзе и во всех странах народной демократии при систематической поддержке и помощи со стороны государства. Изучением и популяризацией учения Коменского зани-

маются также представители прогрессивной педагогической мысли во всем мире.

В этой заключительной главе мы хотим в общих чертах познакомить читателя с работой, ведущейся в области комениологии на родине Коменского, в Чехословакии, и в Советском Союзе.

КОМЕНИОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ [1]

Как известно, трехсотлетнее господство чужеземных захватчиков, установившееся после жестокого и рокового поражения чешских войск у Белой горы в 1620 г., легло тяжелым бременем на чешский народ, отразилось во всех областях общественной жизни. В условиях габсбургского режима все чешское, национальное жестоко преследовалось. Страна стонала под чужеземным игом. Великий патриот Ян Амос Коменский был изгнан из своей любимой родины. Более того, Габсбурги и католическая церковь всячески препятствовали распространению трудов Коменского и популяризации его имени. Достаточно отметить, что при жизни Коменского его труды не были изданы в Чехии. Более того, запрещено было даже ввозить их из-за рубежа. Исключение составила его книга «Открытая дверь языков», изданная иезуитами в Праге в 1667, 1669, 1694 и 1716 гг. как учебник латинского языка, т. е. в то время, когда этот учебник и имя его автора уже давно были известны в других странах. Все же это издание «Открытой двери языков» имеет историческое значение, поскольку соотечественники Коменского впервые увидели классическую работу гениального сына своего народа, изданную в столице его родины — Праге.

Гораздо быстрее и шире слава Коменского распространилась в Словакии. Главную причину этого нужно искать в том, что в то время Словакия входила в Венгерское царство и не подвергалась такому разгрому и жестокому угнетению, как Чехия после поражения у Бе-

---

[1] Основные материалы, рассматриваемые в этом разделе, были любезно предоставлены нам научным сотрудником Института педагогики имени Коменского Академии наук ЧССР кандидатом педагогических наук доц. Иржи Кирашеком, за что мы выражаем ему глубочайшую признательность.

лой горы. Этому способствовало и то, что многие словаки учились в передовых университетах Германии, после чего у себя на родине способствовали распространению учения Коменского и его применению в школьной практике.

В Словакии на протяжении всего XVIII в. учение Коменского широко использовалось как в школьной практике, так и при разработке педагогической теории. В то время в школах Словакии пользовались книгой Коменского «Открытая дверь языков». Уже в первой половине XVIII в. широкообразованный педагог Матвей Бель хорошо знал дидактические работы Коменского и комментировал их, а позднее Самуэль Тешедик опубликовал «Речь в школе Шарош-Патака» Коменского и в своих трудах использовал его идеи. Педагогические идеи Коменского оказали большое влияние на одного из крупнейших представителей педагогической мысли Словакии — Даниеля Лехоцкого; ими целиком проникнуты труды Яна Коллара.

Первым чешским автором, перу которого принадлежит специальная статья о Коменском, является его современник Богуслав Бальбин. Эту статью он поместил в своей книге «Об ученых Чехии» («Bohemia docta»). Несмотря на то что Богуслав Бальбин был иезуитом, он глубоко почитал богатое прошлое и культуру Чехии. Он стремился возвысить свой народ в глазах иезуитского ордена и опровергнуть существовавшее в среде иезуитов мнение о чешской литературе как о литературе еретической. С этой целью он написал и статью о Коменском. Но книга Бальбина была напечатана только спустя почти сто лет после смерти автора, в 1780 г., когда закладывались основы для чешского национального возрождения. Можно сказать, что именно на заре национального возрождения книгой Богуслава Бальбина, которая была издана Франтишком Мартином Пельцлем, начинается история комениологии в Чехии. Тогда, как в других странах, особенно в Англии, труды комениологического характера начали появляться на 100 лет раньше. Тогда же под влиянием книги Богуслава Бальбина в Чехии снова появилась «Открытая дверь языков» Коменского, изданная Карлом Тхамом.

Совершенно особая заслуга в деле научного изучения наследия Коменского принадлежит выдающемуся исто-

рику XIX в. проф. Франтишку Палацкому (1798—1876), который первым разработал биографию Коменского и в 1829 г. в «Журнале музея Чехии» опубликовал капитальную работу «Жизнь Яна Амоса Коменского». Эта работа содержит не только биографию Коменского, в ней сделана первая попытка дать научный анализ и оценку учения Коменского как теории воспитания и обучения, построенной на идеях гуманизма. Следует отметить и вторую работу этого ученого-историка — статью, напечатанную на немецком языке в журнале «Ежемесячник музея Чехии». Эту статью Палацкий написал в ответ на книгу известного Пьера Бейля («Dictionnaire historique et critique», 1669), который объявил Коменского религиозным мистиком. Статья Палацкого была направлена также против книги немецкого автора Аделунга «История человеческой глупости», где Коменский тоже получил совершенно неправильную оценку. Труды Палацкого, написанные с глубоким знанием вопроса и научной добросовестностью, познакомили читателей с жизнью, деятельностью и учением Коменского. Они в значительной мере способствовали популяризации имени Коменского не только на его родине, но и за ее пределами.

Труды Франтишка Палацкого о Коменском полностью соответствовали духу национально-освободительной борьбы чешского народа против иноземных захватчиков.

Интерес к Коменскому особенно усиливается в 40-х годах прошлого века, когда борьба за национальную народную школу, связанная с идеями освободительного движения, приобретает широкие масштабы. Еще более возрос этот интерес к Коменскому в период революции 1848 г. В это время передовая часть чешского народа, боровшаяся за новую, национальную народную школу, выдвигает требование коренной реформы школьного дела. Составляются проекты школьной реформы, в разработке которых участвуют лучшие представители чешской культуры и науки: Ян Пуркине, Павел Шафаржик, Ян Коллар, Карел Амерлинг и другие. Все они при разработке своих школьных проектов руководствовались идеями Коменского, широко использовали его учение в школе. В эти годы была найдена чешская рукопись «Дидактики» Коменского; Вацлав Владивой Томек в 1848 г. опубликовал некоторые

ее части, а через год, в 1849 г., напечатал ее целиком в виде отдельной книги.

С этого времени до конца XIX в. публикуется целый ряд статей по различным вопросам жизни, деятельности и учения Коменского. Следует особо отметить статьи Франтишка Богуслава К в е т а о философских воззрениях Коменского, публиковавшиеся в 50-х годах. Квет специально исследует вопрос об отношении пансофии Коменского к «универсальной науке» Лейбница и считает, что между идеями Лейбница и пансофическими взглядами Коменского есть много общего. Квет был первым чешским автором, который пробудил интерес к Коменскому как к философу и мыслителю.

К 70-м годам прошлого века влияние учения Коменского в Чехии стало настолько велико и его идеи получили настолько широкое признание, что в 1873 г. был учрежден педагогический журнал под названием «Коменский», который выходит и поныне и занимает одно из почетных мест среди других педагогических и методических журналов Чехословакии. Этот журнал помогает педагогам социалистической Чехословакии в разрешении проблем начальной школы.

В 80-х годах XIX в. публикуются важные исследования в области комениологии. Среди их авторов следует особо отметить Франтишка З о у б е к а (1832—1890) и Иосифа Ш м а г у (1843—1922), которые, как отмечает И. Кирашек, являются первыми настоящими чешскими комениологами. Заслуга их в первую очередь состоит в том, что они перевели с латинского на чешский и издали многие труды Коменского.

Франтишек Зоубек вел работу в области классической и славянской филологии, а также истории. По профессии он был учителем, что способствовало успехам и в его комениологической работе. В 1871 г. Зоубек печатает на чешском языке монографическое исследование «Жизнь Яна Амоса Коменского», которое и поныне не утратило своего значения и считается одной из основных биографий Коменского. Зоубек проделал большую работу по выявлению рукописей Коменского, считавшихся утерянными. Он ежегодно обогащал переводами трудов Коменского фонд его сочинений на чешском языке. Вместе с тем Зоубек напечатал в чешских педагогических журналах много статей о жизни и деятельности Коменского

и о его трудах. К 300-летию со дня рождения Коменского (1892) Зоубек готовил большую монографию о нем, но завершить ее не успел. Ему принадлежат большие заслуги в популяризации идей Коменского среди чешского и словацкого народов и внедрении этих идей в школе. Зоубек, как и некоторые другие исследователи того времени, в своих трудах не всегда ссылается на источники, и, как пишут чешские комениологи, в таких случаях трудно бывает установить, излагает ли он источник или высказывает собственное мнение.

Большие заслуги в издании трудов Коменского на чешском языке принадлежат Иосифу Шмаге, автору многочисленных статей о Коменском.

Большую плодотворную работу в области комениологии проделал выдающийся чешский педагог Ян Вацлав Новак (1853—1920). Он закончил монографию Зоубека «Жизнь Коменского», которую издал в 1892 г. Начиная с этого времени и до конца своих дней, в течение почти 30 лет Новак изучал жизнь и деятельность Коменского и готовил капитальную монографию. Закончить ее, однако, он не успел. Ее завершил известный комениолог проф. Иосиф Гендрих (1888—1950) в 1932 г. под заглавием «Ян Амос Коменский, его жизнь и сочинения». В этой монографии, содержащей свыше 700 печатных страниц, представлены обширные материалы о жизни и сочинениях Коменского. Можно сказать, что эту работу не сможет обойти ни один исследователь, работающий в области комениологии. Монография Новака и Гендриха имеет и недостатки; в частности, к мировоззрению Коменского и общепедагогическим вопросам авторы подходят с позитивистско-идеалистических позиций.

Большие заслуги в области комениологии, особенно в исследовании первоисточников, в том числе многих вновь открытых ранее неизвестных рукописей, принадлежат словацкому ученому Яну Квачале (1862—1934). Квачала заинтересовался Коменским еще в период учебы в Лейпцигском университете. Дипломную диссертационную работу он написал на тему «О философии Коменского, в первую очередь о его физике».

Свое пребывание в разных странах Квачала использовал для собирания новых материалов о Коменском. В 1892 г. он печатает на немецком языке капитальное исследование «Ян Амос Коменский, его жизнь и сочине-

ния». Эта богатая фактическим материалом книга прославила ее автора. Ян Квачала собрал и издал в двух томах переписку Коменского («Корреспонденция Яна Амоса Коменского», т. I, 1898; т. II, 1902). Эти материалы представляют собой один из ценнейших источников комениологии, и многие исследователи используют их в своей научной работе. В 1903—1904 гг. Квачала на немецком языке публикует труд в двух томах — «Педагогическая реформа Коменского в Германии», — в котором также собраны многие материалы о жизни и деятельности Коменского. Ян Квачала руководил изданием сочинений Коменского, начатым в 1910 г. Центральным объединением учительского общества в Моравии. Это учительское общество поставило своей целью на собственные средства подготовить и осуществить академическое издание трудов Коменского в 30 томах под заглавием Собрание сочинений Яна Амоса Коменского («Veškeré spisy Jana Amosa Komenského»). Были изданы: I том, в который вошли ранние работы Коменского главным образом философского характера; IV том, содержащий «Великую дидактику» (латинский и чешский тексты) и «Материнскую школу»; VI том, в который вошли «Новейший метод языков» и некоторые небольшие сочинения дидактического характера; X том, в который вошел «Мир чувственных вещей в картинках», и др. Всего было издано восемь томов. Издание остальных томов было задержано в связи с первой империалистической войной и после ее окончания в условиях буржуазной республики в Чехии не возобновлялось.

Под редакцией Яна Квачалы начал выходить «Архив по изучению жизни и творчества Яна Амоса Коменского». Издание этого «Архива» (редакция последних номеров уже не принадлежит Квачале, он скончался в 1934 г.) было прекращено в 1940 г. из-за второй мировой войны. Оно возобновилось в 1957 г. в связи с 300-летним юбилеем издания Полного собрания дидактических трудов Коменского и в настоящее время выходит под названием «Acta Comeniana». «Acta Comeniana» начал выходить под главной редакцией акад. Отокара Хлупа и редакцией д-ра Иосифа Брамборы. С этого времени издание этого «Архива» Коменского осуществляет Академия наук ЧССР — центр научно-исследовательской работы в стране.

В старом «Архиве» печатались в основном материалы и статьи самого Квачалы, который стоял на позитивистско-идеалистических позициях. В настоящее время в «Acta Comeniana» участвуют многие десятки комениологов как Чехословакии, так и других стран мира.

С 20-х годов XX в., еще при жизни Яна Квачалы, в комениологии начал работать известный чешский ученый Иосиф Гендрих. Как мы уже упоминали выше, он завершил монографию Яна Вацлава Новака. Иосиф Гендрих перевел с латинского на чешский язык целый ряд сочинений Коменского, в том числе «Великую дидактику», поскольку перевод Зоубека и Шмаги не был вполне удовлетворительным. Переводы Гендриха отличались точностью и хорошим языком. Значительный интерес представляет диссертация Гендриха на тему «Стремления Яна Амоса Коменского к всеобщей науке, всеобщему просвещению и всеобщему исправлению» (1942).

Гендриху принадлежит много статей и исследований о Коменском, опубликованных в разное время. Кроме того, он вел также большую организационно-практическую работу в области комениологии. Труды Гендриха не лишены ошибок. Так, например, давая правильную оценку Коменскому как великому дидактику и педагогу, он недооценивает его как философа, о чем уже говорилось выше.

Плодотворную работу в области комениологии вел известный чешский филолог и историк литературы Станислав Соучек (1870—1935). Особая заслуга Соучека состоит в том, что он вместе с проф. С. Чернобаевым обнаружил в Ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина рукописный оригинал нескольких считавшихся до того утерянными сочинений Коменского. Значительная часть их, и поныне не известная широкому читателю, в настоящее время готовится к изданию. Эти рукописи содержат несколько набросков учебников по геометрии, географии, астрономии и «первоначальной философии», написанных Коменским в 30-е годы XVII в.

Заслуживает внимания солидная монография жившей во Франции чешки Анны Гейбергеровой — «Я. А. Коменский», — которая была опубликована в 1926 г. во Франции на французском языке.

Над изучением наследия Коменского вел работу также Иржи Вацлав Клима (1874—1949). Его интересо-

вали главным образом взгляды Коменского на эстетическое и нравственное воспитание. В 1930 г. И. Клима обнаружил важные примечания Коменского на рукописи «Великой дидактики».

Работа в области комениологии совершенно прекратилась во время второй мировой войны в период господства немецко-фашистских оккупантов.

Возрождение и полный расцвет комениологической работы оказались возможными после того, как чешский и словацкий народы навсегда были освобождены от фашистского ига в 1945 г., когда в Чехословакии восторжествовал народно-демократический строй.

С этого времени особое место в комениологии занимает акад. Отокар Хлуп (1875—1965). Отокар Хлуп еще в 1929 г. в своей книге «Развитие педагогических идей в новые века» отвел Коменскому и анализу его учения специальную главу. После того как Отокар Хлуп возглавил сперва кабинет педагогики имени Коменского при Академии наук Чехословакии, а затем — основанный на его базе Научно-исследовательский институт педагогики имени Коменского (1957), в центре его внимания оказалось изучение жизни и деятельности великого чешского педагога, его богатого и разностороннего литературного наследия, разыскание первоисточников, популяризация имени Коменского во всем мире и координация сил комениологов. Вся деятельность Института имени Я. А. Коменского была подчинена этим задачам. Акад. Отокар Хлуп начал свою работу в области комениологии с того, что подвел итог тому, что было проделано в этой области до освобождения Чехословакии. Он выявил религиозно-идеалистические позиции некоторых исследователей, которые стремились изобразить Коменского не великим педагогом-классиком и общественным деятелем, а прежде всего теологом, представителем религиозного мировоззрения.

Большие заслуги в комениологии принадлежат также и чл.-корр. АН ЧССР И. Ване, известному комениологу, д-ру Иосифу Брамборе, проф. Яну Паточке, д-ру Иржине Попеловой, канд. пед. наук доценту Иржи Кирашеку, также доценту Богумиру Куялу, проф. Мирославу Ципро, проф. Людовиту Бакошу, докторам Яромиру Червенке, Власте Мишковской-Козаковой, Дагмаре Чапковой-Вот-

рубовой, Яромиру Копецкому, Антонину Шкарке и другим.

Комениологическая работа в Чехословакии заняла одно из центральных мест в педагогической жизни страны после освобождения Чехословакии от фашистского ига в 1945 г. Грандиозная работа, проводимая в Чехословакии в области комениологии, осуществляется под руководством Коммунистической партии ЧССР. Из работ, проведенных в области комениологии после освобождения Чехословакии, мы остановимся лишь на некоторых главнейших.

Уже в первые годы после освобождения публикуются две переведенные Иосифом Гендрихом книги из труда Коменского «Общий совет об исправлении дел человеческих»: кн. IV — «Пампедия» («Всеобщее воспитание») и кн. VI — «Панортозия» («Всеобщее исправление»). Это издание сыграло большую роль в деле изучения общественно-политических воззрений Коменского.

В 1954 г. публикуется составленная Иосифом Брамборой библиография трудов Коменского, а с 1955 г. Государственное педагогическое издательство Чехословацкой Республики систематически публикует целую серию трудов Коменского и работ о нем. Из этой серии следует отметить книгу под названием «Воспитатель народов» («Praeceptor gentium — Vychovatel narodu», 1955, Прага), где параллельно представлены латинский текст и его чешский перевод. За этим последовал «Предвестник мира и блага народов» («Gentium salutis reparator — Posel míru a blaha národů»), подготовленный д-ром Методием Ключкой с послесловием д-ра Яна Паточки. В 1956 г. публикуется «Пансофический учитель» («Scholarum reformator pansophicus — Pansofický vychovatel») с комментариями Яна Паточки. В 1957 г. вышла книга «Ян Амос Коменский — создатель нового порядка в школе» («J. A. Comenius, Scholarum novi ordinis formator — J. A. Komensky tvůrce nového uspořádání škol») с послесловием Яромира Копецкого и, наконец, в 1961 г. — «Путь света» («Via lucis» — «Cesta Světla») с комментариями Яромира Копецкого, Яна Паточки, Иржины Попеловой и Иржи Кирашека.

Особую роль в усилении комениологической работы сыграло постановление Центрального Комитета Комму-

нистической партии и Совета Министров Чехословакии о переиздании фотолитографическим способом Полного собрания дидактических трудов Коменского («Opera didactica omnia») в связи с 300-летием со дня их издания. Для проведения этой работы была создана специальная комиссия под руководством акад. Отокара Хлупа, в которую входили Иосиф Брамбора, Дагмара Чапкова-Вотрубова, д-р Яромир Червенка, канд. пед. наук Иржи Кирашек, Власта Мишковска и Ян Паточка. Общая редакция этого уникального издания принадлежала акад. Зденеку Неедлы, а главным его редактором был акад. Отокар Хлуп.

В 1958 г. точно так же был издан «Мир чувственных вещей в картинках» Коменского со вступительными статьями И. Попеловой (на чешском языке) и проф. Л. Бакоша (на словацком языке). Дважды была издана составленная Коменским карта Моравии, которая была лучшей картой своего времени.

В настоящее время по решению руководящих органов Чехословакии издается Полное собрание сочинений Коменского. Это капитальное академическое издание, куда войдут многие до сих пор не опубликованные труды Коменского, явится ценным вкладом не только в педагогическую науку, но и в общечеловеческую культуру.

По постановлению ЦК КПЧ и правительства Чехословакии массовым тиражом изданы Избранные сочинения Коменского. Уже издано пять томов под редакцией акад. Отокара Хлупа и чл.-корр. Академии наук Иосифа Вани. В первый том вошли «Великая дидактика», «Материнская школа», «Открытая дверь языков», а также «Краткие поучения и советы о восстановлении школ в царстве Чехии»; во второй том — разные статьи Коменского, написанные в Венгрии и Амстердаме; в третий том — природоведческие труды Коменского; в четвертом томе напечатаны избранные места из «Общего совета»; в пятом томе — философские работы.

Избранные сочинения Коменского были изданы и в Словакии. В первый том (1954) вошла «Великая дидактика»; во второй том (1956) — «Аналитическая дидактика», «Материнская школа», «Предвестник всеобщей мудрости», отдельные статьи; третий том (1957) включает в себя труды, в которых освещены взгляды Коменского на общество; в четвертом томе (1957) опубликова-

ны «Пампедия» («Всеобщее воспитание») и отдельные статьи по вопросам обучения и воспитания.

В 1959 г. вышла в свет «Открытая дверь языков», подготовленная к изданию Яромиром Червенкой.

В 1958 г. дважды был издан «Лабиринт света и рай сердца»; первое издание подготовлено Антонином Шкаркой, а второе — Владиславом Шмилауером (послесловие И. Попеловой).

В Институте имени Коменского Академии наук Чехословакии подготовлены и переданы ЮНЕСКО избранные тексты из сочинений Коменского. Они опубликованы на чешском, русском, французском, английском, немецком, испанском, итальянском и других языках в 1957—1960 гг.

В течение ряда лет Институт имени Коменского проводил большую работу по подготовке к изданию самого важного сочинения Коменского — «Общего совета об исправлении дел человеческих», — которое увидело свет в 1966 г.

За последние годы опубликованы многочисленные монографии чешских и словацких ученых. В их числе следует особо отметить работу Иржины Попеловой «Путь Я. А. Коменского к всеобщему исправлению» (Прага, 1958) и ее докторскую диссертацию «Философские и общественно-политические взгляды Коменского», успешно защищенную в 1958 г. в Московском государственном университете имени Ломоносова.

Большой интерес представляет капитальное исследование Яромира Копецкого, Яна Паточки и Иржи Кирашека «Жизнь и деятельность Яна Амоса Коменского». Оперируя обширным материалом, авторы освещают многие вопросы жизни и творчества Коменского. К исследованию приложены список биографических дат, библиография трудов Коменского и различные фоторепродукции.

Кроме этих капитальных трудов в чешских и словацких журналах «Педагогика», «Акта Комениана» и др. опубликовано большое число статей О. Хлупа, И. Попеловой, И. Брамборы, И. Кирашека, И. Вани, Я. Копецкого, Я. Паточки, Г. Грабака, А. Мольнара, В. Мишковской, В. Скалички и других ученых по актуальным вопросам жизни, деятельности, мировоззрения и педагогического учения Коменского.

Интерес представляет подготовленный сотрудниками Института имени Коменского И. Кирашеком, Д. Чапковой, И. Шамалом альбом иллюстраций (1963), в котором помещены портреты Коменского и его современников, отражены важные эпизоды из его жизни.

Большую и полезную роль в комениологической работе играет журнал «Acta Comeniana», в котором публикуются новые документальные материалы о Коменском, а также исследования чешских, словацких и зарубежных комениологов. В связи с этим нельзя не отметить большую библиографическую работу, которую с величайшим чувством ответственности проводит д-р Иосиф Брамбора. Его заботливым отношением к каждому комениологическому факту во многом объясняется то, что этот орган так тщательно и с полной объективностью отражает работу, проводимую в области комениологии в разных странах.

Чрезвычайно большое значение имеет изданное сотрудниками библиотеки Пражского университета под редакцией научного сотрудника той же библиотеки Эммы Урбанковой описание изданных произведений Коменского, имеющихся в библиотеках Чехословакии (1959). Такое же значение имеет составленный и изданный Марией Богатцовой на чешском языке список рукописей Коменского под заглавием «Ян Амос Коменский. Описание рукописей» (1957).

Важную работу по собиранию и анализу материалов, отражающих жизнь и деятельность Коменского, ведут музеи в Праге, в Угерском Броде, в Пшерове и в Фульнеке. Музей Угерского Брода систематически выпускает бюллетени «Музей Коменского» (главный редактор — директор того же музея д-р Ян Павельчик). Музей не только собирает различные документальные материалы, но и выпускает много фотоиллюстраций о родном крае Коменского и о самом Коменском. В музее собраны уникальные материалы, без учета которых трудно было бы разработать многие вопросы комениологии. К этому музею присоединен в качестве филиала музей, устроенный на родине Коменского, в Нивнице.

Музей Коменского в Пшерове публикует под редакцией Павла Флоса, Иосифа Брамборы, Яромира Червенки и Дагмары Чапковой сборник «Collegia Comeniana».

Величайшее значение для широкого развертывания комениологической работы и для дальнейшей популяризации учения Коменского во всем мире имело постановление Международного комитета защиты мира о праздновании 300-летия амстердамского издания дидактических трудов Коменского. В соответствии с этим постановлением в Праге в сентябре 1957 г. был проведен Международный конгресс комениологов, в котором приняли участие представители 16 стран — Бельгии, Болгарии, Дании, ГДР, ФРГ, Англии, Италии, Мексики, Польши, Румынии, СССР, США, Франции, Венгрии, Швеции и Голландии. Конгресс открыл председатель чехословацкого комитета защиты мира акад. Ян Мукажжовский, который подчеркнул огромное значение конгресса для изучения классического наследия Коменского, а также для установления деловых контактов между представителями разных стран, работающими в области педагогической науки.

Конгресс заслушал свыше 20 докладов по различным вопросам комениологии. Свою работу конгресс начал с ведущего доклада акад. Отокара Хлупа на тему «Новый образ Яна Амоса Коменского». В этом докладе О. Хлуп остановился на многих сторонах творческого наследия Коменского и подчеркнул то решающее значение, которое имеет правильный методологический подход к этому наследию. Такой методологией О. Хлуп считает диалектический материализм. Свой доклад акад. Хлуп построил именно на основе этой методологии; используя диалектический метод, он остановился на мировоззрении Коменского, выяснил основные стороны его учения, характер его педагогических идей, принципиальные стороны его дидактики и в связи с этим оценил достижения и недостатки исследований, посвященных Коменскому, сделав критические замечания в адрес многих авторов, рассматривающих учение Коменского с идеалистических позиций. Акад. Отокар Хлуп дал Коменскому следующую оценку: «Коменский и его творческое наследие вызывают большой интерес не только у нас, в Чехословакии, но и в Советском Союзе и других государствах; значение его воспитательной работы, его желание улучшить отношения людей и его стремление к миру, что связано с им же выдвинутой идеей всестороннего развития личности, — все это показывает жизненность дел этого

учителя народов. Но мы вовсе не намереваемся принимать все творчество Коменского в качестве нормы и образца для воспитания; необходимо отделять то, что в педагогическом учении Коменского является живым, и то, что является мертвым, определить, от каких его принципов мы должны отказаться с точки зрения марксистско-ленинской философии и педагогической науки».

О. Хлуп призвал коменнологов всех стран поставить богатое наследие Коменского на службу социалистического воспитания подрастающих поколений.

На конгрессе были заслушаны доклады по следующим циклам:

I. Коменский и национальное образование в Чехии: 1. «Место Коменского в культуре Чехии», И. Грабак (ЧССР); 2. «Чешское воспитание до Коменского», И. Ваня (ЧССР); 3. «Коменский и община «Чешских братьев», А. Мольнар (ЧССР); 4. «Коменский и Словакия», Ян Чаплович (ЧССР); 5. «Концепция славянской истории у Коменского», Я. Якобсон (США); 6. «Воспитание людей власти, поставленных для управления миром», И. Ржичан (ЧССР); 7. «К изучению истории воспитания до Коменского», Эм. Стрнад (ЧССР).

II. Международное значение Коменского: 1. «Коменский и современная ему Европа», Л. Курдыбаха (Польша); 2. «Коменский и советская педагогика», Д. Лордкипанидзе (СССР); 3. «Коменский и его влияние на немецкую культуру», Р. Альт (ГДР); 4. «Основные мотивы деятельности Коменского в Венгрии», Г. Гереб (Венгрия); 5. «Влияние педагогических идей Коменского на воспитание в Мексике», Р. Кардеро Амадор (Мексика); 6. «Влияние идей Коменского на развитие румынской педагогики», Б. Попеску (Румыния); 7. «Коменский и Польша», д-р Слизинский (Польша); 8. «Коменский в Болгарии», Н. Чакаров (Болгария).

III. Педагогическая деятельность Коменского: 1. «Творческое применение идей Коменского современной педагогикой», проф. И. Каиров (СССР); 2. «Характер педагогики Коменского и ее значение в развитии педагогического мышления», проф. Б. Суходольский (Польша); 3. «Единство и множественность в дидактике Коменского», проф. Д. Кало (Италия);

4. «Развитие педагогической мысли Коменского и пути всеобщего исправления», д-р Я. Паточка (ЧССР); 5. «Коменский и нынешние искания в области общего образования», д-р Ф. Геллинг (ФРГ); 6. «Начала чтения и письма у Коменского», проф. И. Кубалек (ЧССР). С докладом об итогах коменнологической работы выступил Иосиф Брамбора.

IV. Нынешнее состояние и задачи изучения жизни и творчества Я. А. Коменского: 1. «Нынешнее состояние и задачи изучения жизни и творчества Я. А. Коменского», д-р И. Брамбора (ЧССР); 2. «Венгерские источники Sentis fetisitas», д-р Л. Маккаи (Венгрия); 3. «Коменский в Швеции», проф. С. Геранссом (Швеция); 4. «Коменский в Норвегии», Г. Дам-Ринем (Норвегия); 5. «Коменский и немецкая культура XVII в.», проф. Л. Форстер (Великобритания); 6. «Коменский, Яблонский и Франке», проф. Э. Винтер (ГДР); 7. «Коменский и Есениус», д-р Штраус (ЧССР); 8. «Коменский и развитие чешского литературного языка», акад. Б. Гавранек (ЧССР); 9. «За утраченными сочинениями Коменского», Л. Машинова (Югославия).

V. Язык и искусство в сочинениях Коменского: 1. «Роль искусства в творчестве Коменского», А. Сыхра (ЧССР); 2. «Роль Коменского в развитии языкознания», В. Скаличка (ЧССР); 3. «Панглоттия», д-р В. Мишковска (ЧССР); 4. «Methodus Linguarum Novissima» в свете современной американской педагогики», П. Л. Гарвин (США); 5. «Коменский и музыкальное воспитание», д-р Б. Штедронь (ЧССР).

VI. Стремление Коменского к лучшему будущему: 1. «Коменский и организация современной науки», Дж. Бернал (Великобритания); 2. «Отношение Коменского к важнейшим общественным политическим проблемам его эпохи», И. Попелова (ЧССР); 3. «Взгляды Коменского на государство в их отношении к немецким и западноевропейским государственно-правовым теориям его времени», Г. Шильферт (ГДР); 4. «Стремление Коменского к миру между народами и к объединению человечества», И. Полишенский (ЧССР); 5. «Коменский — философ и педагог мира», Ст. Стоян (Румыния); 6. «Сущность гуманизма Комен-

ского», Т. Кардош (Венгрия); 7. «Понятие народа у Коменского», Фр. Кутнар (ЧССР); 8. «О гуманизме Коменского», Т. Витман (Венгрия); 9. «О вопросах государства и права в сочинениях Коменского», И. Клаборух (ЧССР).

Все перечисленные здесь доклады опубликованы в «Акта Комениана» на том языке, на котором сделан доклад (см. «Acta Comeniana», 1957, 1958, 1959, 1960).

В дни конгресса комениологов по указу президента Чехословацкой Социалистической Республики Антонина Запотоцкого медалью Яна Амоса Коменского были награждены 8 иностранных ученых-педагогов за ту большую работу, которую они проделали в области комениологии и для развития передовой педагогической науки[1].

В 1961 г. была опубликована книга д-ра Иосифа Брамборы под заглавием «Всемирные юбилейные торжества Яна Амоса Коменского в 1956—1958 гг.». В этом обзоре автор описывает те мероприятия (юбилейные торжества, издание сочинений Коменского, публикация трудов и статей, посвященных Коменскому, проведение научных сессий и конгрессов и др.), которые были осуществлены в эти годы для популяризации имени Коменского и его учения в Чехословакии и различных странах мира.

Педагогическое издательство Чехословакии в 1963 г. на чешском языке издало книгу «Sovetsti pedagogové o J. A. Komenském» («Советские педагоги о Я. А. Коменском»), где помещены доклады, прочитанные на научной сессии, проведенной в Москве в 1958 г. Академией педагогических наук РСФСР по поводу 300-летия издания дидактических трудов Коменского.

В развитии комениологии не только в Чехословакии, но и во всем мире большую роль сыграла также Международная комениологическая конференция, состоявшаяся 20—24 сентября 1967 г. в г. Оломоуце (ЧССР). Данная

[1] Медаль получили: Р. Альт, профессор Берлинского университета имени Гумбольдта; Н. К. Гончаров, действительный член Академии педагогических наук РСФСР; И. А. Каиров, президент Академии педагогических наук РСФСР; Л. Курдыбаха, профессор Варшавского университета; Д. О. Лордкипанидзе, профессор Тбилисского государственного университета; д-р А. Остергус (Амстердам); проф. Дж. Турнбул (Великобритания) и проф. Дж. Кало (Италия). До этого медалью Коменского были награждены академики Зденек Неедлы и Отокар Хлуп.

конференция, в работе которой приняли участие представители 16 стран мира, была специально посвящена капитальному философско-политическому и педагогическому трактату Коменского — «Общему совету об исправлении дел человеческих». Этот гениальный труд, объем которого превышает 175 печ. листов, на латинском языке впервые был опубликован полностью в 2-х томах в 1966 г. Академией наук ЧССР под редакцией акад. О. Хлупа.

В повестку дня конференции были включены 27 научных докладов по следующим циклам:

I. Основные вопросы прошлого и современность в «Общем совете»: 1. «Утопия и система человеческих целей», Я. Паточка (ЧССР); 2. «Коменский как великий гуманист и борец за мир», Н. К. Гончаров (СССР); 3. «Развитие пансофических идей в «Общем совете», Я. Червенка (ЧССР); 4. «Место педагогики в «Общем совете», К. Шаллер (ФРГ).

II. Педагогические проблемы в «Общем совете»: 1. «Коменский и воспитание», И. А. Каиров (СССР); 2. «Педагогическая теория XVII века и «Общий совет», Ф. Гофман (ГДР); 3. «Коммуникативная функция образования», Г. С. Сихрова (ЧССР); 4. «Школьная система Коменского», В. Паржизек (ЧССР); 5. «Значение «Общего совета» для социалистической педагогики», Д. О. Лордкипанидзе (СССР)[1].

III. «Общий совет» и Европа XVII в.: 1. «Влияние итальянского Ренессанса на «Общий совет», Дж. Лимити (Италия); 2. «Общий совет» и энциклопедическая и утопическая литература», Р. Альт (ГДР); 3. «Значение пребывания Коменского в Англии для «Общего совета», Д. Чапкова (ЧССР); 4. «Влияние раннего просвещения на Коменского», Л. Курдыбаха (ПНР); 5. «Английские общества и Коменский», М. Тайх (ЧССР); 6. «Влияние Коменского на начало просвещения», Я. Б. Чапек (ЧССР).

IV. Генезис и построение «Общего совета»: 1. «Хилиастические предпосылки «Общего совета», А. Мольнар (ЧССР); 2. «Влияние братской общины на

---

[1] Текст доклада помещен в этой книге в виде приложения.

«Общий совет», Р. Ржичан (ЧССР); 3. «Композиция «Общего совета», М. Блекастад (Норвегия); 4. «От «Лабиринта света» к «Общему совету», Б. Новак (ЧССР); 5. «Место «Общего совета» в трудах Коменского», И. Брамбора (ЧССР).

V. «Общий совет» и современные задачи: 1. «Текстологическая проблема «Общего совета», Ю. Новакова (ЧССР); 2. «Проблемы «Паглоттии», В. Скаличка (ЧССР); 3. «Русские педагоги о «Пансофии», А. И. Пискунов (СССР); 4. «Clamores Eliae»—вариант «Общего совета», А. Шкарка (ЧССР); 5. «Значение «Панортозии» для современного общества», Дж. Д. Поуп (США); 6. «Понимание естественности человека в «Общем совете», И. Попелова (ЧССР).

Об отдельных проблемах комениологии и «Общего совета» на конференции говорили директор Института педагогики имени Я. А. Коменского проф. Франтишек Малирж, директор Государственного института педагогики Министерства школ ЧССР проф. Мирослав Ципро, доцент Иржи Кирашек и другие.

Как видно из тематики докладов, конференция всесторонне обсудила «Общий совет». Несмотря на разные концепции и методологические подходы участников конференции, этот научный симпозиум, безусловно, знаменовал новый этап в развитии комениологии, способствовал дальнейшему раскрытию образа Коменского как великого демократа-гуманиста, раскрыл значение его учения для социалистической школы и педагогики.

Большая работа, проводимая в социалистической Чехословакии в области комениологии, пользуется вниманием Коммунистической партии и правительства Чехословакии, которые заботятся об изучении наследия великого сына чешского народа Коменского, о полном и рациональном использовании этого наследия в великом деле обучения и воспитания подрастающего поколения.

Социалистическая Чехословакия по праву может гордиться тем, что она стала центром комениологии во всем мире и достойно возглавляет это великое национальное и общечеловеческое дело.

Результаты новейших исследований в области комениологии еще раз наглядно показывают, что Коменский принадлежал грядущему и что по-настоящему оценить Коменского стало возможно только в условиях социали-

стического общества, когда его разностороннее научно-педагогическое наследие было поставлено на службу народу.

Огромная работа, проделанная за последние десятилетия в области комениологии в Чехословакии, способствовала популяризации имени Коменского и его педагогического учения почти во всех странах мира. Можно сказать, что юбилей, посвященный 300-летию издания дидактических трудов Коменского, и связанные с этим мероприятия ознаменовали новый этап в истории комениологической работы, которая весьма интенсивно проводится во многих странах, в первую очередь в СССР и других социалистических странах.

Важные исследования проведены и проводятся в Польше, где Коменский жил и работал на протяжении многих лет. Передовая педагогическая мысль Польши всегда уделяла большое внимание Коменскому, но исследования в этом направлении почти полностью прекратились в годы второй мировой войны. За последние десятилетия в Польше большую и плодотворную работу в области комениологии ведут профессора Варшавского университета Л. Курдыбаха и Б. Суходольский.

В 1956 г. на польском языке была издана «Великая дидактика» Коменского со вступительной статьей проф. Б. Суходольского и его же комментариями. Проф. Л. Курдыбаха в 1957 г. публикует интересную книгу — «Деятельность Яна Амоса Коменского в Польше». В этой книге на основе новых материалов освещены многие стороны деятельности Коменского в Лешно и дана характеристика трудов Коменского того времени. Польские ученые приняли активное участие в работе Международного комениологического конгресса.

В Венгрии в области комениологии успешно работают Дьердь Гереб, Иосиф Бакош и Илона Комори. Проф. Гереб главным образом занимается теоретическими вопросами педагогического учения Коменского, И. Бакош ведет библиографическую работу, а И. Комори разрабатывает дидактику Коменского.

В Германской Демократической Республике в 1954 г. профессор Берлинского университета имени Гумбольдта, д-р Роберт Альт опубликовал монографию «Прогрессивный характер педагогики Коменского». Эта книга была переведена на русский язык и издана в 1959 г.

В области комениологии ведет работу также Франц Гофман, который опубликовал много статей о Коменском. Ему же принадлежит немецкий перевод так называемой «Аналитической дидактики». Профессором Гансом Арбеком переведена на немецкий язык и издана «Великая дидактика».

В Болгарии большую работу проводят в области комениологии профессора Софийского университета Найден Чакаров и Жечо Атанасов. В Софии были переведены на болгарский язык и изданы «Великая дидактика», «Мир чувственных вещей в картинках» и другие труды Коменского, опубликованы многочисленные статьи.

В Румынской Народной Республике изданы «Великая дидактика» и некоторые другие труды Коменского. Активно работает в области комениологии Станчу Стоян.

В Англии важную работу в области комениологии проводил проф. Джордж Турнбул (скончался в 1961 г.), который в архиве английского ученого XVII в. Гартлиба обнаружил обширную переписку последнего с Коменским. Эта переписка имеет большое значение для изучения жизни и деятельности Коменского.

Интерес к Коменскому возрос и в Японии, где на японском языке издана «Великая дидактика» Коменского. Важную работу в области комениологии проводил проф. Арата Осада, статьи которого способствовали популяризации Коменского в Японии.

В Федеративной Республике Германии в области комениологии работают проф. К. Шаллер, Генрих Гейслер, Дмитрий Чижевский. Последний в 1934 г. обнаружил в Галле рукопись работы Коменского «Общий совет об исправлении дел человеческих» и издал латино-немецкий текст одной из частей этого труда — «Пампедию».

Вопросы комениологии за последнее время привлекли внимание ученых и в Италии. Здесь учрежден национальный комитет по комениологии, во главе которого стоит проф. Джованни Кало. В области комениологии работает также Джулиана Лимити.

Показателем огромного интереса к Коменскому во всем мире является и то, что постановление Международного комитета защиты мира о праздновании 300-летия опубликования дидактических трудов Коменского

нашло отклик почти во всех странах мира и юбилейные торжества повсюду приняли широкий общественный характер. Научные конгрессы, сессии, конференции, торжественные заседания были проведены помимо родины Коменского в Советском Союзе, в Германской Демократической Республике, Польше, Китае, Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии, Вьетнаме, ФРГ, Франции, Италии, США и целом ряде других стран.

КОМЕНИОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В СССР

Имя Коменского хорошо известно каждому советскому педагогу, а его богатое педагогическое наследие, особенно дидактика, все более и более становится предметом внимательного изучения. Можно сказать, что учение Коменского, как и учение великого русского педагога Ушинского, является одним из источников современной педагогической науки.

Распространение трудов Коменского и комениологическая работа в Советском Союзе имеют длительную и весьма содержательную историю. Эта история начинается с 1768 г., когда профессор Московского университета К. А. Чеботарев с предисловием на русском языке издал книгу Коменского «Orbis pictus» под следующим заглавием: «Видимый (свет) на латинском, российском, немецком, итальянском, французском языках представлен с реестром самых нужнейших российских слов. Пер. проф. Шаден».

О том, насколько популярной стала эта книга, красноречиво свидетельствует тот факт, что в России она была издана восемь раз под разными названиями: «Видимый свет» (1768), «Видимый мир» (1788), «Зрелища вселенныя» (1788, 1793, 1808, 1822). «Orbis pictus» Коменского изучали целые поколения; по этой книге учились Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, которые в дальнейшем дали ей высокую оценку.

До второй половины XIX в. другие педагогические сочинения Коменского не были известны в России, как и во многих других странах Европы. Распространению учения Коменского в России в значительной мере способствовало издание на русском языке книги Карла Раумера «История педагогики от возрождения классицизма до наших дней» в 1875 г., и особенно известного биографиче-

ского исследования о Коменском Франтишка Палацкого, опубликованного в 1868 г. в «Трудах Киевской духовной академии». В качестве приложения в этой работе была напечатана глава из сочинения Коменского «Unum necessarium» («Единственно необходимое»).

Уже в 1875—1877 гг. журнал «Семья и школа» издает русский перевод «Великой дидактики», выполненный Богдановым под руководством проф. С. И. Миропольского. В 1884 г. в Киеве в журнале «Славянский ежегодник» печатается X глава из книги Коменского «Лабиринт света и рай сердца», озаглавленная «Путешественник обозревает сословие ученых».

Юбилей Коменского, проведенный в 1892 г., послужил мощным толчком для дальнейшого развития комениологического движения в России.

В 1893 г. на русском языке отдельной книгой выходит «Великая дидактика», перевод которой и вступительная статья о жизни и деятельности Коменского принадлежат А. Щепинскому. В том же году в сборнике «Памяти Яна Амоса Коменского» публикуется перевод VI, VII и IX глав «Великой дидактики», выполненный И. Я. Шляпкиным.

В 1896 г. выходит параллельный латино-русский текст «Великой дидактики». Перевод на русский язык был выполнен А. Адольфом и С. Любомудровым. Им же принадлежит представленный в книге довольно подробный обзор жизни и деятельности Коменского. Это русское издание «Великой дидактики» было подготовлено весьма квалифицированно.

В 1896 г. в Нижнем Новгороде отдельной книгой выходит работа Коменского «Лабиринт света и рай сердца», переведенная с чешского на русский язык Ф. В. Ржигой. Отдельные главы этой книги публикуются также в журнале «Гимназия» в том же году.

О широком распространении «Лабиринта света и рая сердца» в России свидетельствует и тот факт, что в 1904 г. был издан новый его перевод, принадлежащий Н. П. Степанову. Этот перевод до сих пор считается лучшим. В составленный проф. А. А. Красновским и изданный в 1955 г. под его же редакцией однотомник Педагогических сочинений Коменского избранные главы из «Лабиринта света и рая сердца» включены именно в переводе Н. П. Степанова.

В дореволюционной России на русском языке вышла также «Материнская школа» Коменского, переведенная с немецкого М. Н. Воскресенской (1892). Это же сочинение Коменского под названием «Устав материнской школы» с чешского перевел также Ф. В. Ржига (изд. в 1893 г. в Нижнем Новгороде).

Проф. П. Ф. Каптерев с латинского текста перевел «Законы благоустроенной школы», напечатанные в 1893 г. в нескольких номерах журнала «Русская школа» и изданные также отдельным оттиском.

Ближайший ученик и соратник К. Д. Ушинского Л. Н. Модзалевский перевел замечательную работу Коменского «О культуре природных дарований», которая в 1893 г. была издана журналом «Просвещение». Ему же принадлежит перевод с чешского «Школы-театра», изданный в 1895 г.

Параллельно с изданием трудов Коменского на русском языке в XIX в. была создана довольно богатая коменiологическая литература. Представители русской прогрессивной педагогической мысли изучали жизнь и деятельность Коменского, его учение о воспитании, образовании и обучении. Без преувеличения можно сказать, что русские работы о Коменском занимают видное место в общей коменiологической литературе. Эти труды публиковались в виде специальных монографий, статей и отдельных глав курсов истории педагогики.

Первым русским автором, который посвятил Коменскому специальную работу, является П. Д. Шестаков, который в 1862 г. в журнале «Воспитание» поместил статью «Педагог XVII века Амос Коменский». Вслед за ним Коменскому посвятили свои исследования И. И. Паульсон, редактор журнала «Учитель», который в том же журнале в 1869 г. поместил обширную статью «Ян Амос Коменский и его «Didactica magna»; В. И. Григорович, перу которого принадлежит работа «Коменский, славянский педагог-реалист XVII в.» (1871); И. Д. Юркевич, статья которого «Идеи и факты из истории педагогики» была напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения» (1870), С. И. Миропольский также проделал довольно большую работу в этой области. Ему принадлежит весьма основательное для того времени исследование «Ян Амос Коменский и его значение в педагогике», опубликованное

в виде трех довольно обширных статей в номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1871 г. Ему же принадлежат труды «Народная школа по идеям Коменского» (опубликован в 1873 г. в журнале «Семья и школа») и «План и основы устройства нашей народной школы» (1875).

Статьи о Коменском печатались почти во всех педагогических журналах того времени. В 1885 г. вышла брошюра Н. Маркова «Славянский педагог нового христианского мира Ян Амос Коменский». В этом труде, несмотря на его клерикальное направление, интересно освещены многие вопросы биографии и деятельности Коменского.

К первому периоду русской комениологической литературы относятся изданный в 1880 г. учебник П. В. Евстафьева для учительских семинарий, гимназий и институтов «Первые начала педагогики», в котором рассмотрено учение Коменского и его место в педагогике, а также книга В. Гольцева «История развития педагогических идей» (1888), в которой Коменскому посвящена отдельная глава.

Как уже отмечалось, крутой подъем комениологической работы был связан с 300-летием со дня рождения Коменского. Наиболее обширная литература о Коменском появилась именно в 1892—1894 гг. С этого времени работа в области комениологии проводилась непрерывно с большей или меньшей интенсивностью русскими, украинскими, грузинскими, армянскими, азербайджанскими педагогами, а также педагогами других народов, населявших Россию. В дореволюционной России начиная с 1892 г. о Коменском было опубликовано свыше двухсот монографий и статей.

Из отдельных книг, посвященных Коменскому, заслуживает внимания монография Ф. В. Ржиги «Очерк жизни и деятельности Иоганна Амоса Коменского» (1892). В этой работе на основе первоисточников освещены многие стороны биографии Коменского и охарактеризовано место этого великого педагога-мыслителя в истории развития педагогических идей.

Многих вопросов комениологии касаются в своих работах Л. Модзалевский — «Ян Амос Коменский, основатель новой педагогики» (1892); Г. Флоринский — «Ян Амос Коменский — друг человечества» (1892);

А. Кочубинский — «Ян Амос Коменский в исторических судьбах своего народа» (1893); П. Мижуев — «Ян Амос Коменский великий славянский педагог» (1896); В. Ермилов — «Амос Коменский» (1905); Н. Бахтин — «Чешский народный педагог Ян Амос Коменский» (1915) и другие.

Статьи о Коменском публиковали в разных журналах известные русские педагоги: Н. Бунаков — «Всемирный педагог-славянин» (1892); Н. Васильков — «Коменский — основатель рациональной педагогической гигиены» (1892); А. Вейсман — «Амос Коменский и его дидактика» (1892); «О новейшем методе изучения языков» (1895); М. Воскресенская — «Коменский, его жизнь и педагогические сочинения» (1892); В. Гольцев — «Памяти Я. А. Коменского» (1892), «Материнская школа по Я. А. Коменскому» (1892); Д. Семенов — «Ян Амос Коменский» (1892), «Мастерские гуманности по идее Я. А. Коменского» (1892); И. Шляпкин — «Философское миросозерцание Я. А. Коменского» (1892); Ф. Ярош — «Об историческом значении деятельности Я. А. Коменского в связи с деятельностью «Чешских братьев» (1892); Е. Леве — «Русская библиография о Коменском» (1893), «Очерк деятельности Международного общества Коменского в Германии» (1893); П. Мижуев — «Педагогические идеалы Коменского и современная действительность» (1895); М. Холодняк — «О некоторых предшественниках и источниках Коменского» (1895), «Развитие женского образования до Коменского и заслуги его в этом деле» (1897) и другие.

Статьи о Коменском систематически печатались в журналах и газетах: «Славянское обозрение», «Воспитание», «Вестник воспитания», «Русская мысль», «Образование», «Русский начальный учитель», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русская школа», «Филологические записки», «Педагогический листок», «Учитель», «Для народного учителя» и др.

Кроме журнальных статей много статей и исследований было напечатано в специально посвященных Коменскому сборниках. Особо следует отметить работу Педагогического музея военно-учебных заведений России, который был основан в Петербурге в 1864 г. и просуществовал до 1914 г., проделав, в частности, большую ра-

боту по изучению Коменского и пропаганде его учения в России. В 1890 г. при музее был создан отдел Яна Амоса Коменского, который до 1900 г. фактически стоял во главе комениологической работы во всей России. Музей вел широкую научно-исследовательскую, лекционную и издательскую работу. В эту работу были вовлечены такие выдающиеся ученые и деятели, как П. Ф. Каптерев, Л. Н. Модзалевский, С. И. Миропольский, Е. А. Леве, П. Г. Мижуев, А. Д. Вейсман, Н. В. Ястребов, П. И. Вознесенский, А. Г. Образцов, С. В. Лавров, Н. М. Тупиков, Н. С. Карцев, И. И. Фесенко и многие другие. Отдел Коменского этого музея систематически издавал отчеты, сборники, информации, освещал многие актуальные вопросы комениологии. В сборниках публиковались краткие изложения докладов, читавшихся на заседаниях отдела. С докладами часто выступали передовые педагоги.

Коменскому отводилось место и в учебниках по истории педагогики, предназначенных для средних и высших учебных педагогических заведений. Среди них можно назвать «Очерки развития педагогических идей в новое время» В. Гольцева (1880); «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен» Л. Модзалевского (1892); «Историю западноевропейской педагогики» М. Демкова (1912), его же «Краткую историю педагогики» (1910); «Очерки по истории педагогики на Западе и в России» С. Золотарева (1910); «Очерки по истории педагогики» К. Ельницкого (1916); «Главные моменты в развитии западноевропейской школы» П. Мижуева (1913); «Дидактические очерки» П. Каптерева; «Краткую историю педагогики в культурно-историческом освещении» А. Медведкова (1916); «Историю педагогических идей в ее основных чертах» М. Рубинштейна (1916); «Историю педагогики на Западе и в России» А. Селихановича (1917) и др. Несмотря на многочисленные методологические и общепедагогические недостатки, а также недостатки другого характера, эти работы сыграли важную роль в распространении педагогического учения Коменского и популяризации его имени.

Из дореволюционных монографий особого внимания заслуживает книга приват-доцента Московского университета, в дальнейшем известного советского педагога-

ученого П. П. Блонского «Ян Амос Коменский», изданная в Москве под редакцией М. М. Рубинштейна в 1915 г. В ней охарактеризована эпоха (гл. I), на основе известных в то время источников освещена жизнь и деятельность Коменского (гл. II), рассмотрено его мировоззрение (гл. III) и педагогическое учение (гл. IV). П. П. Блонский дает высокую оценку Коменскому, называя его отцом педагогики, и в то же время указывает на некоторую его ограниченность. Правда, монография П. П. Блонского, и особенно третья глава — «Миросозерцание», с методологической точки зрения содержит много неточностей и даже ошибок, но приведенные автором фактические материалы и анализ этих материалов давали читателю представление о Коменском как о гениальном педагоге и мыслителе, великом демократе и гуманисте. Поэтому данная монография и сегодня читается с большим интересом.

Даже простой перечень названных авторов и тематики их исследований со всей ясностью показывает, насколько вырос интерес к Коменскому в России в 90-х годах. Как видим, не осталось почти ни одного сколько-нибудь значительного вопроса из педагогики Коменского, которым бы не была заинтересована передовая общественность России. Характер освещения этих вопросов, конечно, не всегда удовлетворяет современного читателя с точки зрения методологии. Несмотря на это, советская педагогическая общественность с чувством величайшей благодарности отмечает ту большую и самоотверженную работу, которую проделали в области комениологии дореволюционные прогрессивные педагоги.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России начинается новый этап комениологической работы. Этот этап является качественно новым. Методологией исследователей Коменского с этих пор является марксистско-ленинская философия. Преодолен объективистский, идеалистический подход к Коменскому. Советская педагогическая наука, являющаяся наследницей всего прогрессивного, что создано в прошлом, критически осваивает учение Коменского, отвергая все устаревшее, не приемлемое для нашей эпохи.

Первым, кто с точки зрения научного коммунизма оценил педагогическое учение Коменского и подчеркнул его значение для новой социалистической школы и педа-

гогики, была классик социалистической педагогики Н. К. Крупская. В подготовительных материалах к ее известной работе «Народное образование и демократия» — исследованию, заслужившему одобрение и высокую оценку В. И. Ленина, — относительно Яна Амоса Коменского сказано: «У него очень много такого, что ценно для нас с точки зрения социализма. Принадлежал он к секте моравских братьев (последователь Гуса), пережил 30-летнюю войну, много скитался по разным странам. Моравские братья ждали наступления на земле рая (хилиазм). Коменский хотел достигнуть всеобщего мира и счастья. Отсутствие аскетизма. Для этого он хотел создать единую науку и единую школу. Мировой язык — латынь. Против религиозной и национальной розни, против сословной школы, равенство перед знанием полов, одинаково учить даровитых и малоспособных. «Всеобщее искусство всех учить всему». Школа единая, всеобщая. Проповедовали идеи самого широкого демократизма. За школу общественную, в школе дети учатся общественности, за свободную школу («Все должно совершаться свободно, да сгинет всякое насилие», — стоит на заглавном листе «Великой дидактики»). Сторонник эмпиризма: «Нет ничего в уме, чего не было бы в чувстве»[1].

За годы Советской власти особое внимание прежде всего было уделено переводу трудов Коменского и их массовому изданию. Под редакцией проф. А. А. Красновского был издан I том Избранных педагогических сочинений Коменского (1939), в который вошла «Великая дидактика», в вводной статье представлена биография Коменского, дана общая характеристика его жизненного пути и рассмотрено его педагогическое, особенно дидактическое, учение.

В том же, 1939 г., Учпедгиз издал II том. В томе напечатаны следующие труды: «Материнская школа», «Предвестник всеобщей мудрости», «О культуре природных дарований», «Пансофическая школа», «Об изгнании из школ косности», «Похвала истинному методу»,

[1] Эта запись обнаружена в 1956 г. в Центральном архиве Октябрьской революции (ф. 5445) проф. Н. А. Константиновым, который в том же году предоставил ее нам. Мы впервые привели эту запись на грузинском языке в брошюре «Великий чешский педагог-классик Ян Амос Коменский» (1957).

«О пользе точного наименования вещей», «Правила поведения», «Законы хорошо организованной школы», «Выход из схоластических лабиринтов» (переводы с латинского В. Н. Ивановского, Д. Н. Королькова и Н. С. Терновского). Каждой работе Коменского предпослана статья проф. А. А. Красновского об этом труде.

В 1941 г. Учпедгиз публикует «Мир чувственных вещей в картинках», переведенный с латинского Ю. Н. Дрейзиным со вступительной статьей проф. А. А. Красновского.

В 1955 г. были изданы Избранные педагогические сочинения Коменского в одном томе, куда вошли почти все труды, напечатанные в издании 1939 г., а также ряд глав из «Лабиринта света и рая сердца». Составитель-редактор тома — проф. А. А. Красновский, ему же принадлежат биографический обзор и комментарии.

В 1940 г. отдельной книгой выходят «Дидактические принципы», которые содержат отрывки из «Великой дидактики» Коменского. Составитель — проф. А. А. Красновский, ему же принадлежит вступительная статья о дидактике Коменского.

В 1947 г. печатается новое издание «Материнской школы», а в 1957 г. вторично выходит «Мир чувственных вещей в картинках».

Таким образом, за годы Советской власти основные педагогические труды Коменского или выходят впервые, или же переиздаются с переводом и комментариями. В издании трудов Коменского, как мы видели, особая заслуга принадлежала проф. А. А. Красновскому.

В советский период возникла новая, довольно обширная литература о Коменском. Общее число монографий и статей превышает 180.

В 20-е годы отношение советской педагогической науки к Коменскому и к его учению было отражено в курсах истории педагогики, в общих педагогико-исторических очерках и хрестоматиях. В первую очередь это можно сказать об «Истории педагогики» выдающегося советского педагога Е. Н. Медынского, изданной в 1925 г. Эта книга, несмотря на то, что она не была свободна от вульгарно-материалистических ошибок, представляет первый марксистский курс истории педагогики; она отводит большое место Коменскому и дает ему высокую

оценку как создателю гуманистического педагогического учения. «История педагогики» Е. Н. Медынского в исправленном виде переиздавалась много раз, и поныне она является незаменимым учебником для студентов высших педагогических учебных заведений. В этом учебнике не только уделяется большое место Коменскому, но с марксистских позиций освещаются почти все стороны его педагогической системы. В последнем издании учебника (1947) Е. Н. Медынский говорит о Коменском особенно подробно. Здесь освещены биография, мировоззрение Коменского и принцип природосообразности в его педагогике, учение Коменского о развитии ребенка, о школе и о содержании обучения, об организации школьной работы, уроков, основах методики преподавания, дидактических принципах; излагаются взгляды Коменского на ученика, воспитательную работу, дисциплину, учителя.

В своей работе «Педагогика Коменского — вклад славянской культуры в мировую» Е. Н. Медынский пишет: «Великий славянский педагог Ян Амос Коменский оказал огромное влияние на педагогическую мысль и практику школы во всем мире. Мы уже видели из его биографии, что Коменского приглашал для организации народного образования целый ряд стран (Англия, Швеция, Венгрия). Еще большее значение имели его замечательные педагогические сочинения, которые положили начало педагогической науке. По указаниям, данным Коменским, стала организовываться учебная работа передовой школы во всех странах. Его учебники, переведенные на многие языки, служили более полутораста лет лучшими книгами для классного чтения и образцами для разработки новых учебников. В России по образцу «Правил поведения» Коменского был составлен в XVII в. подробный свод правил поведения для детей, а в XVIII в. появились и несколько раз переиздавались учебники Коменского.

В развитии педагогики Коменский сыграл такую же роль, как Бэкон и Декарт в развитии философии, как Коперник в развитии астрономии» [1].

Е. Н. Медынскому принадлежит целый ряд исследований по различным вопросам комениологии, которые

[1] «Советская педагогика», 1942, № 34, стр. 96.

опубликованы отдельными статьями, например: «Ян Амос Коменский» (Педагогическая энциклопедия, 1927); «Великий педагог Ян Амос Коменский» («Начальная школа», 1942); «Педагогика Я. А. Коменского — вклад славянской культуры в мировую» («Советская педагогика», 1942); «Великий педагог» («Славяне», 1955); «Принцип природосообразности воспитания в истории педагогики» («Советская педагогика», 1956).

Методологические основы педагогического учения Коменского освещены действительным членом Академии педагогических наук СССР проф. Н. К. Гончаровым. В главе о Коменском своего труда «Основы педагогики» (1947) Н. К. Гончаров касается генезиса философских взглядов Коменского и в связи с этим выясняет его отношение к натурфилософскому течению периода Ренессанса, выясняет его отношение к Бэкону и выявляет двойственность философской концепции Коменского, показывая ее христианско-идеалистическую струю, с одной стороны, и реалистически-эмпирическую — с другой. Большой заслугой Коменского Н. К. Гончаров считает то, что он выдвинул положение: «Повернуть философию к жизни, поставить ее на службу воспитанию и обучению подрастающего поколения»[1]. В своей статье «Наглядность как дидактический принцип» («Советская педагогика», 1937) Н. К. Гончаров выясняет роль Коменского в установлении принципа наглядности.

По разным актуальным вопросам педагогического наследия Коменского опубликованы статьи многих советских ученых. Назовем некоторые из них: «Заметки методиста при чтении «Великой дидактики» Коменского» Н. М. Верзилина; «Выдающийся чешский педагог-гуманист Я. А. Коменский» Е. И. Голанта; «Великие славянские педагоги XVII—XIX вв. и их наследство» Н. Ф. Даденкова, его же «Коменский и освободительная борьба украинского народа в XVII в.»; «Великий чешский педагог» А. Г. Дзеверина; «О дидактических принципах Я. А. Коменского» М. Жильцова; «Коменский — великий педагог» И. А. Каирова; «Великий славянский педагог» Н. А. Константинова; «Ян Амос Коменский» А. И. Пискунова; «Коменский как методист в области преподавания иностранных языков»

[1] Н. К. Гончаров, Основы педагогики, М., 1947, стр. 56.

В. Раушенбаха; «Методы изучения языка и учебники Я. А. Коменского и их дидактические основы» А. Б. Селихановича; «Ян Амос Коменский и его пансофические идеи, обоснование наглядности, социально-педагогические идеи» Л. Д. Синицкого; «Ян Амос Коменский» В. З. Смирнова; «Гениальный провозвестник педагогической науки в XVII в. славянский педагог Я. А. Коменский» В. И. Струминского; «Вопросы дошкольного воспитания в педагогической системе Я. А. Коменского» Н. А. Тумим-Альмедингена; «Ян Амос Коменский — великий чешский педагог и мыслитель — о дошкольном воспитании» О. А. Фроловой; «Великое наследие», «Русские педагоги о Я. А. Коменском» И. В. Чувашева; «Отец народной школы Ян Амос Коменский» Мариэтты Шагинян; «Жизнь и педагогическое творчество Яна Амоса Коменского» А. В. Швецова и др.

Кроме этих исследований, опубликованных в журналах и сборниках на русском языке и на языках народов Советского Союза, были напечатаны статьи многих авторов, среди которых следует отметить К. Быкова, Н. Богоявленского, Е. Голанта, Гучаса, Г. Тавзишвили, Н. Константинова, А. Красновского, Д. Лордкипанидзе, Э. Лукаса, О. Минчинаса, А. Можейко, М. Мурадханова, У. Оболадзе, С. Сигуа, В. Смирнова, С. Фрумова, В. Каджая, А. Шаваршяна, В. Шевкина, П. Шимбирева, Н. Шульмана, Т. Эфендиева и других. Свои статьи они посвящают биографии Коменского, его мировоззрению, общепедагогическому учению, дидактике и др.

Коменский занимает довольно большое место в различных историко-педагогических курсах, изданных в советское время, и в отдельных трудах или сборниках. В их числе нужно назвать: «Историю педагогических идей в ее основных чертах» М. М. Рубинштейна (1922); «Историю дошкольной педагогики» Н. А. Тумим-Альмедингена (1940) и др.; «Историю педагогики» Ш. И. Ганелина и Е. И. Голанта (1940), в которой выделена специальная глава «Ян Амос Коменский»; «Историю педагогики» Н. Ф. Даденкова (на укр. яз.), где также в отдельной главе рассмотрены жизнь, деятельность и педагогическое учение Коменского; все изда-

ния «Истории педагогики» Е. Н. Медынского (1925, 1929, 1941, 1947); «Краткий курс истории педагогики» А. Пинкевича (1930); «Очерк по истории методики преподавания новых западноевропейских иностранных языков» И. В. Рахманова (1947); «Историю педагогики» Н. А. Константинова и В. З. Смирнова (1955); «Историю педагогики», изданную под редакцией Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского и М. Ф. Шабаевой (1955).

Отрывки из трудов Коменского включены в целый ряд историко-педагогических хрестоматий, таких, как «Рабочая книга по истории педагогики» И. Ф. Свадковского (1927), его же «Хрестоматия по истории педагогики» (1936), т. I; «Хрестоматия по истории педагогики» В. З. Смирнова (1957) и др.

В 1941 г. на русском языке в Тбилиси была опубликована книга Д. О. Лордкипанидзе «Дидактика Яна Амоса Коменского» под редакцией и с предисловием Е. Н. Медынского. Та же книга в несколько исправленном виде была опубликована в Москве в 1949 г.

В 1953 г. в Москве Учпедгиз публикует капитальную монографию А. А. Красновского под названием «Ян Амос Коменский».

Монография проф. А. А. Красновского состоит из двух частей. Первая часть — «Жизнь и педагогическое творчество» — содержит следующие три главы: I. «Детство, юность и первоначальная педагогическая деятельность Коменского»; II. «Педагогическое творчество Я. А. Коменского в Лешно. Мировая известность»; III. «Последние годы жизни великого педагога-изгнанника».

Вторая часть монографии — «Педагогическая система» — состоит из следующих десяти глав: IV. «Великая дидактика»; V. «Философские взгляды Я. А. Коменского»; VI. «Цель и сущность образования»; VII. «Принцип природосообразности»; VIII. «Система образовательных учреждений»; IX. «Родной язык и обучение иностранным языкам»; X. «Организация школы и учебного процесса»; XI. «Метод обучения»; XII. «Нравственное воспитание»; XIII. «Дисциплина».

Эта работа проф. А. А. Красновского получила заслуженно высокую оценку не только в нашей стране, но и на родине самого Коменского. Почти сразу же после выхода

в свет она была переведена на чешский язык и опубликована в Праге.

Без преувеличения можно сказать, что монография проф. А. А. Красновского «Ян Амос Коменский» положила начало новому этапу в развитии советской комениологической литературы и ни один из исследователей Коменского не сможет обойти эту работу.

Одним из красноречивых выражений признания и глубокого уважения к Коменскому со стороны всего советского народа, и в первую очередь советской педагогической общественности, являются юбилейные мероприятия, посвященные 300-летию амстердамского издания «Opera didactica omnia» Коменского, проведенные в 1956—1958 гг. по постановлению Всемирного совета защиты мира. Не было ни одного высшего и среднего педагогического учебного заведения и научно-исследовательского учреждения, педагогической газеты или журнала, которые не отметили бы юбилей Коменского. Во всех республиках Советского Союза проводились лекции и доклады, научные сессии, торжественные заседания и другие мероприятия, охватившие широкие массы советских педагогов, студентов и учащихся.

Во всей этой системе мероприятий особое место занял центр советской педагогической мысли — Академия педагогических наук РСФСР. Мы имеем в виду главным образом научную сессию, которую академия посвятила 300-летию издания Полного собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. На этой научной сессии, проведенной 13—14 декабря 1957 г., были подведены итоги исследований, проведенных в области комениологии, и в то же время намечены перспективы дальнейшей работы.

Свое вступительное слово президент Академии педагогических наук И. А. Каиров посвятил характеристике Коменского как основоположника прогрессивной демократической педагогики. И. А. Каиров охарактеризовал мировоззрение Коменского, главные части его педагогического учения и особое место отвел задачам изучения и широкого использования всего того ценного, чем так богато педагогическое учение Коменского.

Тематика сессии была весьма разносторонней. На сессии были прочитаны следующие доклады:

1. «Жизнь и деятельность великого славянского педагога Яна Амоса Коменского», А. И. Пискунов; 2. «Демократические идеи Яна Амоса Коменского и его система народного образования», А. Фрумов; 3. «Идея природосообразности в педагогической системе Яна Амоса Коменского», М. Ф. Шабаева; 4. «Дидактические идеи Амоса Коменского», Д. О. Лордкипанидзе; 5. «Ян Амос Коменский о воспитании детей», В. З. Смирнов; 6. «Ян Амос Коменский об учителе», Т. Д. Корнейчик; 7. «Дидактика Яна Амоса Коменского и современная педагогическая наука», И. Ф. Свадковский; 8. «Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского», Б. Г. Ананьев; 9. «Вопросы дошкольного воспитания в трудах Яна Амоса Коменского», И. В. Чувашев.

Все доклады были изданы Академией педагогических наук РСФСР в 1959 г. в виде отдельного сборника под заглавием «Материалы научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию опубликования дидактических трудов Яна Амоса Коменского». К сборнику приложена составленная Д. О. Лордкипанидзе и Н. А. Зиневичем основная библиография трудов Коменского и литературы о нем.

Научные сессии и конференции, посвященные Коменскому, были проведены в научно-исследовательских институтах педагогических наук братских республик и почти во всех высших педагогических учебных заведениях Советского Союза.

Посвященные Коменскому юбилейные мероприятия завершились большим торжественным вечером в Москве. Вечер, организованный Советским Комитетом защиты мира, Академией педагогических наук РСФСР, Министерством культуры Союза ССР и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, был проведен в Концертном зале имени П. И. Чайковского.

Торжественное заседание открыл председатель Советского Комитета защиты мира Николай Тихонов, который в своем выступлении так охарактеризовал Коменского: «Он являлся основоположником новой педагогики, реформатором и борцом за мир, мечтавшим о времени всеобщего мира на земле».

На торжественном заседании с докладом выступил президент Академии педагогических наук РСФСР проф. И. А. Каиров.

На сессии выступил также проф. Иосиф Ваня, которому участники сессии устроили овацию как представителю родины Коменского.

Газета «Правда» в номере от 13 апреля 1957 г. посвятила Коменскому редакционную статью «Великий педагог-гуманист». Статья определяет отношение советской педагогики и всего народа к Коменскому как к великому гуманисту и демократу.

Комениологическая работа в Грузии

Имя Коменского пользуется большой любовью и популярностью и в Грузинской Советской Социалистической Республике. В области комениологической работы Грузия по праву занимает одно из передовых мест среди республик Советского Союза.

Грузинский народ впервые познакомился на родном языке с именем Коменского и с основными положениями его учения в произведениях великого грузинского писателя, вождя национально-освободительного движения грузинского народа Ильи Чавчавадзе и его соратника основоположника грузинской педагогической науки Якоба Гогебашвили в начале 80-х годов прошлого века. С этого времени начинается и история грузинской комениологии.

Я. Гогебашвили ознакомился с учением Коменского еще в период учебы в Киевской духовной академии (1861—1863). Киев, как известно, в то время имел уже довольно богатые традиции в области комениологии. К этому времени на русском языке уже существовали известные учебники Коменского, по которым велось преподавание в школах. Я. Гогебашвили, как известно, систематически посещал лекции в Киевском университете, где в то время курс педагогики читал профессор Г. Гогоцкий, уделявший в своих лекциях довольно большое место Коменскому. Трудно установить, когда Я. Гогебашвили познакомился с «Великой дидактикой» Коменского, но уже в конце 70-х и в начале 80-х годов он довольно хорошо знал основные положения этого классического труда и даже использовал их в своих сочинениях.

То же можно сказать относительно И. Чавчавадзе, который к 80-м годам уже знал учение Коменского.

Имя Коменского в произведениях И. Чавчавадзе и Я. Гогебашвили появляется почти одновременно

(в 1881 г.), и это, конечно, не случайно. В этом году Я. Гогебашвили упомянул имя Я. А. Коменского в своей обширной статье «Чванство невежества», в которой он резко выступает против тех, кто «снова бросает камни в родной язык», против прислужников царизма, стремящихся вытеснить родной язык из грузинских народных школ. В том же году И. Чавчавадзе в своей исторической статье «По поводу письма Б. Яновского», проникнутой национально-освободительным духом и представляющей подлинную программу защиты родного языка, не только упомянул Я. А. Коменского, но и с целью защиты родного языка от нападок царских чиновников-русификаторов привел мнение великих авторитетов (Песталоцци, Дистервега, Ушинского и др.) о необходимости преподавания в народной школе на родном языке и в том числе классические положения Яна Амоса Коменского. И. Чавчавадзе писал: «Светская школа должна являться собственно школой родного языка, который должны изучить все юноши независимо от того, продолжают ли они потом учебу в гимназии или нет, говорит Иван Амос Комениус»[1].

Я. Гогебашвили также использовал классическое наследие Яна Амоса Коменского по вопросу о значении родного языка. Известная работа Я. Гогебашвили «Устои народности», имеющая принципиальное значение в истории борьбы за сохранение национальной самобытности грузинского народа, содержит высказывания великих мыслителей и педагогов о месте и значении родного языка в умственном и нравственном формировании человека. В этой работе, направленной против русификаторской политики царизма и ее проводников и являющейся таким же боевым гимном в борьбе за права родного языка, как «Родное слово» великого русского педагога К. Д. Ушинского, Я. Гогебашвили вскрывает всю картину преследований родного языка царизмом. Я. Гогебашвили в этой работе обосновывает решающее значение родного языка для существования нации, большое патриотическое и педагогическое значение преподавания на родном языке. Я. Гогебашвили ищет обоснование для своих взглядов в высказываниях великих мыслителей, в том числе вели-

---

[1] Чавчавадзе, Соч., под ред. П. Ингороква, т. IV, 1955, стр. 277 (на груз. яз.).

ких педагогов Коменского и Ушинского. Один из параграфов своего труда он озаглавил следующим образом: «Мнение Коменского и Ушинского в том, что исчезновение какой-либо нации искалечит человечество».

Я. Гогебашвили пишет: «Везде, где только зажжен светоч истинного просвещения, своей главной опорой он имел и имеет родной язык, преподавание на родном языке... Всюду, во всех странах, где свернули с этого пути, там вместо разума заключили его в оковы, вместо света получили затемнение, а вместо очищения и возвышения нравственности — ее упадок... Для обоснования и иллюстрации приведем... двух выдающихся славянских педагогов, которые правильно высказывали главную мысль нашей статьи. «Родитель, который захочет обучить своих детей иностранному языку до того, как они утвердились в знании родного языка, делает такую же удивительную глупость, какую совершил бы человек, попытавшийся обучить не умеющего ходить ребенка садиться на коня», — говорит Комениус. «Вымер язык на устах народа, вымер и народ. Но если человеческая душа содрогнется перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы почувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа — этого величайшего из всех созданий божьих на земле»,— говорит Ушинский»[1].

В той же работе Я. Гогебашвили касается места преподавания родного языка в школе и его общедидактических основ и в этом вопросе также полностью разделяет точку зрения Коменского. Он пишет: «Ребенка сперва нужно обучить родному языку, а потом — иностранному, одному — после другого. «Если одновременно начать преподавание обоих языков, то у ребенка расстроится рассудок», — говорит отец педагогов Комениус»[2]. Я. Гогебашвили не только разделял общепедагогические идеи и дидактические принципы Коменского, считая его своим учителем, но в своих бессмертных учебниках «Деда эна» и «Бунебис кари», так же как Ушинский в своих учебниках «Родное слово» и «Детский мир», использовал принципы Коменского.

---

[1] Я. Гогебашвили, Соч., т. 2, Тбилиси, 1950, стр. 238 (на груз. яз.).

[2] Там же, стр. 216.

Я. Гогебашвили считал Коменского величайшим гуманистом и писал: «Отец педагогики Коменский, Песталоцци, Дистервег, Ушинский были светочами человеколюбия, альтруизма». Своего великого педагога Якоба Гогебашвили грузинский народ называет грузинским Коменским, грузинским Ушинским.

В дореволюционной Грузии Коменскому посвящен целый ряд статей; грузинская общественность приняла широкое участие в юбилейных торжествах, посвященных 300-летию со дня рождения Коменского.

В 1892 г. в двух номерах журнала «Мцкемси» был опубликован очерк известного грузинского педагога И. Перадзе «Ян Амос Коменский и его деятельность», который знакомит грузинского читателя с главными моментами биографии Коменского и рассматривает некоторые стороны его педагогического учения.

В 1892 г. в Тбилиси на русском языке выходит брошюра А. И. Словинского «Основные принципы «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского», в которой автор приводит основные мысли Коменского о принципах обучения.

В 1903 г. в журнале «Могзаури» опубликованы две статьи А. Татунашвили под заглавием «Реформатор воспитания и обучения Ян Амос Коменский». Достоинство этих статей состоит в том, что в них приведены многие положения Коменского, особенно из «Великой дидактики», которые знакомят читателя с основными мыслями Коменского по целому ряду важных вопросов обучения и воспитания. Статьи Татунашвили по тому времени довольно глубоко освещают общепедагогические и дидактические взгляды Коменского и совершенно правильно оценивают его как педагога-демократа, который требовал всеобщего и равноправного образования для детей обоего пола независимо от их сословного, религиозного и имущественного положения. А. Татунашвили совершенно справедливо заключает: «Разве мы не должны с особым почтением и благодарностью вспоминать того, кто первый потребовал, чтобы всем людям было дано право на образование, независимо от сословия, имущества и пола?»

Несмотря на то что труды Коменского в дореволюционной Грузии не издавались, комениологическая литература на иностранных и русском языках, созданная во

второй половине XIX в., в основном была доступной для грузинских педагогов и широкой общественности и помогала им в деле воспитания подрастающего поколения. Можно сказать, что дидактическое учение Коменского служило и в настоящее время служит грузинскому народу посредством бессмертных учебников Я. Гогебашвили «Деда эна», «Бунебис кари», «Русское слово».

В дореволюционной России было невозможно издать сочинения Коменского на грузинском языке.

Только в условиях Советской власти получил грузинский читатель возможность ознакомиться с сочинениями Коменского на своем родном языке.

В 1949 г. Издательство Научно-исследовательского института педагогических наук Грузинской ССР опубликовало I том Избранных педагогических сочинений Я. А. Коменского, в который вошла «Великая дидактика». Перевод выполнен с «Великой дидактики», изданной на латинском языке в 1938 г. в г. Брно под редакцией Иосифа Гендриха. Перевод, выполненный на высоком уровне, принадлежит бывшему лектору Тбилисского университета И. Нижарадзе и доктору педагогических наук И. Квачадзе. В томе вводная статья Д. Лордкипанидзе о жизни, деятельности и творчестве Коменского. Насколько интересным и нужным оказалось издание этого тома, видно и из того, что по требованию широкой общественности он был повторно издан более крупным тиражом.

Параллельно с изданием I тома подготовлялся грузинский перевод II тома, для которого писатель Шалва Гвинчидзе с чешского и частично с русского перевел и подготовил к изданию многие труды Коменского. В 1958 г. был издан этот довольно большой том сочинений Коменского (600 стр.), в который вошли следующие сочинения: «Предвестник всеобщей мудрости», «О культуре природных дарований», «Материнская школа», «Пансофическая школа», «Законы хорошо организованной школы», «Правила поведения», «Выход из схоластических лабиринтов», «Похвала истинному методу», «Воскресший Форций, или Об изгнании лености из школ», «О пользе точного наименования вещей», «Живая типография» и «Лабиринт света и рай сердца».

Издание этих сочинений Коменского явилось большим событием в истории грузинской педагогики. С этих пор

грузинские педагоги получили возможность читать на родном языке основные труды Коменского.

В советский период в Грузии опубликовано много статей, освещающих разные стороны учения Коменского. Назовем из них следующие: «Коменский о сознательности и активности в обучении» Ш. Амонашвили; «Великие творения педагогический мысли» В. Гагуа и К. Мачарашвили; «Общепедагогические идеи Яна Амоса Коменского» Г. Тавзишвили, его же «Великий педагог-просветитель»; «Родной язык в педагогической системе Я. А. Коменского» У. Оболадзе; «Ян Амос Коменский в дореволюционной грузинской литературе» С. Сигуа; «Педагогическая система Я. А. Коменского» Ш. Сихарулидзе и Д. Кипшидзе; «Я. А. Коменский и Якоб Гогебашвили» В. Каджая; «Основы дидактики Я. А. Коменского» И. Чкуасели; «Ян Амос Коменский» Т. Саришвили; «Великий педагог Коменский» Н. Меквабишвили и др.

Коменскому посвящены в Грузии также отдельные монографии. Так, в 1939 г. Научно-исследовательский институт педагогики Грузинской ССР издал на грузинском языке монографический очерк Д. Лордкипанидзе «Дидактика Яна Амоса Коменского» под редакцией и с предисловием проф. Е. Н. Медынского.

Та же книга издана тем же институтом в переработанном виде в 1949 г.

Отдельные стороны учения Коменского освещены в целом ряде оригинальных и переводных историко-педагогических, дидактических и методических работ, изданных в Грузии. В Грузии широко отмечался юбилей Коменского, 365-летие со дня его рождения и 300-летие амстердамского издания его дидактических трудов. В связи с этим было опубликовано много статей. Газета «Сахалхо ганатлеба» посвятила этой дате специальные номера. Статьи были опубликованы в журнале «Комунистури агзрдисатвис», в газетах «Комунисти», «Заря Востока», «Ахалгазрда комунисти» и др. Статьи и различные материалы опубликованы также во многих районных газетах. Общество по распространению политических и научных знаний Грузии издало брошюру «Великий чешский педагог-классик Ян Амос Коменский» (автор Д. Лордкипанидзе), посвященную юбилею Коменского. В 1958 г. была опубликована основная библиография

трудов Коменского, изданных на грузинском и русском языках, и литературы о Коменском (составители Д. Лордкипанидзе, Н. Зиневич).

В высших и средних педагогических учебных заведениях и школах республики проведены торжественные заседания, научные сессии, лекции и доклады, посвященные 300-летию издания дидактических трудов Коменского.

В системе этих мероприятий следует особо отметить научную сессию, которую Министерство просвещения Грузинской ССР и существующий при нем Научно-исследовательский институт педагогических наук посвятили юбилею Коменского. В работе сессии приняли участие представители научно-педагогической общественности Чехословакии.

На сессии были зачитаны следующие доклады: 1. «Мировоззрение Я. А. Коменского и его общепедагогические и дидактические идеи», Д. Лордкипанидзе; 2. «Я. А. Коменский — основоположник педагогики», Г. Тавзишвили; 3. «Вопросы педагогической психологии в педагогическом учении Яна Амоса Коменского», А. Прангишвили; 4. «Вопросы нравственного воспитания в педагогическом учении Я. А. Коменского», Г. Кикнадзе; 5. «Родной язык в педагогическом учении Я. А. Коменского», У. Оболадзе; 6. «Ян Амос Коменский и Якоб Гогебашвили», В. Каджая; 7. «Ян Амос Коменский в грузинской педагогической литературе», С. Сигуа.

Тезисы всех докладов были напечатаны отдельной книгой — «Научная сессия, посвященная 300-летию издания дидактических трудов Яна Амоса Коменского».

Развитию комениологической работы в Грузии способствовали тесная связь и контакты Научно-исследовательского института педагогических наук Министерства просвещения Грузинской ССР с Институтом педагогики имени Коменского Академии наук Чехословакии.

Изучение богатого педагогического наследия Коменского интенсивно продолжается и в настоящее время.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ „ОБЩЕГО СОВЕТА ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ“ Я. А. КОМЕНСКОГО ДЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ[1]

Уважаемые коллеги, всему педагогическому миру известна та грандиозная работа, которая проводится в области комениологии на родине Коменского, в Чехословакии, после ее освобождения от фашистского ига. Социалистическая Чехословакия стала подлинным центром мировой комениологической работы, которую по инициативе выдающегося чешского ученого и общественного деятеля акад. Зденека Неедлы возглавила Чехословацкая Академия наук и созданный в 50-е годы в ее системе Научно-исследовательский институт имени Коменского. Имена выдающихся чешских и словацких комениологов — основателя и первого директора Института имени Я. А. Коменского покойного академика Отокара Хлупа, которому по праву принадлежит ведущая роль в разработке важнейших проблем социалистической педагогики и комениологии в Чехословакии, покойного члена-корреспондента АН ЧССР проф. И. Вани, проф. И. Гендриха, проф. Я. Новака, проф. д-ра И. Попеловой-Отагаловой, д-ра И. Брамборы, доц. И. Кирашека, д-ра Я. Паточки, д-ра Я. Конецкого, доц. Д. Чапковой, д-ра Я. Червенки, доц. А. Чумы, проф. д-ра А. Шкарки и многих других — известны как в ЧССР, так и за ее

[1] Доклад на Международной конференции в г. Оломоуце, посвященной выходу в свет «Общего совета» Коменского, 20/IX 1967 г.

пределами. В своих трудах они раскрыли разные стороны богатейшего педагогического наследия великого педагога и внесли ценный вклад в золотой фонд мировой комениологии.

В развертывании комениологической работы важную роль сыграл I Международный комениологический конгресс, который под руководством акад. О. Хлупа был проведен в Праге ровно 10 лет тому назад, в 1957 г., и участниками которого были многие из присутствующих на данной конференции. Этот конгресс был посвящен 300-летию амстердамского издания «Opera didactica omnia», к тому времени было осуществлено замечательное фотокопированное литографическое переиздание этого важнейшего сочинения Коменского, а научные доклады, представленные на этот конгресс, по-новому раскрыли многие стороны учения Коменского.

Данная научная конференция также призвана сыграть важную роль в развитии комениологической работы не только в ЧССР, но и во всем мире, о чем красноречиво говорит и порядок дня конференции.

Дорогие друзья! Тема моего доклада «Значение «Общего совета» Коменского для социалистической педагогики». Многие предыдущие доклады не только затрагивали этот вопрос, но в определенном разрезе освещали значение «Общего совета», и главным образом с той точки зрения, какое значение имеет он для современности. Разрешите мне в самом общем плане затронуть вопрос о значении «Общего совета» для социалистической педагогики в методологическом, общепедагогическом, дидактическом и воспитательном аспектах.

Прежде всего разрешите отметить, что издание к настоящей конференции, и при этом в таком же прекрасном виде, как и «Opera didactica omnia», недавно разысканного обширного (свыше 175 печ. листов) труда Коменского — «Общего совета об исправлении дел человеческих» — является событием не только в развитии педагогической мысли в Чехословакии, но и всей прогрессивной педагогики мира. Входящие в «Общий совет» капитальные труды: «Panegersia» («Всеобщее пробуждение»), «Panaugia» («Всеобщее озарение»), «Pansophia» («Всемудрость»), «Pampaedia» («Всеобщее воспитание»), «Panglottia» («Всеобщий язык»), «Panorthosia» («Всеобщее исправление»), «Pannuthesia» («Всеобщее увещевание»), — взятые в целом, представляют величайший памятник гуманизма и гуманистической идеологии вообще и гуманистической педагогики в частности.

Это сочинение Коменского еще раз подтверждает оценку Коменского, данную одним из основоположников советской социалистической педагогической науки Н. К. Крупской еще до Великой Октябрьской социалистической революции: «У него (Коменского.— *Д. Л.*) есть очень много ценного для нас с точки

зрения социализма». Вновь находят свое подтверждение и слова акад. Зденека Неедлы, сказанные им в адрес Коменского: «Самым красноречивым свидетельством значения Яна Амоса Коменского и величия его учения является тот факт, что и сейчас, спустя 300 лет, построение школы в соответствии с идеями и принципами Коменского представляется еще идеалом». Этот труд Коменского вполне созвучен той высокой оценке Коменского, которую дает все советское учительство и которая очень хорошо выражена в следующих словах видного советского педагога акад. И. А. Каирова: «Благодарное человечество никогда не забудет заслуг великого чешского педагога в деле разработки теории и практики обучения... Передовые педагоги всех стран ценят гениального чеха и как беззаветного борца за счастье народа, который призывал всех людей встать на путь света, мира и безопасности, на путь единства».

Будучи хорошо знаком с «Общим советом» Коменского, академик О. Хлуп еще на I Комениологическом конгрессе в 1957 г. в своем блестящем докладе «Новый образ Коменского» раскрыл гуманистическое и демократическое направление всего учения Коменского, опираясь именно на этот труд, и этим самым заложил прочный фундамент дальнейшему научному раскрытию сущности «Общего совета» и его значения для социалистической педагогики и школы.

Оценивая значение «Общего совета» Коменского, как и его наследия в целом, для социалистической педагогики, мы исходим из ленинского принципа отношения к наследию прошлого. Социалистическая педагогика не только не отгораживается от богатейшего опыта, который в обобщенном виде дан в сочинениях представителей прогрессивно-демократической мысли всех времен и всех народов, в особенности в сочинениях выдающихся классиков прогрессивной педагогики, а, напротив, изучает его и им обогащает самую подлинно научную теорию о воспитании — социалистическую педагогику.

Одно из самых первых мест среди домарксистских педагогов-мыслителей по праву принадлежит великому чешскому педагогу Коменскому, учение которого продолжает жить в наше время.

«Общий совет» принципиально не изменяет той оценки, которая дается социалистической педагогикой Коменскому. С открытием «Общего совета» еще величественнее становится его образ и еще значимее его дела. Это гениальное сочинение углубляет, более ярко раскрывает и расширяет отдельные стороны богатого наследия Коменского, в результате чего и Коменский вновь предстает перед нами как последовательный гуманист, демократ-педагог, как мыслитель и великий глашатай мира, равенства, дружбы и братства между народами всего мира, прогресса и счастья всех людей, всех народов, человечества в целом.

«Общий совет» особенно глубоко и ярко раскрывает прогрессивно-демократический характер решения Коменским философских и общественно-политических вопросов, полнее раскрывает мировоззрение Коменского, которое лежит в основе всей его педагогической системы.

Как известно, в области философии Коменский, несмотря на двойственный характер своего мировоззрения в целом, ряд вопросов, в особенности гносеологических, решал в плане материалистического эмпиризма Бэкона, являющегося, по словам Маркса, родоначальником английского материализма и всех опытных наук. Высоко ценя индуктивный метод и материалистическое направление философии Бэкона, Коменский защищал и развивал материалистически-сенсуалистическое положение о том, что ничего не может быть в сознании, чего раньше не было в ощущении. Именно материалистическая струя в теории познания Коменского лежит в основе научно-реалистической направленности всей его теории обучения и воспитания.

Это материалистическое направление очень сильно и отчетливо представлено в «Панортозии». Основная идея, развиваемая Коменским в главе «О новой философии», заключается в том, что философия должна служить не только познанию действительности, но, главное, «исправлению, совершенствованию дел человеческих». Если Коменский в своем «Лабиринте» в основном ограничился критикой философских направлений, то в «Общем совете» он идет дальше и выдвигает идею создания «новой философии», призванной служить переустройству и обновлению общества. «Философия новая, всеобщая — это проводник человеческой мысли по пути к ее совершенству», — пишет Коменский. Коменский убежден, что «новая философия не будет хаосом бесконечных предложений», но, по его образному выражению, «упорядоченным авангардом правды». По Коменскому, «конечная цель философии — смирение разногласий посредством отыскания, установления и демонстрации всех вещей в свете истинных идей». Исходя из этого, Коменский считает, что «слово «философия» должно употребляться не в пифагорейском смысле, где оно значит любовь к мудрости, и не в общепринятом смысле для познания того, что можно познать чувством и разумом, но в более широком значении... Чтобы оно включило в себя полностью истинное, бесспорное и научное познание любой вещи», с тем «чтобы основой просвещенного века была всеобщая философия, которая арене человеческого представит все (для чего и где бы то ни находилось) в их полноте, системе и истинности». Стремление Коменского к действенной философии, к тому, чтобы «философия служила всем и во всем», указывает на то, какое большое значение эти взгляды Коменского имели для построения им педагогической системы.

Особенно ценным и значительным в «Общем совете» являются взгляды Коменского, высказанные им в «Панортозии», касающиеся исправления общественной жизни человечества. Эти взгляды со всей полнотой раскрывают общественно-политический образ Коменского как великого демократа-утописта, неутомимого борца за счастье человечества, за «счастье всех и каждого во всем». Не ново, что общественно-политические воззрения Коменского отражают экономические, политические и культурные интересы народа, что они характеризуются пламенной любовью к родине, народу, труду, человечеству, пронизаны стремлением к переустройству мира на новых началах, на началах равенства и свободы людей. Все это со всей очевидностью раскрыто в трудах известных ученых — О. Хлупа, И. Попеловой, Я. Паточки, И. Кирашека, М. Ципро, И. Брамборы, А. Бакоша, Е. Н. Медынского, И. А. Каирова, Н. К. Гончарова, А. А. Красновского, А. И. Пискунова, Р. Альта, Л. Курдыбахи, Н. Чакарова и других. Еще в социальном сатирическом романе «Лабиринт света и рай сердца» отразились социально-политические воззрения Коменского. Однако 6-я книга «Общего совета» — «Панортозия» — является шедевром, венцом всех работ Коменского, которые касаются социально-политических основ общественного устройства, общественного строя в целом. В «Общем совете» ставится задача переустройства общественной жизни, обновления «человеческих дел до основания» и указаны пути (хотя и утопические) этого переустройства. Своими корнями эти взгляды уходят в учение Яна Гуса и в гуситское движение, в частности в движение таборитов и «Чешских братьев».

Почвой для этих взглядов является чешская действительность, родина Коменского.

Приведем несколько мест из «Общего совета», которые ярко говорят о существе идей всеобщего исправления человеческих дел.

«Сама действительность свидетельствует о несовершенстве общества, до сих пор не было таких реформаторов, которые взялись бы за всеобщее исправление».

«Мы требуем панортозию: универсальное, полное исправление 1) всех, 2) во всем, 3) всесторонне всех, т. е. любого сословия и индивидуума, чтобы реформа охватила весь мир, все народы...»

«Чтобы человек свои отношения с вещами и людьми использовал всесторонне и полностью по-настоящему и с радостью...»

«Ах, каким блаженным было бы состояние мира, если бы было возможно найти конец столькому и столь великому злу, т. е. столь беспросветной темноте, столь огромному смятению, столь жестокому угнетению, а вследствие всего этого столь великой погибели..!»

Правдиво раскрывая основные стороны «великого зла», Коменский не ограничивается пассивной, созерцательной констатацией отдельных фактов, а в своей «Панортозии» нацеливает человечество на необходимость и возможность исправления. «Надежда на всеобщее исправление дел несомненно существует», так как «человечество не может не дойти до наивысшей ступени», а такая ступень непременно наступит усилиями самого человечества. «Существует еще одна ступень, — пишет Коменский,— неизмеримо высшая, на которой только чистая правда, наконец-то открывающая и показывающая всем свое лицо, положит конец всем замешательствам, спорам и войнам».

Ограниченный уровнем общественной науки своего времени и не понимая основных законов развития общества, которые открыли лишь Маркс и Энгельс, Коменский в утопическом плане намечает пути «переустройства общества», «всеисправления». Он считает решающими факторами переустройства общества: 1) новую философию, 2) новую религию, 3) новую политику. Придавая ведущее значение образованию и идеологии, Коменский пишет: «Переустройство можно осуществить, если найдется истинная философия, т. е. совершеннейший свет мудрости, в котором можно было бы увидеть все взаимосвязи». Переустройство требует и «настоящей религии, которая обладала бы истинной силой пленять и направлять мысль». Знаменательно, что вопросы, связанные с религией, Коменский рассматривает главным образом с позиции хилиазма, в котором много для своего времени прогрессивного по сравнению с официальной религией.

Особенно важное значение в переустройстве общества наряду с истинной философией и «настоящей религией» Коменский придавал политике. В «Панортозии» XII глава названа «О новой всеобщей политике, возглавляющей человеческое общество на его пути к совершенству». Коменский считал, что политика должна быть построена так, чтобы не имело место положение, когда «человек осуждает человека, когда человек не выносит человека, когда человек неистовствует против человека». Все это, пишет Коменский, «явный упадок человечества, подобного которому мы не встречали нигде среди иных творений, разве что среди бешеных псов, которые так же обыкновенно рычат друг на друга, кусаются и грызутся до костей».

Коменский считает, что в жизни современного ему общества царит тенденциозность. «Современная философия, теология и политика насквозь проникнуты тенденциозностью, интригантством, насилием... их нельзя вернуть к идее и законам истинной универсальности, истинной простоты и истинной свободы. Поможет только их переработка до основания, так, чтобы в них не оставалось ничего от тен-

денциозности, сложности и угроз посредством страха, жути, ненависти и уничтожения». Политика должна обеспечить свободу человеку. Человек — это наивысшее и наисовершеннейшее из созданий, который должен жить и творить в условиях свободы. Коменский пишет: «Наиболее здравым является совет философа Сенеки, который провозгласил: «Человек должен добиться главным образом того, чтобы мы не уподоблялись идущему за теми, что во главе стада, и туда, куда их ведут, а не туда, куда бы следовало идти».

В общественно-политической концепции Коменского особое место занимают его взгляды об уничтожении войн и всеобщем мире, о равенстве между народами большими и малыми и их дружбе, о регулировании международных вопросов и обеспечении взаимного уважения и доверия между народами. Все эти вопросы решены Коменским в «Общем совете», в частности в «Панортозии», в духе широкого гуманизма, демократизма и пламенного патриотизма.

Не вдаваясь в анализ взглядов Коменского в данной области (это специальная тема доклада), ограничусь лишь напоминанием некоторых положений, выдвинутых Коменским в «Общем совете».

«Человеческая природа создана свободной: она никаким способом не хочет или не может допускать насилие над собой... она сотворена с полным равенством со своими ближними во всем... Большие или меньшие способности, рассудительность или память не решают того, является кто-нибудь человеком или не является, они свидетельствуют только о более или менее быстром продвижении... Свобода самое ценное, что имеет человек... Нужно достичь, «чтобы солнце свободы озаряло всех одинаково... Мы требуем для всех свободу мысли, свободу религии, свободу гражданства...»

«Кто не знает причин испорченности, не знает факторов обновления... Понимание причин испорченности есть основа исправления...»

«Чтобы можно было заменить нечеловечность человечностью, представляются три пути: первый путь, когда люди отучатся слишком доверять своим собственным чувствам и будут признавать недостойным для человека преследовать с ненавистью друг друга по каким бы то ни было причинам; и поэтому пусть взаимно простят прошлые ссоры, жалобы и несправедливость... Каждый, кто постоянно вспоминает несправедливости прошлого, тот снова открывает раны и тем самым поступает нецелесообразно... Это все называется забвением прошлого; во-вторых, пусть никто насильственно не внушает иным свои принципы (философские, богословские, политические), но пусть каждый остается при своих взглядах и мирно занимается своим делом; это мы назовем взаимной терпимостью. В-третьих, пусть все желают, будучи деятельными, только самого лучшего и таким образом объединятся в своих чувствах,

желаниях и своих усилиях; это назовем взаимным согласием...»

«Лучше действовать сообща, мирно, а не насильственно; все должно быть исправлено, что касается отношений к 1) вещам, 2) к людям, 3) богу... Исправителями являются все и каждый в отдельности...»

«.. Каждый, кто думает, что к людям надо относиться по принуждению, а не по воле, управлять человеческим характером не сумеет. Тем, которые пришли к нам добровольно, можем доверять, но никогда нельзя доверять тем, которых мы заставили силой и приобрели хитростью, ибо, как правильно понял Клавдиус, чего нельзя достичь насилием, — добьетесь миром. Пусть перестанут искать права оружия те, которые не должны бы иметь никакого оружия, кроме права справедливости».

«Переделка человечества будет достигнута, если «в основе эры мира будет всеобщая политика, по возможности наиболее совершенное применение человеческой мудрости к управлению человека...»

«Сила всеобщей политики в том, чтобы каждый человек, никем не потревоженный, мог спокойно жить, безопасно владеть тем, что принадлежит ему, и свободно пользоваться всеобщей свободой... чтобы общество людей жило в таком согласии, в каком пребывает мир...»

«Основой новой политики является естество человека. Завершением и целью всеобщей политики будет новое собрание народов всего света на основе мира: с примирением и ликвидацией войны из поколения людей и с ликвидацией самих поводов к войнам...»

«Можно переносить расхождение мнений без взаимной ненависти, и вообще не обязательно обрушиваться друг на друга, пером или оружием с чувством непримиримой вражды. Однако следует желать, чтобы различие во взглядах не только терпеливо допускалось, но и отстранялось, т. е. все спорные вопросы должны быть разрешены так мудро, чтобы была найдена истинная правда; в ней превосходно сошлись бы и взгляды противоречивые, противостоящие, с тем чтобы любое мнение поддерживало общую правду и было поддерживаемо ею до тех пор, пока оно причастно к правде, так само собой исчезло бы все, что неуместно, лишне...»

«Мировой суд должен позаботиться, чтобы нигде ни один народ не восстал против другого народа, чтобы никто не отважился выступить, призывая к войне или готовя оружие, и чтобы не осталось ни одного меча и копья, не перекованного в серпы и орала...»

«Универсальное добро может быть настоящее, а не воображаемое; чтобы никто не был обманут, чтобы каждый чувствовал себя

счастливым; чтобы насытились любые хорошие пожелания всех, кто только обитает под солнцем...»

«Людей надо научить так любить земную жизнь, чтобы они желали жить вечно... Нужно желать, чтобы люди жили в изобилии (каждый согласно своим потребностям)... не желать чужого и не нарушать порядка из-за жадности... Необходимо, чтобы все люди жили честно, чтобы никто не переносил позора... Ах, какой пир был бы на свете, если бы все жили довольные собой... и не начинали споров о «моем» и «твоем»!»

«Не будет в мире никакой надежды на честность, спокойствие и изобилие, пока одиночки будут добиваться жизни только для себя, по своему хотению и пока не будут привлекаться и объединяться чем-либо общим... чтобы они ясно осознали, что только сообща могут достичь успеха во всем...»

В этом плане Коменский особо подчеркивал значение дружбы и братства всех народов для «всеисправления» и считал ее основой основ переустройства общества в целом. «Братьями я называю все человечество, обитающее под солнцем», — пишет Коменский.

Все эти и аналогичные взгляды и отдельные положения Коменского не требуют особых комментариев и сами по себе говорят о действительно великой мудрости и человечности великого педагога, мысли которого со всей силой звучат и сегодня на благо человечества, каждого народа, каждого человека доброй воли.

В «Общем совете», во всех его частях, в особенности в «Пампедии», Коменский в соответствии со своими философскими и общественно-политическими воззрениями ставит и освещает важнейшие вопросы воспитания, образования и обучения. Несмотря на то что педагогические сочинения Коменского, в особенности его «Opera didactica omnia», содержат всю педагогическую теорию Коменского, в «Общем совете» основоположник прогрессивной педагогической науки ставит и освещает многие вопросы в новом плане, в духе подчинения всей системы воспитания общественно-политическим задачам перестройки человеческого общества на новых началах. «Все школы, все церкви, все села и все дела человеческие в их теперешнем состоянии весьма подобны Авгиевым конюшням, полным грязи, которую устранить невозможно с помощью только человеческой. Только единственная река Альфеус в состоянии смыть эту грязь. А эта река Альфеус уже близка», — пишет Коменский. Ставя вопрос о перестройке школы в соответствии с широким планом исправления человеческих дел на земле, Коменский пишет: «Если этот мировой театр должен измениться до основания, то необходимо, чтобы до глубочайших основ изменилось все человеческое учение, и именно таким образом, как это указывает «Пансофия», т. е. все, чему чело-

века учат и чему он учится, было: 1. Не чем-то поверхностным и кажущимся, но прочным и реальным; не чем-то терпким (горьким) и принудительным, но умеренным и приятным».

В этом плане особую остроту принимает у Коменского задача распространения образования среди народа, с тем чтобы изгнать «слепоту и невежество». «Абсолютно необходимо, — пишет Коменский, — чтобы правильно были обучены все люди... Мы должны желать, чтобы и народы самые варварские были просвещены и освобождены от тьмы своей необразованности; а это потому, что они образуют часть людского поколения, которая должна приобщиться к целому... потому что целое не есть целое, если что-либо где-либо отсутствует». «Если ты не являешься ограниченным и злонамеренным, то ты должен желать, чтобы всем хорошо жилось, а не только тебе самому, или нескольким своим близким, или только твоему народу», — продолжает он.

Исходя из общих целей воспитания нового человека и придавая ведущую роль воспитанию и образованию в перестройке всей жизни на земле, Коменский ставит вопросы о всеобщем обязательном образовании, о построении системы народного образования на основе демократизации всех звеньев этой системы и установления между школьными звеньями преемственности, последовательности и единства. В «Пампедии» I глава носит название «Что такое всеобщее воспитание (всевоспитание) и почему оно необходимо, в каком смысле можно желать, чтобы были образованными все люди». Ответом на поставленный вопрос являются следующие слова Комейского: «Всеобщее воспитание — это универсальное образование всего человеческого поколения... Первое, чего мы желаем, это чтобы во всем и всеобщей гуманностью мог быть образован не какой-нибудь один человек, или несколько, или много, а все люди вообще и каждый в отдельности, молодые и старые, богатые и бедные, знатные и незнатные, мужчины и женщины, — короче говоря, каждый, кому было суждено родиться человеком».

Исходя из основного положения, что «формирование человека находится в пределах человеческого искусства воспитания», Коменский в «Пампедии» и других книгах «Общего совета» предлагает целую программу воспитания и обучения и намечает пути ее осуществления. В этом плане особенно ценным является его учение о воспитании в подрастающем поколении гуманности, которому посвящена II глава «Пампедии», и о реальном направлении содержания образования.

В «Общем совете» большое место уделяется труду и воспитанию трудолюбия. «Без труда — нет счастья... Деятельность — ведущее качество человека... Праздность — живой гроб... Праздный человек

подобен мертвому... Праздность — это все время думать о смерти... Основой долголетия является не жить в безделии, а все время усердно работать... Для ленивого все время ночь и сон, для трудолюбивого — день и бодрствование». «Человек по природе полон жизни,— пишет Коменский, — любит движение и деятельность и ни в чем не нуждается, кроме мудрого руководства». Исходя из всего этого, Коменский призывает «воспитывать людей деятельными».

Выступая за реальное образование и критикуя средневековое догматическое обучение, Коменский и в «Общем совете» особо подчеркивает задачу сделать обучение легким и приятным. Считая возможным и нужным коренное улучшение обучения на основе воспитания уважения и любви к учебе, Коменский пишет: «Корни образования терпки (горьки), но плоды сладки», — гласит афоризм мудрого Сократа. Так это и есть, кажется, в действительности. Но все-таки следовало бы подумать, нельзя ли усладить и корни!» — и на этот вопрос Коменский не только отвечает положительно, но, глубоко уважая личность ребенка, обосновывает ряд дидактических мер для осуществления этого важнейшего в педагогическом отношении принципа. Одним из средств для достижения успешного обучения Коменский справедливо считает моральное удовлетворение ученика в результате выполнения им учебной задачи. «Учить до полной удовлетворенности», — призывает Коменский.

Основной задачей всякого рационального обучения Коменский считал «учить людей правильно пользоваться вещами» и призывал: «Да будут все люди обучены верно знать вещи и верно их понимать, и обучены также правильно пользоваться вещами». Для достижения этой задачи обучения Коменский требовал так построить всю систему образования и обучения, чтобы оно шло последовательно и по определенным ступеням, с тем чтобы общее образование предшествовало специальному. «Веди его (ученика. — *Д. Л.*) по ступеням так, — писал Коменский, — чтобы общее познание предшествовало специальному, всеобщее — частному, слитное — раздельному, чтобы подойти к знаниям самым подробным и самым раздельным образом». Всегда памятуя о том, что следует «учить так, чтобы нельзя было не понять всего, чему только учатся», Коменский призывает: «Учение пусть начинается с самого известного, чтобы потом можно было идти от ближайших неизвестных вещей к познанию более отдаленных и от наименьших через большие к самым большим». Коменский требует так вести обучение, чтобы люди «уже сызмала владели вещами, самими собой и иными (если судьба приведет управлять ими)». В свете идей природосообразности Коменский рассматривает в «Пампедии» ряд дидактических принципов и правил обучения и пи-

шет: «Кто руководствуется им, т. е. сообразно с возрастным развитием, для тех все легко и готово. Кто работает наперекор ему, у тех дорога не легче, чем у тех, которые плывут против течения».

В «Пампедии» в особую главу выделен раздел «О всешколии», т. е. о всеобщей школе. В этой главе последовательно рассматриваются вопросы о задачах школы, об ее структуре, содержании ее работы и т. д., и все это рассмотрено под углом зрения задачи перестройки школы с тем, чтобы «было изобилие людей хорошо образованных. Ибо люди, если растут без образования, растут как дикие деревья, как терн, крапива и заросли боярышника; если люди должны расти как культивированные деревья, их надо старательно выращивать, орошать и прививать». Коменский требовал, чтобы «везде открывались общественные школы, ибо везде, где рождаются люди, везде нужно воспитание, чтобы дары природы из возможных стали действительными».

Известно, какую роль возлагал на книгу Коменский. В «Пампедии» имеется также специальная глава о книге, где раскрыты назначение книги и методы работы над ней. «Всякая книга нашего века (особенно школьная) должна быть полностью общеобразовательная, общевоспитательная, общеязыковая и общеисправительная», — указывает Коменский.

В «Общем совете» важное место уделяется вопросам нравственного воспитания. Это понятно, так как в плане исправления человеческих дел Коменский главную задачу всей системы воспитания и образования усматривал в формировании качеств нового человека, приспособленного к обновленному человеческому обществу. Не ставя своей задачей подробно осветить этот вопрос (это также тема специального доклада), приведем несколько выдержек из «Общего совета» о воспитании личности.

«Мы должны стремиться, чтобы каждая общественная школа стала общественной мастерской добродетели, так чтобы не учились дурным привычкам (очень трудно потом избавиться от привычек)».

«Необходимо, чтобы молодежь, общественно воспитываемая, владела нормами правильного поведения, об этом должны помнить в интересах самого общества».

«Школьная молодежь должна быть приучена увлекаться только такими упражнениями, которые перейдут в серьезное дело, когда она закончит школу».

«Школа должна нравственно влиять на общество. Нет ничего более действенного в воспитании самых лучших нравов, как то, если мы позаботимся, чтобы на виду всего общества раздувались скрытые огоньки постоянных примеров добродетели и чтобы они поддерживали друг друга во взаимном состоянии».

Коменский считал недопустимым применение в воспитании отрицательного примера. Он писал: «Необходимо совместное пребывание с умными и трудолюбивыми людьми, так чтобы не было возможности видеть, слышать и делать ничего, что не является мудрым, честным и благочестивым».

«Достичь, чтобы каждый, кто получает образование, был образован настолько прочно, чтобы не падал духом и не развращался».

«Не только одна сторона человека, но все в человеке должно быть воспитано в духе того, что составляет основу гуманности».

Нет необходимости говорить, насколько близки и актуальны для социалистической школы и педагогики эти и аналогичные положения, развиваемые Коменским в «Общем совете».

Общеизвестно учение Коменского об учителе, об его высоком назначении в обществе, его качествах, об его учебно-воспитательной работе, ее путях и т. д. Коменский и в «Общем совете» уделяет учителю важное место. Считая для «всевоспитания» важнейшим фактором всеобщую школу, а главным элементом всеобщей школы — «всеучителя», Коменский правильно определяет роль учителя в формировании человека в человеке. Исходя из положения, что «формирование человека находится в пределах человеческого искусства воспитания», носителем этого «искусства» Коменский считает учителя, профессия которого стоит выше всех постов под солнцем.

В посвященной учителю главе Коменский раскрывает назначение и облик «всеучителя» и пишет: «Воспитатели человеческого поколения должны быть везде, они должны быть только хорошими, должны быть обучены и способны обучать с тем, чтобы сами разбирались во всем, что делает человека человеком, и чтобы были в состоянии все это представить иным». Подчеркивая ведущую воспитывающую роль личности учителя, Коменский совершенно правильно писал: «Утверждаю, что дети должны быть доверены попечению уважаемых мужей и женщин... Этим хочу намекнуть, во-первых, что такое важное дело не может быть доверено любому человеку, но только самым достойным». Успех учителя зависит от целеустремленности его деятельности, понимания им целей и средств воспитания. Коменский пишет: «Цель является мерилом соответствующих средств... верно положит основание своего всеучительного руководства тот, кто поймет эти цели и направит свою работу к целям, хорошо осознанным... Учитель должен знать: 1) все цели своей профессии, 2) все средства к нему ведущие; 3) все разнообразие методов». Высоко оценивая назначение учителя в обществе, Коменский пишет: «Что значит всеучитель? Это учитель пансофии, который умеет всех людей учить всему, что и приводит к усовершенствованию человеческую сущность (природу) с тем, чтобы люди стали всесторонне совершенными».

Таково общее направление «Общего совета» по главным, узловым вопросам педагогической системы Коменского. Само собой разумеется, что в нашем выступлении были выдвинуты на первый план прогрессивные положения, которые сохраняют свою актуальность и успешно служат теоретическим и практическим задачам социалистической школы и педагогической науки. Однако этот обширный труд Коменского содержит и ряд отживших и методологически ошибочных положений, обусловленных эпохой, в которой жил Коменский. Но это не может заслонить величия гениального творения великого чешского педагога Яна Амоса Коменского.

Заканчивая свое выступление о значении «Общего совета» Я. А. Коменского для социалистической педагогики, я позволю себе выдвинуть следующие два практических предложения.

Первое: расширить и продолжить углубленное изучение «Общего совета» во всех его частях и аспектах, считая настоящую научную конференцию как бы увертюрой этого изучения.

Второе: принять зависящие от нас меры к переводу «Общего совета» на многие языки. Пусть одним из мерил и показателей уровня педагогической культуры любого государства, любого народа явится тот факт, имеется ли у него в переводе на свой язык наряду с «Великой дидактикой» бессмертное творение великого Коменского — «Общий совет об исправлении дел человеческих»!

* * *

Многоуважаемые коллеги, дорогие друзья! В результате неустанного внимания Коммунистической партии и правительства Чехословакии многострадальный Коменский, Коменский-изгнанник, говоря фигурально, после более чем 300-летнего вынужденного странствования на чужбине вернулся на свою любимую, теперь социалистическую землю. Отсюда озаряет он неугасимым факелом гуманистической педагогики «самые благородные человеческие дела под солнцем» — «учить всех всему», «учить во всеобщих мастерских человечности, гуманности», во имя торжества мира, справедливости, свободы и счастья людей на земле, равенства, братства и дружбы между народами. Настоящая конференция, посвященная величайшему памятнику гуманизма «Общему совету об исправлении дел человеческих», — одно из ярких показателей этого.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ СОЧИНЕНИЙ ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО[1]

1612—1656. Linguae Bohemicae thesaurus, hoc est lexicon plenissimum, grammatica accurata, idiotismorum elegantiae et emphases adgiaque, 1656. Рукопись сгорела в г. Лешно.

1612. Problemata miscellanea. Герборн, 1612. Был напечатан в т. I. Полного собрания сочинений Коменского, г. Брно, 1914[2].

1613. Sylloge quaestionum controversarum. Герборн, 1613. VSJAK, т. I, 1914.

1614—1616. Grammaticae facilioris praecepta. Прага, 1616. Сочинение утеряно.

1615. O andělích. Рукопись утеряна.

1616—1627. Theatrum universitatis rerum. Сохранившуюся часть этого труда опубликовали проф. Я. А. Новак и А. Патера в 1897 г. и потом снова в т. I VSJAK, 1914.

1617. Retuřk proti Antikristu a svodum jeho. Опубликовано в г. Праге, 1924, под названием "О папстве".

1618—1621. O starožitnostech Moravy. Рукопись утеряна.

1618—1621. Spis o rodu Žerotínů. Рукопись утеряна.

1618—1627. Мара Moravy (Moraviae nova et post omnes priores accuratissima delineatio autore J. A. Comenio). Издавалась неоднократно; первый раз — в 1627 г.

---

[1] При составлении данного библиографического списка в основном нами были использованы следующие материалы: книга д-ра И. Брамбóры "Knižnidilo J. A. Komenského" (Прага, 1954); хронологический список трудов Я. А. Коменского, помещенный в книге проф. Я. Копецкого, проф. Я. Паточки и доц. И. Кирашека "Jan Amos Komenský" (Прага, 1957), и хронологический список трудов Я. А. Коменского, составленный д-ром Иосифом Гендрихом и помещенный в монографии Яна Вацлава Новака "Jan Amos Komenský, jeho život a spisij" (Прага, 1932).

[2] Veškere spisy Jana Amosa Komenského в дальнейшем обозначается сокращенно VSJAK. Вышли тома I, IV, VI, IX, X, XV, XVII, XVIII (1910—1929).

1619. Listové do nebe. Б. М., 1619; XV т. VSJAK, 1910, а отдельно в 1930 г. в г. Праге.
1620—1623. Manuálník aneb jádro celé biblí svaté. Амстердам, 1658.
1622. Přemyšlování o dokonalisti křesťanské. г. Прага, 1622. VSJAK, т. XV, 1910.
1622. Nedolytedlný hrad jméno Hospodinovo. Б. М., 1622. VSJAK, т. XV, 1910.
1623. Truchlivý, часть первая VSJAK, т. XV, 1910. Отдельно издано Б. Соучеком в г. Таборе в 1916 г.
1623. Labyrint světa a lusthaus srdce. г. Лешно (?), 1631 г., в расширенном виде, г. Амстердам, 1663 г. VSJAK, т. XV. Эта книга издавалась в Чехии в 1940, 1948, 1952 гг.
1623—1626. Opoezí české. Рукопись хранится в Ленинграде, в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.
1624. Truchlivý. Часть вторая. Напечатана вместе с первой частью в XV т. VSJAK, 1910.
1624. O sirobě. Впервые опубликовано в г. Лешно в 1634 г. VSJAK, т. XV, 1910.
1624. Pres boží. Б. М. и г. 1624 (?); напечатано в г. Табор, 1918; в г. Брно, 1945.
1625. Centrum securitatis. Лешно, 1633. VSJAK, т. XV, 1910; г. Прага, 1920.
1625. Vidění a zjevení Kryštofa Kottera, В кн.: Lux in tenebris, 1657.
1628—1630. Didaktika česká. Впервые напечатана в 1848 г., вошла в IV т. VSJAK 1913. Была издана в г. Праге в 1951 и 1953 гг.
1629—1633. Moudrost starých Čechů. Опубликовано впервые в г. Праге 1849 г.; затем в Праге в 1872, 1901, 1920, 1954 гг.
1630—1631. Brána jazyků otevřená. На латинском языке издано в 1631 г. в г. Лешно под названием "Janua linguarum reserata". На чешском языке издана в 1633, 1667, 1669, 1694, 1716, 1880, 1893.
1630. Praxis pietatis. г. Лешно (?), 1630 (?). Много разных изданий. Последние — г. Прага, 1922; г. Брно, 1922.
1630. Prima Philosophia. Часть рукописи издана И. Гендрихом в 1942 г.
1630. Informatorium školy mateřské. Издано на немецком языке в г. Лешно, 1633; на чешском — в г. Праге, 1858. VSJAK, т. IV, 1913. Много разных изданий.
1630—1632. Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis. Лейпциг, 1633. VSJAK, т. I.
1631. Grammatica latina nova methodo ad jucundam facilitatem celeremque praxim ex naturalis didacticae legibus concinnata. г. Лешно, 1631.
1631. Historia o umučení asmrti Ježíše Krista, г. Лешно, 1631; г. Прага, 1893.
1631. Zpráva kratičká o morním nakažení. г. Лешно, 1632.
1631—1632. Polnice milostivého léta pro český národ. Оригинал утерян. Сохранился перевод на голландский язык, с которого сделан чешский перевод в 1929 г., Кутна-Гора-Седльце, 1945.

1631—1632. Otázky některé o Jednotě bratří českých. VSJAK, т. XVII, 1912.

1632. Synopsis historica persecutionum ecclesiae Bohemicae, Лейден, 1647. Есть много других изданий. Коменский является соавтором этой книги.

1632. Navržení krátké o obnovení Škol v království českém. Впервые напечатано в виде приложения к "Великой дидактике" в 1849 г. в последний раз издано в г. Праге в 1951 г.

1632. Haggaeus redivivus. г. Прага, 1893; VSJAK, т. XVII, 1912, г. Табор, 1921, г. Прага, 1952 гг.

1632. Astromonia ad lumen physicum reformanda. Сочинение утеряно.

1632. Ratio disciplinae oidinisque ecclesiastici in unitate fratrum Bohemorum. г. Лешно, 1632; VSJAK, т. XVII, 1912. Есть много изданий.

1632—1633. Januae linguarum reseratae Vestibulum. г. Лейпциг, 1636. Переведено на чешский язык и включено в сборник избранных педагогических сочинений Коменского в 1886 г. Много других изданий.

1633. Renuntiatio mundi. г. Лешно, 1633. Перепечатано в "Библиотеке Ческобратске", 1878, № 5.

1633—1638. Didactica magna. Впервые напечатана в "Opera didactica omnia". Амстердам, 1657. VSJAK, т. IV, 1913. Переведена на чешский язык Ав Крйчи и издана под редакцией И. Гендриха в г. Брно, 1948.

1634—1636. Conatuum Comenianorum praeludia, Оксфорд, 1637, VSJAK, т. I, 1914. Переведено на чешский язык Фр. Зоубеком. г. Прага, 1879. Есть много изданий.

1635. Leges illustris gymnasii Lesnensis. VSJAK, т. VI, 1911. Переведено на чешский язык Фр. Зоубеком. Сборник мелких произведений Я. А. Коменского. г. Прага, 1876.

1636. Praecognita. Напечатано в книге Дж. Турнбула "J. A. Komenského Dva spisy vševědné". г. Прага, 1951.

1637. Faber fortunae sive ars consulendi sibi ipsi. г. Амстердам 1657, VSJAK, т. I, 1914. Переведено на чешский язык Фр. Зоубеком, 1872.

1637. Cesta pokoje. г. Лешно, 1637. VSJAK, т. XVIII, 1912. Вошло в сборник сочинений Коменского "Apoštol míru", 1949.

1637. De sermonis Latini studio per Vestibulum, Januam, Palatium et Thesauros Latinitatis quadripartito gradu plene absolvendo Didactica dissertatio. г. Братислава в 1638 г. VSJAK, т. VI, 1911. Переведено на чешский язык Ав. Крейчи и вошло в избранные сочинения Я. А. Коменского т. IV, Прага, 1906.

1638. Diogenes Cynicus redivivus. Амстердам, 1658. VSJAK, т. VI, 1911. Переведено на чешский язык И. Гендрихом и издано в г. Чесне-Будейовице в 1920 г.

1638. De quaestione, utrum dominus Jesus propria virtute a mortuis surrexerit. Амстердам, 1659. Частично перевел на чешский язык Й. Шмага "Novém kalendáři učitelském", 1892.

1639. Conatuum pansophicorum dilucidatio. Лондон, 1639. VSJAK, т. I, 1912. Перевел на чешский язык Й. Шмага, журн. "Коменский", 1892.
1639. Abrahamus patriarcha. Амстердам, 1661. VSJAK, т. VI, 1911.
1639—1640. A dextris et sinistris. Амстердам, 1662.
1639—1641. Pansophiae diatyposis, Gdansk (?), 1643. Перевел на чешский язык Й. Шмага, журн "Коменский", 1893—1894.
1640. De Christianorum uno Deo. Амстердам, 1659.
1640—1659. Kancional. Амстердам, 1659. Вновь издано А. Шкаркой под названием "Duchovni pisné". Прага, 1952.
1640—1670. Janua rerum reserata. Лейден, 1681. Перевел на чешский язык Й. Шмага. "Bibliothece pedag. klassikú", кн. II. Прага, 1886.
1640—1650. Sapientia bis et ter oculata. Рукопись сгорела во время пожара в г. Лешно в 1656 г.
1641—1642. Via lucis. Амстердам, 1668. Перевел на чешский язык Й. Шмага. Издано под названием "Cesta světla". Прага, 1920.
1643—1649. Vestibulum Latinae linguae Б. М. и Г. Сюда же относятся Dictionarium vestibulare Latino-germanicum, Fundamenta grammaticae, Informatorium de Vestibuli linguae latinae usu.
1643—1649. Latinae linguae janua reserata, rerum et linguae structuram exhibens ordine nativo. Сюда же относятся: Januae linguarum novissima clavis, Grammatica Latino-vernacula, Annotationes super grammaticam novam janualem. Лешно, 1649.
1643—1650. Lexicon januale. Франкфурт (?), 1650.
1644—1647. Linguarum methodus novissima. г. Амстердам, 1657. VSJAK, т. VI, 1911. Перевел на чешский язык Й. Шмага под названием "Nejnovější metoda jazyků", 1892.
1644. Judicium de judicio Valeriani Magni. Гданьск, 1644.
1645. Judicium Ulrici Neufeldii de fidei catholicae regula. Амстердам, 1645.
1645. Regulae vitae. Утрехт, 1658. VSJAK, т. VI, 1911. Перевод на чешский язык Й. Гендриха, напечатано под названием "Pravidla života", 1947.
1645—1662. Panaugia, hoc est lucis universalis via. Перевел на чешский язык Й. Шмага. "Bibl. pedag. klassikú", т. VIII. Пшеров, 1888.
1648. Independentia aeternarum confusionum origo. Лешно, 1650. Сокращенный перевод на чешский язык Й. Шмаги. Напечатано в "Česká škola", 1889—1890.
1648—1649. Dictionarium Vestibulare Latino-Bohemicum. Лешно, 1649.
1649. O vymítání němého i jakéhokoli jiného ďábelství. Лешно, 1649. В сборнике сочинений Коменского, т. II. Прага, 1893.
1650. Kšaft umírající matky Jednoty bratrské. Лешно, 1650. Критический разбор напечатан Б. Соучек в 1927 г. Затем издавался в 1930, 1938, 1940 гг.
1650. Truchlivý. Часть третья. Лешно (?), 1651. Издал Б. Соучек в г. Таборе, 1916.

1650—1656. Lux in tenebris. Амстердам, 1657.

1650—1670. Triertium catholicum. Лейден, 1681, Прага, 1920. Перевод на чешский язык Й. Шмаги, журн. "Коменский", 1903, 1906.

1650—1651. Schola pansophica. Шарош-Патак, 1651. Перевел на чешский язык Ав. Крейчи, XI т. "Knihovna pedag. Klasiků", 1926.

1650—1651. Primitiae laborum scholasticorum. Шарош-Патак (?), 1652. В это сочинение входят:

1. De cultura ingeniorum oratio. Перевел на чешский язык Я. Паточка и напечатал в книге "J. A. Komenský, Vychovatel narodu".
2. De primario ingenia collendi instrumento sollerter versando, libris, oratio. Перевел на чешский язык Я. Копецкий под названием "Jak dovedně užěvat knih, hlavního nastroje vzdělání", напечатан в IV номере журн. "Pedagogika" за 1953 г. Издано отдельной книжкой в 1956 г.
3. De reperta ad authores Latinos prompte legendos et clare inteligendos facili, brevi amoenaque via, schola Latina tribus classibus divisa. Перевел на чешский язык Ав. Крейчи, напечатан в сборнике избранных сочинений Коменского. Прага, 1926.

1650—1651. Eruditionsi scholasticae pars prima. Vestibulum, rerum et linguarum fundamenta exhiben. Шарош-Патак (?), 1652.

1650—1657. Lexicon atriale Latino-Latinum. Амстердам, 1657.

1651—1652. Laborum scholasticorum in illustri Patakino gymnasio continuatio. Опубликован в "Primitas laborum scholasticorum". Шарош-Патак (?), 1652. Включает в себя:

1. Methodi verae encomia. На чешский язык перевел Я. Копецкий, напечатан в журн. "Pedagogika", 1953, N 6.
2. De utilitate accuratae rerum nomenclaturae orantiuncula. На чешский язык перевел Я. Копецкий, напечатан в журн. "Pedagogika", 1953, N 8.
3. De eleganti elegantiarum studio. На чешский язык перевел В. Новак, напечатан в книге "J. A. Komenského Řeči potocké". Прага, 1894. Все три труда вошли в т. IX VSJAK.

1651. Sermo secretus Nathanis ad Davidem. На чешский язык перевел И. Гендрих под названием "Tajna řeč". Прага, 1937.

1652. Fortius redivivus sive do pellenda scholis ignavia. Б. м. и г VSJAK, т. IX, 1915. На чешский язык перевел Ав. Крейчи. Вошло в избранные сочинения Я. А. Коменского, т. III. Прага, 1926.

1653. Praecepta morum in usum juventutis collecta. Амстердам, 1657. VSJAK, т. IX, 1915. На чешский язык перевел Фр. Зоубек. Вошли в сборник малых сочинений Коменского. Прага, 1876. Есть много изданий.

1653. Leges scholae bene ordinatae. Шарош-Патак (?), 1653. VSJAK, т. IX, 1915. На чешский язык перевел Ав. Крейчи. Вошли в избранные сочинения Я. А. Коменского, т. III. Прага, 1926.

1653—1654. Orbis pictus. Напечатан в г. Нюренберге, 1658. VSJAK, т. X, 1929. Переведен на чешский язык в 1685 г. Есть много изданий в разных странах.

1653. Animae sanctae beatum satellium, Шарош—Патак, 1653.

1654. Gentis felicitas Б. м., 1659 (?). На чешский язык перевел И. Новак и издал под названием Štěstí národa". Прага, 1901. Есть много изданий.

1654. Laborum scholasticorum Patakini obitorum coronis. Шарош—Патак (?), 1652. VSJAK, т. IX, 1915. На чешский язык перевел Я. В. Новак. Вошло в сборник "Řeči potocké". Прага, 1894.

1654—1655. Artificii legendi et serbendi tirocinium. С рукописи перевел И. Гендрих под названием "Počátkové čtení a psaní". Прага, 1946.

1655. Panegyricus Carolo Gustavo, Б. м., 1655.

1655. Boj s Bohem modlitbami. Лешно, 1655. Напечатан под названием "Kázání J. A. Komenského", Избр. соч. II. Прага, 1893.

1656. Metuzalem, to jest o daru dlouhověkosti. Лешно (?), 1656. Избр. соч. II. Прага, 1893.

1656. Enoch, to jest o stálém lidí Bhoh oddaných s Bohem chození. Лешно (?), Избранные проповеди Я. А. Коменского, т. II. Прага, 1893.

1656. Lesnae excidium anno MDCLVI in aprili factum fide historica narratum. Б. М. и г.

1656. Vestibuli linguarum auctarium. Амстердам, 1657.

1656—1662. Panegersia. На чешский язык перевел Й. Шмага. "Bibliotheka pedag. klasiků", т. VIII. Пшеров, 1888.

1657. Pro latinitate Januae linguarum... apologia. Амстердам, 1657.

1657. Opera didactica omnia. Амстердам, 1657. Переиздано фотолитографическим способом в г. Праге, под редакцией академика Отокара Хлупа, 1957.

1657. Syllogismus orbis terrarum practicus. Гамбург, 1665.

1658. De principis Transilvaniae ruina, Б. м., 1658 (?)

1658. Janua sive introductorium in biblia sacra. Нюренберг, 1658.

1658. Novi testamenti epitome. Нюренберг, 1658.

1659. Visiones nocturnae Stephani Milisch. Б. м., 1659.

1659. Disquisitiones de caloris et frigoris natura. г. Амстердам, 1959. На чешский язык перевел Й. Шмага под названием "Vyšetřování o povaze tepla a zimy", и опубликовал в журн. "Národni utitel", 1894.

1659. Cartesius cum sua naturali philosophia a mechanicis eversus. Амстердам, 1659.

1659. Historia revelationum, Амстердам (?), 1659.

1659. Vindicatio famae et conscientiae. Johannis Comenii, a calumniis Nicolai Arnoldi Лейден, 1659.

1659. De irenico irenicorum admonitio. Амстердам, 1660.

1660. Ecclesiae Slavonicae. Амстердам, 1660. Есть много изданий. На чешский язык перевел И. Гендрих. Издан под названием "Stručné dějiny církve slovanské", 1940.

1660. De bono unitatis et ordinis. Амстердам, 1660. На чешском языке. Прага, 1893.
1660. Smutný hlas. Берлин, 1757. На чешском языке — Прага, 1920.
1661. Oculus fidei, teologia naturalis. Амстердам, 1661.
1661. De iterato sociniano irenico ... admonitio. г. Амстердам, 1661.
1661. Socinismi speculum. Амстердам, 1661.
1661. Katechismus pro mládež českou Jednoty bratrské. г. Амстердам, 1661.
1661. Die uralte christliche Religion. Амстердам, 1661. На чешском языке издано в г. Праге, 1951.
1662. Admonitio tertia ad Zvickerum. Амстердам, 1662.
1662. Confessio andeb Počet viry. Амстердам, 1662.
1662. Moudrého Catona mravná poučování. Амстердам, 1662; г. Прага, 1670; Перепечатан Фр. Зоубеком в Сборнике малых сочинений Я. А. Коменского. Прага, 1876.
1663. Revelationum divinarum... epitome, Б. м., 1663.
1663. Letzte Posaun úber Deutschland. Амстердам, 1663.
1665. Lux e tenebris, Б. м., 1665.
1667. Angelus pacis, Б. м. 1667. На чешский язык перевел И. Гендрих. Пльзень, 1926. Есть ряд изданий.
1668. Unum necessarium. Амстердам, 1668. На чешском языке издано под названием "Jednoho jest potřebí". Кромержаж, 1879. Есть много других изданий.
1669. Admonitio de zelo sine scientia. Амстердам, 1669.
1669. Continuatio admonitionis fraternae. Амстердам, 1669. На чешский язык перевел И. Гендрих под названием "J. A. Komensheho Vlastní životopis". Прага, 1924. Перу Коменского принадлежат написанные в разное время (недатированные) следующие сочинения: Geometria. Часть переведена на чешский язык, 1942. O vycházení a zapadání předňejších hvězd oblohy osmé. Напечатано в "Říši hvězd", 1943, № 3—4. Pansophia. Третья часть "Общего совета" Pampaedia. Четвертая часть "Общего совета". На чешский язык перевел И. Гендрих под названием "Vševýchova". Прага, 1948. Panglottia. Пятая часть "Общего совета" Panorthosia. Шестая часть "Общего совета". На чешский язык перевел И. Гендрих под названием "Všenáprava". г. Прага, 1950. Pannuthesia. Седьмая и последняя часть "Общего совета"
1644—1670. "De rerum humanarum emendatione consultatio catholica ad genus Humanum, ante alios vero ad eruditos, Religiosos, potentes Europae". г. Прага, 1966. Некоторые части этого труда издавались ранее.

БИБЛИОГРАФИЯ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР[1]

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ

ИЗБРАННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ Я. А. КОМЕНСКОГО

Коменский Я. А. Избранные сочинения, ч. I—III. Ревель, изд. журн. «Гимназия», 1892—1897.

Часть I. Открытая дверь языков. Латинский текст с русским переводом, портретом Коменского и введением, составленным Г. Янчевецким (прилож. к журн. «Гимназия», 1892—1893).

Часть II. Великая дидактика. Пер. И. Регема (прилож. к журн. «Гимназия», 1893—1895).

Часть III. Диоген — циник на сцене, или Об удобном любомудрствовании. Пер. с латинского Г. Янчевецкого (прилож. к журн. «Гимназия», 1893, № 3—5, 8—9; 1897, № 2).

Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения в переводе Андрея Адольфа и Сергея Любомудрова. М., изд. К. И. Тихомирова, 1893—1912 (Педагогическая библиотека).

Часть I. Великая дидактика. Пер. с латинского, с портретом Коменского, очерком его жизни и деятельности и объяснительными примечаниями. М., 1893, XXVII, 308 стр.; изд. 2. М., 1902; изд. 3. М., 1906; изд. 4. М., 1912.

Часть II. Мелкие сочинения, примыкающие к «Великой дидактике». Пер. с немецкого, с введением и объяснительными примечаниями. М., 1894, VIII, 279 стр.; изд. 2. М., 1911.

Содержание: «Материнская школа», стр. 1—74; «Очерки народной школы», стр. 77—78; «О точной номенклатуре вещей», стр. 81—88; «Воскресший Форций, или Об изгнании лености из школ», стр. 91—119; «Правила доброго поведения юношества», стр. 123—134; «Законы благоустроенной школы», стр. 137—176; «Пансофическая школа», стр. 179—247; «Выход из схоластического лабиринта», стр. 251—273.

---

[1] Данная библиография является переработанным и дополненным вариантом библиографии, составленной Д. О. Лордкипанидзе и Н. А. Зиневичем (Библиография Я. А. Коменского. Тбилиси, изд. «Цодна», 1958).

ОТДЕЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ Я. А. КОМЕНСКОГО

Коменский Я. А. Видимый свет. На латинском, российском, немецком, итальянском, французском языках, представлен с реестром самых нужнейших российских слов. (Изд. Вебера. Печатан при имп. Московском университете, 1768). Пер. проф. Шадена. Предисловие проф. К. А. Чеботарева, 477 стр. (текст), 27 стр. (реестр российских слов).

Коменский Я. А. Свет зримый в лицах. Пер. с немецкого Ив. Хмельницкого. СПб., имп. Академия наук, 1773, (8), 400 стр.

То же вторым тиснением — 1789, (6), 400 стр.

То же третьим тиснением — 1805, (6), 400 стр.

То же четвертым тиснением — 1817, (6), 400 стр.

Коменский Я. А. Зрелище Вселенныя. На латинском, российском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи. СПб., 1788, (8), 140 стр., 80 л. илл.

То же вторым тиснением — 1793, (8), 142 стр., 80 л. илл.

То же. СПб., тип. Департ. нар. просвещ., 1822, (4), IV, 120 стр., XXX л. илл.

Коменский Я. А. Зрелище вселенныя. На французском, российском и немецком языках, переработано Ф. И. Янковичем де Мириево. СПб. (Комис. об училищах), 1788, (8), 142 стр., 80 л. илл.; изд. 2. СПб., 1793, (8), 142 стр. 80 л. илл.

Коменский Амос. Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству. Собрал Н. Б. К. (Н. Бантыш-Каменский). Пер. с латинского. СПб., 1792, 32 стр.

Коменский Я. А. Единое есть на потребу (Unum necessarium). Прилож. к труду Палацкого Фр. «Жизнь А. Коменского». Киев, «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, январь-февраль (одна глава).

Коменский Я. А. Великая дидактика. СПб., изд. ред. журн. «Семья и школа», 1875—1877, II, 280 стр. Первый русский перевод «Великой дидактики» Богданова под руководством С. И. Миропольского. Прилож. к журн. «Семья и школа», 1875, № 1—4, 8, 11; 1876, № 1, 6, 7; 1877, № 1, 4, 5.

Коменский Я. А. Великая дидактика. Пер. с латинского А. Щепинского. СПб., 1893, XVI, 326 стр. (с портретом и очерком жизни Я. А. Коменского).

Коменский Я. А. Из «Великой дидактики». Гл. VI, VII, IX. Пер. под ред. И. А. Шляпкина. В кн.: «Памяти Яна Амоса Коменского». СПб., 1893, стр. 38—53 (сб. I).

Коменский Я. А. Великая дидактика. Пер. И. Регема. (Избранные сочинения, ч. II. Ревель, изд. журн. «Гимназия», 1893—1895, 342 стр. Прилож. отд. листами к журн. «Гимназия», 1893, № 1—9, 11—12; 1894, № 3, 4, 8, 12; 1896, № 2, 3, 5—7, 9—12.

Коменский Я. А. Великая дидактика. Гл. I—IV, IX и X. Пер. с латинского под ред. И. А. Шляпкина, «Русский начальный учитель», 1894, № 2, стр. 56—73; № 3, стр. 109—113.

Коменский Я. А. Великая дидактика. Латинский текст с русским переводом Андрея Адольфа и Сергея Любомудрова. С иллюстр. очерком жизни и деятельности Коменского и указателем имен вещей. М., изд. К. И. Тихомирова, 1896, XI, VII, 596 стр. Фронтиспис с загл. листом соч. Коменского, 1657.

Тот же перевод без параллельного латинского текста см.: Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинения, ч. I. М., изд. К. И. Тихомирова, 1893, 1902, 1906, 1912.

Коменский Я. А. Великая дидактика. Отрывки из гл. IX, X, XI, XII, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXII. Эчмиадзин, журн. «Арарат», 1870, № 4, стр. 124—130; № 5, стр. 158—163; № 6, стр. 195—201; № 7, стр. 232—237; № 8, стр. 265—266; 1871, № 9, стр. 288—292 (на армянском языке).

Коменский Я. А. Великая дидактика. Гл. XXIV (с некоторыми сокращениями). Пер. с латинского. М., 1894. В кн.: «О цели образования». Великий Волочек, 1905, стр. 53—65. (Религиозно-философская библиотека, вып. 8).

Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца. Гл. X «Путешественник обозревает сословие ученых». Пер. М. С. (М. И. Соколова). Киев, «Славянский ежегодник», 1884, вып. 6, стр. 164—174.

Коменский Я. А. Лабиринт мира и рай сердца (1623). С чешского языка перевод Ф. В. Ржиги. Н. Новгород, 1896, 158 стр. Перевод с исключением глав 18—21. Отдельные главы перевода, относящиеся к учебному делу, напечатаны также в журн. «Гимназия», 1896, № 2, стр. 1—8; № 3—4, стр. 1—16.

Коменский Я. А. Несколько глав из сочинения «Лабиринт мира», журнал «Гимназия», 1896, № 2, стр. 47—54; № 3—4, стр. 107—114.

Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца. Пер. с чешского Н. П. Степанова. СПб., изд. Н. Ф. Сафонова. (Наиболее полный перевод), 1904, (2), 188 стр.

Коменский Я. А. Материнская школа. Пер. М. Н. Воскресенского с немецкого издания 1633, СПб., изд. ред. журн. «Образование», 1892, II. 64 стр.

Коменский Я. А. Устав материнской школы. С чешского подлинника (1628) пер. Ф. Ржиги. Н. Новгород, 1893, XIV, 110 стр.. с портретом Я. А. Коменского.

Коменский Я. А. Законы благоустроенной школы. Сочинение Амоса Коменского. Пер. с латинского с предисловием и примечанием П. Ф. Каптерева, «Русская школа», 1893, № 9—10, стр. 305—342. Отд. оттиск. СПб., 1893, 45 стр.

Коменский Я. А. О культуре природных дарований (De ingeniorum cultura). Пер. с латинского Л. Н. Модзалевского. СПб., изд. ред. журн. «Образование», 1893, 44 стр. Речь по поводу преобразования школы в Шарош-Патаке (Венгрия).

Коменский Я. А. Школа—театр (пер. с чешского Л. Модзалевского с предисловием переводчика). СПб., 1895, 24 стр. То же в кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895. Предисловие переводчика и текст из «Двери языков» Драматическое представление, ч. VI, стр. 41—62.

ЛИТЕРАТУРА О Я. А. КОМЕНСКОМ

Книги и журнальные статьи

А. Д. Средняя школа Я. А. Коменского и наши гимназии, «Славянское обозрение», 1892, март. Год I, ч. I, стр. 351—358.

Алексеев В. Г. Плоды воспитательного обучения в духе Коменского, Песталоцци и Гербарта. В кн.: «Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете», т. X. Юрьев, 1906. Отдельный оттиск. Юрьев, стр. 17, 69—75.

Амос Коменский и его «Великая дидактика». Эчмиадзин, журн. «Арарат», 1870, № 3, стр. 92—96.

Бархударян О. Ян Амос Коменский, журн. «Мурч», 1892, № 3, стр. 434—442 (на арм. яз.).

Бахтин Н. Чешский народный педагог Ян Амос Коменский. Пг., 1915, 20 стр.

Блонский П. П. Я. А. Коменский. М., 1915, III, 120 стр. («Великие педагоги». Монографии под ред. прив.-доц. М. М. Рубинштейна).

Бобров Е. Н. А. Коменский в своих малых педагогических трактатах, «Народное образование Виленского учебного округа», 1915, № 4, стр. 181—191; № 5, стр. 233—243; № 6, стр. 295—301.

Будилович А. С. Иоанн Амос Коменский, «Славянское обозрение», 1892, февраль, стр. 173—181 (с портр.).

А. Б. (Будилович А. С.) Дидактика Я. А. Коменского в ее отношениях к славянской школе нашего времени, «Славянское обозрение», 1892, т. I, кн. 3, март, стр. 329—350 (с заглавным листом «Opera didactica omnia», 1657).

А. Б. (Будилович А. С.) Еще к юбилею Коменского, «Славянское обозрение», 1892, апрель, стр. 557—559.

Бунаков Н. Всемирный педагог-славянин. К 300-летнему юбилею Я. А. Коменского, «Русский начальный учитель», 1892, № 2, стр. 53—63.

В. Н. Д. Педагогические мечтания. Амос Коменский и Великая его дидактика, «Вестник воспитания», 1890, № 5, стр. 1—11; № 6, стр. 18—22; № 7, стр. 33—40.

В. Р. Великий славянский педагог (Я. А. Коменский). В кн.: «Западнорусская начальная школа». Киев, 1915, стр. 16—24.

Васильков Н. А. Коменский — основатель рациональной педагогической гигиены. (Ко дню 300-летнего юбилея), «Вестник воспитания», 1892, № 3, стр. 1—11.

Вейсман А. Амос Коменский и его дидактика. «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, август, стр. 33—67 (отд. 3).

Вейсман А. О новейшем методе изучения языков. (Methodus linquarum novissima Я. А. Коменского). В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 63—89.

Вейсман А. О сочинении Коменского «Путь к свету» («Via lucis»). (Речь). В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. I. СПб., 1893, стр. 24—37.

Веригин Н. Я. А. Коменский как картограф своей родины. «Педагогический еженедельник». (Ревель), изд. журн. «Гимназия», 1895, № 12, стр. 112—113.

Водовозова Е. Н. Умственное и нравственное воспитание детей. СПб., 1913, гл. III. Принципы воспитания Амоса Коменского, стр. 35—40.

Воленс В. П. Амос Коменский о семейном воспитании. «На помощь матерям», 1894, март, стр. 97—106. (Прилож. к журн. «Игрушечка»).

Воскресенская М. Н. Я. А. Коменский. (Биография и краткий обзор его педагогических трудов). В кн.: М. А. Воскресенский. Педагогический календарь на 1891—1892 гг. М., изд. Калмыковой, 1891, стр. 181—206. (Портрет).

Воскресенская М. Н. Я. А. Коменский, его жизнь и педагогические сочинения, «Образование», 1892, кн. 2, стр. 99—122; кн. 3, стр. 195—214.

Гольцев В. А. Памяти Я. А. Коменского, «Русская мысль», 1892, кн. 4, стр. 98—103.

Григорович В. Я. А. Коменский, славянский педагог-реалист XVII столетия. Публичное чтение 26 ноября 1870 г., Одесса, 1871, 21 стр.

Грот К. Я. Переписка Я. А. Коменского, «Славянское обозрение», 1892, гл. I, т. II, май-август, стр. 205—210.

Грот К. Я. Славянские основы идей и деятельности Я. А. Коменского, «Славянское обозрение», 1892, г. I, т. II, май-август, стр. 115—119.

Долгов И. И. Ян Амос Коменский. (По поводу 300-летия со дня его рождения). Лекция 29 марта 1892 г. в Полоцком кадетском корпусе, «Витебск. губ. ведомости», 1896, № 78, 79, 80, 81. (Оттиск).

Ельницкий К. Я. А. Коменский и его педагогические идеи. Публичная лекция, прочитанная в день празднования 300-летнего юбилея Коменского. СПб., 1893, 30 стр.

Ермилов В. А. Золотые правила («Великая дидактика» А. Коменского), «Вестник воспитания», 1894, № 4, стр. 240.

Ермилов В. Реформаторы воспитания. Амос Коменский. М., изд. Сытина, 1905, 28 стр.

К. М. (Модзалевский Н.). Трехсотлетний юбилей Я. А. Коменского и предполагаемое чествование имени его в Германии, «Русская школа», 1892, № 2, стр. 86—90.

Кайданова О. В. Основные идеи Иоанна Амоса Коменского. В кн.: «В помощь голодающим». Речи прочит. на засед. Тбилисского о-ва учительниц и воспитательниц по случаю 300-летнего юбилея со дня рождения Я. А. Коменского. Тифлис, 1892, стр. 9—28.

Каптерев П. Ф. Материнская школа по Амосу Коменскому, «Образование», 1892, кн. 4, стр. 291—307.

Каптерев П. Ф. Воззрения Амоса Коменского на наглядное обучение. В кн.: «Дидактические очерки». П., 1915, гл. II, стр. 12—26.

Карцев Н. Великие педагоги после Коменского, «Русский начальный учитель», 1894, № 5, стр. 224—234. То же в кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 29—37.

Квик. Реформаторы воспитания (Ян Амос Коменский). Пер. З. Перцовой. М., изд. журн. «Вестник воспитания», 1893, стр. 79—96 (оттиск из журн. «Вестник воспитания», 1892).

Я. А. Коменский и педагогические труды его. Ко дню 300-летия со дня рождения знаменитого педагога-славянина Я. А. Коменского, «Странник», 1892, кн. 3, стр. 554—570.

Коркунов М. Л. О книге Иоанна Амоса Коменского «Видимый свет». («Известия П. отделения имп. Академии наук», 1855, т. IV, вып. 4, стр. 192—206). Обзор изданий «Видимого света» — «Orbis pictus» — в России XVIII и XIX вв.

Кочубинский А. Ян Амос Коменский в исторических судьбах своего народа. Речь, произнесенная в торжественном собрании Ист.-фил. о-ва при Новороссийском университете 16 марта 1892 г. (300-летняя годовщина). Одесса, 1893. (Две речи), стр. 1—25. (Оттиск из «Записок имп. Новороссийского университета»).

Крыжановский М. Об отношении чехов к Коменскому, «Русская школа», 1896, № 7—8, стр. 74—76.

Куликов Н. Я. А. Коменский — педагог XVII века (по Люцу и Витштоку). «Журнал Министерства народного просвещения», 1870, № 10, стр. 189—195.

Леве Е. А. Monatshefte des Comenius Gesellschaft. Erster Jahrgang, Leipzig, 1892, 1, 2, 3, 4, h. «Журнал Министерства народного просвещения», 1893, февраль, стр. 482—485.

Леве Е. А. Очерк деятельности Международного общества Коменского в Германии. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». СПб., 1893, стр. 15—23.

Леве Е. А. Русская библиография о Коменском, «Журнал Министерства просвещения», 1893, ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 140—146.

М. В. (Воскресенская М. Н.). Я. А. Коменского «Великая дидактика». (Краткое изложение в 9 главах). «Педагогический календарь на 1892—1893 гг.». СПб., 1892, стр. 177—195.

Марков Н. Педагог нового христианского мира славянин Ян Амос Коменский. Чернигов, 1885, 100 стр. В кн.: «Марков Н. — Эллин Сократ и славянин Коменский». Педагогические типы.

Мижуев П. Очерк развития педагогических идей в трудах Куика и Компэре, «Русская школа», 1892, декабрь, стр. 168—170, 180—181 (об Амосе Коменском).

Мижуев П. Педагогические идеалы Я. А. Коменского и современная действительность. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 12—28.

Мижуев П. Г. Ян Амос Коменский (великий славянский педагог). СПб., изд. Ледерле, 1896, 96 стр. «Нашему юношеству рассказы о хороших людях».

Миропольский С. И. Ян Амос Коменский и его значение в педагогике, «Журнал Министерства народного просвещения», 1871, ч. 155, май. Отдел педагогики, стр. 1—22; июнь, стр. 97—135; ч. 156, июль, стр. 1—66.

Миропольский С. Народная школа по идеям Коменского, «Семья и школа», 1873, кн. II. Родит. и воспит., ч. 2; «Наша начальная школа», № 2, стр. 102—146; № 4—5, стр. 270—333; № 6, стр. 29—101.

Миропольский С. План и основы устройства нашей народной школы. СПб., 1875, 221 стр. Попытка построения плана народной школы на основе педагогических идей Амоса Коменского.

Миропольский С. И. Значение Коменского в истории педагогики, его воспитательные идеалы, принципы обучения и организации учебно-воспитательного дела в школах. Речь, читанная в Педагогическом музее военно-учебных заведений в память 300-летия со дня рождения. СПб., 1892. (Отдельный оттиск из «Краткого обзора деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений» за 1890—1891 и 1891—1892 гг.).

Модзалевский Л. Ян Амос Коменский — основатель новой педагогики. (По поводу 300-летия со дня его рождения). СПб.,

изд. Н. Г. Мартынова, 1892, 22 стр. (С портретом и образцом «Живой азбуки» А. Коменского).

Модзалевский Л. Н. (О составлении специальной комиссии по переводу и изданию главнейших сочинений Коменского), «Русская школа», 1892, № 7, 8, стр. 303—306. Заседание общепедагогического отдела Педагогического музея военно-учебных заведений 18 апреля 1892 г.

Модзалевский Л. Н. Стихотворение Лейбница, посвященное памяти Коменского (сообщение). В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 1. СПб., 1893, стр. 54—55.

Модзалевский Л. Н. Ян Амос Коменский. Речь и стихотворение Аренса «Ян Амос Коменский». В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 37—40.

Налимов А. В. Первоучители современной педагогики. (Книжка «Педагогического листка» «Задушевного слова»). СПб. — М., изд. И. О. Вольфа, стр. 1—5.

Общество в память Амоса Коменского, «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, январь, стр. 1—2.

Очерки из истории педагогики, сост. воспитанниками Казанского учительского института, под ред. А. И. Анастасиева, вып. 2. Казань, 1902, стр. 1—11.

Палацкий Фр. Жизнь Иоанна Амоса Коменского. Пер. с чешского Н. Задерацкого, «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, январь, стр. 89—119; февраль, стр. 211—234.

Палацкий Фр. Перечень всех сочинений Я. А. Коменского по времени их составления, «Труды Киевской Духовной Академии», журн. «Гимназия», февраль, 1892, № 3, стр. 15—18 (на латин. яз.).

Паульсон И. И. Амос Коменский и его «Didactica magna» («Великая дидактика»), «Учитель», 1869, № 7, стр. 214—222; № 8, стр. 245—254; № 9/10, стр. 286—299.

Паульсон И. Способ Я. А. Коменского по обучению грамоте. В кн.: И. Паульсон. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным. СПб., 1887, ч. I, стр. 30—38.

Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. По поводу 301-й годовщины его рождения. СПб., изд. Педагогического музея военно-учебных заведений, 1893, 67 стр., 1 л. портр.

Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. По поводу 302-й годовщины его рождения. СПб., изд. Н. Г. Мартынова, 1895, 119 стр. Прилож.: фото памятника Я. А. Коменскому в Пшерове. Временное положение об отделе Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений и список членов). Программа заседания 20 марта 1894 г., стр. 113—118.

Паппенгейм. Амос Коменский — основатель новой педагогики. Пер. с немецкого. Прилож. к журн. «Школьная жизнь», 1873—1874, стр. 3—56.

Перадзе И. Ян Амос Коменский и его деятельность, журн. «Мцкемси», 1892, № 13—14, стр. 5—7; № 15—16, стр. 7—8 (на груз. яз.).

Пиотровский И. Н. Преобразовательная деятельность Амоса Коменского. Очерк. В кн.: «Jahrberichte der Deutschen Hauptschule zu St. Petri». Spb., 1892, стр. 3—27.

Поповский М. Ю. Отчет о деятельности отдела Коменского

(Педагогический музей военно-учебных заведений) за первый 1892/93 год его существования. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 1. СПб., 1893, стр. 7—14.

Поповский М. Ю. Краткий отчет отдела Коменского за 1893—94 — 2-й год деятельности. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 5—11.

Пирогов Н. И. Дневник старого врача. Сочинения, т. II. Киев, 1911, стр. 124—125. О чтении в детстве «Зрелище Вселенныя».

Понырко Т. Е. Ян Амос Коменский. (По «Научному словнику» Ригера). Воронеж. «Филологические записки», «Славянский вестник», 1896, вып. 4, стр. 1—8; вып. 5, стр. 1—20.

Попруженко М. Ян Амос Коменский, педагог XVII века. Одесса, 1892 (реферат), 8 стр. (без т. л. и обложки).

Празднование 300-летней годовщины со дня рождения великого педагога Я. А. Коменского во 2-й тифлисской гимназии. Тифлис, 1892, 35 стр.

Проект положения о состоящем при Педагогическом музее отделе Коменского, «Русская школа», 1893, № 1, стр. 249—251.

Пыпин А. Н. и Спасович В. Д. Ян Амос Коменский. В кн.: А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865, стр. 315—317—320; «История славянских литератур», СПб., 1881, т. 2, изд. 2, стр. 904—912.

Пятковский А. Педагогическое идолопоклонство, «Дело», 1887, № 1, стр. 1—34. (По поводу книги С. И. Миропольского «План и устройство нашей народной школы»).

Ржига Ф. В. О сочинениях Я. А. Коменского в Виленской публичной библиотеке. (Из письма Ф. В. Ржиги из Н. Новгорода 20 октября 1893 г.). В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 89—91.

Ржига Ф. В. Очерк жизни и деятельности Иоанна Амоса Коменского. В 300-летнюю годовщину рождения славянского педагога XVII века. Н. Новгород, 1892, 64 стр. (Одобрен для ученических библиотек).

Рожков А. Взгляды Локка и Коменского на дисциплину, «Для народного учителя», 1913, № 10, стр. 14—19.

Рубакин Н. А. Ян Амос Коменский — страдалец за веру и борец за народное просвещение. В кн.: «Люди мысли и труда». Пять биографий для юношества, изд. 3. М., изд. К. И. Тихомирова, 1910, стр. 186—209.

Рыбинский В. С. Наука и воспитание в начале новых веков, «Пед. сборник», 1900, № 1, стр. 18—40. [Значительное место занимает освещение идей А. Коменского.]

Семенов Д. Д. Мастерская гуманности по идее Я. А. Коменского, «Вестник воспитания», 1892, № 3, стр. 12—19.

Семенов Д. Д. Ян Амос Коменский, «Мир божий», 1892, № 24, стр. 57—77.

Сент-Илер К. К. Ян Амос Коменский, «Педагогический Листок», 1892, январь-июнь, стр. 3—13 и отд. изд. 1892, 130 стр.

Синицкий Л. Коменский Ян Амос. Энциклоп. словарь «Гранат», т. XXIV, стр. 581—586.

Словинский А. И. Основные принципы «Великой дидактики» Я. А. Коменского. Тифлис, 1892, стр. 17. (Из циркуляра по Кавказ. учебному округу, 1892, № 9, с портр.).

Смирнов А. В. Христианский педагог Я. А. Коменский, «Православный собеседник», 1892, кн. 3, 4, стр. 286—329; кн. 5, стр. 123—135; отдельный оттиск. Казань, 1892, 120 стр.

Степович А. И. О литературных произведениях Я. А. Коменского и его педагогической системе. В кн.: Ф. Л. Янош, А. И. Степович. Я. А. Коменский. Чтения в торжественном собрании Киевск. слав. благотворит. о-ва 15 марта 1892 г., стр. 28—65.

Степович А. Ян Амос Коменский («Литература изгнанников»). В кн.: А. Степович. Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886, стр. 130—145.

Столпянский Н. Предметные уроки. Ст. 3. («Школьная жизнь»), 1873/74, № 24, стр. 521—530.

Татунашвили А. Реформаторы воспитания и обучения. Ян Амос Коменский (1592—1670), журн. «Могзаури», 1903, № 9—10, 615—625; № 11—12, 757—768 (на груз. яз.).

Треню хина В. М. Жизнь, деятельность и личность Иоанна Амоса Коменского. В кн.: «В помощь голодающим». Речи, прочитанные на засед. Тифлисского о-ва учительниц и воспитательниц по случаю 300-летнего юбилея со дня его рождения. Тифлис, 1892, стр. 1—7.

300-летний юбилей отца народной школы А. Коменского в С.-Петербурге (1592—1892). Собрание речей гг. Каптерева, Миропольского, Модзалевского и Сен-Илера. С портр. Коменского. В прилож. гимн Яну Амосу Коменскому, слова В. С. Карцова, муз. В. И. Главача. СПб., изд. Н. Г. Мартынова, 1893, 66+3 стр.

Ушинский К. Д. Программа «Родного слова» для земских школ. Собр. пед. сочинений, т. II. СПб., 1913, стр. 313.

Фесенко И. И. Идея Яна Амоса Коменского и закон эволюции. «Русская школа», 1903, № 7/8, стр. 119—142.

Флоринский Г. Ян Амос Коменский — друг человечества. Публ. лекция. Киев, 1892, 28 стр. («Университетские Известия», Киев, 1892, № 3).

Хзамалян Т. Амос Коменский, журн. «Нор-дпро» («Новая школа»). Тифлис, 1910, № 2, стр. 14—22 (на арм. яз.).

Холодняк Мария. «Всяк своего счастья кузнец». Сочинения Яна Амоса Коменского. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». СПб., 1893, стр. 56—65.

Холодняк Мария. Несколько заметок об изданиях сочинений Яна Амоса Коменского, хранящихся в Виленской публичной библиотеке, «Журнал Министерства народного просвещения», 1895, № 3, март, отд. II, стр. 222—226.

Холодняк Мария. О некоторых предшественниках и источниках Коменского. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского». Сб. 2. СПб., 1895, стр. 92—111.

Холодняк Мария. Развитие женского образования до Коменского и заслуги его в этом деле, «Русская школа», 1897, № 5—6, стр. 70—85.

Шеварев С. П. История Московского университета. М., 1855, стр. 23. О перепечатке «Orbis pictus» как учебного руководства в гимназиях в 400 экз.

Шестаков П. Д. А. Коменский, педагог XVII века, «Воспитание». М., 1862, т. XI, стр. 12—30; № 4, стр. 176—192; № 5, стр. 225—239.

Шестов А. И. Научная подготовка и русская школа. (Обзор материалов по организации школьного обучения в Виленском учебном округе). Юрьев, 1916. Ян Коменский, стр. 23—27.

Шляпкин И. А. Философское миросозерцание Я. А. Коменского. Речь к воспитанникам в торжественном собрании учит. инст. 15 марта 1892 г., «Русский начальный учитель», 1892, № 5, май, стр. 181—188.

Юркевич И. Д. Идеи и факты из истории педагогики, «Журнал Министерства народного просвещения», 1870, сентябрь, стр. 16. (В связи с книгой Л. Модзалевского «Очерк истории воспитания и обучения», 1867).

Ягич В. Введение в сочинения П. Хельчицкого. В кн.: «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 55. СПб., 1893.

Ян Амос Коменский, «Русская школа», № 3, стр. 8—23.

Янчевицкий Г. Ян Амос Коменский (1592—1892). С портретом в Лешненской гимназии. Чит. 15/III 1892 г. в Ревельском Русском Общественном собрании дир. гимназии Г. Янчевицким, журнал «Гимназия», 1892, № 3, стр. 3—14.

Ярош Ф. Л. Коменский как реформатор в преподавании латинского языка. Ревель, «Гимназия», 1894, кн. 8, стр. 425—446.

Ярош Ф. Л. Об историческом значении деятельности Я. А. Коменского в связи с деятельностью «чешских братьев». В кн.: Ф. Л. Ярош и А. И. Степович. Я. А. Коменский. Чтения в торжественном собрании Киевск. слав. благотворит. о-ва 15 марта 1892 г., стр. 1—27.

Ястребов Н. Коменский Ян Амос. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XV-А. СПб., 1895, стр. 826—830.

Газетные статьи

Булгаков Ф. Славянский Колумб европейской педагогики, газ. «Новое время», 1892, 12 марта, № 5760.

Васильков Н. А. А. Коменский и его взгляды на школу, «Казанский вестник», 1892, 25 марта, № 431.

Ермилов В. А. Коперник воспитания, «Русские ведомости», 1892, № 107.

Ерзикян Г. Ян Амос Коменский (к 300-летию со дня рождения). Тифлис, «Ардзаганк» («Эхо»). На армянском языке. 1892, 18 марта.

И-ва С. Амос Коменский, «Русская жизнь», 1892, № 74.

Я. А. Коменский, славянский мыслитель и педагог XVII века, «Правительственный вестник», 1892, № 13.

Ржига Ф. Почитателям памяти Коменского. Предисловие к «Уставу Материнской школы», «Нижегородские губ. ведомости», 1893, № 6, 7 (10 и 17 февр.).

Словинский А. Великий педагог Ян А. Коменский. Тифлис, «Кавказ», 1892, № 70.

Фесенко И. И. Ян Амос Коменский, великий славянский педагог, «Южный Край», 1894, 16 марта, № 3849 и отд. оттиск. Харьков, 1893, 24 стр. (перед заглавием: Ф.).

Доклады и сообщения, прочитанные в отделе Я. А. Коменского педагогического музея военно-учебных заведений (1890—1900)

Педагогический музей военно-учебных заведений, 1864—1914. Указатель докладов и сообщений. Пг., 1915. Разд. XVI, стр. 131—133.

Краткая история отдела, посвященная изучению Я. А. Коменского при Педагогическом музее военно-учебных заведений (с 1891 г.). В кн.: «Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864—1914. Исторический очерк». Под ред. Я. Л. Барскова, стр. 126—127.

Доклады, связанные с именем Яна Амоса Коменского (в Педагогическом музее военно-учебных заведений). В кн.: «Указатель докладов и сообщений в педагогическом музее военно-учебных заведений, упоминаемых в кратких его отчетах с 1875 по 1895 г.». СПб., 1896, стр. 53—56.

Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений 1890—1891 и 1891—1892 гг. СПб., 1892.

Модзалевский Л. Н. Очерк жизни и заслуг Я. А. Коменского, стр. 57—70.

Каптерев П. Ф. Материнская школа по Амосу Коменскому (изложение), стр. 70—76.

Миропольский С. И. Значение Коменского в истории педагогики, воспитательные идеалы, принципы обучения, организация учебно-воспитательного дела в школах (изложение речи), стр. 76—88.

Леве Е. А. Ян Амос Коменский и взгляды его на преподавание языков. Изложение доклада в отделе иностранных языков, стр. 166—171.

Отчет отдела Коменского за первый 1892/93 год его существования. В кн.: «Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского по поводу 301-й годовщины его рождения». СПб,. 1893, стр. 7—14.

Отдел Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений). Краткий отчет о деятельности отдела за 1893—1894 гг. читан секретарем отдела М. Ю. Поповским. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1893—1894 гг.». СПб., 1894, стр. 119—127.

Воскресенский В. А. Программа сборника главнейших сочинений Коменского (сообщение), стр. 120—122.

Холодняк М. А. О сочинении Коменского: «Faber fortunae». Об источниках, которыми пользовался Коменский при составлении своих сочинений «Janua linguarum» и «Orbis pictus» (сообщение о рефератах), стр. 122—123.

Шванебах Х. Х. «Великая дидактика» в переводе Любомудрова и Адольфа, изд. К. И. Тихомирова (сообщение о рецензии), стр. 123.

Мижуев П. Г. О взглядах на деятельность Коменского английского профессора Laurie и американского Hanus-а (сообщение о докладе), стр. 123.

Крыжановский М. С. Об отношении чехов к Коменскому проф. Масарика (изложение доклада), стр. 123—124.

Вейсман А. Д., проф. «Methodus linguarum novissima» Коменского (информация), стр. 124.

Модзалевский Л. Н. О «Schola ludus» А. Коменского (информация), стр. 124.

Пиотровский И. П. О «Panegersis» А. Коменского, стр. 124.

Мижуев П. Г. Педагогические идеалы Коменского и современная действительность (информация о докладе), стр. 126.

Карцев Н. С. О великих педагогах после Коменского. Речь (краткое сообщение), стр. 126—127.

Отдел Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений). Краткий отчет за 1894—1895 гг. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1894—1895 гг.». СПб., стр. 110—132.

Холодняк М. А. О сочинениях Коменского в Виленской публичной библиотеке (информация), стр. 110—111.

Лященко А. И. О задачах и деятельности общества «Comenium» в Праге. Коменский и Достоевский по чешским источникам (изложение доклада), стр. 111—113.

Образцов А. Г. Об изучении и преподавании языков по «Великой дидактике» Коменского (изложение доклада), стр. 113—114.

Образцов А. Г. Об изучении и преподавании языков по «Великой дидактике» Коменского (изложение доклада), стр. 113—114.

Квачала И. И. Новейшие мои исследования и открытия о жизни и деятельности Я. А. Коменского (информация о докладе), стр. 114—117.

Карцев В. С. Драматические сцены из жизни Я. А. Коменского (информация о докладе), стр. 117—120.

Модзалевский А. Н. Пятая драма из «Schola ludus» Коменского (изложение доклада), стр. 120—124.

Вознесенский П. И., прив.-доц. Очерк философских воззрений Коменского. Речь (изложение), стр. 128—130.

Отдел Коменского (при Педагогическом музее военно-учебных заведений). Деятельность 1895—1896 гг. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1895—1896 гг.». СПб., 1897, стр. 80—93.

Тупиков Н. М. Коменский и Декарт (сообщение), стр. 80—81. Изложение чешской статьи проф. Квачалы об отношениях Коменского и Декарта.

Ястребов Н. В. Петр Хельчицкий (сообщение), стр. 81—83.

О чешском мыслителе Петре Хельчицком и связи с А. Коменским по «Общине чешских братьев».

Мижуев П. Г. Общедоступное жизнеописание Я. А. Коменского (информация о замечаниях по докладу П. Г. Мижуева), стр. 83—84.

Образцов А. Г. Взгляд Коменского на значение и положение учителя (изложение доклада), стр. 84.

Карцев Н. С. О пансофической системе Коменского (изложение доклада), стр. 84—87.

Протейкинский В. П. О духе и целях пансофической школы Коменского (изложение доклада), стр. 87.

Отдел Коменского (при Педагогическом музее военно-учебных заведений). Краткий отчет о деятельности отдела за 1896—1897 гг. сост. секретарь отдела М. А. Холодняк. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1896—1897 гг.». СПб., 1898, стр. 87—119.

Лютер Ф. А. О переводе посмертного сочинения Я. А. Коменского «Specilegium Didactikum». Собр. и изд. Х. В. Нигрином в Амстердаме в 1680 г., стр. 90.

Пиотровский И. П. О сочинении Коменского «Panegersis» (сообщение), стр. 90—91.

Вейсман А. Д. О статье Бегемана в «Monatsch. d. Comeniuges». 1. Об употреблении слова «пансофия» раньше Коменского. 2. О применимости для нашего времени взглядов Коменского относительно распределения учебного материала в школах в деле преподавания языков (изложение доклада), стр. 91—93.

Вейсман А. Д. Речь, посвященная Коменскому в торжественном заседании учебно-воспитательного комитета, в память 304-й годовщины со дня рождения Коменского 23 марта 1897 г., стр. 24—106.

Образцов А. Г. Благочестие как основа воспитательного учения Я. А. Коменского (речь 23 марта 1897 г.), стр. 106—113.

Тупиков Н. М. Л. Н. Модзалевский и отдел Коменского. Речь, произнесенная в экстренном собрании отдела Коменского 12 ноября 1896 г., посвященная памяти Л. Н. Модзалевского, стр. 113—119.

Отдел Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений). Краткий отчет о деятельности за 1897—1898 гг., сост. М. А. Холодняк. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1897—1898 гг.». СПб., 1899, стр. 187—220.

Квачала Я., проф. Юрьевского университета. История судеб «Великой дидактики» при жизни Коменского (изложение доклада), стр. 187—188.

Степанов Н. П. О некоторых главах «Лабиринта света» Коменского в переводе докладчика (краткое сообщение), стр. 188.

Петров А. Л. Рецензия на перевод Ржиги «Лабиринта света» Коменского (краткое сообщение), стр. 188.

Квачала Я., проф. А. Коменский и Ж.-Ж. Руссо — ревнители просвещения и воспитания (изложение доклада), стр. 189—190.

Лавров С. В. Ян Амос Коменский и педагоги Екатерининской эпохи (изложение доклада), стр. 193—206.

Нечаев А. П. Философские основы педагогики Яна Амоса Коменского (изложение доклада), стр. 206—212.

Карцев Н. С. Отзыв о Коменском выдающихся людей Европы (изложение доклада), стр. 212—220.

Отдел Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений). Краткий отчет о деятельности отдела Коменского за 1898—1899 гг. сост. М. А. Холодняк и С. В. Лавров. В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1898—1899 гг.». СПБ., 1900, стр. 69—109.

Колубовский Н. С. О подготовке педагога в связи со взглядами Коменского (извлечение из доклада), стр. 75—85; полный доклад см.: «Русская школа», 1899, апрель.

Лавров С. Л. О Квинтилиане и Коменском (сообщение о докладе), стр. 70—71.

Образцов А. Г. О заветах Коменского «Новой школе», изд. К. П. Победоносца (изложение доклада), стр. 86—92.

Отдел Коменского (Педагогический музей военно-учебных заведений). В кн.: «Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1899—1900 гг.», вып. II. СПб., 1901, стр. 194—200.

Леве Е. А. Учебные планы реформенных школ в Германии, преимущественно французских, в сравнении со взглядами Коменского (изложение доклада), стр. 194—195.

Фесенко И. А. Я. А. Коменский и основа педагогики как науки (изложение доклада), стр. 198—199.

Историко-педагогические труды
(Курсы, монографии)

Бунаков Н. Ф. Школьное дело (1872—1902), изд. 3. СПб., 1906. Об Амосе Коменском, стр. 184—191.

Бобров Е. А. Из истории новой педагогики. Из сборника Учебно-литературного общества при имп. Юрьевском университете, т. XVIII, 1911. Амос Коменский, стр. 139—188.

Вильман Отто. Дидактика как теория образования в ее отношениях к социологии и истории образования. Пер. с немецкого проф. Л. Дружинина, т. I, 1904. (Пед. б-ка, изд. К. Тихомирова и А. Адольфа). Вып. 13. Амос Коменский, стр. 34—35, 62, 85, 97, 179, 336, 340, 341, 349, 353, 360, 364, 395; т. II. М., 1908, стр. 10, 31, 97, 216, 217, 248, 249, 299, 400, 406, 521, 536.

Ге Франсуа. История образования и воспитания. Пер. П. Д. Первова. М., изд. К. И. Тихомирова, 1912. Гл. IX. Главнейшие философы и педагоги XVII в. и Ян Амос Коменский, стр. 130—143.

Гольцев В. Очерк развития педагогических идей в новое время (XVI—XVIII вв.). М., 1880, стр. 112—129.

Демков М. И. История западноевропейской педагогики. М., 1912, стр. 264—287.

Демков М. И. Краткая история педагогики. Гл. XV. М., 1910, стр. 100—112.

Евстафьев П. В. Начальные основания педагогики. Учебник для институтов, гимназий, учительских семинарий, вып. II. Дидактика и методика. СПб., 1895.

Ельницкий К. Очерки по истории педагогики, изд. 18, 1916 Амос Коменский, стр. 65—82.

Ельчанинов А. В. Очерки по истории педагогических учений. М., 1911. («Педагогическая академия в очерках и монографиях», под общ. ред. А. П. Нечаева). Амос Коменский, стр. 72—84.

Завьялов Н. Н., преп. Московской практической академии и частных женских гимназий. Педагогическая хрестоматия, изд. 4. М., «Школа», 1915, стр. 7—56. Амос Коменский: а) биография и характеристика; б) избранные места из «Великой дидактики».

Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России. СПб., 1910. Ян Амос Коменский (1592—1670), стр. 48—56.

Каптерев П. Ф. Дидактические очерки, изд. 2. Пг., «Земля», 1915. Гл. II. Амос Коменский, стр. 13—26. Воззрения Амоса Коменского на наглядное обучение, стр. 282—286.

Летурно Шарль. Эволюция воспитания у различных человеческих рас. СПб., 1900, 459 стр. (Педагогическая система Яна Амоса Коменского, стр. 426—427).

Медведков А. П. Краткая история педагогики в культурно-историческом освещении для самообразования и специально-педагогического характера школ. Пг., 1916. Ян Амос Коменский. Биография и характеристика, стр. 89—102.

Мижуев П. Г. Главные моменты в развитии западноевропейской школы. М., «Польза», 1913. Ян Амос Коменский, стр. 103—141.

Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен, изд. 3, испр. и доп. СПб., изд. Н. Г. Мартынова, 1892. Ян Амос Коменский — основатель научной педагогики. На т. л. портрет Коменского; стр. 306—322.

Монро П. История педагогики. Ч. II. Новое время. Пер. с англ. М. В. Райх под ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова. М., «Мир», 1911. Ян Амос Коменский, стр. 120—137; изд. 2, «Мир», 1914, стр. 120—137; изд. 3. М., «Мир», 1917, стр. 120—137; изд. 4. М.—Л., Госиздат, 1923. Ян Амос Коменский, стр. 110—126.

Очерки из истории педагогики. Под ред. А. И. Анастасиева, вып. II. Казань, 1902. Ян Амос Коменский, стр. 1—11.

Паульсон И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным. СПб., 1887. Ян Амос Коменский, стр. 30—38.

Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом, вып. I. СПб., 1862. О переводе на русский язык пастором Ф. Глюком в 1808 г. произведений Коменского. Переводы не изданы (стр. 128—181).

Первов И. Д. Педагогическая хрестоматия, изд. 2. М., 1913, стр. 8—45. Амос Коменский. Краткий очерк жизни. Педагогические идеи. Из «Великой дидактики», гл. XVI, XX (А. Коменский).

Раумер К. История педагогики от возрождения классических знаний до нашего времени (1842—1852). Пер. с 3 нем. изд. под ред. Н. Х. Веселя. Ч. II. СПб., 1873. Амос Коменский, стр. 122—196.

Рубинштейн М. М. История педагогических идей в ее основных чертах. М., 1916, стр. 136—151. Идеи природосообразной педагогики Коменского.

Селиханович А. История педагогики на Западе и в России. Киев, 1917, гл. XIV, стр. 77—90.

Соколов П. История педагогических систем, изд. 2. Пг., 1916, стр. 239—271, гл. 27. Ян Амос Коменский.

Толстой Д. А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886, стр. 76—80.

Циглер Т. История педагогики. Авториз. перевод 3 испр. и доп. нем. изд. Е. Цитрон и А. Карнауховой. Под ред. прив.-доц. С. А. Ананьева. Пг. — Киев, «Сотрудник», 1911 (Амос Коменский). 3-й отдел. Переходное время, стр. 191—204. Школьные положения, изд. под влиянием Ратке и Коменского, стр. 204—208.

Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирном историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов, т. III, изд. К. Г. Солдатенкова, 1880. Ян Амос Коменский, стр. 357—389.

СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ Я. А. КОМЕНСКОГО

Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения, т. I—III. М, 1939—1941.

Т. I. «Великая дидактика». Пер. с латинского проф. Д. Н. Королькова. Под ред. и с биограф. очерком А. А. Красновского. М., Учпедгиз, 1939, 317 стр.

Т. II. Отдельные произведения. Пер. с латинского проф. В. Н. Ивановского, Д. Н. Королькова и Н. С. Терновского. Под ред. с вводными статьями и примеч. проф. А. А. Красновского. М., Учпедгиз, 1939, 288 стр.

Содержание т. II.: Красновский А. А. «Материнская школа» Я. А. Коменского, «Материнская школа». Пер. проф. Д. Н. Королькова; Красновский А. А. «Предвестник всеобщей мудрости» Я. А. Коменского; «Предвестник всеобщей мудрости». Пер. проф. В. Н. Ивановского и Н. С. Терновского; Красновский А. А. Отдельные произведения Коменского из опыта его педагогической работы в Шарош-Патаке; «О культуре природных дарований». Пер. Н. С. Терновского; «Пансофическая школа». Пер. проф. В. Н. Ивановского; «Об изгнании из школ косности». Пер. Н. С. Терновского; «Похвала истинному методу». Пер. Н. С. Терновского; «О пользе точного наименования вещей». Пер. Н. С. Терновского; «Правила поведения». Пер. проф. А. А. Красновского; «Законы хорошо организованной школы». Пер. А. А. Красновского; Красновский А. А. «Выход из схоластических лабиринтов» Я. А. Коменского; «Выход из схоластических лабиринтов». Пер. А. А. Красновского; Указатель и объяснение имен.

Т. III. «Мир чувственных вещей в картинках». Пер. с латинского Ю. Н. Дрейзина. Под ред. и со вступительной статьей проф. А. А. Красновского. М., Учпедгиз, 1941, 351 стр.

Рец.: Н. В. Чехов, «Начальная школа», 1941, № 10, стр. 39—40; Н. К. Гончаров. Замечательное творение великого славянского педагога, «Советская педагогика», 1941, № 11—12, стр. 91—92; Н. А. Желваков, «Советская педагогика», 1942, № 1—2, стр. 73—75; И. В. Чувашев. Первая иллюстрированная книга для детей, «Дошкольное воспитание», 1942, № 9, стр. 40—42.

Коменский Ян Амос. Избранные педагогические сочинения. Под. ред. с биографическим очерком и примечаниями проф. А. А. Красновского. М., Учпедгиз, 1955, 651 стр., 1 л. портр. содержание. Часть I: «Лабиринт света и рай сердца» (отрывки). Пер. Н. П. Степанова. СПб., 1904; «Великая дидактика»; «Предвестник всеобщей мудрости». Пер. с латинского проф. В. И. Ивановского и Н. С. Терновского; Часть II: «О культуре природных дарований». Пер. с латинского Н. С. Терновского; «Пансофическая школа». Пер. проф. В. И. Ивановского; «Об изгнании из школы косности». Пер. Н. С. Терновского; «Похвала истинному методу». Пер. Н. С. Терновского;

ского; «О пользе точного наименования вещей». Пер. Н. С. Терновского; «Правила поведения». Пер. проф. А. А. Красновского; «Законы хорошо организованной школы». Пер. проф. А. А. Красновского; «Выход из схоластических лабиринтов». Пер. проф. А. А. Красновского.

Коменский Ян Амос. Избранные педагогические сочинения, т. I. Пер. с латинского Ив. Квачадзе и Ив. Нижарадзе. Под ред. проф. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, Изд-во Института педагогических наук Грузинской ССР, 1949, 1950, 374 стр. (на груз. яз.).

Содержание: «Великая дидактика».

Коменский Ян Амос. Избранные педагогические сочинения, т. II. Пер. с чешского Шалвы Гвинчидзе. Под ред. проф. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, «Цодна», 1958, 607 стр.

Содержание:

1. Предвестник всеобщей мудрости.
2. О культуре природных дарований.
3. Материнская школа.
4. Пансофическая школа.
5. Законы хорошо организованной школы.
6. Выход из схоластических лабиринтов.
7. Похвала истинному методу.
8. Воскресший Форций, или Об изгнании лености из школы.
9. О пользе точного наименования вещей.
10. Живая типография.
11. Лабиринт света и рай сердца.

Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. Под. ред. проф. А. А. Красновского, т. I. «Великая дидактика». Киев, «Радянська школа», 1940, 248 стр. с иллюстр. (на укр. яз.).

Коменский Ян Амос. Великая дидактика. Вильнюс, 1927, (на литов. яз.).

Коменский Я. А. Дидактические принципы (отрывки из «Великой дидактики»). Вступ. статья проф. А. А. Красновского. М., Учпедгиз, 1940, 87 стр.

Коменский Я. А. Дидактические принципы. Вступ. статья Б. Б. Комаровского. Баку, 1941, 132 стр., с портр. (на азерб. яз.).

Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. Вступ. статья А. Красновского. Баку, «Азернешр», 1961, 340 стр., 1 л. порт. (Азербайдж. гос. НИИ педагогики). Сокращенный перевод с русского издания 1955 г.

Коменский Я. А. Мир чувственных вещей в картинках, или изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни. Пер. с лат. Ю. Н. Дреизина. Под ред. и со вступ. статьей (стр. 3—22) проф. А. А. Красновского, изд. 2. М., Учпедгиз, 1957, 351 стр. с илл.

ЛИТЕРАТУРА О Я. А. КОМЕНСКОМ

Книги и журнальные статьи

Аккерман С. И. Дидактические правила Яна Амоса Коменского, «Ученые записки» (Владимирский гос. пед. ин-т), вып. 4, 1958, стр. 301—313.

Альт Роберт. Прогрессивный характер педагогики Коменского. Пер. с немецкого и примеч. доц. А. И. Пискунова. М., Изд-во

Акад. пед. наук РСФСР, 1959, 130 стр. с черт., 9 л. илл. (Акад. пед. наук РСФСР).

Брамбора Иосиф. Последний период литературной деятельности Яна Амоса Коменского, «Советская педагогика», 1964, № 7, стр. 97—105.

Буяновский Д. С. Вопросы школьной гигиены в произведениях Яна Амоса Коменского, «Гигиена и санитария», 1957, № 5, стр. 56—58.

Вен Ас. Первый армянский перевод «Великой дидактики» (по случаю 70-летия перевода) в журнале «Арарат», № 10. Ереван, «Советский педагог», 1940, стр. 129—135 (на арм. яз.).

Верзилин Н. М. Заметки методиста при чтении «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского, «Начальная школа», 1939, № 1.

Вичас Иржи. Юбилей Яна Амоса Коменского в Чехословакии. («Наш педагог». 1592—1670; статья из Праги), «Славяне», 1957, № 1, стр. 57.

Волков Г. Н. Ян Амос Коменский и И. Я. Яковлев. (Опыт сравнительно-педагогического анализа). «Ученые записки» (Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР), вып. 21, 1962, стр. 128—141.

Высказывания выдающихся педагогов об основательности и прочности обучения. (Сост. А. В. Смирнова). Коменский Ян Амос (1592—1670), «Начальная школа», 1945, № 2—3, стр. 10—11.

Гаек Иржи. Чествование в Чехословакии памяти Яна Амоса Коменского (статья из Чехословакии), «Народное образование», 1957, № 6, стр. 103—104.

Гогебашвили Якоб. Избранные педагогические сочинения, Изд-во АПН РСФСР, 1954, стр. 31—44.

Голант Е. Выдающийся чешский педагог-гуманист Я. А. Коменский (1592—1670), «Семья и школа», 1957, № 7, стр. 11.

Гончаров Н. К. Наглядность как дидактический принцип, «Советская педагогика», 1937, № 5—6, стр. 53—64.

Гончаров Н. К. Трехсотлетие «Великой дидактики». (О работах чешского педагога Я. А. Коменского), «Советская женщина», 1957, № 4, стр. 41.

Гончаров Н. К. Международная конференция, посвященная деятельности Яна Амоса Коменского. (Прага, сентябрь 1957 г.), «Советская педагогика», 1957, № 12, стр. 9—22.

Гончаров Н. В. Великий гуманист Ян Амос Коменский, «Скола да цховреба», 1967, № 12, стр. 70—75 (на груз. яз.).

Гончаров Н. Великий педагог. (К выходу 1-го тома Избранных произведений Я. А. Коменского), «Школа взрослых», 1940, № 3, стр. 65—68.

Гончаров Н. К. Великий гуманист, «Советская педагогика», 1967, стр. 75—80.

Даденков Н. Ф. Великие славянские педагоги XVII—XIX вв. и их наследство, «Радянська школа», 1945, № 1—2 (на укр. яз.).

Даденков Н. Ф. Коменский и освободительная борьба украинского народа в XVII столетии, «Радянська школа», 1946, № 3 (на укр. яз.).

Дзеверин А. Г. Великий чешский педагог (Ян Амос Коменский), «Радянська школа», 1957, № 5, стр. 42—48 (на укр. яз.).

Дзюбинский С. Н. Новая книга о Яне Амосе Коменском. (Доктор Чапек Э. Ян Амос Коменский. Прага, «Orbis», 1941), «Советская педагогика», 1946, № 9, стр. 108—111.

Зиневич Н. Издание трудов Я. А. Коменского в Советском Союзе, «Курьер ЮНЕСКО», 1957, № 11, стр. 15.

Жильцов М. О дидактических принципах Я. А. Коменского, «Начальная школа», 1937, № 1, стр. 44—52.

Захаров В. Г. Коменский как основатель школы родного языка, «Ученые записки Калининского гос. пед. института», т. IX, вып. 4, 1940, стр. 67.

Из высказываний классиков педагогики о внимании и интересе в обучении. Ян Амос Коменский (сост. В. А. Хрусталева), «Начальная школа», 1939, № 9, стр. 24—25.

Из высказываний классиков педагогики о наглядности. Ян Амос Коменский (сост. В. А. Хрусталева), «Начальная школа», 1940, № 1, стр. 4—5.

Из высказываний классиков педагогики об активности учащихся. Ян Амос Коменский, «Начальная школа», 1941, № 5, стр. 10—11.

Казанцев И. Ян Амос Коменский, «Советский Союз», 1957, № 4, стр. 22.

Каиров И. А. Великий педагог Ян Амос Коменский. Сокращенный доклад на торжественном вечере, посвященном Я. А. Коменскому, 12 апреля 1957 г., «Советская педагогика», 1957, № 6, стр. 11—18.

Константинов Н. А. и Пискунов А. И. Исследование о великом славянском педагоге (рецензия). (Роберт Альт. Прогрессивный характер педагогики Коменского. Берлин, 1954), «Советская педагогика», 1956, № 8, стр. 87—95.

Константинов Н. А. Великий славянский педагог. К 300-летию выхода в свет «Великой дидактики» (Я. А. Коменского), «Культура и жизнь», 1957, № 4, стр. 59—61, с портр.

Красновский А. А. Жизнь и педагогические сочинения Яна Амоса Коменского. В кн.: Коменский Я. А. Избр. соч., т. X, «Великая дидактика». М., Учпедгиз, 1939, стр. 7—52.

Красновский А. А. «Материнская школа» Я. А. Коменского, «Дошкольное воспитание», 1947, № 4, стр. 39—46.

Красновский А. А. Ян Амос Коменский. М., Учпедгиз, 1953, стр. 324. Библиография: педагогические произведения Я. А. Коменского в хронологическом порядке и литература о нем (русская и иностранная), стр. 300—307.

Крупская Н. К. О Яне Амосе Коменском. Из подготовительных материалов к книге «Народное образование и демократия». Публикация Н. А. Константинова, «Народное образование», 1957, № 4, стр. 105; «Доклады Акад. пед. наук РСФСР», 1957, № 4, стр. 41.

Курдыбаха Лукаш. Эволюция «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского (статья из Польши), «Советская педагогика», 1957, № 12, стр. 84—92.

Лаужикас И. П. Выдающийся чешский педагог Я. А. Коменский. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1957, стр. 56. О-во по распространению политических и научных знаний Литовской ССР (на литов. яз.).

Литвинов С. А. Ян Амос Коменский и советская педагогика. Киев, «Радянська школа», 1958, стр. 59 (на укр. яз.); «Народное образование», 1958, № 1, стр. 106—107.

Литвинов С. А. Ян Амос Коменский (1592—1670), «За комунистичне виховання дошкольника», 1937, № 3, стр. 28—34.

Лордкипанидзе Д. О. Дидактика Яна Амоса Коменского. Под ред. и с предисл. проф. Е. Н. Медынского. Тбилиси, 1941, 124 стр.

Лордкипанидзе Д. О. Дидактика Яна Амоса Коменского, изд. 2, испр. М., Учпедгиз, 1949, 128 стр. Библиография: А. Сочинения Я. А. Коменского на русском языке. Б. Основная литература об Яне Амосе Коменском.

Лордкипанидзе Д. О. Великий чешский педагог Ян Амос Коменский. М., «Знание», 1957, 32 стр.

Лордкипанидзе Д. О. Ян Амос Коменский (к 365-летию со дня рождения), «Наука и жизнь», 1957, № 4, стр. 57—58, с портр.

Лордкипанидзе Д. О. Международная конференция в Праге, «Народное образование», 1958, № 1, стр. 106—107.

Лордкипанидзе Д. О. Значение «Общего совета об исправлении дел человеческих» для социалистической педагогики, «Советская педагогика», 1967, № 12, стр. 87—93.

Лордкипанидзе Д. Ян Амос Коменский, «Комунистури агзрдисатвис», 1935, № 3, 65—67, № 4, 77—84 (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. Дидактика Яна Амоса Коменского Тбилиси. Изд. Научно-исследовательского института начальных и средних школ Наркомпроса Грузинской ССР, 1939, 182 стр. (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. Дидактика Яна Амоса Коменского. Тбилиси. Изд. Научно-исследовательского института педагогических наук Министерства просвещения Грузинской ССР, 1949, 137 стр. (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. Великий чешский педагог Ян Амос Коменский. Тбилиси. Изд. Общества по распространению политических и научных знаний, 1957, 48 стр. (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. На родине Коменского, «Комунистури агзрдисатвис», 1957, № 2, 14—20 (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. Коменский и советская педагогика, «Комунистури агзрдисатвис», 1957, № 8, 24—39 (на груз. яз.).

Д. Л. (Д. Лордкипанидзе). Международная комениологическая конференция в г. Оломоуце (ЧССР), «Скола да цховреба», 1967, № 12, стр. 68—70 (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. О. Значение «Общего совета» Я. А. Коменского для социалистической педагогики, «Скола да цховреба», 1967, № 12, стр. 75—83 (на груз. яз.).

Материалы научной сессии АПН РСФСР, посвященной 300-летию опубликования Собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского (13—14 дек. 1957 г.). Под ред. проф. И. В. Чунашева и доц. А. И. Пискунова. М., Изд-во АПН. РСФСР, 1959, 248 стр.

Медынский Е. Н. Ян Амос Коменский. Педагогическая энциклопедия, т. I, М., «Работник просвещения», 1927, стр. 350—354.

Медынский Е. Н. Великий педагог Я. А. Коменский, «Начальная школа», 1942, № 3—4, стр. 28—34.

Медынский Е. Н. Педагогика Я. А. Коменского — вклад славянской культуры в мировую, «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 94—96.

Медынский Е. Н. Великий славянский педагог, виднейший представитель педагогики, «Вожатый», 1942, № 7, стр. 17—19.

Медынский Е. Н. Великий педагог (к 285-летию со дня смерти Я. А. Коменского), «Славяне», 1955, № 11, стр. 55—57.

Медынский Е. Н. Принцип природосообразности воспитания в истории педагогики, «Советская педагогика», 1956, № 8, стр. 52—61.

Мирский Л. М. Физическое воспитание в педагогической системе Яна Амоса Коменского. (К 370-летию со дня рождения великого чешского педагога), «Физическая культура в школе», 1962, № 3, стр. 8—14.

Н. (Н. К. Гончаров). Крупнейший педагог. (К выходу Избр. пед. сочинений Я. А. Коменского, т. I и II), «Советская педагогика», 1940, № 7, стр. 116—118.

Мыльников А. Редкие издания сочинений Яна Амоса Коменского, «Нева», 1957, № 10, стр. 221—222.

Материалы научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию опубликования Собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. М., 1959, 248 стр.

Содержание:

И. А. Каиров. Вступительное слово.

А. И. Пискунов. Жизнь и деятельность великого славянского педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670).

С. А. Фрумов. Демократические идеи Яна Амоса Коменского и его система народного образования.

М. Ф. Шабаева. Идея природосообразности в педагогической системе Яна Амоса Коменского.

Д. О. Лордкипанидзе. Дидактические идеи Яна Амоса Коменского.

В. З. Смирнов. Ян Амос Коменский о воспитании детей.

Т. Д. Корнейчик. Ян Амос Коменский об учителе.

И. В. Чувашев. Вопросы дошкольного воспитания в трудах Яна Амоса Коменского.

И. Ф. Свадковский. Дидактика Яна Амоса Коменского и современная педагогическая наука.

Б. Г. Ананьев Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского.

Д. О. Лордкипанидзе и Н. Зиневич. Библиография трудов Я. А. Коменского и работ о нем, изданных в дореволюционной России и СССР.

Научная сессия Академии педагогических наук РСФСР, посвященная юбилею Яна Амоса Коменского (Москва, дек. 1957). Обзор работы, «Советская педагогика», 1958, № 2, стр. 153—154.

Научно-исследовательский институт педагогики. Тбилиси. Научная сессия, посвященная 300-летию выхода в свет дидактических трудов Яна Амоса Коменского. 8—10 декабря, 1958. План работы и тезисы. Тбилиси, 1958.

Невзорова А. Ф. Классики педагогики о дисциплине, «Советская педагогика», 1940, № 4—5. Ян Амос Коменский, стр. 134—135.

Ниорадзе Г. Юбилейная научная сессия в Грузии, посвящен-

ная Я. А. Коменскому, «Советская педагогика», 1959, № 3, стр. 157—159.

Патек Зденек и Сухи Иржи. Ценное исследование по истории чешской философии и общественной мысли. (О защите докт. диссертации И. Попеловой-Отагаловой «Философские и общественные взгляды Яна Амоса Коменского». Статья чехословацких авторов), «Науч. доклады высшей школы. Философ. науки», 1958, № 3, стр. 212—213.

Памяти Яна Амоса Коменского. (Международная конференция, посвященная 365-летию со дня рождения), «Советская педагогика», 1957, № 1, стр. 121—122.

«Педагогика» («Pedagogika»), 1957, № 2. (Орган Акад. наук Чехословацкой Республики). Обзор статей, посвященных 300-летию «Великой дидактики» Я. А. Коменского, «Советская педагогика», 1957, № 8, стр. 150—151.

Пенчко Н. А. (Научная библиотека им. А. М. Горького при Московском гос. университете им. М. В. Ломоносова). К 200-летию первого русского издания «Мир в картинках» Яна Амоса Коменского (представл. д. ч. АПН Н. А. Константинова).

«Доклады Акад. пед. наук РСФСР», 1957, № 3, стр. 29—31.

(О рукописях «Orbis pictus» в начале XVIII в.). В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР». Л., 1956, стр. 328—350.

Пискунов А. Ян Амос Коменский, «Народное образование», 1957, № 4, стр. 99—104.

Пискунов А. И. Великий педагог Ян Амос Коменский, «Школа и производство», 1967, № 4, стр. 67—69.

Пискунов А. И. Пансофические идеи Я. А. Коменского и отношение к ним прогрессивных русских педагогов конца XIX и начала XX в., «Советская педагогика», 1967, № 12, стр. 80—86.

Попелова И. Ян Амос Коменский, «В защиту мира», 1957, март, № 70, стр. 36—41.

Поланский Франтишек. Ян Амос Коменский — великий чешский педагог, «Чехословакия», 1956, № 12, стр. 22—25.

Попелова-Отагалова И. Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского (статья из Праги), «Науч. доклады высшей школы. Философ. науки», 1959, № 3, стр. 149—160.

Попелова-Отагалова И. Философские и общественные взгляды Я. А. Коменского. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1958, 15 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Поуп Дж. Д. (США). Современное значение проектов Коменского об исправлении вещей в «Панортозии», «Советская педагогика», 1967, № 12, стр. 96—100.

Рабек Марк Маделен, хранитель педагогического музея. Париж. Коменский — отец современной педагогики, поборник взаимопонимания между всеми народами мира, «Курьер ЮНЕСКО», 1957, № 11, стр. 4—15.

Рахимов Б. Педагогические взгляды Яна Амоса Коменского. Душанбе, 1960, 20 стр. Гос. пед. ин-т им. Шевченко, (на тадж. яз.).

Раушенбах В. Коменский как методист в области преподавания иностранных языков. В сб.: «Иностранный язык в школе», вып. III. М., Учпедгиз, 1946, стр. 46—56.

Рехневский Ю. С. К. Д. Ушинский. Некролог. В кн.: Ушинский К. Д. Сочинения, т. II. М., Изд-во Академии пед. наук РСФСР, стр. 403.

Проводится аналогия между «Детским миром» и «Родным словом» К. Д. Ушинского и «Orbis pictus» Коменского.

Саришвили Т. С. Некоторые вопросы распространения педагогических идей Коменского в Грузии. Гори, «Труды Горийского гос. пединститута им. Н. Бараташвили», т. V, стр. 59—72 (на груз. яз.).

Саришвили Т. Пути и истоки распространения педагогических взглядов Я. А. Коменского в дореволюционной Грузии, XIII научная сессия Горийского гос. пединститута им. Н. Бараташвили. Гори, 1959, стр. 18—19 (на груз. яз.).

Селиханович И. Б. Методы изучения языка и учебники Я. А. Коменского и их дидактические основы (на укр. яз.). В кн.: «Научные записки Научно-исследовательского института педагогики НКП УССР», т. I. Киев, 1939, стр. 63—109.

Синицкий Л. Д. Амос Коменский и его пансофические идеи, обоснование наглядности, социально-педагогические идеи. В кн.: «Трудовая школа». М., 1922, стр. 59—74.

Смирнов В. З. Я. А. Коменский о наглядности в обучении. «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. института им. В. В. Куйбышева», вып. 4. Кафедра педагогики, 1940, стр. 145—160.

Смирнов В. З. Ян Амос Коменский. Большая советская энциклопедия, изд. 2, т. 22. М., 1953, стр. 132—134.

Соколов И. А. Вопрос об отношении между воспитанием и развитием детей и историей педагогики и науки (Коменский, Руссо, Песталоцци), «Советская педагогика», 1938, № 11, стр. 98—112.

Струминский В. Я. Гениальный предвестник педагогической науки в XVII в. славянский педагог Я. А. Коменский (1592—1670), «Советская педагогика», 1957, № 7, стр. 63—79.

Тавзишвили Г. Общепедагогические идеи Яна Амоса Коменского, «Комунистури агзрдисатвис», 1957, 40—49 (на груз. яз.).

Тумим-Альмединген Н. А. Вопросы дошкольного воспитания в педагогической системе Я. А. Коменского, «Дошкольное воспитание», 1939, № 10, стр. 18—30.

Ушинский К. Д. Материалы к тому «Педагогической антропологии». Сочинения, т. 10. М., Изд-во АПН РСФСР, стр. 134.

Фролова О. А. Ян Амос Коменский — великий чешский педагог и мыслитель о дошкольном воспитании, «Дошкольное воспитание», 1957, № 7, стр. 6—15.

Фрумов С. Коменский Ян Амос (1592—1670). Большая советская энциклопедия, т. 33. М., 1938, стр. 587—591.

Фрумов С. А. Книга о великом славянском педагоге, «Советская педагогика», 1954, № 7, стр. 134—145.

Фрумов С. А. Великое наследие. (К 285-летию со дня смерти Я. А. Коменского), «Советская педагогика», 1955, № 12, стр. 58—73.

Фрумов С. А. Великий учитель учителей. К созыву Международной конференции, посвященной памяти Я. А. Коменского, «Начальная школа», 1957, № 9, стр. 8—14.

Чернобаев В. Г. Неизвестная рукопись произведений Яна Амоса Коменского в Ленинградской публичной библиотеке. «Ученые

записки Гос. пед. института им. А. И. Герцена и Гос. науч.-исслед. института научной педагогики», т. II, вып. 1. Л., 1936, стр. 381—396.

Чехов Н. В. «Зрелище Вселенныя», «Советская литература», 1939, № 1, стр. 80—81.

Чкуасели И. Общие основы дидактики Яна Амоса Коменского, «Комунистури агзрдисатвис», 1957, № 8, 50—60 (на груз. яз.).

Чувашев И. В. Русские педагоги о Я. А. Коменском, «Советская педагогика», 1957, № 6, стр. 67—80.

Чувашев И. В. Классики педагогики о значении игр и игрушек в воспитании детей. Высказывания Яна Амоса Коменского, «Игрушка», 1939, № 8—9, стр. 20—21.

Чума А. А. Педагогическое наследие Яна Амоса Коменского в России в XVIII и в начале XIX века. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. М., 1959. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

Чума А. А. Учебные книги Яна Амоса Коменского в московских и разноязычных школах начала XVIII в. (статья из Чехословакии), «Советская педагогика», 1960, № 12, стр. 112—117.

Шаваршян А. Ян Амос Коменский. Ереван, «Советакан манкаварус», 1940, № 5, стр. 67—76.

Шагинян М. Отец народной школы Ян Амос Коменский. (К 365-летию со дня рождения), «Народное образование», 1957, № 9, стр. 75—83.

Швецов А. В. Жизнь и педагогическое творчество Яна Амоса Коменского. Хабаровск, «Народный учитель», 1940, № 3—4, стр. 21—39.

Шкарка А. (ЧССР). «Clamores Eliae» — вариант «Общего совета», «Советская педагогика», 1967, № 12, стр. 93—96.

Ян Амос Коменский. Изд. Чехословацкого комитета защиты мира. Прага, 1956, 32 стр. (на русск. яз.).

Ян Амос Коменский. Жизнь и педагогическая теория. Глава из учебного пособия для педагогических институтов «История педагогики» Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского и М. Ф. Шабаевой, авт. главы Е. Н. Медынский, 1955, на арм. языке, пер. А. Саргисяна. Ереван, изд-во Ереванского гос. заоч. пед. института, 1956, 30 стр.

Ян Амос Коменский (1592—1670). Краткая библиогр. справка. (Юбилей деятелей мировой культуры), «Клуб», 1957, № 5, стр. 18—19.

Ян Амос Коменский (1592—1670), «Средняя школа», 1936, № 3, стр. 67—68.

Я. А. Коменский. Бюллетень, № 1, 2, 3. Прага, Изд. Чехословацкой Академии наук, 1957.

Газетные статьи

Амонашвили Ш. О. О сознательности и активности в обучении. «Сахалхо ганатлеба», 1958, № 50 (на груз. яз.).

Брамбора Иозеф. Краткая советская библиография, «Сахалхо ганатлеба», 1961, 15 февраля (перевод с чешского «Acta Cominiana», 1961, № 2) (на груз. яз.).

Брамбора Иозеф. Большой грузинский сборник Коменского, «Сахалхо ганатлеба», 1961, 15 февраля (перевод с чешского «Acta Cominiana», 1961, № 2) (на груз. яз.).

Быков К., Богоявленский Н. и Голант Е. Выдающийся педагог-гуманист (Я. А. Коменский. 1592—1670), «Ленинградская правда», 1957, 19 апреля.

Великий педагог-гуманист, «Правда», 1957, 13 апреля.

Великий педагог-демократ. К 300-летию со времени опубликования работ чехословацкого педагога Яна Амоса Коменского, «Учительская газета», 1957, 13 апреля. Заседание Академии пед. наук, Сов. Комитета защиты мира, Мин. культуры СССР и ВОКС.

Гагуа В. и Мачарашвили К. Великие творения педагогической мысли. Тбилиси, «Молодой сталинец», 1957, 18 апреля.

Джибладзе Г. Слово на юбилейной сессии, посвященной Коменскому в г. Тбилиси, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10 декабря (на груз. яз.).

Избранные педагогические сочинения Коменского, т. II, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10 декабря (на груз. яз.).

Каджая В. Я. А. Коменский и Я. С. Гогебашвили, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10 декабря (на груз. яз.).

Константинов Н. Великий педагог-гуманист. К 300-летию со времени издания Собрания педагогических сочинений Яна Амоса Коменского, «Советская Россия», 1957, 13 апреля.

Красновский А. А., Гений чешского народа — Ян Амос Коменский, «Учительская газета», 1938, 9 октября.

Лордкипанидзе Д. О. В гостях у друзей, «Заря Востока», 1956, 4 ноября.

Лордкипанидзе Д. О. Великий чешский педагог (Я. А. Коменский). 1592—1670, «Заря Востока», 1957, 14 апреля.

Лордкипанидзе Д. О. Ян Амос Коменский и советская педагогика, «Учительская газета», 1957, 15 октября.

Лордкипанидзе Д. Великий славянский педагог Ян Амос Коменский, «Сахалхо ганатлеба», 1950, № 46 (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. Великий чешский педагог и просветитель, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10 декабря (на груз. яз.).

Лордкипанидзе Д. О. Юбилейная дата Коменского, «Учительская газета», 1970, 15 января.

Лукас Э. Великий чешский педагог и философ. (К 300-летию опубликования пед. трудов Я. А. Коменского), «Советская Эстония», 1957, 19 апреля.

Мекваб ишвили Н. Я. Ян Амос Коменский. По случаю 300-летия «Великой дидактики», «Сабчота Осети», 1957, 20 апреля (на груз. яз.).

Можейко А. Ян Амос Коменский (1592—1670), «Советская Белоруссия», 1957, 14 апреля.

Мурадханов М. А. Ян Амос Коменский, «Азербайджан мактеби», 1947, 9 февраля (на азерб. яз.).

Научная сессия, посвященная Я. А. Коменскому, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10/XII, № 50 (на груз. яз.).

Шагинян Мариэтта. Ян Амос Коменский. Чешский педагог и мыслитель. (1592—1670), «Литературная газета», 1957, 16 апреля.

Шевкин В. С. и Акломов М. За подлинную научность в историко-педагогическом исследовании (О великом чешском педагоге Я. А. Коменском), «Учительская газета», 1955, 27 июля.

Шимбирев П. Н. Ян Амос Коменский, «За коммунистическое просвещение», 1936, 20 октября.

Шульман Н. Ян Амос Коменский об уроке, «Учительская газета», 1939, 25 октября.

Ципро Мирослав. Слово на юбилейной сессии, посвященной Коменскому в г. Тбилиси, «Сахалхо ганатлеба», 1958, 10 декабря (на груз. яз.).

Эфендиев Т. Великий педагог-гуманист (Я. А. Коменский), «Бакинский рабочий», 1957, 14 апреля.

Юбилей великого чешского педагога. «Правда», 1970, 4 июля.

Ян Амос Коменский. Великий славянский педагог. С юбилейной сессии Академии педагогических наук РСФСР, «Учительская газета», 1957, 17 декабря.

Историко-педагогические труды

(Курсы, монографии, разные сборники)

Ганелин Ш. И. и Голант Е. Я. История педагогики. М., Учпедгиз, 1940. Амос Коменский, стр. 38—51.

Гогебашвили Якоб, Сочинения, т. I, стр. 282, 411; т. II, стр. 216, 237, 238, т. III, стр. 226, 366; т. IV, стр. 321 (на груз. яз.).

Гончаров Н. К. Основы педагогики. М., Учпедгиз, 1947. Ян Амос Коменский, стр. 51—62.

Даденков Н. Ф. История педагогики. Киев, 1947 (на укр. яз.). Глава о Коменском.

Данилов М. А. и Есипов Б. П. Дидактика. Под общей ред. Б. П. Есипова. М., Изд-во АПН РСФСР, 1957.

(Ян Амос Коменский). Разд. I. Предмет дидактики, стр. 5; Важнейшие этапы в развитии дидактики, стр. 10—13. Гл. IV. Принципы обучения. 5. Принципы наглядности, стр. 194, 195.

Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России. Вологда, 1922. Ян Амос Коменский (1592—1670), стр. 43—49.

Иоф В. С. Хрестоматия по педагогике XVI—XVIII вв. М.—Л., Госиздат, 1926. Я. А. Коменский, стр. 30—105.

История педагогики. Пособие для педагогических институтов. Под ред. Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, М. Ф. Шабаевой. М., Изд-во АПН РСФСР, 1955. Разд. III. Гл. 7. Педагогическая теория Яна Амоса Коменского, стр. 67—79.

История педагогики. Учебник для педвузов. Под ред. Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, М. Ф. Шабаевой. М., Изд-во АПН РСФСР, 1956. Гл. 4. Педагогическая теория Яна Амоса Коменского, стр. 32—48 (Е. Н. Медынский).

История педагогики. Учебное пособие для дошкольных пед. училищ под ред. М. Ф. Шабаевой. М., Учпедгиз, 1953, 368 стр. Разд. 3. Гл. IV. Педагогическая теория Яна Амоса Коменского (В. А. Ротенберг), стр. 44—56; изд. 2. М., Учпедгиз, 1955. Разд. 3. Гл. 4, стр. 39—50.

Константинов Н. А. и Смирнов В. З. История педагогики. Учебник для педагогических училищ. М., Учпедгиз, 1955. Гл. X. Педагогическая теория Яна Амоса Коменского, стр. 5—17.

Крупская Н. К. Народное образование и демократия. В кн.: Крупская Н. К. Педагогические сочинения, т. I. М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. Об Амосе Коменском стр. 343—397. Из под-

готовительных материалов к работе «Народное образование и демократия». Амос Коменский (1592—1670), стр. 477. То же. М.—Л., «Работник просвещения», 1930, стр. 123 и 140—141.

Медынский Е. Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества, т. I. М., «Работник просвещения», 1925. Амос Коменский. Гл. XV, п. 2, 3, 4, 5. Изд. 2, испр. и доп. М., 1929. Гл. XIV, п. 3, 4, 5.

Медынский Е. Н. История педагогики, ч. I. Всеобщая история педагогики. М., Учпедгиз, 1938. Педагогическая система Яна Амоса Коменского. Гл. VI; изд. 2, испр. и доп. М., 1941. Гл. VI.

Медынский Е. Н. История педагогики, М., Учпедгиз, 1947. Педагогическая система Яна Амоса Коменского. Разд. 2. Гл. VI, стр. 73—93.

Медынский Е. Н. История педагогики, ч. I (грузинский перевод, гл. VI). Педагогическая система Яна Амоса Коменского. Тбилиси, 1940, стр. 114—138 (на груз. яз.).

Научная сессия, посвященная 300-летию опубликования дидактических трудов Яна Амоса Коменского. Тезисы докладов на грузинском и русском языках. Сборник. Изд. Научно-исследовательского института педагогических наук, Тбилиси, 1958, 42 стр.

Содержание:

1. Лордкипанидзе Д. Мировоззрение Коменского и его общепедагогические и дидактические идеи, стр. 3—11.

2. Тавзишвили Г. Я. А. Коменский — основоположник педагогической науки, стр. 11—12.

3. Кикнадзе Г. Вопросы нравственного воспитания в педагогическом учении Я. А. Коменского, стр. 13—14.

4. Оболадзе Уш. Азбука в педагогическом учении Я. А. Коменского, стр. 15—17.

5. Каджая В. Я. А. Коменский и Я. С. Гогебашвили, стр. 18—19.

6. Сигуа Я. Я. А. Коменский в грузинской педагогической литературе, стр. 20—22.

Огородников И. Т. и Шимбирев П. Н. Педагогика. М., Учпедгиз, 1946; изд. 2. М., Учпедгиз, 1950. Ян Амос Коменский, стр. 32—34.

Пинкевич А. П. Краткий очерк истории педагогики, изд. 2. Харьков, «Пролетарий», 1930, стр. 105—110.

Рахманов И. В. Очерки по истории методики преподавания новых западноевропейских иностранных языков. М., Учпедгиз, 1947. Наглядно-инициативный метод Я. А. Коменского, стр. 47—53.

Рубинштейн М. М. История педагогических идей в ее основных чертах. М., 1916; изд. 2. Иркутск, 1922, разд. XIV. Идея природосообразной педагогики Коменского, стр. 158—175.

Свадковский И. Ф. Рабочая книга по истории педагогики. М.—Л., Гос. изд., 1927, стр. 39—64. Ян Амос Коменский (1592—1670). Вводный очерк. «Великая дидактика». Отрывки. (Гл. 4, 6, 8, 9, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 27, 29); изд. 2. М.—Л., 1930. Ч. II. 2. Вводный очерк и «Великая дидактика» (отрывки), стр. 34—59.

Свадковский И. Ф. Хрестоматия по истории педагогики, т. I, изд. 3, 1938. Гл. X. Педагогическая система Я. А. Коменского. «Великая дидактика», стр. 172—229.

Сихарулидзе Ш., Кипшидзе Д. История педагогики.

Педагогическая система Коменского. Изд. Кутаисского педагогического института им. А. Цулукидзе, 1937, стр. 36 (на груз. яз.).

Смирнов В. З. Хрестоматия по истории педагогики. Пособие для пед. училищ. М., Учпедгиз, 1957. Ян Амос Коменский. «Великая дидактика» (отдельные главы), стр. 1—73.

Тумим-Альмендингер И. А. История дошкольной педагогики. Конец средних веков — первая половина XIX в. Учебное пособие для дошкольных факультетов педвузов. М.—Л., Учпедгиз, 1940.

Гл. I. Педагогическая система Яна Амоса Коменского, стр. 5—46.

Фортунатов А. Теория трудовой школы в ее историческом развитии, гл. I. М., 1925. Амос Коменский, стр. 61—70.

Фрумов С. А. Педагогическая система Яна Коменского. В кн.: «Очерки по истории педагогики». Сб. статей. Под ред. проф. Н. А. Константинова. М., Изд-во АПН РСФСР, стр. 41—50.

Библиографии

Колоева И. А. Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960 гг. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 319. История Чехословакии — Ян Амос Коменский, 16 назв.

Колоева И. А. Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1961—1962. М., 1963 (Академия наук СССР, Фундаментальная библиотека общественных наук). Ян Амос Коменский. История науки, культуры и общественно-политической жизни Чехословакии, стр. 214—215.

Лордкипанидзе Д. О. и Зиневич Н. А. Ян Амос Коменский. Библиография, на грузинском и русском языках. Тбилиси, «Цодна», 1958, 48 стр.

То же в кн.: «Материалы научной сессии Акад. пед. наук РСФСР, посвященной 300-летию опубликования трудов Яна Амоса Коменского. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959, стр. 220—243.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О КОМЕНСКОМ НА ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

A l t Robert. Pokrokový charakter Komenského pedagogiky, Praha, 1955 (перевод с немецкого).

B a k o š L'udovit. J. A. Komenský—tvorca novovekej didaktiky, čas. "Jednotná škola", Bratislava, 1957, N 2.

B r a m b o r a Josef. Nové úkoly bádání o Komenském, "Slovesná věda", 1952, N 5.

B r a m b o r a Josef. K oslavám Komenského jubileí 1957—1958, čas. "Pedagogika", Praha, 1957, N 2.

B r a m b o r a Josef. O nový obraz Jana Amose Komenského, čas. "Komenský", 1962, N 7.

B r a m b o r a Josef. Od rozhledu po divadle světa k úsilí o jeho nápravu. Archiv pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského XXII, 1964, 5—59.

B r a m b o r a Josef. Od všemoudrosti k všenápravě. Archiv pro bádání o životě a díle J. A. Komenského XXIII, 1965, 3—45.

B r a m b o r a Josef. Zásluhy moravského učitelstva o rozvoje znalostí o Komenském a úcty k němu. Museum Jana Amose Komenského (v Uherském Brodě). Zpráva za první pololetí, 1965 (1966), 9—17.

B r a m b o r a Josef. První úvahy nad Komenského Obecnou poradou. Museum Jana Amose Komenského (v Uherském Brodě). Zpráva za první pololetí, 1966, s. 6—11.

B r a m b o r a Josef. Komenského literární práce v Nizozemí. Československý časopis historický XVII, 1969, 731—736.

C í s a ř o v á-K o l á ř o v á Anna. Dílo J. A. Komenského v Rusku a v SSSR, čas. "Pedagogika", Praha, 1953, N 7.

Č a p e k Emanuel. Jan Amos Komenský, stručný životopis, Praha, 1957.

Č a p e k Emanuel. Jana Amose Komenského výchovný odkaz, Praha, 1957.

Č a p e k J. B. Jest Komenský osobnost barokní? Naše doba, 1946, č. 4.

Č a p e k J. B. Komenský a směry jeho doby. Naše doba 1946, č. 5.

Č a p e k J. B. Komenského význam básnický a sociálně zákonodárný. Záření ducha a slova (1948), s. 110—128.

Č a p e k J. B. Komenský a Slovensko. Naše veda IV, 1957, 354—363. K otázkám kořenů, stavby a funkce "Labyrintu",

Čapek J. B. Komenského. Archiv pro bádání o životě a díle J. A. Komenského XXII, 1963, 255—271.

Čapková-Votrubová Dag. Komenského pojetí mateřského jazyka, jeho význam a užití, čas. "Český jazyk", 1956, N 3.

Čapková-Votrubová Dag. K základům organisace vyučovací hodiny podle Komenského, čas. "Pedagogika", Praha, 1957, N 2.

Čapková Dagmar. Komenského pojetí rozumové výchovy dětí do šesti let. Předškolní výchova, 1962, 21—32.

Čapková Dagmar. O předpokladech všestranného vývoje nejmenších dětí ve výchovné koncepci Komenského. Předškolní výchova XVII, 1963, č. 7.

Čapková Dagmar. Předškolní výchova v díle J. A. Komenského, jeho předchůdců a pokracovatelů, Praha, SPN, 1968.

Čapková D., Kyrášek J., Šámal J. J. A. Komenský život a dílo v dokumentech a v českém výtvarném umění, Praha, 1963.

Čapková D., Mišurcová V. Význam díla Komenského pro současný systém předškolní výchovy, čas. "Pedagogika", 1963, N 3.

Čečetka Juraj. Komenský vo vývine slovenskej pedagogiky, čas. "Jednotná škola", Bratislava, 1957, N 2.

Červenka Jaromír. Dveře jazyků odevřené z r. 1633. Praha, Pragopress 1968, s. I—II (Předmluva k VI. svazku Cimelia Bohemica).

Hendrich Josef. Jana Amosa Komenského snahy vševědné, všeosvětné a všenápravné, čas. "Pedagogické rozhledy", roč. 33, Praha, 1923.

Hendrich Josef. Příspěvky ke studiu Komenského, Sbornik filosofické fakulty university Komenského, roč 5, č. 49, Bratislava, 1927.

Hendrich Josef. Comeniana, Veštnik Královské české spoeč nosti nauk, Praha, 1951.

Chlup Otokar. Rozvoj pedagogických idejí v novém věku, stať o Komenském, Brno, 1929.

Chlup Otokar. Komenského boj proti didaktickému formalismu, čas. "Pedagogika", 1957, N 2.

Chlup Otokar. Nový obraz Komenského, čas. "Jednotná škola", 1958, N 4.

Informačni bulletin pro otázky jazykovědné, N 4. Номер посвящен Коменскому. В нем помещены статьи следующих авторов: Josef Brambora, Dagmar Čapková, Jaromír Červenka Jiří Kyrášek, Vlasta T Miškovská, Julie Nováková, Jan Potočka, Antonín Škarka. Praha, 1963.

"Jan Amos Komenský". Soubor statí o životě a díle učitele národů. Uspořádal Jiří Václav Klíma. 1-e изд., Praha, 1942; 2-e изд., Praha, 1947. Stati: Zdeněk Nejedlý, Otokar Chlup, Josef Hendrich, J. V. Klima, Jan B. Čapek aj.

Kairov Ivan A. Tvůrčí využití idejí Komenského současnou pedagogockou vědou, čas. "Pedagogika", Praha, 1958, N 1 (перевод с русского)

Kapras Jan. Nástin filosofie J. A. Komenského. Velké Meziříčí, 1894.

Jan Amos Komenský. Život. Dílo. Doba. 1657—1957. Zpracoval Bohumil Novák, předseda výstavní komise akademik Otokar Chlup, Praha, 1957.

Kopecký Jaromír, Patočka Jan, Kyrášek Jiří, Jan Amos Komenský, Nástin života a díla, Praha, 1957.

Krasnovskij A. A. Jan Amos Komenský, Praha, 1955; Bratislava, 1955 (перевод с русского).
Kurdybacha Lukáš. Působení Jana Amosa Komenského v Polsku, Praha, 1960 (перевод с польского).
Kvačala Jan. Prielomy vo viere Komenského a Mickiewicza, Petrohrad, 1907.
Kvačala Jan. Jan Amos Komenský, Praha, 1920.
Kyrášek Jiří. J. A. Komenský a školy na Ukrajině, Bílé Rusi a v Litvě, čas. "Pedagogika", 1953, N 4.
Kyrášek Jiří. Didaktická úloha synkrise u Komenského, čas. "Pedagogika", Praha, 1957, N 2.
Kyrášek Jiří. Synkritická metoda v díle J. A. Komenského, Praha, NČSAV, 1964.
Kyrášek Jiří. Vývoj pedagogické soustavy J. A. Komenského, Praha, NČSAV, 1967.
Kyrášek Jiří. Poznámky ke Komenského Pampaedii. Sborník filozofickej fakulty v Prešove, 1966, 49—61.
Lindner G. A. Život J. A. Komenského, Bibliotéka pedagogická, Praha, 1878.
Lordkipanidze David O. Jan Amos Komenský a sovětská pedagogika, čas. "Za socialistickú školu", Bratislava, 1957, N 11-12. (перевод с русского).
Molnár Amedeo. Českobratrská vychova před Komenským, Praha, 1956.
Mišková Vlasta T., Informatorium J. J. Redingera, čas. "Pedagogika", 1957, N 2.
Mišková Vlasta T. Rukopis Nejnovější metody jazyků, čas. "Cizí jazyky ve škole", 1959, N 1-5.
Muzeum J. A. Komenského v Uherském Brodě, Zprávy. Roč. 1957—1964. O dpov. redaktor Jan Pavelčík.
Novák Jan Václav, Hendrich Josef. Jan Amos Komenský, jeho život a spisy, Praha, 1932.
Novák Jan Václav. Život Komenského, Praha, 1892.
Palacký František. Život J. A. Komenského, čas. "Časopis českého museum", röc. 1829. sv. 3, röc. III.
Patočka Jan. Bacon Verulámský a Komenského Didaktika, čas. "Pedagogika", Praha, 1956, N 2.
Patočka Jan. Komenský a hlavní filosofické myšlenky XVII. Století, čas. "Vesmír", 1956, str. 346—350.
Patočka Jan. Náčrt Komenského díla ve světle nových objevů, čas. "Pedagogika", Praha, 1956, N 4.
Patočka Jan. Filosofické základy Komenského pedagogiky, čas. "Pedagogika", 1957, N 2.
Patočka Jan. Vyvoj pedagogického myšlení Komenského ve všenápravném období. Nationum conciliatarum provisoris memoriae (1960), 166–184.
Patočka Jan. Z osudů Komenského opus grande. "Křesťanská revue", 1962, theol. příloha 59—64.
Patočka Jan. Aristoteles, jeho předchůdci a dědicové, Praha, NČSAV, 1964 (zvl. oddíl B, K filosofii J. A. Komenského).
Petrikovich J. Bibliografický súpis diel J. A. Komenského, ktoré vyšli na území Slovenská, čas. "Jednotná škola", Bratislava, 1957, N 2.

Polanský František. Historie nejslavnější učebnice světa, čas. "Věda a život", Praha, 1960, N 3.
Polišenský Josef. Komenský a jeho doba, Praha, 1957.
Polišenský Josef. Jan Amos Komenský. Praha, 1963.
Polišenský Josef. Třicetiletá válka a český národ. Praha, "Naše vojsko", 1960. 2. vydání 1970.
Polišenský Josef. Nové poznatky o Komenského rodišti a rodě. "Listy filologické" 90 (1967), 404-410.
Popelová-Otáhalová Jiřina. Národní vědomí u J. A. Komenského, čas, "Pedagogika", 1957, N 2.
Popelová-Otáholova Jiřina. Jana Amose Komenského cesta k všenápravě, Praha, 1958.
Popelová-Otáhalová Jiřina. Narodní vědomí u J. A. Komenského. "Pedagogika" 1957, 178-202.
Růžička Vlado. Kőmenského rovesníci v Uhorsku a jeho vplyv na vtedajšie uhorské školstvo, čas. "Jednotná Škola", Bratislava, 1957, N 2.
Sovětští pedagogové o J. A. Komenském, Materiály vědeckého zasedání Akademie pedagogických věd RFSR, věnovaného třistému výročí vydání Sebraných didaktických spisů J. A. Komenského, přeložili Jiří Kyrášek a Vlastimil Pařízek, Praha, 1963. (перевод с русского).
Stránský R. Komenský ve své době a budoucnosti. Praha, 1948.
Strnad Emanuel. K. počatkům našich pokrokových tradic v pedagogice, čas. "Pedagogika", Praha, 1957, N 2.
Škarka Antonín, Skalský J. Jan Amos Komenský v Bílé Třemešné 1963.
Škarka Antonín. Komenského rozprava "O poezi české" z leningradského sborníku. Slezský sborník 53, 1955, 479-527.
Škarka Antonín. J. A. Komenský v souvislostech české národní literatury. Česká literatura VI, 1958, 302-316.
Škarka Antonín. Posvětšťování náboženské literatury u Komenského, zvláště v "Labyrintu". Studie o starší české, slovenské a polské literatuře (1963), 176-189.
Škarka Antonín. Nové poznatky o Komenského rodišti, rodě i díle. Listy filologické 90, 1967, 297-315.
Tichý Fr. R. Jan Amos Komenský v obrazech, II. vyd. Praha, 1958.
Váň a Josef. Výchova a vzdělání v českých zemich před. J. A. Komenským, čas. "Pedagogika", Praha, 1958, N 5.
Vajcik Peter. J. A. Komenský, pokrokový pedagog a bojovnik za světový mier, čas. "Jednotná škola", Bratislava, 1957, N 2.
Zoubek František. Život Jana Amose Komenského, Praha, 1871.
Zoubek František. Život Jana Amosa Komenského, Praha, 1892.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Я. А. КОМЕНСКОГО

"Archiv pro badaní o životě a díle J. A. Komenského", редактор-издатель Ян Квачала, 1910—1940 гг. 15 сборников. Публикация этих сборников возобновлена в 1957 г. под названием "Acta Comeniana" Чехословацкой Академией наук. Главным редактором "Acta Co-

meniana" до своей кончины был академик Отокар Хлуп (до 1965 г.). С 1969 г. это издание стало международным. Главный редактор — проф. И. Полишенский.

ОСНОВНЫЕ БИБЛИОГРАФИИ

Bohatcová Mirjam. Jan Amos Komenský. Soupis rukopisů, Praha, 1957.

Brambora Josef. Knižní dílo J. A. Komenského, Praha, 1954; 2-е изд., 1957.

Brambora Josef. Světové oslavy jubileí J. A. Komenského v letech 1956—1958, Praha, 1961.

Soupis děl J. A. Komenského, redaktorka Ema Urbánková, Praha 1959.

Zíbrt Čeněk. Bibliografie české historie, том V, Praha, 1912, стр. 325-930.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адам Д. — 37
Аделунг — 339
Адольф А. — 358
Александр Македонский — 291
Альстед И. — 46, 47, 48, 113, 114, 205
Альт Р. — 79, 82, 177, 350, 352, 353, 355, 383
Амерлинг К. — 339
Амонашвили Ш. — 377
Анаксарх — 87
Ананьев Б. Г. — 85, 235, 236, 371
Анахарсис — 87
Андреэ И. — 50, 51, 54, 213
Антонин — 135
Арбек Г. — 356
Аристотель — 46, 47, 85, 87, 88, 98, 99, 100, 147, 153, 154, 159, 176, 183, 213, 234, 248, 249, 291, 305
Арнольд — 76
Архимед — 87, 108
Атанасов Ж. — 79, 356

Бакош И. — 355
Бакош Л. — 79, 344, 346, 383
Бальбин Б. — 38, 338
Барт — 148
Бахтин Н. — 361
Бейль П. — 76, 339
Бель М. — 338
Беме Я. — 79
Бернал Д. — 351
Биом — 87
Благослав Я. — 36, 38
Блекстад М. — 354
Блонский П. П. — 40, 79, 82, 84, 113, 172, 363
Богатцова М. — 348
Богданов — 358
Богоявленский Н. — 368
Бодин Э. — 54, 213, 215
Бокаччо Д. — 18
Брамбора И. — 8, 43, 79, 81, 114, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 351, 352, 354, 379, 383
Броневский И. — 77
Бруно Д. — 19
Будеус — 72
Бунаков Н. — 361
Быков К. — 368
Бэкон Ф. — 19, 20, 21, 22, 78, 86, 88, 98, 99, 100, 101, 106, 108, 113, 114, 149, 154, 173, 213, 233, 248, 258, 281, 366, 367, 382

Вани И. — 8, 78, 81, 344, 346, 347, 379
Васильков Н. А. — 361
Вейсман А. Д. — 113, 171, 361, 362
Верзилин Н. М. — 367
Виат — 87
Вивес Х. Л. — 41, 51, 113, 154, 242, 290
Винтер Э. — 351
Витман Т. — 352
Вознесенский П. И. — 362
Воскресенская М. Н. — 359, 361

Гавранек Б. — 351
Гагуа В. — 377
Гален — 87
Галилей Г. — 19, 88
Ганелин Ш. И. — 368
Гарвин П. Л. — 351
Гартлиб С. — 60, 61, 62, 63, 64, 65, 356
Гвинчидзе Ш. — 376
Гегель Г. В. — 20, 113
Геер, Людвиг — 62, 63, 68, 71
Геер, Лаврентий — 68

Гезиод — 87
Гейбергерова А. — 343
Гейслер Г. — 79, 356
Геллинг Ф. — 351
Гельвиг — 213
Гендрих И. — 40, 77, 100, 341, 343, 345, 376, 379
Гераклит — 87, 153
Герансом Г. — 351
Гербарт И. Ф. — 148, 149, 222, 227
Гереб Г. — 350, 355
Гете И. В. — 78
Гиппократ — 153
Глаумий — 213
Гогебашвили Я. — 176, 227, 233, 253, 283, 372, 373, 374, 375
Гогоцкий Г. — 372
Голант Е. И. — 367, 368
Гольцев В. — 360, 361, 362
Гомер — 87
Гончаров Н. К. — 79, 83, 352, 353, 367, 383
Гораций — 249, 330
Гофман Ф. — 353, 356
Грабак Г. — 347, 350
Граздер Л. — 42
Григорович В. И. — 359
Гус Я. — 15, 26, 27, 28, 29, 34, 35, 88, 91, 118, 145, 228
Гучас — 368
Гюбнер И. — 58
Гюго В. — 78, 234

Давид — 137
Даденков Н. Ф. — 367, 368
Дам-Ринем — 351
Данте А. — 148
Декарт Р. — 20, 60, 62, 78, 88, 101, 149, 361
Демков М. И. — 148, 362
Демокрит — 87, 88, 153, 234
Дзеверин А. Г. — 367
Диоген — 87, 324
Дистервег А. — 176, 233, 253, 269, 373, 375
Диттес Ф. — 172
Дрейзин Ю. Н. — 365

Евстафьев П. В. — 360
Ельницкий К. Я. — 362
Ермилов В. — 361

Желивский Я. — 29, 31
Жеротинский К. — 46, 49, 51, 52, 53
Жижка Я. — 29, 31, 35
Жильцов М. — 367
Житавский П. — 26

Запотоцкий А. — 352
Зенон — 87
Зильберштейны — 54
Золотарев С. — 362
Зоубек Ф. — 40, 77, 340, 341, 343
Зиневич Н. А. — 371, 378

Ивановский В. Н. — 365
Иероним Пражский — 29, 35
Иоселиани — 283
Ипполит — 168

Каджая В. — 368, 377
Каиров И. А. — 79, 84, 149, 350, 352, 353, 367, 370, 381, 383
Кало Д. — 350, 352, 356
Кампанелла Т. — 18, 29, 50, 51, 88, 98, 101, 113, 117, 148, 160, 213
Каптерев П. — 82, 148, 149, 172, 359, 362
Кардеро Амадор — 350
Кардош Т. — 352
Карл I — 25
Карл Великий — 137
Карл-Густав — 68
Карцев Н. С. — 362
Квачадзе И. — 376
Квачала Я. — 40, 43, 46, 77, 79, 99, 341, 342, 343
Квет Ф. Б. — 340
Квинтилиан — 47, 88, 147, 159, 183, 213, 244, 263
Кеплер И. — 19
Кикнадзе Г. — 378
Кипшидзе И. — 377
Кирашек И. — 8, 72, 79, 80, 81, 114, 340, 344, 345, 346, 347, 348, 354, 379, 383
Кирилл (Константин) — 24
Клабоух — 352
Клеобул — 87
Клима И. В. — 343, 344
Климент Александрийский — 153
Клучка М. — 345

Козьма Пражский — 26
Коллар Я. — 338, 339
Коменская Е. — 73
Коменская М. — 44
Коменская М. Д. — 53, 54, 56
Коменский Д. — 7, 73
Коменский М. — 42, 43, 44
Коменский Хр. — 56
Комори И. — 355
Константинов Н. А. — 7, 367, 368, 369
Конт О. — 113
Конфуций — 159, 257
Коперник Н. — 19, 88, 98, 366
Копецкий Я. — 345, 347
Коранда В. — 31
Корнейчик Т. Д. — 371
Корнель В. — 37
Корольков Д. Н. — 365
Коточ Я. — 79
Коттер Х. — 54
Кочубинский Я. — 361
Красновский А. А. — 40, 67, 79, 84, 99, 114, 149, 358, 364, 365, 368, 369, 383
Кратес — 317
Крупская Н. К. — 6, 82, 98, 364, 380
Крылов И. А. — 212
Ксенофонт — 87
Кубалек И. — 351
Кузанский Н. — 77, 88, 98, 99, 100, 101. 104
Курдыбаха Л. — 79, 350, 352, 353, 355, 383
Кутнар Ф. — 352
Кучера Я. — 40, 42
Куял Б. — 344

Лавров С. В. — 362
Ланецкий — 49
Ласицкий — 65
Лауренберг П. — 60
Лафонтен — 212
Леве Е. А. — 361, 362
Лейбниц Г. В. — 6, 78, 101, 234, 340
Ленин В. И. — 364
Леонардо да Винчи — 18
Лехоцкий Д. — 338
Лещинский Р. — 100
Лимити Д. — 353, 356
Лордкипанидзе Д. О. — 7, 79, 80, 84, 149, 350, 352, 353, 368, 369, 371, 376, 377, 378
Лубин — 212
Лукаш Пражский — 35
Любомудров С. — 358
Лютер М. — 16, 17, 161

Маккаи Л. — 351
Малирж Ф. — 354
Маресий — 76
Марков Н. — 360
Маркс К. — 10, 382, 384
Матиаш Р. — 37
Мачарашвили К. — 377
Машинова Л. — 351
Медынский Е. Н. — 7, 79, 82, 149, 365, 366, 369, 377, 383
Меквабишвили Н. — 377
Меланхтон Ф. — 161, 281
Мефодий — 24
Мижуев Н. Г. — 148, 361, 362
Микулаш Гусель — 31
Микулаш Дачицкий — 37
Микулаш из Литомышле — 27
Минчинас О. — 368
Миропольский С. И. — 171, 358, 359, 362
Мишковска-Козакова В. — 344, 346, 347, 351
Модзалевский Л. М. — 148, 359, 360, 362
Можейко А. — 368
Мольнар А. — 347, 350, 353
Монро П. — 148
Монтень М. — 147, 281, 309
Мор Т. — 13, 18, 29, 51, 147, 148, 160, 228
Мукажовский Я. — 349
Мурадханова М. — 368
Мюнцер Т. — 16, 17

Неедлы З. — 6, 23, 78, 80, 346, 352, 381
Нигрин В. — 72
Нижарадзе И. — 376
Новак Б. — 354
Новак Я. В. — 40, 47, 77, 341, 343, 379
Новакова Ю. — 354
Новалов М. — 44
Новалова З. — 44

Оболадзе У. — 368, 377, 378
Образцов А. Г. — 362

Оксенштирна — 63, 64, 77
Орбелиани — 212
Осада А. — 356
Остергус А. — 352

Павельчик Я. — 348
Палацкий Ф. — 39, 42, 78, 339, 358
Парадзе И. — 375
Паржизек В. — 353
Парменид — 88
Паточка Я. — 79, 81, 100, 114, 344, 345, 346, 347, 351, 353, 379, 383
Паульсон И. И. — 359
Пельцль Ф. М. — 338
Периандр — 87
Песталоцци — 176, 233, 251, 373, 375
Пешина Т. — 51
Пинкевич А. — 369
Пирогов Н. И. — 357
Пискатор — 46
Пискунов А. И. —40, 79, 84, 354, 367, 371, 383
Питтак — 87
Пифагор — 86, 87, 88
Плавт — 249
Платон — 47, 79, 86, 87, 88, 98, 141, 147, 153, 157, 159, 183, 213
Плутарх — 156, 157, 317
Полишенский И. — 351
Попелова-Отогалова — 75, 78, 79, 80, 81, 98, 103, 112, 114, 344, 346, 347, 351, 354, 379, 383
Попеску Б. — 350
Поуп Д. — 354
Прангишвили А. — 85, 378
Протагор — 21
Пуркине Я. — 55, 57, 339
Пятковский А. — 76

Рабле Ф. — 18, 147
Ракочи С. — 65
Ратихий — 213
Ратке Р. В. — 48, 213, 214, 215, 263, 281
Раумер К. — 78, 100, 148, 357
Раушенбах В. — 368
Рахманов И. В. — 369
Рений — 213
Ржига Ф. В. — 358, 359, 360
Ржичан И. — 350, 354
Ребер И. — 47
Рейн — 148
Рейсек М. — 37
Риттер — 213
Ришелье — 62
Рубинштейн М. М. — 148, 362, 363, 368
Руссо Жан-Жак — 53, 176, 233
Руставели Ш. — 148

Садовский И. — 54
Саришвили Т. — 377
Свадковский И. Ф. — 369, 371
Селиханович А. — 362, 368
Семенов Д. — 361
Сенека — 47, 86, 87, 88, 213, 288, 291, 324, 385
Сигуа С. — 368, 377, 378
Синицкий Л. Д. — 368
Синхрова Г. С. — 353
Сихарулидзе Ш. — 377
Скаличка В. — 347, 351, 354
Скита — 63
Слизинский — 350
Словинский А. И. — 375
Смил Ф. — 26
Смирнов В. З. — 368, 369, 371
Сократ — 88, 153, 157
Соломон — 94, 135
Солон — 87
Соучек С. — 55, 61, 343
Спартак — 160
Спиноза Б. — 20, 94
Стадий Я. — 54
Степанов Н. П. — 358
Стоян С. — 351, 356
Стрезо — 86
Стрижова А. — 8
Стрнад Э. — 350
Струминский В. Д. — 368
Сулхан-Саба О. — 212
Суходольский Б. — 350, 355
Сыхра А. — 351

Тавзишвили Г. — 377, 378
Тайх М. — 353
Тантал — 111
Татунашвили — 375
Теренций — 329
Терновский Н. С. — 365
Тешедик С. — 338
Тимон — 87
Товачевский Ц. — 37

Толнай Я. — 65
Томек В. В. — 339
Тумим-Альмединген Н. А. —368
Тупиков Н. М. — 362
Турнбул Д. — 352, 356
Тхам К. — 338

Узнадзе Д. Н. — 235, 236
Уинтроп Д. — 63
Уйклиф Д. — 15
Урбанкова Э. — 348
Ушинский К. Д. — 67, 176, 227, 233, 234, 253, 269, 357, 359, 373, 374, 375

Фабий — 324
Фалес — 87
Фемистокл — 321
Фердинанд II. — 37
Фесенко И. И. — 362
Флоринский Г. — 360
Форстер Л. — 351
Фролова О. А. — 368
Фрумов С. А. — 79, 84, 368, 371

Хвостов В. М. — 7
Хельчицкий П. — 34, 35, 228
Хлуп Отокар — 6, 8, 78, 80, 81, 342, 344, 346, 347, 349, 350, 352, 353, 379, 380, 381, 383
Холодняк М. — 361
Христман — 49

Цеппер — 205
Цецилий — 213
Циглер Т. — 148, 171
Циллер — 148
Ципро М. — 8, 344, 354, 383
Цириль Я. — 53, 54, 57
Цицерон — 47, 135, 147, 160, 213, 232

Чавчавадзе И. — 372, 373
Чакаров. Н. — 79, 350, 356, 383
Чапек Я. Б. — 353
Чапкова-Вотрубова Д. — 345, 346, 348, 353, 379
Чаплович Я. — 350
Чеботарев К. А. — 357
Червенка Я. — 114, 344, 346, 348, 353

Чернобаев С. — 343
Чижевский Д. — 79, 356
Чкуасели И. — 377
Чувашев И. В. — 368
Чума Я. — 379

Шабаева М. Ф. — 369, 371
Шаваршян А. — 368
Шагинян М. — 368
Шаден — 357
Шаллер К. — 79, 353, 356
Шамал И. — 348
Шафаржик П. — 339
Швецов А. В. — 368
Шевкин В. — 368
Шестаков П. Д. — 359
Шильферт Г. — 351
Шимбирев П. — 368
Шкарка А. — 43, 55, 345, 347, 354, 379
Шляпкин И. Я. — 358, 361
Шмага И. — 340, 341, 343
Шмидт К. — 148, 172
Шмилауер В. — 347
Штедронь Б. — 351
Штекна Я. — 27
Штепан из Колина — 27
Штраус — 351
Шульман Н. — 368

Щепинский А. — 358

Эвклид — 86, 108
Эзоп — 212
Энгельс Ф. — 11, 12, 13, 14, 16, 18, 31, 384
Эпиктет — 86, 87
Эпикур — 87, 88
Эпименид — 87
Эразм Роттердамский — 18, 86, 147
Эфендиев — 368

Юркевич И. Д. — 359

Якобсон Я. — 350
Ян из Стршеды — 26
Яновский Б. — 367
Ярлох — 26
Ярош Ф. — 361
Ястребов Н. В. — 362

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава первая. **ЭПОХА КОМЕНСКОГО И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ** 9

Европа во времена Коменского . . . . . —
Чехия в эпоху Коменского 22
Жизненный путь Коменского 39

Глава вторая. **МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОМЕНСКОГО** 74

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОМЕНСКОГО 76

Коменский как философ и мыслитель . . . . . —
Отношение Коменского к философскому наследию . 85
Общая характеристика философской концепции Коменского 89
Гносеологические воззрения Коменского 97
Пансофическая направленность философии Коменского 112

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОМЕНСКОГО 117

Социально-экономические взгляды Коменского . . . 118
Политическая концепция Коменского 123
План всеобщего преобразования общества 130
Коменский — патриот и борец за всеобщий мир . . 143

Глава третья. **ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ КОМЕНСКОГО** 146

КОМЕНСКИЙ — ОСНОВОПОЛОЖНИК ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ . . . . . —

РЕБЕНОК КАК ПРЕДМЕТ ВОСПИТАНИЯ . . . 152

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ 158

ИДЕЯ ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ 170

ИДЕЯ НАРОДНОСТИ 176

Глава четвертая. **УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО О ШКОЛЕ** 180

НАЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЫ, ЕЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ . . 181
КРИТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЫ 185

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ 189
МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА 192
ШКОЛА РОДНОГО ЯЗЫКА, ИЛИ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ШКОЛА 204
ЛАТИНСКАЯ ШКОЛА, ИЛИ ГИМНАЗИЯ . . . 207
АКАДЕМИЯ И ПУТЕШЕСТВИЯ 209

Глава пятая. **ДИДАКТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО** 212

УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО ОБ ОБЩИХ ОСНОВАХ ОБУЧЕНИЯ 214

Сущность и задачи дидактики 215
Процесс обучения и его гносеологические основы . . 217
Общепедагогические основы обучения 226
Психологические основы обучения 234

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ 244

Сознательность и активность . . . . . —
Наглядность 248
Последовательность и систематичность 253
Упражнения и прочное усвоение знаний 257

КЛАССНО-УРОЧНАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ . . 262
Методы обучения 269
Метод и его значение 271
Методические принципы, правила и приемы обучения . 274
Учебная книга и работа над ней 279
О методике преподавания языка 280
О проверке знаний учащихся 283

Глава шестая. **ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ КОМЕНСКОГО** 287

ОБЩИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ 288
ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ . . 293
О МЕТОДАХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ 299
О ДИСЦИПЛИНЕ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ 305
О РОЛИ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ 316

Глава седьмая. **УЧЕНИЕ КОМЕНСКОГО ОБ УЧИТЕЛЕ** 322

Глава восьмая. **НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМЕНИОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ** 336

КОМЕНИОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ 337
КОМЕНИОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В СССР . . . 357
Комениологическая работа в Грузии 372

Приложение 379
ЗНАЧЕНИЕ «ОБЩЕГО СОВЕТА ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ» Я. А. КОМЕНСКОГО ДЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ 379
Библиография 393
Указатель имен 433

Давид Онисимович Лордкипанидзе

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

Редактор *Е. И. Коренева*
Художник *Л. Е. Горячкин*
Художественный редактор *Е. Б. Шапалина*
Технический редактор *А. А. Шлихт*
Корректоры *И. Н. Цекова, В. Н. Рейбекель*

Сдано в набор 11/VI 1970 г. Подписано к печати 7/VIII 1970 г. 84×108¹/₃₂
Типогр. бум. № 1. Печ. л. 13,75 (23,10). Уч.-изд. л. 24,59. Тираж 12 тыс. экз.
(БЗ № 19—1970 г. № 5) А 08647.
Заказ 621.
Цена без переплета 1 р. 47 к., переплет 18 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Г-117, ул. Погодинская, 8.

Типография № 1 Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16.